STEPHANOS

СТЕΦΑΝΟΣ

2018

#2 (28) || March

№2 (28) || март

ISSN 2309-9917

DOI 10.24249/2309-9917-2018-28-2-1-342

Stephanos

Сетевое издание

Рецензируемый мультиязычный научный журнал

Электронный проект

филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Главный редактор:

докт. филол. наук профессор М.Л. Ремнёва

Редакционная коллегия:

докт. филол. наук профессор Е.Л. Бархударова

докт. филол. наук старший научный сотрудник А.В. Злочевская

доктор искусствоведения доцент РАНХиГС Д. Красовец

ассистент кафедры русистики и лингводидактики PhD Карлов университет в Праге Якуб Конечны

докт. культурологии, профессор М.М. Лоевская

канд. филол. наук доцент Д.С. Мухортов

докт. филол. наук старший научный сотрудник В.В. Сорокина

докт. филол. наук профессор А.Г. Шешкен

канд. филол. наук доцент А.В. Уржа

канд. филол. наук научный сотрудник Е.А. Певак (отв. секретарь)

Технический редактор:

канд. филол. наук Е.В. Раздобурдина

Программное обеспечение и техническая поддержка проекта:

старший научный сотрудник А.М. Егоров

Редакционный совет:

Александра Вранеш, докт. филологии, проф., *Белградский университет (Сербия)*

Екатерина Федоровна Журавлева, проф., председатель Всегреческой ассоциации преподавателей русского языка и литературы, *Западно-Македонский университет Греции (Греция)*

Мария Леонидовна Каленчук, доктор филологических наук, проф., зав. отделом фонетики, зам. директора по научной работе, *Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН (Россия)*

Максим Каранфиловский, докт. филологии, проф. Почетный проф. МГУ имени М.В. Ломоносова, *Университет им. Свв. Кирилла и Мефодия в Скопье (Македония)*

Леонид Петрович Крысин, докт. филол. наук, проф., зав. отделом современного русского языка, *Институт русского языка им. В.В. Виноградова, РАН (Россия)*

Весна Мойсова-Чепишевская, докт. филологии, проф., зав. кафедрой македонской и южнославянских литератур филологического факультета им. Блаже Конеского, *Университет им. Свв. Кирилла и Мефодия в Скопье (Македония)*

Джей Паджет, докт. филол. наук, проф., *Университет Калифорнии Санта Круз (США)*

Иво Поспишил, докт. филол. наук, проф., зав. Институтом славистики, *Университет им. Т.Г. Масарика, Брно (Чехия)*

Елена Стерьёпулу, проф., *Национальный Афинский Университет им. Каподистрии (Греция)*

Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС 77–53145 от 14.03.2013

© 2013–2018. Филологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова

© 2013–2018 Stephanos

Stephanos
Network Edition
Peer reviewed multilingual Scientific Journal
Electronic Project
of Lomonosov Moscow State University Philological Faculty

Editor-in-chief:
Doctor of Philology Professor M.L. Remneva

Editorial Board:
Doctor of Philology Professor E.L. Barkhudarova
Doctor of Philology Senior Researcher A.V. Zlochevskaya
Doctor of History of Arts Docent D. Krasovec
Lector of Russian & Language Teaching Methodology PhD Charles University in Prague Jakub Konecny
Doctor of Culturology Professor M.M. Loyevskaya
Candidate of Philological Sciences Docent D.S. Mukhortov
Doctor of Philology Senior Researcher V.V. Sorokina
Doctor of Philology Professor A.G. Sheshken
Candidate of Philological Sciences Docent A.V. Urzha
Candidate of Philological Sciences Research Associate E.A. Pevak (Executive Secretary)

Technical Editor:
Candidate of Philological Sciences E.V. Razdoburdina

Software and Technical Support for the Project:
Senior Researcher A.M. Yegorov

Advisory Council:
Maria Kalenchuk PhD, Prof., Head of the Department of Phonetics, Deputy of the Director for Science,
V.V. Vinogradov Russian Language Institute, RAS (Russia)
Maxim Karanfilovsky PhD, Prof. *University Sts. Cyril and Methodius University in Skopje,*
Honorary Prof. of Lomonosov Moscow State University (Macedonia)
Leonid Krysin PhD, Prof., Head of the Department of the Contemporary Russian Language
V.V. Vinogradov Russian Language Institute, RAS (Russia)
Vesna Mojsova-Chepishevska PhD, Prof., Head of the Chair of the Macedonian and South Slavic
Literatures Philological Faculty «Blaj Koneski» *University Sts. Cyril and Methodius in Skopje*
(Macedonia)
Jaye Padgett PhD, Prof., Linguistics Stevenson Faculty Services *University of California Santa Cruz*
(USA)
Ivo Pospíšil, PhD, Prof., Head of the Institute of Slavic Studies, *University of TG Masaryk, Brno*
(Czech Republic)
Helen Stergiopoulou PhD, Prof. *School of Philosophy. Faculty of Slavic Studies National and*
Capodistrian University of Athens (Greece)
Alexandra Vranesh PhD, Prof., *University of Belgrade (Serbia)*
Ekaterina Zhuravleva PhD, Prof., Chairman of the Panhellenic Association of Teachers of Russian
Language and Literature *University of Western Macedonia Greece (Greece)*

Содержание

Статьи

<i>Липгарт А.А. (Москва, Россия)</i> Исторический контекст жизни и творчества Уильяма Шекспира (часть вторая). Правление королевы Елизаветы I	9
<i>Ахапкина Я.Э., Николенкова Н.В. (Москва, Россия)</i> Когда и орфографическое правило может быть бессильно (о постановке дефиса при приложении)	31
<i>Ничипоров И.Б. (Москва, Россия)</i> Религиозные интуиции в лирике Игоря Чиннова	44
<i>Загряжская Т.Ю. (Москва, Россия)</i> Феномен преподавательской речи об обучении французскому языку в контексте проблемы идентичности	51
<i>Тыртова Г.П. (Москва, Россия)</i> Некоторые аспекты перевода пьесы А.П. Чехова «Дядя Ваня» на хорватский язык	61
<i>Трајковски Александар. (Скопје, Македонија)</i> Застапеноста на руската опера на македонската оперска сцена.....	75

Фундаментальные исследования

<i>Белова Т.Н. (Москва, Россия)</i> Вклад представителей русской эмиграции первой и второй волны в изучение, восприятие и оценку русской литературы в англоязычных странах Запада (1910–1960-е гг.).....	85
<i>Липгарт А.А. (Москва, Россия)</i> К проблеме интерпретации фактов жизни и творчества Уильяма Шекспира: поэма «Феникс и Голубь» и покупка недвижимости в Лондоне	110

Материалы и сообщения

<i>Рина Павловна Усикова</i> – основатель российской македонистики	131
<i>Платонова И.В. (Москва, Россия)</i> Рина Павловна Усикова как организатор и первый заведующий межфакультетской кафедрой славянских языков Московского университета	134
<i>Црвенковска Емилија (Скопје, Македонија)</i> Рина Павловна Усикова – Учитель и Пријател.....	141
<i>Библиография научных трудов доктора филологических наук Рины Павловны Усиковой</i>	144
<i>Боронникова Н.В. (Пермь, Россия)</i> «Что к сердцу ближе?», или Об антропоцентризме в македонском дейксисе.....	153
<i>Степаненко Е.В. (Москва, Россия)</i> Культурологический потенциал цитат из македонского фольклора и их передача на русский язык	161
<i>Талески Александар (Пермь, Россия)</i> Социальный дейксис личных местоимений в македонском языке	168
<i>Чернец Л.В. (Москва, Россия)</i> О критериях и формах оценки таланта (из истории литературоведения)	179
<i>Белая Е.И. (Барановичи, Беларусь)</i> Профессия персонажа в белорусской прозе первой трети XX века: социальная значимость и эстетико-философская ценность	192
<i>Мотейунайте И.В. (Псков, Россия)</i> Репрезентация системы ценностей в рассказе В.П. Астафьева «Людочка»: повествование, сюжет, композиция.....	200
<i>Соловьева Е.Е. (Череповец, Россия)</i> Аксиология и перевод (на материале переводов С.Я. Маршака из Р. Бёрнса)	210
<i>Шевлякова Д.А. (Москва, Россия)</i> Образ Италии в авторской песне	218
<i>Цыбова И.А. (Москва, Россия)</i> Концепт «любовь / amour» в языковом сознании русских и французов	225

<i>Куртов В.В. (Москва, Россия)</i> Энциклопедия «Сокровище»	
Брунетто Латини и «Этика» Аристотеля.....	233
<i>Клюева Т.В. (Москва, Россия)</i> Люксембургская кулинарная лексика: страноведческий и языковой аспекты	240
<i>Боброва А.В. (Москва, Россия)</i> Суффиксы – иноязычный, освоенный, заимствованный (на примере истории группы слов на -инг , заимствованных из английского языка)	248
<i>Сергеева А.Б. (Москва, Россия)</i> Неология и дискурс (на материале французского языка).....	256
<i>Перхин В.В. (Санкт-Петербург, Россия)</i> Л.И. Толстая о мемориальном музее писателя (по архивным материалам)	263
<i>Алыпova С.А. (Москва, Россия)</i> Особенности детского испано-русского двуязычия	272
<i>Штонда Ю.А. (Воронеж, Россия)</i> Иноязычные вкрапления в письмах Дитриха Бонхёффера другу из Тегельской тюрьмы	277

Программы

<i>Волошина О.А. (Москва, Россия)</i> Программа учебной дисциплины «Языковая картина мира в лексике и грамматике»	286
--	-----

События. Имена. Судьбы

<i>Михайлова М.В. (Москва, Россия)</i> Рядовой участник великих событий (по материалам семейного архива).....	299
--	-----

Библиографии

<i>Злочевская А.В. (Москва, Россия)</i> Аннотированная библиография работ чешских и словацких русистов. Дополнение: 2000–2015 гг.	309
---	-----

Научная жизнь

<i>Стерье́пулу Е., Борисова Т. (Афины, Греция)</i> Международная научная конференция «Русская литература и ее взаимосвязь с другими национальными литературами Европы»	312
--	-----

Заметки. Впечатления

<i>Головина Е.И. (Москва, Россия)</i> «Противостоящий берег», или Трудности перевода: Параллельная программа 7-й Московской биеннале современного искусства.....	316
--	-----

Критика. Библиография

<i>Злочевская А.В. (Москва, Россия)</i> Новое уникальное издание о М.А. Булгакове... 328	
<i>Воропаев В.А. (Москва, Россия)</i> Православный Гоголь в Сербии	332
<i>Уланова С.Б., Богородицкая В.А., Щербинина Ю.И. (Москва, Россия)</i>	
Мухортов Д.С. Idioms Time! Пособие по идиоматике английского языка.....	334

In Memoriam

<i>Жук С. (Москва, Россия)</i>	
Татьяна Протогеновна Попова (20.01.1924–12.03.2018)	339

Content

Articles

<i>Lipgart Andrey (Moscow, Russia)</i> Concerning the Historical Context of William Shakespeare's Life and Works (Part Two). The Reign of Queen Elizabeth I.....	9
<i>Akhapkina Ya.E., Nikolenkova N.V. (Moscow, Russia)</i> The Hyphenation of Attributive Nouns: When the Spelling Rule is Powerless	31
<i>Nichiporov I.B. (Moscow, Russia)</i> Religious Intuition in Igor Chinnov's Poetry	44
<i>Zagryazkina T.Yu. (Moscow, Russia)</i> The Phenomenon of French Teachers' Discourse within the Context of Identity Problems.....	51
<i>Tyrtova G. (Moscow, Russia)</i> Some Aspects of Translating Chekhov's Uncle Vanja into Croatian	61
<i>Trajkovski Aleksandar (Skopje, Macedonia)</i> Russian Opera on the Macedonian Stage	75

Fundamental Research

<i>Belova T.N. (Moscow, Russia)</i> On Valuable Contribution of Russian Emigré to the Reception, Evaluation and Study of Russian Literature in the Great Britain and the USA (1910–1960).....	85
<i>Lipgart Andrey (Moscow, Russia)</i> On Interpreting Some Facts of William Shakespeare's Life and Works: "The Phoenix and the Turtle" and the Purchase of Real Estate in London.....	110

Communications and Materials

<i>Sheshken A.G. (Moscow, Russia)</i> Rina Pavlovna Usikova – the Founder of Macedonian Studies in Russia.....	131
<i>Platonova I.V. (Moscow, Russia)</i> Rina Pavlovna Usikova as the Organizer and the First Head of the Inter-Departmental Chair of the Slavic Languages of Moscow University	134
<i>Crvenkovska Emilia (Skopje, Macedonia)</i> Rina Pavlovna Usikova – Teacher and Friend	141
Bibliography of Research Works by Doctor of Philology Rina Pavlovna Usikova.....	144
<i>Boronnikova Nataliya (Perm, Russia)</i> "What's Closer to the Heart?", or On Anthropocentrism in the Macedonian Deixis	153
<i>Stepanenko E.V. (Moscow, Russia)</i> Culturological Potential of Citations from Macedonian Folklore and Their Translation to Russian.....	161
<i>Taleski Aleksandar (Perm, Russia)</i> Social Deixis of Personal Pronouns in the Macedonian Language	168
<i>Chernec L.V. (Moscow, Russia)</i> Criteria for and Forms of Assessing Talent: From the History of Literary Criticism	179
<i>Belaya E.I. (Baranovichi, Belarus)</i> A Character's Profession in the Belarusian Prose of the First Third of the 20 th century: Social and Aesthetic Philosophical Value	192
<i>Motejunajte I.V. (Pskov, Russia)</i> The Value System in V.P. Astafyev's Short Story 'Lyudochka': Narrative, Plot, Composition	200
<i>Solovjeva E.E. (Cherepovets, Russia)</i> Axiology and Translation: S. Marshak's Translations of R. Burns' Poems	210
<i>Shevlyakova D.A. (Moscow, Russia)</i> Depicting Italy in Singers-songwriters' Songs.....	218

<i>Tsybova I.A. (Moscow, Russia)</i> Reflection of the Concept “lubov’ / amour” in Language Consciousness of Russians and Frenchmen (Based on the Analysis of Words of Associative Dictionaries).....	225
<i>Kurtov V.V. (Moscow, Russia)</i> Brunetto Latini’s ‘Li livres dou tresor’ and Aristotle’s ‘Nicomachean Ethics’	233
<i>Klyueva T.V. (Moscow, Russia)</i> The Luxemburgish Culinary Terms: Historical, Cultural and Linguistic Aspects	240
<i>Bobrova A.V. (Moscow, Russia)</i> A History of -инг (-ing) Suffixation in Russian	248
<i>Sergeeva A.B. (Moscow, Russia)</i> Neology and Discourse (On French Material)	256
<i>Perkhin V.V. (St.-Petersburg, Russia)</i> Lyudmila I. Tolstaya about the Tolstoy Memorial Museum (Research into Archival Materials).....	263
<i>Alypova S.A. (Moscow, Russia)</i> Peculiarities of Children’s Spanish-Russian Bilingualism	272
<i>Shtonda Julia A. (Voronezh, Russia)</i> Inserts of Foreign Languages in Dietrich Bonhoeffer’s Letters to His Friend – a Prisoner of Tegel	277

Programs

<i>Voloshina O.A. (Moscow, Russia)</i> The Program of the Academic Discipline “The Language Picture of the World in Lexics and Grammar (“Philology”, qualification / degree “bachelor”)	286
---	-----

Events. Names. Destiny

<i>Mikhailova M.V. (Moscow, Russia)</i> An Attendee of Great Events: Insights into the Family Archive	299
---	-----

Bibliography

<i>Zlochevskaya A.V. (Moscow, Russia)</i> Annotated Bibliography of Works of Czech and Slovak Rusists. Supplement: 2000–2015.....	309
---	-----

Academic Life

<i>Stergiopoulou H., Borisova T. (Athens, Greece).</i> International Research Conference “Russian Literature and Its Relationship with Other National Literatures in Europe” in the National and Kapodistrian University of Athens.....	312
---	-----

Notes. Impressions

<i>Golovina E.I. (Moscow, Russia).</i> “The Opposing Shore” or Difficulties of Translation: Parallel Program of the 7 th Moscow Biennale of Contemporary Art.....	316
--	-----

Critique. Bibliography

<i>Zlochevskaya A.V. (Moscow, Russia)</i> A New Unique Edition on M.A. Bulgakov.....	328
<i>Voropaev V.A. (Moscow, Russia)</i> Orthodox Gogol in Serbia.....	332
<i>Ulanova S.B., Bogoroditskaya V.A., Shcherbinina Yu.I. (Moscow, Russia)</i> Mukhortov D.S. Idioms Time! A Handbook of English Idioms.	334

In Memoriam

<i>Zhuk S. (Moscow, Russia)</i> Tatiana Popova (20.01.1924–12.03.2018)	339
--	-----

Статьи

Articles

А.А. Липгарт (Москва, Россия)

**Исторический контекст
жизни и творчества Уильяма Шекспира (часть вторая)¹.
Правление королевы Елизаветы I**

Аннотация: Статья посвящена описанию внутренней и внешней политики елизаветинской Англии и развенчанию популярных мифов, связанных с этой эпохой. Особое внимание уделяется религиозным преследованиям, обсуждаются малоизвестные факты биографии Уильяма Шекспира, свидетельствующие о его связях с католическим подпольем, – тема, являющаяся предметом жарких дискуссий в современном шекспироведении.

Ключевые слова: елизаветинская Англия, католичество, протестантство, шекспироведение, Уильям Шекспир, «Венецианский купец», дом в Блэкфрайарс

Andrey Lipgart (Moscow, Russia)

**Concerning the Historical Context
of William Shakespeare's Life and Works (Part Two).
The Reign of Queen Elizabeth I**

Abstract: The article is devoted to describing Elizabethan England (its home and foreign policy) and to discarding popular myths concerning this epoch. Special attention is given to religious persecutions and to discussing little-known facts of William Shakespeare's biography testifying to his connections with the Catholic underground – the subject of heated debates in modern Shakespeareology.

Key words: Elizabethan England, Catholicism, Protestantism, Shakespeareology, William Shakespeare, "The Merchant of Venice", gatehouse in Blackfriars

**СОХРАНЕНИЕ СОБСТВЕННОЙ ЖИЗНИ И ПРЕБЫВАНИЕ НА ТРОНЕ
В ТЕЧЕНИЕ 44 ЛЕТ КАК ОСНОВНЫЕ ДОСТИЖЕНИЯ
КОРОЛЕВЫ ЕЛИЗАВЕТЫ I**

По справедливому замечанию американского историка Джералда Дж. Мейера, главным достижением правления королевы Елизаветы I было ее личное выживание и пребывание на престоле в течение 44 лет [1: 436] (в доелизаветинской исто-

¹ Часть первая опубликована в: Stephanos. 2017. № 6(26). С. 130–140.

рии английский престол дольше занимали только король Генрих III в XIII в. и король Эдуард III в XIV в.). Инстинкт самосохранения, свойственный большинству людей, у многих политических деятелей сочетается с идеями, выходящими за рамки элементарного желания проснуться завтра в том же статусе, в котором они отошли ко сну сегодня. Так, старшая сестра Елизаветы Мария Тюдор (1516–1558) за 5 лет своего правления вернула католичество в Англию, начала политику социальной стабилизации и с полной серьезностью воспринимала заботу о благе подданных как основную задачу монарха, не боясь поставить под удар свою репутацию непопулярным браком с Филиппом Испанским и принятием жестких мер, направленных на восстановление религиозной целостности страны. Елизавета мыслила иначе и всеми силами стремилась избежать принятия кардинальных решений, которые могли бы угрожать ее личной безопасности. Достигнутое к концу ее правления подобие баланса в религиозной сфере и отсутствие гражданских войн не были результатом глубоко продуманной стратегии – они были следствием грамотных тактических мер, отдалявших возникновение конфликтов, но не решавших глубинных проблем, и за личный покой своей государыни англичане платили высокую цену как при ее жизни, так и спустя десятилетия после ее смерти.

ПОКУШЕНИЯ НА ЖИЗНЬ ЕВРОПЕЙСКИХ МОНАРХОВ И ПОПЫТКИ ЕЛИЗАВЕТЫ СНЯТЬ С СЕБЯ ВИНУ ЗА КАЗНЬ МАРИИ СТЮАРТ

Разумеется, у Елизаветы были основания опасаться за свою жизнь. Третье десятилетие ее правления было ознаменовано чередой цареубийств: гибель Вильгельма I Оранского (1533–1584) [2], казнь Марии Стюарт (1542–1587) и убийство Генриха III Французского (1551–1589) [3] свидетельствовали о том, что статус монарха отнюдь не является гарантией личного выживания. Задолго до этих событий Елизавета поставила себя под удар арестом Марии Стюарт в 1568 г., который вполне обоснованно привел к отлучению английской королевы от церкви Святым Престолом в 1570 г. Понимая, что казнь Марии может вызвать жесткую реакцию со стороны католической Европы, в 1586–1587 гг. Елизавета предприняла титанические усилия, чтобы замести следы и переложить ответственность за казнь Марии на кого-нибудь – на кого угодно [4: 413–433]. Последний из тюремщиков Марии предпочел не понять намеков королевы Елизаветы на то, насколько было бы лучше, если бы Мария умерла просто так, не восходя на эшафот. Не договорившись о тихом устранении Марии, Елизавета продолжала ломать голову над тем, как бы ей обмануть Бога и людей и убедить их в своей непричастности к казни шотландской королевы. Решение, хотя и не оптимальное, наконец пришло: подписав приказ о казни Марии, Елизавета отказывалась налагать на него печать, на всю процедуру ушло несколько месяцев, и когда печать была наконец поставлена, один из министров Елизаветы, Уильям Дэвисон, отправил приказ в замок Фотерингей, где содержалась Мария. На следующий день после получения приказа приговор был приведен в исполнение. При английском дворе был объявлен траур, Елизавета написала оправдательные письма тем из своих венценосных коллег, чье мнение казалось ей важным, уверяя их, что приказа о казни она не отдавала и что вся вина за смерть Марии лежит на несчастном Дэвисоне. Для пушей убедительности тот был лишен всех должностей и несколько лет находился в Тауэре. Однако вся схема была сработана настолько топорно, что она никого из значимых лиц не убедила.

Потерпев провал в попытке скрыть свою причастность к царевубийству, Елизавета несколько не продвинулась в понимании того, как ей самой избежать гибели в результате заговора. Полицейские меры казались единственным возможным выбором, хотя снижение социальной напряженности и укрепление собственной репутации в стране и за рубежом также довольно эффективные способы уменьшить число желающих физически устранить монарха.

ЗАГОВОРЫ ПРОТИВ ЕЛИЗАВЕТЫ И СПЕЦИФИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АНГЛИЙСКИХ СПЕЦСЛУЖБ

Периодически возникавшие заговоры, в основном контролировавшиеся и нередко инспирированные английскими спецслужбами ради доказательства собственной значимости и увеличения финансирования [5], также не добавляли уверенности в завтрашнем дне. Заговор Ридольфи [6: 68–73] в пользу Марии Стюарт был откровенной буффонадой, но его раскрытие принесло протестантской элите приятный бонус в виде возможности казнить последнего из имевшихся на тот момент в Англии герцогов, и потому Томас Говард, 4-й герцог Норфолкский, помышлявший о бракосочетании с Марией Стюарт и о наследовании английского престола, в 1572 г. отправился на эшафот. Нет нужды специально обсуждать тот факт, что его имущество, земли и деньги отошли казне, чтобы затем поправить финансовое положение не только королевы, но и клана Сесилов и прочих представителей правящей верхушки. К счастью для Марии Стюарт, никаких связей с заговорщиками применительно к ней доказать не удалось, и она проживет еще 15 лет до того, как сама положит голову на плаху.

Заговор Сомервилля в 1583 г. был не менее странным [7: 105–122]. Осенью этого года католик Джон Сомервилль (1560–1583), зять убежденного католика Эдварда Ардена (1542–1583) из Уорикшира и близкий родственник Уильяма Шекспира – из клана Арденов происходила мать Шекспира Мэри (ок.1537–1608), отправился из своего дома, находившегося в шести милях от Стратфорда, в Лондон. При нем был пистолет, из которого Сомервилль собирался застрелить королеву. На пути в Лондон он рассказал о своих планах каким-то незнакомцам, которые немедленно донесли на него. Сомервилль был арестован, отправлен в Лондон, на допросе выдал своего тестя и священника-исповедника, якобы уверявших его, что убийство нераскаянной протестантки Елизаветы – это благое дело. Эдвард Арден и священник Холл в свою очередь были арестованы, Эдвард Арден был казнен, Сомервилль лишил себя жизни в ночь перед казнью, а священник то ли сгинул в застенках, то ли стал правительственным информатором (здесь мнения историков расходятся). При допросах и Эдвард Арден, и члены его семьи всячески пытались подчеркнуть психическую нестабильность своего родственника и настаивали на том, что он действовал в одиночку. Однако, по всей видимости, это была попытка со стороны католиков прекратить опасное для них расследование: на самом деле Сомервилль был завербован французскими Гизами, которые считали своей святой обязанностью освободить пришедшуюся им двоюродной сестрой Марию Стюарт из заточения, где она провела уже 15 лет безо всяких на то юридических оснований, и готовы были пойти для этого на крайние меры. Однако об этих планах стало известно испанцам, не желавшим воцарения Марии, и они открыли схему заговора английским спецслужбам. Смерть Сомервилля в тюрьме перед казнью, скорее всего, также дело рук заговорщиков, которые опасались, что перед казнью тот откроет еще какие-нибудь подробности, ранее не

известные англичанам. Елизавета оценила рвение своей тайной полиции и отдала приказ провести тщательное расследования обстоятельств дела, включая обыски в имении Арденов Парк Холл и в домах родственников и знакомых Сомервилля в окрестностях Стратфорда-на-Эвоне, родного города Шекспира. На 19-летнего Уильяма данная ситуация, надо думать, произвела глубокое впечатление.

Заговор Фрэнсиса Трокморта (1554–1584), также организованный в 1583 г. под патронажем Гизов и Испании, был известен главе английских спецслужб Фрэнсису Уолсингему (1532–1590) за полгода до его реализации [8: 123–139], но Уолсингем не спешил с арестами, предоставив заговорщикам войти в контакт с максимальным количеством участников, которые впоследствии были арестованы. Казни, обыски, тюремные заключения, конфискация имущества заговорщиков, устроение условий содержания Марии Стюарт и благодарность перепуганной Елизаветы своим спецслужбам были основным результатом плохо продуманного заговора. В 1586 г. аналогично организованный заговор Энтони Бабингтона (1561–1586) даст еще более впечатляющий результат: казнь Марии Стюарт 8 февраля 1587 г.

В этом контексте следует упомянуть мутный по содержанию заговор Ричарда Хескета [9: 264], предложившего в 1593 г. от имени католических заговорщиков английскую корону Уильяму Стэнли, графу Дерби, праправнуку Генриха VII. Граф Дерби выдал Хескета властям, не без оснований полагая, что весь сюжет ради дискредитации родовой аристократии могли породить Сесилы, а вовсе не католики. Донос не помог графу, и, не прожив и года в графском достоинстве, он умер при странных обстоятельствах.

Заговор Родриго Лопеса (1517–1595) – еще одна иллюстрация того, насколько опасен мир спецслужб бывает даже для членов этих самых спецслужб [10]. Португальский еврей, личный врач королевы Елизаветы, доктор Лопес еще при жизни Фрэнсиса Уолсингема, оказался по инициативе последнего вовлечен в опасную двойную игру с представителями аналогичных испанских и португальских организаций ради выяснения их тайных намерений в отношении Елизаветы. Уолсингем умер в 1590 г., и когда в 1594 г. Лопеса обвинили в намерении отравить королеву, его куратор уже не мог прийти ему на помощь. За дело энергично взялся граф Эссекс, стремившийся доказать Елизавете свою значимость для ее личного выживания, и под пытками Лопес сознался во всех мыслимых грехах. Перед казнью он пытался отказаться от своих показаний, но от смерти его это не спасло. Вместо благодарности Елизавета выразила Эссексу свое глубоко скептическое отношение к качеству обвинений и даже проявила сочувствие к вдове своего предполагаемого убийцы, оказав ей финансовую помощь, – акция, на которую английская королева шла лишь в исключительных случаях.

ЗАГОВОР ЭССЕКСА И ШЕКСПИРОВСКАЯ ТРУППА

Деятели культуры не могли не отреагировать на такой сногшибательный сюжет, и потому лондонские театры в 1594 г. возобновили постановку «Мальтийского еврея» Кристофера Марло – еще одного представителя спецслужб, который слишком много знал и устранение которого в какой-то момент показалось единственным разумным шагом для его собственных кураторов Сесилов во избежание скандала с Эссексом; 30 мая 1593 г. Марло был убит своими подельниками в таверне портового городка Дептфорда [11: 321–360]. «Венецианский купец» Шекспира также является откликом на описанную ситуацию, но вместо созданной Марло безобразной клоунады Шекспир в лице Шейлока создает намного более

сложный образ, который к 4 акту приходится радикально снижать, потому что иначе Шейлок бы превратился в центральную и весьма притягательную фигуру, доминирующую в тексте пьесы.

Наиболее зрелищным и активно представленным в нынешней попкультуре заговором против Елизаветы было восстание Эссекса [12: 165–191]. Роберт Девере, 2-й граф Эссекс (1565–1601), пасынок любимца Елизаветы Роберта Дадли (1533–1588), сразу же после смерти отчима занял его место фаворита при женщине 55 лет, будучи моложе ее на 32 года. Претензии Эссекса на лидирующую роль в правительстве Елизаветы натолкнулись на устойчивое противодействие со стороны фракции Сесилов и на нежелание самой королевы давать волю своевольному молодому аристократу. После ряда военных удач и поражений, после унижений при дворе, связанных с невозможностью обеспечить карьерный рост ни себе, ни своим сторонникам, после финансовой катастрофы, связанной с утратой лицензии на сбор налогов на импорт сладких вин в страну, в 1601 г. Эссекс решился на восстание. Как обычно, противоположная фракция знала о планах Эссекса задолго до их реализации, но предпочла дать ему шанс проявить себя в полной мере, напугать королеву, организовать расследование и суд, единственным логичным исходом которого будет смертный приговор. Особую убедительность обвинениям в адрес Эссекса придал тот факт, что буквально за несколько дней до восстания сторонники молодого графа обратились к шекспировской труппе с просьбой сыграть накануне восстания пьесу Шекспира «Ричард II», где среди прочего присутствует сцена низложения неспособного к управлению страной короля Ричарда его более талантливым двоюродным братом, будущим королем Генрихом IV. Выход на шекспировскую труппу найти было не сложно: в конце концов, на тот момент они считались труппой Лорда Камергера Хандсона (1547–1603), одновременно двоюродного племянника королевы и двоюродного дяди самого Эссекса; кроме того, ближайшим другом Эссекса был граф Саутгемптон, наиболее вероятный адресат шекспировских сонетов и очевидный адресат двух шекспировских поэм, которые предваряются обращенными непосредственно к нему посвящениями. Даже если актеры и почувствовали неладное, отказаться они не посмели.

Расчеты на то, что после просмотра пьесы тысячи лондонцев выйдут на улицы в поддержку Эссекса, не оправдались, восставшие насчитывали несколько сотен человек и были смяты правительственными войсками. Сам Эссекс был арестован и предан суду, а королева тем временем делилась с близкими простой мыслью: «Значит, я Ричард II. А он Генрих IV. Как любопытно!» Эссекс был казнен 25 февраля 1601 г. Саутгемптон и другие сторонники Эссекса отделались штрафами, тюремным заключением или домашним арестом; Саутгемптон будет освобожден из тюрьмы только по восшествии на престол короля Иакова. Актеров шекспировской труппы вызывали на допрос, но ни они, ни автор не были наказаны. Фракция Сесилов сумела устранить последний противовес при дворе, и в последние два года жизни Елизаветы правила Англией фактически единолично.

Трудно поверить, что Елизавета абсолютно доверяла своим спецслужбам. Однако в наиболее ярких случаях она понимала пропагандистскую ценность показательных казней (даже если они роняли ее престиж в глазах значительной части населения Англии) или же в силу грамотной режиссуры заговоров и их расследований просто не могла противиться вынесению и исполнению этих приговоров. В этой нервной обстановке с самого начала своего правления и до конца английская королева была готова двигаться по внутренне понятному и близкому ей, а

вовсе не навязанному ей исключительно спецслужбами пути провокаций, подавления инакомыслия и устранения конкурентов, сделав это основным содержанием своей жизни и государственной политики и последовательно воздерживаясь от решения социальных, экономических и династических проблем.

ДЕЛА СЕМЕЙНЫЕ, ДЕЛА ГОСУДАРСТВЕННЫЕ

В династической политике Елизавета могла опираться на богатый опыт Генриха VIII, что она и делала, несколько снизив градус напряженности, но при этом привнеся собственные новаторские идеи. Казнь возможных претендентов на престол по обвинению в государственной измене была, по мнению Генриха, наиболее эффективным способом поддержания дисциплины в собственной семье и стране, и он широко практиковал этот подход в течение всего своего правления, начиная со смертного приговора графу Суффолку, потомку Плантагенетов, в 1513 г. и заканчивая в 1541 г. казнью графини Солсбери, 67-летней двоюродной сестры покойной матери Генриха [13]. Конфискация земель графини и ее детей в пользу короны позволили Генриху укрепить свои позиции на юге Англии на случай иностранного вторжения, однако военные и экономические соображения здесь были явно вторичны по отношению к династическим опасениям короля. Графиня Солсбери была родной племянницей Эдуарда IV и Ричарда III из династии Йорков, ее брат был казнен еще в царствование Генриха VII, а один из сыновей – в 1538 г. Единственным обвинением против нее была переписка с другим из ее сыновей, кардиналом римско-католической церкви Реджинальдом Поулом, но для Генриха VIII этого оказалось достаточно. Поэтому престарелая графиня, несмотря на ее многолетнюю верную службу Тюдорам (она была фрейлиной Екатерины Арагонской и какое-то время воспитательницей старшей дочери Генриха), была казнена, по описанию некоторых очевидцев, самым зверским образом: непрофессиональный палач, не сумевший обезглавить свою жертву одним ударом, превратил ее шею и плечи в месиво [14: 419]. Достойная жизнь и мученическая смерть графини дала основание папе Льву XIII в 1886 г. причислить ее к лику блаженных.

Елизавета заменила казнь родственников на тюремное заключение (наиболее показательные примеры – двоюродная сестра Елизаветы леди Маргарет Дуглас (1515–1578) [15] и двоюродная племянница Елизаветы Кэтрин Грей (1540–1568) [16: 193–246]). Тюремное заключение она выбирала не столько из милосердия, сколько из-за того, что стараниями ее деятельного родителя семейное древо основательно поредело, и она не могла рассчитывать на понимание подданных, возмись она уничтожить последних представителей королевской династии. Трагическим исключением в этом плане стали Мария Стюарт, казненная по официальному приговору в 1587 г., и жертва заказанного правительством убийства Фердинандо Стэнли, 5-й граф Дерби (1559–1594), прямой потомок Генриха VII и покровитель театральной труппы, где ставились ранние произведения Шекспира [9: 225–226].

Отказ от более тщательного уничтожения своих родственников Елизавета восполнила оригинальным решением не выходить замуж, не рожать детей и не называть имя наследника престола вплоть до последнего дня своей жизни. В качестве одной из причин отказа от замужества называют стремление Елизаветы сохранить верность Роберту Дадли, графу Лейстеру, которого она любила всю жизнь, но который не мог стать ее мужем из-за своего сравнительно низкого происхождения и из-за странности обстоятельств, сопровождавших смерть его первой жены [17: 99–124]. Эта теория имеет право на существование, хотя в 1564 г. Елизавета не-

ожиданно предложит Дадли в качестве мужа Марии Стюарт – странный шаг для безумно влюбленной женщины; правда, если учесть патологическую склонность Елизаветы к разного рода провокациям, это можно воспринимать лишь как тактический ход, ничего не говорящий об истинных намерениях английской королевы.

Однако помимо эмоциональных барьеров Елизавету могли удерживать от вступления в брак и другие соображения. Две из шести жен ее отца были казнены по его приказу, две умерли вскоре после первых родов – подобная статистика не вдохновляла. Кроме того, общеевропейской известностью пользовалась печальная история королевы Хуаны (1479–555), наследницы двух испанских корон, родной сестры Екатерины Арагонской, матери императора Карла V и бабки Филиппа Испанского, которая была объявлена безумной последовательно своим мужем, отцом и сыном и провела почти 50 лет жизни в условиях, близких к тюремным [18: 170]. Слухи о психической нестабильности Хуаны и описания ее разнообразных причуд входили в противоречие с вполне здравыми рассуждениями о желании окружающих ее мужчин распоряжаться унаследованными ею землями [19: 202–206]. В этом контексте стремление Елизаветы избежать уз брака и поставить свои личные интересы выше общественных представляется логичным. В какой-то момент английская политическая элита оставила надежду на продолжение рода Тюдоров и озаботилась вопросом престолонаследия в условиях бездетности царствующей монархини. Однако Елизавета и здесь сумела проигнорировать очевидную политическую необходимость и поставила страну на грань острейшего политического кризиса, когда на английский престол помимо потомков младшей сестры Генриха VIII Марии одновременно претендовали испанская инфанта Изабелла, Иаков VI Шотландский и его эксцентричная кузина леди Арабелла Стюарт. Усилиями де-факто премьер-министра Роберта Сесила передача власти Иакову после смерти Елизаветы прошла мирно, хотя последняя сделала все для того, чтобы ее страна оказалась под угрозой одновременно иностранного нашествия и гражданской войны.

ЗАГОВОР БЭБИНГТОНА КАК ШЕДЕВР ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ ПРОВОКАЦИЙ

Если отказ Елизаветы от замужества и от решения вопроса о престолонаследовании в конечном итоге повлиял на судьбы ограниченного числа людей, ее военные авантюры и социальная и религиозная политика затронули все население страны. Внешнюю и внутреннюю политику страны наряду с самой королевой в течение нескольких десятилетий определяли Уильям Сесил (1520–1598) и уже упомянутый выше Роберт Дадли, соперничество между которыми позволяло Елизавете сохранять баланс между разными фракциями при дворе и оставаться в роли верховного арбитра по основным вопросам государственного управления. Точно так же она умело лавировала между католиками и пуританами, поддерживая их ненависть друг к другу. Однако протестантская партия власти периодически спланировалась в своих интересах, стремясь полностью устранить католиков и пуритан из общественной жизни и получить полный контроль над королевой.

Частным трагическим эпизодом этой борьбы между «своими» был так называемый заговор Энтони Бэбингтона в пользу Марии Стюарт в 1586 г. [20: 73–96]. Шеф елизаветинской спецслужбы Франсис Уолсингем, преданный сотрудник Уильяма Сесила, знал о планах довольно инфантильного и пугливого заговорщика с момента возникновения этих планов и перлюстрировал их переписку с Марией, но выжидал

того момента, когда Мария напишет одну неосторожную фразу, которая станет для нее фатальной. Ожидания увенчались успехом: в одном из писем Мария выразила надежду на кончину Елизаветы и обещала поддержку заговорщикам, если английская королева падет от их рук, а Мария будет освобождена и получит английский престол. Получив расшифрованный вариант письма Марии от своего криптографа, Уолсингем торжествовал. Порожденный им и Сесилом-старшим в 1584 г. глубоко неформальный документ, «Bond of Association», не прошедший через парламент, но официально одобренный Елизаветой (что существенно повышало юридическую значимость текста), гласил, что лица, злоумышлявшие против королевы или знавшие о планах совершения злодеяний, но не поставившие об этом в известность власти, подлежали смертной казни за государственную измену.

Бэбингтона и его товарищей казнили быстро. С Марией Стюарт усилий пришлось затратить больше, но оно того стоило: доказательства вины Марии были представлены, и, не согласись Елизавета на казнь, которая была логическим следствием действующего законодательства, она выказала бы неуважение к людям, якобы радевшим о ее безопасности. Ситуация была патовая. Елизавета, как могла, оттягивала принятие решения, но в конечном итоге была вынуждена одобрить приговор в отношении Марии. В результате казни Марии протестантская партия многое выиграла, а Елизавета многое проиграла. Английские католики – единоверцы Марии Стюарт – получили убедительное доказательство враждебности к ним режима (если они еще нуждались в таких доказательствах) и имели все основания проявлять непокорность, что было на руку лицам, управлявшим репрессивной машиной. Доверять католикам, по мнению Елизаветы, теперь было особенно опасно. Потеряв козырь в виде здравствующей Марии Стюарт, Елизавета утратила возможность шантажировать протестантскую верхушку угрозой католического наследования. Таким образом, протестанты обрели еще больший вес при дворе и в Тайном совете, а Елизавета лишилась ряда аргументов, необходимых ей для обеспечения личного выживания («католики – мои верные подданные, если будет нужно, смогу опираться на них»; «Мария Стюарт – прекрасная будущая королева, посмотрим, что она вам устроит, придя к власти»; «молите Бога, чтобы я подольше оставалась на своем рабочем королевском месте»).

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ДЕЛА: ПРОВОКАЦИИ, АМБИЦИИ, НАЖИВА, БАНКРОТСТВО

Отличавшиеся друг от друга по темпераменту и по той роли, которую играли в жизни своей королевы трудоголик и осторожный бюрократ Уильям Сесил, с одной стороны, и претендующий на военные таланты блистательный покоритель женских сердец Роберт Дадли, с другой, они были едины в своих протестантских религиозных пристрастиях и в своих представлениях о необходимости защищать Англию от потенциальной католической угрозы – в том числе и с помощью вмешательства во внутренние дела католических монархов. Попеременно иницилируя военное и финансовое участие в антиправительственных выступлениях в Шотландии, Франции и Нидерландах, в 1585 г. эти политики с согласия королевы ввергли страну в полномасштабную войну с Испанией, которая завершилась лишь через 19 лет, уже после смерти Елизаветы, и которой сопутствовали вторжения на территорию Франции и усугубление конфликтов в Ирландии.

Войне с Испанией предшествовали десятилетия ярких провокаций со стороны англичан. Начало было положено в 1568 г. конфискацией в пользу короны золота

с испанских кораблей, искавших защиты в английских портах от нападения пиратов. Продолжением были действия уже собственно английских пиратствующих бандитов во главе с Дрейком и Хокинсом, грабивших испанские порты и корабли и щедро делившихся награбленным с королевой и ее высшими сановниками, которые обеспечивали им покровительство и нагло ввали в глаза испанским дипломатам относительно своей полной неосведомленности о происходящем [21]. Эти масштабные проекты сопровождались и более скромными спецоперациями наподобие похищения в 1570 г. из Антверпена англичанина-эмигранта д-ра Джона Стори (John Storey, 1504–1571), на тот момент подданного Испании, бывшего видного религиозного и политического деятеля времен Генриха VIII и Марии Тюдор; 1 июня 1571 г. Джон Стори был казнен в лондонском районе Тайберн.

Филипп Испанский в течение долгого времени проявлял завидную выдержку и ограничивался дипломатическими мерами, что свидетельствовало о его явном нежелании вступать в конфликт с Англией и развеивало миф о католической угрозе, порожденный нечистой совестью и параноидным сознанием Елизаветы и ее ближайшего окружения. Однако мероприятия в духе профинансированной Елизаветой и Дадли экспедиции Дрейка 1585–1586 гг., в ходе которой были разграблены и сожжены Картагена и Санто Доминго [1: 514–515], испанские порты в Новом Свете, истощили терпение Филиппа II, и он начал готовить вторжение. Англичане тем временем под руководством Дадли ввели войска в Нидерланды – якобы для помощи местным протестантам, что только подстегнуло Филиппа II к созданию знаменитой Армады.

Англичане не снискали ни финансовой выгоды, ни военной славы в Нидерландах, так как в распоряжении Филиппа II были опытные военачальники, с которыми не удалось справиться ни Дадли в 1586 г., ни его преемникам впоследствии. Елизавета сумела облегчить себе финансовое бремя, переложив значительную долю военных расходов на самого Дадли, что в итоге привело его к разорению; оставшуюся часть пришлось компенсировать английским налогоплательщикам. Несмотря на явный провал этих инициатив, протестантская элита страны обеспечила себе с их помощью солидные дивиденды. Помимо единичных пропагандистских достижений (из имевшегося малопригодного материала выбирались и превращались в национальных героев действительно яркие личности типа Филиппа Сидни, племянника Дадли, участвовавшего в войне в Нидерландах и умершего от ран в 1586 г.) правительство получило возможность увеличить прибыль от штрафов и конфискации имущества своих сограждан, используя противостояние с католической Испанией как предлог для усиления борьбы с католиками внутри самой Англии. Как всегда, озабоченная идеей личного выживания, Елизавета не стала вдаваться в рассуждения о причинах и следствиях и одобрила меры правительства по дальнейшему ущемлению прав католиков, тем самым попадая в еще большую зависимость от своих собственных протестантских министров и спецслужб.

«ПОСЛЕ НАС – ХОТЬ ПОТОП»

КАК ОСНОВНОЙ ПРИНЦИП СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ЕЛИЗАВЕТЫ

Продолжение войн истощало страну, нарушало торговые связи, вело к уничтожению трудоспособной части мужского населения. Елизавета не утруждала себя заботой ни о семьях, потерявших кормильцев, ни о солдатах, вернувшихся с войны инвалидами. В результате увеличилось число нищих и бродяг, против которых принимались соответствующие законодательные акты. Дикий кальвинистский по

содержанию закон 1547 г. [22: 107] (первого года правления Эдуарда VI), приговаривавший бродяг к двухлетнему рабству, достаточно рано (в 1572 г.) получил еще более дикий аналог в елизаветинском законодательстве, согласно которому трижды уличенные в бродяжничестве могли быть приговорены к смертной казни [23: 202]. Хотя сама Елизавета не была замечена в увлечении кальвинизмом и в течение своего правления последовательно боролась с пуританами как с представителями этого течения в протестантстве, в отношении неимущих слоев населения ее политика была подлинно кальвинистской. Протестантство в духе Мартина Лютера отрицательно относилось к идее спасения души через добрые дела и говорило о вере как о единственном пути к спасению; Господь в неизреченной милости своей готов простить некоторым своим чадам неискупимый первородный грех и все прочие менее значимые грехи и сам выбирает достойных спасения [24: 55–64]. Жан Кальвин довел эту мысль до логического завершения через доктрину «двойного предопределения»: некоторая часть человечества, согласно Божественному плану, изначально предназначена для спасения, другая часть изначально проклята [25: 80–90].

Мрачное продолжение полемики времен раннего христианства между Блаженным Августином и Пелагием [26: 106–112] обеспечило в XVI в. усилиями в первую очередь Кальвина идеологическую базу для оправдания патрицианского мироощущения представителей разного рода элит, противопоставлявших себя более низким слоям общества. При переводе из абстрактно-теологической в конкретно-социальную плоскость «двойное предопределение» означало, что в числе прочего материальное преуспевание указывает на «избранность» преуспевающего, а бедность свидетельствует о принадлежности бедняка к «проклятым». Попытки изменить ситуацию с помощью уменьшения доходов имущих, повышения заработной платы малоимущим и облегчения жизни бедных будут идти вразрез с Божественным планом.

В этом отношении английская королева в душе была солидарна с женеvским проповедником (на словах англиканская церковь, верховным куратором которой была как раз Елизавета, не выделяла категорию «проклятых» и оговаривала лишь наличие «избранных», следуя, таким образом, Лютеру, но не Кальвину). Уверенная в своей избранности, она по меньшей мере с безразличием относилась к тем, кто не в последнюю очередь по ее вине влачил нищенское существование. Бедность, судя по всему, она рассматривала как одно из проявлений пресловутого «двойного предопределения», а не как следствие собственной политики или как социальное зло, подлежащее исправлению. На теоретическом уровне в середине 1570-х гг. в елизаветинском законодательстве была выделена категория «достойных» бедных: заботу о «достойных» должны были брать на себя местные администрации через сбор налогов с относительно обеспеченной части населения и через трудоустройство безработных [23: 200–202]. На практике в условиях экономического спада и разорения населения эти законы работали плохо и проблему нищеты не решали, а превращение посевных земель в пастбища для овец (знаменитое огораживание) вело к сокращению рабочих мест, но не к их увеличению. Что касается «недостойных», то меры в отношении них варьировались от смертной казни до высылки из страны или труда в качестве гребцов на королевских галерах.

НЕ ЛУЧШЕ ЛИ НЕ ДОВОДИТЬ ДО ПОТОПА? АЛЬТЕРНАТИВНЫЙ ВЗГЛЯД

Подобная политика не встречала понимания у людей с более традиционной системой ценностей, за что им нередко приходилось расплачиваться – в том числе и собственной жизнью. Так, жертвой борьбы с типичным приватизатором елизаветинских времен сэром Эдуардом Гревиллем (1566–1634), в разные годы занимавшим посты шерифа и судьи графства Уорикшир, дважды избиравшимся членом парламента и желавшим прибрать к рукам общественные земли, станет близкий знакомый Уильяма Шекспира, мэр Стратфорда-на-Эвоне Ричард Куини (Richard Quiney, 1557–1602) [27: 13–17], чей сын Томас впоследствии женится на младшей дочери Уильяма Шекспира Джудит (1585–1662). В 1601 г. вместе с другими жителями Стратфорда Ричард Куини дал отпор попыткам огораживания, предпринятым людьми Гревилля; Куини был арестован и препровожден в лондонскую тюрьму Маршалси, но вскоре выпущен под залог. 3 мая 1602 г. в Стратфорде Ричард Куини был смертельно ранен слугами Гревилля и скончался через несколько недель; расследование в отношении сэра Эдуарда не проводилось. Квалифицированная одним из современных шекспироведов как несчастный случай (с последующей оговоркой, что конфликт с Гревиллем также мог сыграть свою роль [28: 377–378]), смерть Ричарда Куини является яркой иллюстрацией елизаветинской коррупции, когда высокопоставленные люди со связями в Лондоне могли пойти на резонансное заказное убийство, не опасаясь последствий, если речь шла об устранении лиц, противостоявших экономическим инициативам правительства. Добавим еще одну характерную деталь: за 13 лет до рассматриваемых событий Лодовико Гревилль, отец сэра Эдуарда, также оказался вовлеченным в уголовное дело, выступив в качестве соучастника и организатора убийства своего бывшего слуги, который отказался одолжить ему существенную сумму денег [29]. За такую откровенную уголовщину Лодовико Гревилль был казнен в 1589 г., но его сына в 1602 г. в аналогичной ситуации эта участь миновала. Убийство слуги покарало, убийство мэра оставили без внимания, поскольку в практическом смысле сэр Эдуард действовал сугубо в рамках допустимого.

РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЯ: НАЧАЛО КОНЦА ДЛЯ КАТОЛИКОВ

Итак, ни в династической, ни в военной, ни в социально-экономической сферах правление Елизаветы не предъясняет ощутимых положительных результатов. Отрицательная сторона отчетливо перевешивает, хотя лично для себя королева могла трактовать перечисленные события в положительном ключе. Однако все провалы и преступления Елизаветы и ее сподвижников меркнут на фоне того террора, которому подверглись в первую очередь английские католики в результате преследований, организованных правительством ее величества.

Религиозные преследования времен Елизаветы касались и католиков, и пуритан, но католики к моменту ее восшествия на престол составляли большую часть населения Англии и дискриминационные меры в отношении них были намного актуальнее для протестантского правительства, чем борьба с пуританами. Поскольку именно антикатолическое законодательство и его применение оказались значимыми для семьи Уильяма Шекспира и его ближайшего окружения, в заключительной части настоящей статьи будет освещаться главным образом борьба с католиками, а проблемы, связанные с пуританством, будут описаны менее подробно. Чтобы не перегружать статью ссылками, которые в последующем изложении можно сделать буквально к каждой строке, здесь мы ограничимся списочным перечислением

основных источников, использованных при написании данной части работы в ее констатирующей составляющей [1; 7; 9; 23; 30; 31; 32; 33; 34; 35; 36; 37; 38].

Началось все сразу же после восшествия Елизаветы на престол с принятия парламентом Акта о единстве (Act of Uniformity) и Акта превосходства (Act of Supremacy), объявлявших протестантство единственной государственной религией, а Елизавету – верховным авторитетом в светских и духовных делах. Англичане (на тот момент еще не в общенациональном масштабе, но на уровне высокопоставленных лиц и университетских преподавателей) должны были принести соответствующую клятву (Oath of Supremacy), в противном случае они подвергались изоляции в общественной жизни. Образование – в первую очередь университетское – должно было даваться в последовательно протестантском ключе, и эта политика почти сразу же нашла широкий отклик в Кембридже, тогда как оксфордские профессора в течение долгого времени оказывали по крайней мере неявное сопротивление. Католическое богослужение на территории страны было запрещено, непосещение протестантской церкви каралось серьезными штрафами, лица, укрывающие католических священников, подлежали тюремному заключению, конфискации имущества и казни.

Запрет католическим священникам находиться на территории Англии и совершать католические обряды, центральным из которых было служение мессы, имел глубокий смысл для постепенного искоренения католичества в стране. Необходимость посещать протестантскую церковь и изъятие мессы, равно как и прочих католических обрядов, из повседневной религиозной практики влекли за собой последствия, сравнимые для современных православных с запретом православного богослужения и с необходимостью регулярно присутствовать, например, на собраниях сайентологов. Приобщение Святых Тайн, которое было привычным для англичан в течение приблизительно тысячи лет, может происходить, согласно католической доктрине, только во время мессы и только при непосредственном участии рукоположенного священника. В отсутствие этих условий, по справедливому мнению елизаветинской администрации, католичество в Англии постепенно должно было сойти на нет. Также повсеместно были запрещены молитвы за усопших, уничтожались воссозданные во времена Марии Тюдор статуи Богоматери и святых, покрывались побелкой росписи на стенах внутри храмов.

В первые десятилетия правления Елизаветы эти меры были чрезвычайно эффективны. Лишенные внятного политического и духовного лидерства, многие английские католики переживали кризис сознания, впадали в апатию и готовы были внешне соответствовать требованиям властей, хотя ощущение перехода в сайентологию и предательства истинной веры их не оставляло, так как земное отступничество предвещало им вечные муки в загробной жизни. Восстание северных аристократов в 1569 г. в пользу Марии Стюарт не изменило ситуации, поскольку среди восставших не было единства, их действия не были скоординированы, а лидеры восстания ко всему прочему не отличались высоким интеллектом и военными талантами [39]. Отлучение Елизаветы папой Пием V в 1570 г. спровоцировало правительство на принятие в 1571 Закона об измене (Treasons Act), усугублявшего положение католиков. К середине 1570-х гг. успехи данной дискриминационной политики были очевидны и казались необратимыми.

ПОПЫТКИ ВОЗРОДИТЬ КАТОЛИЧЕСТВО: МИССИОНЕРЫ УИЛЬЯМА АЛЛЕНА

Однако католическое население Англии было слишком велико, чтобы не породить некоторых ярких представителей, готовых бороться за спасение душ своих сограждан. К этим духовным целям добавлялось стремление католиков вернуть себе привычный социальный статус, не подвергая при этом себя опасности в жизни вечной. Католические семьи посылали своих сыновей на континент для получения альтернативного варианта образования в европейских университетах, богатые католики организовывали в своих имениях тайные учебные центры, где образование давалось высококвалифицированными педагогами в соответствии со старыми традициями. Поворотным моментом в истории английского католического сопротивления явилось основание в 1568 г. католической семинарии в Дуэ (на тот момент это была территория Испанских Нидерландов; ныне – территория современной северной Франции), которая в 1578 г. была вынуждена переехать в Реймс и вслед за которой появились английские семинарии в Риме (1579), Вальядолиде (1589), Севилье (1592), Сент-Омере (1593) и Лиссабоне (1628). Изначально планировавшаяся как интеллектуальный центр для английских эмигрантов, переживавших на континенте темные времена, семинария в Дуэ в итоге стала готовить католических священников, готовых вернуться в родную страну и действовать там на нелегальных условиях, поддерживая веру местных католиков через совершение богослужений и через следование прочим традициям старой религии.

Инициатор открытия семинарии в Дуэ Уильям Аллен (1532–1594) – в прошлом сотрудник Оксфордского университета, в будущем кардинал Римско-католической церкви – осознанно отделял политику от религии и ориентировал образовательные программы семинарии исключительно на духовные идеологические аспекты, дабы избежать обвинений в антиправительственной деятельности. Как минимум в последнее десятилетие своей жизни Уильям Аллен в конечном итоге все равно пришел к политике, но до этого ему предстояло проделать долгий путь энтузиаста и идеалиста, постепенно осознающего, что неидеальный мир приходится исправлять неидеальными способами. С 1574 г. и далее подготовленные под общим руководством Аллена священники начали прибывать в Англию. После нескольких лет жизни в эмиграции они имели весьма смутное представление о том, что ожидало их на родине, где функционирование спецслужб делалось все более эффективным и где антикатолическое законодательство непрерывно совершенствовалось, с 1571 г. отождествляя с государственной изменой хранение и распространение как папской буллы об отлучении Елизаветы (*Regnans in Excelsis*), так и значительно более невинных символов католичества (четки, кресты и т. п.). В результате в 1577 г. семинария Дуэ получила своего первого мученика. Им стал священник Катберт Мейн (*Cuthbert Mayne*, 1543–1577; канонизирован в 1970 г. папой Павлом VI), казненный 29 ноября 1577 г. в соответствии с законодательством 1571 г. Приютивший Мейна корнуэльский католик Фрэнсис Триджен-старший (*Francis Tregian the Elder*, 1548–1608) ближайшие 27 лет провел в тюремном заключении и был освобожден уже после смерти Елизаветы по приказу короля Иакова. Через 2 месяца после казни Катберта Мейна в начале февраля 1578 г. были казнены еще два выпускника семинарии в Дуэ: Джон Нельсон и Томас Шервуд.

КАТОЛИЧЕСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ: ИЕЗУИТСКИЕ МИССИИ

Казни и тюремное заключение в перспективе ожидали и других воспитанников Аллена, а их успехи, несмотря на относительно большое число участников этой деятельности (в период с 1574 по 1580 г. в Англию прибыло 113 священников [34: 111]), в общенациональном масштабе были достаточно скромными и локальными. И в конце 1570-х будущий кардинал принял судьбоносное решение, обратившись к тогдашнему главе ордена иезуитов Эверарду Меркуриану (1514–1580) с просьбой послать в Англию членов его ордена. В Английском Колледже в Риме к этому моменту прошло подготовку значительное количество иезуитов – этнических англичан, и затем они направлялись на работу в иезуитские миссии буквально по всему земному шару, но только не в Англию. Меркуриан старался по возможности беречь свои кадры, пока не столкнулся с желанием Аллена поберечь свои. По качеству подготовки, по способности выносить тяготы, лишения, преследования и одиночество, по знанию реалий елизаветинской Англии иезуиты значительно превосходили воспитанников Аллена. Несмотря на свое первоначальное сопротивление этому проекту, Меркуриан, понимавший, что миссионерская деятельность в Англии в конечном итоге была чревата гибелью его подчиненных, был вынужден подчиниться внутрицерковной дисциплине по прямому указанию папы Григория XIII. В июне 1580 г. первая миссия во главе с Робертом Парсонсом (Robert Parsons или Persons, 1546–1610) прибыла в Англию, после чего иезуиты практически без перерыва активно действовали на территории Англии до самого конца правления Елизаветы и в первые годы правления Иакова.

История английских иезуитских миссий – отдельная обширная тема, требующая специального подробного обсуждения. Об их уникальной роли в борьбе с протестантским режимом говорит уже один тот факт, что иезуиты занимают почетное первое место в названии парламентского акта (An Act Against Jesuits, Seminary Priests and Other Such Like Disobedient Persons, 1585), согласно которому нахождение на территории Англии католических священников, рукоположенных после 1559 г., приравнялось к государственной измене и каралось смертной казнью. И хотя выпускники семинарий в чисто количественном отношении значительно опережали иезуитов, воздействие последних на умы современников и, следовательно, их опасность для режима многократно превосходили эффект от деятельности воспитанников Уильяма Аллена.

В течение нескольких десятилетий иезуиты способствовали поддержанию веры английских католиков с помощью совершения регулярных богослужений и через публикацию блестящих полемических трактатов, таким образом отстаивая право на внутреннюю духовную свободу, отнятое у англичан их правительством. Действовавшие в Англии иезуиты не принимали участия в заговорах против королевы и не подстрекали ее подданных к восстанию, хотя протестантская пропаганда регулярно обвиняла их в обратном. В 1580 г. у правительства Елизаветы было для этого достаточно оснований, поскольку в августе этого года Филипп Испанский после долгих раздумий и долгих провокаций со стороны англичан согласился послать в Ирландию экспедиционный корпус солдат своей регулярной армии (550 человек [34: 124]), что по времени практически совпало с появлением первых иезуитов на территории самой Англии. Однако во время судебного процесса над членом первой миссии Эдмундом Кэмпием (Edmund Campion, 1540–1581) и его соратниками представителям власти удалось доказать лишь их

причастность к миссионерской деятельности, но не к заговору против королевы, что изначально было основной задачей обвинения, желавшего перевести дебаты в политическую плоскость и скрыть факт преследования сограждан за их религиозные убеждения. Нелепость и злонамеренность обвинений в заговоре, якобы зародившемся в Риме и в Реймсе в ходе собраний всей группы подсудимых, стали особенно очевидными, когда обвиняемым удалось доказать, что многие из них впервые встретились на самом судебном процессе и что в обозначенные месяцы 1580 г. их не было ни в Риме, ни в Реймсе. В ходе расследования Кэмптон был подвергнут пыткам (официально запрещенным в Англии, но широко применявшимся по личному указанию королевы), а затем казнен согласно традиционной процедуре: он был повешен, срезан с веревки до того, как он успел задохнуться, выпотрошен и четвертован (hanged, drawn and quartered). Ту же судьбу разделили его товарищи и единомыслители 1 декабря 1581 г. и в мае 1582 г.

МАСШТАБ ПРЕСЛЕДОВАНИЙ КАТОЛИКОВ: ‘PRIEST-HOLES’

Преследования инакомыслящих в Англии в последние два десятилетия правления Елизаветы вышли на новый уровень. Отказ многих англичан следовать официальным доктринам привел к усилению репрессий, которые помимо устранения несогласных приносили ощутимую пользу государственной казне и способствовали личному обогащению подручных Елизаветы благодаря перераспределению собственности через штрафы и конфискацию земель у католиков.

Представление о масштабе репрессий можно получить на основе следующего примера: в домах елизаветинской и доелизаветинской постройки в Англии существовали сотни так называемых “priest-holes”, «укрытий для священников», которые до сих пор могут увидеть экскурсанты при посещении соответствующих объектов архитектуры. Эти укрытия в ряде случаев было чрезвычайно сложно обнаружить, поскольку особенности кладки и другие возможности организации тайного пространства весьма творчески использовались строителями; самый видный среди них – Николас Оуэн, (Nicholas Owen, 1562–1606), погибший мученической смертью и канонизированный Римско-католической церковью в 1970 г. Наиболее полный перечень таких домов был опубликован Майклом Ходжеттсом в 1982, 1998 и 2005 гг. и насчитывает 400 единиц [40; 41; 42]. Это непреложный и имеющий материальное воплощение исторический факт, который по каким-то причинам кажется неудобным или не заслуживающим обсуждения определенным представителям академических кругов: опубликованная в 2009 г. Йельским университетом фундаментальная работа по елизаветинской архитектуре [43] (прекрасно иллюстрированная и превышающая по объему 500 страниц) вообще не содержит упоминаний “priest-holes”.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ И ПУРИТАНЕ

Справедливости ради следует отметить, что католики не были единственными, кто подвергался преследованиям за религиозные взгляды в елизаветинской Англии. Пуритане также подвергались тюремному заключению (например, Джон Филд и Томас Уилкокс сроком на 1 год в 1572 г., Томас Картрайт и еще 8 религиозных деятелей в течение 18 месяцев и 1589–1591 гг.) и даже казни (например, Уильям Хэкет, в июле 1591 г. провозгласивший себя Мессией и казненный через 12 дней после этого). Однако в целом правительство Елизаветы и парламент были до такой степени заняты преследованием католиков, что опасность, исходящая

от пуритан и пресвитерианцев, на государственном уровне была замечена лишь в последнее десятилетие правления королевы. До этого с ними вынуждены были иметь дело высшие чины англиканской церкви (архиепископы Маттью Паркер, Джон Уитгифт и другие), обладавшие значительно меньшими полномочиями по сравнению с Сесилами, Дадли и представителями спецслужб.

Привилегированное положение пуритан объяснялось тем, что для партии власти они были «своими». В отличие от католиков, пуритане никогда не оказывались вне закона. На момент восшествия Елизаветы на престол они были полноправными членами англиканской церкви и имели все возможности для продвижения своих идей и в качестве проповедников, и на постах преподавателей в университетах, и в обеих палатах парламента, и через вполне официальную и легальную публикацию своих трудов. Могущественные покровители (те же Сесилы, Дадли и другие члены государственной элиты) составляли пуританам протекцию при получении хорошо оплачиваемых должностей, нанимали их к себе на службу в качестве секретарей, домашних священников и т. п., при необходимости способствовали прекращению судебных расследований против этих представителей крайних течений в протестантстве. Пуритане без страха шли на конфликт с лидерами официальной церкви, представлявшими интересы королевы, тем более что в лице архиепископа Кентерберийского Эдмунда Гриндаля (занимавшего эту кафедру с 1575 по 1583 г.) они получили поддержку от высшего церковного иерарха, который отказался следовать прямым рекомендациям Елизаветы относительно подавления особенно активных пуританских пропагандистов и за это был отстранен от исполнения своих обязанностей, но не смещен с должности.

ИНОСТРАННЫЕ КОЛЛЕГИ ПУРИТАН: ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В АНГЛИИ И НА КОНТИНЕНТЕ

Католических священников среди прочего обвиняли в том, что на территории Англии они действовали в качестве агентов других государств и правителей (в первую очередь Испании и римских пап). Пуритане не представляли никакой ни чьих интересов, кроме национальных, но они активно советовались по вопросам доктрины с зарубежными специалистами типа кальвиниста-долгожителя Теодора Безы (1519–1605), который вслед за Кальвином высказывал мысли не только о необходимости упразднения института епископов, но и о введении контроля со стороны церкви над светской властью или ее подмены, чему в европейской истории тех лет уже существовали прецеденты (например, эксперимент по управлению Женевой священнослужителями был успешно осуществлен Кальвином в 1540–1560-е гг.). Выступать в роли консультантов для иностранных пуритан в то время было не в новинку, поскольку в живой памяти сохранялись эпизоды, когда в правление Эдуарда VI ведущие теологические кафедры в Оксфорде и Кембридже контролировали выписанные из Швейцарии и Германии профессора Петер Мартир Вермильи (Peter Martyr Vermigli, 1499–1562, Оксфорд) и Мартин Буцер (Martin Bucer, 1491–1551, Кембридж). Работа Буцера была более эффективна, поскольку склонность Вермильи к позерству плохо сочеталась с принятой им на себя ролью воспитателя идеальных христиан; оксфордцы издевались над ним, устраивали потасовки, забрасывали профессора камнями, – одним словом, вели себя несолидно. Но, с другой стороны, как еще можно относиться к человеку, который в 19 лет берет себе второе имя «Мученик» (в честь инквизитора-доминиканца Св. Петра Веронского, убитого катарами в 1252 г. и канонизированного

в рекордно короткий, одиннадцатимесячный срок)? И потом спокойно себе живет и умирает спокойной смертью? Возможно, оксфордские студенты руководствовались элементарной логикой: если уж мученичество заявлено буквально на уровне паспортных данных, то почему бы не поспособствовать продвижению носителя имени в заявленном направлении. Славы теолога и блистательного учителя в Оксфорде Вермильи себе не снискал, но какие-то популярные кальвинистские идеи его трудами закрепились даже там (кембриджская миссия Буцера прошла весьма удачно). Елизавета прекрасно понимала, какую логическую цепочку выстраивали особо рьяные пуритане, наслушавшись кальвинистских проповедей и начитавшись соответствующей литературы (жизнь без епископов, жизнь без королевы, жизнь без дворянства). К 1593 г. с помощью своих сторонников она наконец сумела донести эту мысль до членов парламента, состоявшего в значительной своей части как раз из представителей провинциального дворянства, которое ранее активно поддерживало пуритан. В 1593 г. был принят парламентский акт, положивший конец вольготному существованию пуритан, после чего верные королеве умеренные протестантские полемисты своими публикациями довершили идеологическое подавление опасных вольнодумных взглядов.

МРАЧНЫЕ ЛИЧНОСТИ В РЯДАХ ПУРИТАН И УИЛЬЯМ ШЕКСПИР ИЗ СТРАТФОРДА

Среди наиболее одиозных личностей, игравших видную роль в общественной жизни страны и разделявших идеи пуританства, в контексте настоящей статьи следует упомянуть трех членов английского парламента, чья жизнь и деятельность в определенной степени были связаны с жизнью Уильяма Шекспира. Речь идет о Томасе Нортоне (Thomas Norton, 1532–1584), Ричарде Топклиффе (Richard Topcliffe, 1531–1604) и Томасе Льюси (Thomas Lucy, 1532–1600). Томас Нортон может считаться основоположником елизаветинской драматургии: в 1560 г. совместно с Томасом Сэквиллом (1536–1608) он написал трагедию «Горбодук», представленную при королевском дворе в январе 1561 г. и оказавшую определенное влияние на последующее поколение драматургов; однако основным занятием Нортон был не драматургия, а фанатичное преследование католиков, которых в последние годы жизни он лично пытал в Тауэре. Садистские увлечения Нортон разделял второй из названных здесь членов парламента, Ричард Топклифф, неустанно преследовавший католиков в течение нескольких десятилетий и руководивший их пытками в Тауэре, в тюрьме Брайдвелл в собственном доме в Вестминстере; именно он организовал арест и подверг пыткам представителя второй иезуитской миссии и талантливейшего поэта Роберта Саутвелла (St Robert Southwell, 1561–1595), который еще в начале 1590-х гг. оценил поэтический гений Шекспира и призывал последнего использовать свой дар во славу и в защиту католического сопротивления. Томас Льюси не отмечен участием в пытках, но он отвечал за расследование связей члена первой иезуитской миссии Эдмунда Кэмпiona со Стратфордом и осуществлял обыск дома Арденов после ареста Сомервилля и его тестя; согласно традиции, восходящей к XVII в., именно из-за конфликта с Льюси и боязни преследований с его стороны Уильям Шекспир был вынужден покинуть Стратфорд в середине 1580-х гг. Разумеется, Нортон, Топклифф и Льюси не следует отождествлять с представителями пуританства в целом, но на их примере становится очевидным, что по социальному статусу католики и пуритане радикально отличались друг от друга в течение практически всего правле-

ния Елизаветы и что уровень неприятия и агрессии со стороны государственного аппарата по отношению к первым и к последним оказывается несопоставимым.

Достигнутое к концу правления королевы подобие религиозного единения в стране было в значительной мере мнимым, обретено оно было с помощью кровавых методов и лишь отдалило полномасштабную гражданскую войну, которая охватила Англию через несколько десятилетий после смерти королевы. Жизнь протестантов в елизаветинской Англии не была безоблачной, поскольку на них, как и на все остальное население, в полной мере распространялись последствия специфической внешней и внутренней политики правительства, приводившей к обнищанию страны и к гибели многих ее граждан в результате военных действий на территории других государств. Существование католиков усугублялось их отстранением от участия в управлении страной, вытеснением из образовательной сферы и использованием уже упомянутых выше вариантов поражения в правах.

УИЛЬЯМ ШЕКСПИР В ЕЛИЗАВЕТИНСКОЙ АНГЛИИ: ОБЩЕИЗВЕСТНОЕ, МАЛОИЗВЕСТНОЕ И ПОЧТИ НЕИЗВЕСТНОЕ

Искажение реальной картины жизни в елизаветинской Англии многими поколениями историков приводит, среди прочего, к ложным интерпретациям фактов жизни и творчества Уильяма Шекспира. Вовлеченность шекспировской актерской труппы, например, в общий контекст заговора Эссекса хорошо известна и подробно описана, но помимо придворных интриг и заговоров существовали значительно более серьезные и глобальные конфликты, которые напрямую касались Шекспира и его современников. Центральный – религиозный – конфликт эпохи находил отражение в драматургических текстах Шекспира, предназначенных для широкой публики елизаветинских театров, которые помимо эстетических функций выполняли роль нынешнего телевидения и других средств массовой информации, оперативно отзываясь на злободневные события. Перевод этих текстов в чисто вневременной, надысторический план превращает их как минимум в загадочные («Гамлет»), а в ряде случаев и просто в маловразумительные («Тит Андроник»), что делает невозможной их адекватную интерпретацию. То же самое относится и к поэзии Шекспира, его стихотворению «Феникс и Голубь» (“Let the bird of loudest lay”, 1601) и его лирическим поэмам (“Venus and Adonis”, 1593; “Rape of Lucrece”, 1594), посвященным графу Саутгемпτονу.

Как и многие его сограждане и современники, Шекспир, скорее всего, не интересовался тонкостями идеологических дебатов между католическими и протестантскими теологами наподобие полемики по поводу так называемой «транссубстанции» («Пресуществления») во время Таинства Евхаристии, хотя практическое применение протестантских тезисов типа «двойного предопределения», судя по содержанию текстов Шекспира, не могло не вызвать у него неприятия и возмущения (Шейлок в «Венецианском купце» почти до конца пьесы последовательно и убедительно противостоит самодовольным христианам, готовым пользоваться плодами его трудов, но презиравшим его за его «инаковость»). Однако помимо труднодоказуемых или вообще недоказуемых тезисов о взглядах Шекспира на проблемы доктрины существуют неопровержимые свидетельства его социальных связей с католическим подпольем, начало которым было положено его рождением в семье католика-нонконформиста Джона Шекспира и Мэри Арден (о трагической судьбе ее родственников Джона Сомервилля и Эдварда Ардена было сказано выше), которые продолжались в течение его жизни как минимум

через общение с известной своими католическими пристрастиями семьей графа Саутгемптона и которые не прерывались до смерти самого поэта и драматурга. Ярчайшее свидетельство устойчивости этих связей – покупка Шекспиром уже в правление Иакова, в 1613 г., дома в лондонском районе Блэкфрайарс (Gatehouse in Blackfriars) и последующая сдача указанного дома внаем члену католического подполья Джону Робинсону, чьи права как арендатора специально подтверждены в завещании Шекспира и который выступил в роли одного из свидетелей при оформлении завещания в 1616 г., буквально за несколько недель до смерти великого поэта и драматурга. История покупки этого дома сбивала с толку поколения шекспироведов, потому что никакой видимой выгоды Шекспиру – в прочих отношениях весьма аккуратному бизнесмену и инвестору – данная инвестиция не несла, и потому в шекспироведении этот сюжет обычно обходился молчанием или же упоминался коротко и с недоумением [44: 277; 45: 379; и мн.др.]. На самом деле вся ситуация с домом в Блэкфрайарс свидетельствует о католических симпатиях Шекспира, потому что и до, и после 1613 г. этот дом служил в качестве тайного укрытия для католических священников и для проведения месс, и Шекспир готов был рискнуть своей репутацией, выступая в качестве официального владельца дома, чтобы через свои связи или просто своим респектабельным именем отвести от него внимание властей. Все встает на свои места, если провести определенные исторические аналогии и вспомнить, в какую эпоху жил Шекспир и что представляла собой Англия тех времен.

СМЕРТЬ ЕЛИЗАВЕТЫ, ВОЦАРЕНИЕ ИАКОВА: НЕДОЛГИЕ ПЕРЕМЕНЫ К ЛУЧШЕМУ

Королева Елизавета умерла на 70-м году жизни 24 марта 1603 г. Последние недели перед смертью она провела, сидя на подушках на полу в своих покоях, глядя бессмысленным взором в пространство, слабо реагируя на происходящее, но при этом упорно отказываясь лечь в постель. Уильям Шекспир, судя по адресованному ему упреку современника, воздержался от написания стихов, оплакивающих смерть монархини [46: 212–213]. Англия ждала прибытия и коронации Иакова VI Шотландского, который продвигался в сторону Лондона нарочито неторопливо, с тем чтобы приехать туда уже после похорон Елизаветы. Новому монарху предстояло разобраться с религиозными преследованиями, с финансовыми проблемами разоренной государственной казны, с наследием в виде до сих пор продолжающейся войны с Испанией и что-то сделать для борьбы с нищетой. При этом опираться он мог в первую очередь на тех людей, кто привел его власти, на клан Сесилов и им подобных, – на людей, непосредственно ответственных за то плачевное состояние, в котором оказалась страна. Для осуществления радикальных изменений новому королю следовало подумать о кадровых перестановках или даже о полной смене администрации – шаг, который был абсолютно неприемлемым для правящей элиты и которому в случае необходимости она была готова всеми силами противодействовать.

Уильям Шекспир будет иметь возможность наблюдать за происходящим, находясь в привилегированном положении придворного драматурга и актера королевской труппы: 19 мая 1603 г., менее чем через два месяца после смерти Елизаветы, новый король выдаст лицензию бывшим членам труппы Лорда Камергера, согласно которой они становились членами его собственной театральной труппы. В этой лицензии актеры перечислены поименно, и среди 9 названных акте-

ров Уильям Шекспир стоит на втором месте [44: 72] (к сведению сторонников альтернативных теорий авторства шекспировских текстов, утверждающих, что Шекспир-актер из Стратфорда и Шекспир-драматург – это два разных человека и что фамилия актера при жизни никогда не писалась как “Shakespeare”, из-за чего его следует именовать, например, «Шакспером», отметим, что в королевской лицензии его фамилия в списке актеров приводится в традиционном и всем привычном виде – “Shakespeare” [47]). Хотя Иакову было трудно концентрироваться на чем-либо дольше нескольких минут, после чего он отвлекался, а затем вновь обращался к теме беседы, для Шекспира он мог стать идеальным покровителем и собеседником или, по крайней мере, важнейшим членом целевой аудитории шекспировской драматургии. Сам талантливый писатель, еще до приезда в Англию опубликовавший несколько литературных текстов (как дидактических, так и художественных), Иаков обладал достаточным вкусом и чутьем, для того чтобы оценить уровень творчества на тот момент уже очень знаменитого писателя. Что, надо сказать, он и сделал впоследствии.

Золотые дни, казалось бы, наступали не только для шекспировской труппы. Еще раньше, 10 апреля 1603 г., многолетний покровитель Шекспира граф Саутгемптон, один из лидеров католической оппозиции, заключенный в Тауэр за участие в восстании Эссекса, будет освобожден из-под стражи, а 16 мая Иаков дарует ему полное прощение за содеянное и обеспечит ему видное положение при дворе [48: 134–135]. Англичане с восторгом встречали нового монарха, рассчитывая на наступление периода мира и благоденствия. Особенно радовались католики и иезуиты как передовой отряд контрреформации, чья политика выживания и примирения наконец-то должна была принести свои плоды. Английские католики верили, что их новый король, сын королевы-мученицы Марии Стюарт, периодически еще в ходе пребывания в Шотландии бросавший намеки на свое скорое обращение в католичество, и их новая королева Анна Датская, по поводу религиозных католических пристрастий которой фактически не было сомнений, сумеют найти радикальный способ изменить ситуацию в стране, опираясь на своих верноподданных католиков. И тем страшнее было разочарование, которое им предстояло пережить в первые же годы правления короля Иакова.

Сказанное в настоящей статье имело своей целью развеять миф о процветании Англии в период правления Елизаветы I и обозначить те реальные трудноразрешимые или вообще неразрешимые проблемы, с которыми сталкивались современники Шекспира в годы царствования Елизаветы и которые нашли отражение в биографии и в творчестве великого поэта и драматурга. Более подробное обсуждение данного вопроса будет предложено в последующих публикациях автора настоящей работы.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- [1] Meyers G.J. (2011) *The Tudors: The Complete Story of England's Most Notorious Dynasty*. New York: Bentam Books Trade Paperbacks. 623 p.
- [2] Jardine Lisa. (2005) *The Awful End of Prince William the Silent: The First Assassination of a Head of State with a Handgun*. HarperCollins Publishers. 175 p.
- [3] Carroll Stuart. (2009) *Martyrs and Murderers: The Guise Family and the Making for Europe*. Oxford University Press. 368 p.
- [4] Graham Roderick. (2008) *An Accidental Tragedy: The Life of Mary, Queen of Scots*. Edinburgh. Birlinn. 476 p.

- [5] Alford Stephen. (2012) *The Watchers: A Secret History of the Reign of Elizabeth I*. London: Allen Lane. xvii + 398 p.
- [6] Wilson Derek. (2007) *Sir Francis Walsingham: A Courtier in an Age of Terror*. London: Constable. 288 p.
- [7] Wilson Richard. (2004) *Secret Shakespeare: Studies in Theatre, Religion and Resistance*. Manchester University Press. 326 p.
- [8] Budiansky Stephen. (2005) *Her Majesty's Spymaster: Elizabeth I, Sir Francis Walsingham, and the Birth of Modern Espionage*. The Penguin Group, Viking. 272 p.
- [9] Hogge Alice. (2005) *God's Secret Agents*. Harper Perennial. 400 p.
- [10] Green Dominic. (2003) *The Double Life of Doctor Lopez*. Arrow Books. 402 p.
- [11] Honan Park. (2005) *Christopher Marlowe: Poet and Spy*. Oxford University Press. xv + 424 p.
- [12] Doran Susan. (2015) *Elizabeth I and Her Circle*. Oxford University Press. 397 p.
- [13] Seward Desmond. (2010) *The Last White Rose: Dynasty, Rebellion and Treason. The Secret Wars Against the Tudors*. London: Constable. 432 p.
- [14] Fraser Antonia. (2002) *The Six Wives of Henry VIII*. London: Phoenix Press. [xii] + 480 p.
- [15] Weir Alison. (2015) *The Lost Tudor Princess: A Life of Margaret Douglas, Countess of Lennox*. London: Jonathan Cape. 576 p.
- [16] Lisle Leanda, de. (2008) *The Sisters Who Would Be Queen: The Tragedy of Mary, Katherine and Lady Jane Grey*. London: Harper Press. xxx, 350 p.
- [17] Gristwood Sarah. (2007) *Elizabeth and Leicester*. Bantam Press. 407 p.
- [18] Licence Amy. (2016) *Catherine of Aragon: At Intimate Life of Henry VIII's True Wife*. Amberley. 560 p.
- [19] Williams Patrick. (2013) *Katharine of Aragon: The Tragic Story of Henry VIII's First Unfortunate Wife*. Amberley. 480 p.
- [20] Haynes Alan. (2009) *The Elizabethan Secret Services*. The History Press. 224 p.
- [21] Ronald Susan. (2007) *The Pirate Queen: Elizabeth I, Her Private Adventurers, and the Dawn of Empire*. Sutton Publishing. 496 p.
- [22] Loach Jennifer. (1999) *Edward VI*. Yale University Press. xviii, 210 p.
- [23] Williams Penry. (1979) *The Tudor Regime*. Oxford, Clarendon Press. 486 p.
- [24] Mullet Michael A. (2004) *Martin Luther*. Routledge, Taylor & Francis Group. 308 p.
- [25] Hart D.G. (2013) *Calvinism: A History*. Yale University Press. 352 p.
- [26] MacCulloch Diarmaid. (2004) *Reformation: Europe's House Divided, 1490–1700*. Penguin Books. 864 p.
- [27] Pogue Kate Emery. (2006) *Shakespeare's Friends*. Praeger. xvii, 183 p.
- [28] Weis Rene. *Shakespeare Unbound: Decoding a Hidden Life*. New York: Henry Holt and Company, 2007. 479 p.
- [29] www.historyofparliamentonline.org/volume/1604-1629/member/greville-sir-edward-1566-1634
- [30] Asquith Clare. (2005) *Shadowplay: The Hidden Beliefs and Coded Politics of William Shakespeare*. New York: PublicAffairs. xvii, 348 p.
- [31] Chambrun Clara Longworth, de. (1957) *Shakespeare: A Portrait Restored*. New York: P.J. Kennedy & Sons. ix, 406 p.

- [32] Childs Jessie. (2014) *God's Traitors: Terror and Faith in Elizabethan England*. London: The Bodley Head. xx, 443 p.
- [33] Kilroy Gerard. (2005) *Edmund Campion: Memory and Transcription*. Ashgate. 261 p.
- [34] McGrath Patrick. (1967) *Papists and Puritans Under Elizabeth I*. London: Blandford Press. x, 434 p.
- [35] Sams Eric. (1995) *The Real Shakespeare: Retrieving the Early Years, 1564–1594*. Yale University Press. xvi, 256 p.
- [36] Simpson Richard. (2010) *Edmund Campion*. Gracewing. 688 p.
- [37] Waugh Evelyn. *Edmund Campion: Jesuit and Martyr*. Penguin Classics, 2011. 256 p.
- [38] Wright Jonathan. (2004) *The Jesuits: Missions, Myths and Histories*. HarperCollins Publishers. 352 p.
- [39] Kesselring K.J. (2010) *The Northern Rebellion of 1569: Faith, Politics and Protest in Elizabethan England*. Palgrave Macmillan. 248 p.
- [40] Hodgetts Michael. A Topographical Index of Hiding Places. In: *British Catholic History*. Vol. 16. Issue 2. October 1982, pp. 146–216.
- [41] Hodgetts Michael. A Topographical Index of Hiding Places, II. In: *British Catholic History*. Vol. 24, Issue 1. May 1998, pp. 1–54.
- [42] Hodgetts Michael. A Topographical Index of Hiding Places, III. In: *British Catholic History*. Vol. 27. Issue 4. October 2005, pp. 473–520.
- [43] Girouard Mark. (2009) *Elizabethan Architecture*. Yale University Press. 400 p.
- [44] Fogg Nicholas. (2012) *Hidden Shakespeare: A Biography*. Amberley. 320 p.
- [45] Greenblatt Stephen. (2005) *Will in the World: How Shakespeare Became Shakespeare*. Pimlico. 432 p.
- [46] Chambers E.K. (1930) *William Shakespeare: A Study of Facts and Problems*. Vol. II. Oxford University Press. 214 p.
- [47] www.shakespearedocumented.org/file/details/167
- [48] Akrigg G.P.V. (1968) *Shakespeare and the Earl of Southampton*. London: Hamish Hamilton. 223 p.

Сведения об авторе:

Андрей Александрович Липгарт,
доктор филол. наук
профессор
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Andrey A. Lipgart,
Doctor of Philology
Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
a_lipgart@mail.ru

К СТОЛЕТИЮ РЕФОРМЫ РУССКОЙ ОРФОГРАФИИ

*Я.Э. Ахапкина¹, Н.В. Николенкова (Москва, Россия)***Когда и орфографическое правило может быть бессильно
(о постановке дефиса при приложении)²**

Аннотация: В статье рассмотрены орфографические трудности, возникающие при необходимости зафиксировать новое и редко встречающееся в русской письменности сочетание слов. Показан механизм анализа правил орфографии и аналогичных написаний, то есть представлен определенный алгоритм работы орфографиста при решении новой проблемы.

Ключевые слова: теория и практика орфографии, приложение, дефис

*Ya.E. Akhapkina, N.V. Nikolenkova (Moscow, Russia)***The Hyphenation of Attributive Nouns: When the Spelling Rule is Powerless**

Abstract: The article discusses spelling problems arising from the necessity to fix a new combination of rare words in written speech. And it shows how to analyze spelling rules and analogous cases, introducing an algorithm for solving new problems.

Key words: Russian spelling, annexation, hyphen

ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ

В сентябре 2017 г. на семинаре по дисциплине «Русский язык и культура речи» факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова одному из авторов, Н.В. Николенковой, был задан вопрос, ставить ли дефис в написании появившегося в СМИ сочетания «*мусульмане (?) рохинджа*». Для решения вопроса о его постановке (или о выборе раздельного написания) необходимо было сначала прояснить значение сочетания. В объяснении нуждалось слово «рохинджа», отсутствующее в лингвистических словарях. В современных сетевых словарях говорится, что «*рохинджа* — этническая группа, компактно проживающая в штате Ракхайн в

¹ В исследовании учтены результаты проекта, выполняемого за счет гранта Российского научного фонда (проект №16-18-02071 «Пограничный русский: оценка сложности восприятия русского текста в теоретическом, экспериментальном и статистическом аспектах»).

² В основу статьи положен доклад Н.В. Николенковой, прочитанный в ходе конференции Тотального диктанта 26 января 2018 г. Сама тема была сформулирована в результате переписки и обсуждения двух авторов после очередного заседания Орфографической комиссии РАН.

Мьянме, говорят на индоевропейском языке рохинджа. По вероисповеданию рохинджа – мусульмане»¹.

Лексическая единица «рохинджа», помещенная в словари, получила бы такую же словарную статью, как, к примеру, «банту» или «хауса» (*банту*, неизм.; *мн.* Группа народов, составляющих основное (коренное) население большинства стран Центральной, Восточной и Южной Африки; представители этих народов. *Миграция б. Племена б.* < Банту, в зн. прил. Семья языков этих народов. *Языки б.* [БТСРЯ]; *хауса*, неизм. и нескл., *м.* (язык) и нескл., *мн.*, *ед. м.* и *ж.* (народ) [РОС]). В большинстве случаев такие неизменяемые слова называют только язык, являясь неизменяемыми существительными мужского рода: «хинди», «пушту», «фарси» и т. д. [БТСРЯ, РОС]. В нашем сочетании «рохинджа» имеет значение 'народ', при этом в имеющихся контекстах лексема ведет себя как неизменяемое существительное *мн. ч.* («рохинджа считают себя...», «рохинджа переселились в Мьянму» и т. д.)

Таким образом, анализируемое сочетание представляет собой объединение двух существительных со значением 'религия + этноним', одна из лексем должна выступать в качестве приложения, что позволит применить одно из правил русской орфографии. Решение вопроса об определяемом слове и приложении в подобных сочетаниях оказалось главным вопросом; ход рассуждений нам и хотелось продемонстрировать в данной работе.

Сама информация о военном преследовании народности рохинджа вооруженными силами и полицией Мьянмы в штате Ракхайн, северо-западном регионе страны, занимала в сентябре 2017 г. первые полосы многих СМИ², при этом единообразного написания не было:

- (1) Митинг в Грозном против преследования мусульман рохинджа в Мьянме (Эхо Москвы, 04.09.2017);
- (2) Карательная кампания властей Мьянмы против мусульман-рохинджа вызвала акции протеста российских мусульман в Москве и Грозном (Газета.Ру, 06.09.2017);
- (3) Геноцид мусульман рохинджа в Мьянме (Бирме) – каковы причины исторического противостояния, вылившегося в кровопролитную войну? (Южный Федеральный, 05.09.2017); там же: Мусульмане рохинджа и буддисты-бамар находятся в крайне сложных отношениях <...> неприязнь между буддистами и мусульманами-рохинья³;
- (4) Столкновения между буддистами и мусульманами, рохинджа; говорилось о поддержке Россией мусульман-рохинджа в Мьянме (Новая газета, 04.09.2017).

Из представленных примеров очевидно, что определить, какая из двух лексем в составе сочетания является определяемой, а какая – приложением, однозначно нельзя. Обращение к теоретическим положениям синтаксиса также не помогает: ни критерий эндоцентричности, предложенный Ч. Базеллом, ни критерий морфосинтаксического локуса не позволяют определить вершину сочетания.⁴ Согласно семантическому кри-

¹ См.: ru.wikipedia.org/

² См.: www.mk.ru/politics/2017/09/04/; u-f.ru/article/islam/u21/2017/09/05/244574; echo.msk.ru/blog/day_video/2049246-echo/; мы отобрали несколько примеров, первых в поисковых системах на запрос «мусульмане?рохинджа».

³ Вариант написания названия народности.

⁴ «Про один член синтагмы можно сказать, что он подчиняет второй, если первый характеризуется теми же признаками, которые характерны для всей синтагмы» (цит. по: [Тестелец 2001: 79]). В нашем случае оба члена сочетания обладают признаками всей синтагмы. «В словосочетании

терию, «при удалении зависимого наблюдается редукция, или “умаление” значения целого, а при удалении вершины – изменение значения» [Тестелец 2001: 86]. По всей видимости, в логике этого критерия вершиной следует признать этноним. Однако этот признак не является определяющим. Так, аналогия с именами той же тематической группы допускает возможность трактовки этнонима как зависимого¹.

В диссертации [Чумакова 2001] констатируется плавающий статус названий лиц по национальности: «Имена разных тематических групп (функциональные, релятивы, названия лиц по социальному статусу, названия лиц по национальности, месту рождения (нахождения)) могут употребляться равно как в качестве господствующего слова аппозитивной конструкции, так и в функции приложения, выражая при этом идентифицирующий или предиктирующий характер значения».

ПРАВИЛА: ОПОРНОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ

В §79 Правил-56 рекомендовано писать через дефис «определяемое слово со следующим непосредственно за ним однословным приложением» (*мать-старуха, Маша-резвушка, Аника-воин*; п. 14), тогда как «между определяемым словом и стоящим перед ним однословным приложением, которое может быть приравнено по значению к прилагательному, дефис не пишется» (*красавец сынишка*; прим. 1 того же пункта). В прим. 3 указано еще одно исключение, когда дефис между определяемым словом и приложением не ставится: «в сочетании существительных, из которых первое обозначает родовое, а второе видовое понятие, например: птица зяблик, цветок магнолия» [Правила-56].

Д.Э. Розенталь разбор этой темы переносит в раздел «Пунктуация». §93 (особенные приложения) отмечает, что одиночное приложение ставится при нарицательном существительном (*город-герой, зима-волшебница, юноша-сапер, мороз-воевода*. Прим. 1 к п. 2), при этом в данном примечании не оговаривается порядок определяемого слова и приложения. Далее приводится 5 случаев непостановки дефиса при приложении, среди них – указанные в Правилах-56 однословные приложения, которые приравнены по значению к прилагательному (*старик отец*) и родо-видовые сочетания (*нити мулине, газ углерод*). В этом же примечании обговаривается, что в сложных научных терминах, в названиях специальности и т. д. дефис все же ставится: *заяц-русак, мышь-полевка, врач-терапевт, учитель-математик, монах-францисканец* [Розенталь 1978: 101–102].

Справочник под редакцией В.В. Лопатина (далее ПАС) возвращает рассмотрение вопроса о написании приложения в орфографию, в раздел о сложных существительных. В §120 через дефис рекомендовано писать сочетания с однословными приложениями, следующими за определяемым словом (*лён-долгунец, мать-героиня, студент-первокурсник*) или предшествующими таким словам (*герой-летчик, старик-отец, проказница-мартышка*)². §122 сохраняет раздельное написание за двумя нарицательными существительными, выражающими родовое

из двух словоформ ту словоформу, морфологические связи которой с внешним контекстом более важны, чем связи другой словоформы, естественно считать вершиной» [Тестелец 2001: 4], однако в рассматриваемом случае связи идентичны.

¹ В вузовском учебнике [Валгина 1991: 128] среди семантических типов приложений прямо предложена национальная принадлежность: «Приложения могут характеризовать предмет в отношении возраста, родства, профессии, специальности, рода занятий, национальной и социальной принадлежности», что противоречит идее о главенстве этнонима, связанной с редукцией смысла.

² Нельзя не отметить изменение нормы Правил-56 о препозитивном приложении, аналогичном по смыслу прилагательному.

и видовое понятие в классификации природных объектов (*птица иволга, минерал лазурит*), а также общее понятие и имя собственное (город Москва, художник Репин) [Правила-2006: 122–123, 127–128].

Интересна интерпретация, предложенная в [Кайдалова, Калинина 1983: 94]: «не присоединяется дефисом приложение, обозначающее национальность или местожительство, независимо от того, на первом или на втором месте оно стоит: немец лакей, мальчик эвенк, цыганка старуха, земляки свердловчане». Исключением авторы считают сочетания с первым словом – субстантивированным прилагательным, в этом случае дефис позволяет избежать двоякого толкования¹.

В справочнике [Валгина, Светлышева 1993: 61, 189] в разделе об орфографии сложных слов предложена такая формулировка: «через дефис пишутся сложные наименования, в которых первое слово является общим названием, а второе – более конкретным». Правило преимущественно справедливо в отношении спецификации назначения предмета, названного первым словом, как отмечают авторы; в пунктуационном разделе в правиле об одиночных приложениях ими же предложено примечание: «одиночные приложения, имеющие только определительное значение и стоящие непосредственно после определяемого имени, не обособляются (они сливаются с ним в одну синтагму и пишутся через дефис)».

Повторяющиеся положения можно считать основой правил слитного и дефисного написания определяемого существительного и приложения к нему. Рассмотрим, насколько применимо данное основное правило к рассматриваемому нами сочетанию.

СОЧЕТАНИЯ ‘РЕЛИГИЯ + ЭТНОНИМ’ В ТЕКСТАХ РАЗНОГО ХАРАКТЕРА

Сочетания этого типа, по данным НКРЯ², являются довольно редкими. В корпусе найдено немного примеров, представляющих именно порядок ‘религия + национальность’; приведем большую часть этих примеров:

(5) Они сохранили свой язык, отличный и от латышского, и от эстонского, и, быв окрещены издавна, сохранили непоколебимо православие и любовь к Печерскому монастырю, несмотря на усилившийся около них наплыв *лютеран-латышей* с кирками, пасторами и школами. *К.П. Победоносцев. Письма Александру III (1890–1894)*;

(6) Когда в пятнадцатом веке турки окончательно завладели Балканским полуостровом и стали жестоко угнетать *христиан-греков*, последние целыми семьями эмигрировали в Малороссию. *В.П. Авенариус. Гоголь-гимназист (1897)*;

(7) Общество наше состояло, разумеется, только из мужчин и преимущественно Кобтов; было также несколько *христиан-Сирийцев*, уже по первому взгляду

¹ Прямо противоречит идеям, высказанным в [Кайдалова, Калинина 1983] рекомендация справочника о слитном и раздельном написании: в словаре [Букчина, Калакуцкая 1982: 53, 440, 797] находим написания : *англичанин-камердинер, немец-колонист, французженка-гувернантка*.

² Поиск шел по нескольким лексемам. Так, поиск на «лютеранин» дал 217 документов, 391 вхождение, примеры сочетаний ‘этноним + религия’ встречаются единично, большая часть приведена в статье; на «протестант» – 476 документов, 1450 вхождений, на «католик» – 1069 документов и 2739 вхождений, картина та же (search1.ruscorpora.ru/search.xml, дата обращения: 18.01.2018). Проверка выдачи осуществлялась вручную с дополнительными указаниями (на первом шаге в дополнительных признаках второго слова был указан повтор формы числа и падежа, а в грамматических – существительное; на втором шаге в семантических признаках второго слова было выбрано указание «этноним»; одновременный выбор этих признаков результатов не дал). При цитировании во всех случаях сохраняется орфография примера, размещенного в НКРЯ.

отличающихся от сынов Нила... *А.А. Рафалович. Путешествие по Нижнему Египту и внутренним областям Дельты (1850);*

(8) Если первобытные *христиане-евреи*, а с ними и римляне, как видно из Тацита, смотрели на учение Христа более с своей, еврейской, точки зрения, то немудрено, что язычники – греки и римляне, делаясь христианами, вносили с собою в новое учение свои прежние языческие понятия и обряды. *Н.И. Пирогов. Вопросы жизни. Дневник старого врача (1879–1881);*

(9) Так что вряд ли в таком государстве *католик-хорват* или православный серб будет чувствовать себя уютнее, чем, скажем, *католики-французы* в сегодняшнем Алжире. *Елена Мартынова. Боснийский треугольник загадочнее Бермудского (1995) // Общая газета, 1995.03.01;*

(10) Но в «Песни о нибелунгах» фигурируют не только *христиане-бургунды*, но и *язычники-гунны*. *А.Я. Гуревич. Средневековая литература и ее современное восприятие (1976);*

(11) Однако голландцы еще не чувствовали себя уверенно в новых владениях (в отличие от *католиков-испанцев*, которые считали, что земли в Америке им подарил Папа Римский). *А. Алексеев. Бледнолицые и краснокожие // Наука и жизнь. 2008;*

(12) *Протестанты-голландцы* полагали, что американская земля принадлежит ее коренным жителям – индейцам. *А. Алексеев. Бледнолицые и краснокожие // Наука и жизнь. 2008.*

Особый случай представляет собой сочетание с квазиэтнонимом (*католики-туземцы, христиане-европейцы*):

(13) Несколько лет тому назад, личный состав и учреждения первого из них составляли: один епископ, 13 европейских священников, 13 священников-туземцев, 212 часовен и церквей, 2 семинарии, 56 мужских школ с 2000 воспитанников, 38 школ женских с 1000 человек учащихся, один приют для сирот-мальчиков, в котором числилось 64 пансионера, 4 таких же приюта для девочек, с 580 воспитанницами, и 28000 душ *католиков-туземцев*. *В.Д. Черевков. По китайскому побережью // Исторический вестник. 1898;*

(14) Протестантские миссионерские общества учредились здесь в 1862 году; в настоящее время их два с 17-го миссионерами. *Протестантов-туземцев* – 4000 душ. *IV. В.Д. Черевков. По китайскому побережью // Исторический вестник. 1898;*

(15) – Вам, индийцам, больше повезло, чем *христианам-европейцам*, – заключил свою речь Гирин. *И.А. Ефремов. Лезвие бритвы (1959–1963);*

(16) Однако не у всех буддистов это один и тот же лунный календарь: большинство буддистов празднуют 2 февраля 2003 года 2547 год (год черной или водяной овцы) эры нирваны, которая началась в день смерти Будды; *буддисты-тибетцы* 3 марта 2003 года отпразднуют 2130 год с момента восхождения на царство первого царя Тибета. *Буддийские праздники // Отечественные записки. 2003;*

Раздельное написание при таком порядке слов встречается значительно реже:

(17) Как католик, он желал бы, чтоб русская церковь относилась дружелюбно и братски к западной, устраняя только спорные пункты, главным образом о папе; он хотел бы, чтоб *католики славяне* (иноплеменникам он вообще не дает места)

были принимаемы в России, как свои, но относится нетерпимо к лютеранству и кальвинству: эти веры у него, как у истого католика, не более, как проклятые ереси. *Н.И. Костомаров. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Выпуск пятый: XVII столетие (1862–1875);*

(18) Тут пошли мы в славное Кубанское войско, – то наши *христиане казаки*, что живут за Дунаем, некрасовцами зовутся. *П.И. Мельников-Печерский. В лесах. Книга первая (1871–1874);*

(19) Патриарх отвечал: «Самим вам известно, что старый визирь на нас православных *христиан греков* был гонитель и поругатель великий, чуть меня к смерти не привел, и мне при нем помогать вам никаким образом было нельзя... *С.М. Соловьев. История России с древнейших времен. Том девятый (1859);*

(20) Оскольд же с поляны, вшед внутрь суды (протока), много *христиан греков* побил и двумя сты караблей Царьград оступил. *В.Н. Татищев. История российская в семи томах. Том второй (1750)¹;*

Чаше встречается обратный случай, когда определение по религиозной принадлежности стоит после этнонима:

(21) По вероисповеданию горные айсоры несториане, то есть не признают Иисуса Богом, марониты и яковиты перешли в католичество, а в Урмии за древнехристианскими, но еретическими душами айсоров охотятся миссии всех вероисповеданий: англичане, *американцы-баптисты*, *французы-католики*, православные, *немцы-протестанты* и еще кто-то. *В.Б. Шкловский. Сентиментальное путешествие (1923);*

(22) *Немцы-лютеране* или *поляки-католики*² были верными сынами Российской империи, но все то, что составляло основу патриотизма русских, оставалось им чуждым. *Сергей Филатов, Анастасия Струкова. От протестантизма в России к русскому протестантизму (2003) // Неприкосновенный запас. 2003.11.11;*

(23) *Немец-лютеранин*, отколотивший беспощадно молодого Багрова, был в то же время строгим наблюдателем церковных русских обрядов. *С.Т. Аксаков. Семейная хроника (1856);*

(24) Мы, профессора Уортс и Аксенов, тоже ведь не хуже других: башмаки связываем шнурками и перекидываем через плечо, рубашки превращаются в пояса, с помощью папье-маше увеличиваем себе носы, у Дина на макушке каперская клеенчатая шляпа (ведь он у нас истинный WASP – White Anglo-Saxon Protestant – «белые *англосаксы-протестанты*», потомки первых поселенцев из Новой Англии), я (восточный человек) в чалме. *Василий Аксенов. Круглые сутки нон-стоп // Новый Мир. 1976;*

(25) Он непредсказуем и в плане погодных условий, и в плане социальном: ведь именно на Юге живут рядом потомки европейцев и *англичан-протестантов*, коренные индейцы и мексиканцы, афроамериканцы и белые. *Ольга Панфилова. Америка от А до Я (2003) // Богатей (Саратов) 2003.04.10;*

¹ Последний пример, конечно, не является показательным для современного языка, однако включен в основной корпус НКРЯ.

² Сочетание *поляк-католик* в разных формах в НКРЯ представлено 11 раз, *француз-католик* – 5 раз и 1 раз без дефиса.

(26) Энтузиазм освобождения *болгар-христиан* (братьев-славян и православных единоверцев) от турецкого ига был весьма велик. *Денис Драгунский. Война окончена? Война начинается! // Частный корреспондент. 2010;*

(27) На юге Каппадокии можно увидеть целые подземные города, построенные *греками-христианами* после мусульманского нашествия. *В. Динец. Адрес: Рай для хитч-хайкеров // Вокруг света. 1995;*

(28) Среди десяти человек, занятых приготовлениями, находились наши старые знакомые Яни Клефт и Барабаш. Остальные были *евреи-христиане* Боруховой церкви. Яни Клефт за время своего нелегального существования сделал чрезвычайные успехи в гримировке и был решительно неузнаваем. *Л.А. Тихомиров. В последние дни (1920);*

(29) Что касается Инкермана... въ пещерахъ котораго поселились послѣдніе *Греки-христиане* послѣ Херсонесскаго разгрома, то, кромѣ множества криптъ съ храмами и часовнями, тамъ существовала небольшая крѣпость... *Муравьевъ-Апостоль: «Путешествіе по Тавриды въ 1820 г. ст. И.Н. Протопопов, С.И. Соваж. Исторический путеводитель по Севастополю (1903–1904);*

(30) Один *француз-католик*, живущий сегодня в Питере, как-то сказал, что при всех красотах города ему здесь не хватает очень простой вещи – истории. *Павел Кузнецов. Метафизика и практика Петербурга // Звезда. 2002;*

(31) Между *немцами-католиками*, сектантами-менонитами и *шведами-протестантами* часто возникали ссоры и драки. *Константин Иванов. Шведы со Змеевки // Вокруг света. 1992;*

(32) Еще: близкий к *ирландцам-католикам* праздник Хэлуин отмечают во всех московских барах и клубах. *Рустам Арифджанов. Москва католическая (1997) // Столица. 1997.01.06;*

Особым случаем можно считать сочетание ‘катоиконим + религия’:

(33) Я говорил с группой *москвичей-католиков*, державших плакат «Ждем папу в Москве!» *Константин Эггерт. Иоанн Павел II вспомнил о крещении руси. На аэродроме под Киевом понтифик неожиданно встретился с Леонидом Кучмой (2001) // Известия. 2001.06.24.*

Реже сочетание оформляется раздельно (возможна омонимия существительного и прилагательного):

(34) Только за 1928 год епископ Пий Неве потратил на помощь латинскому духовенству, *русским католикам*, сиротам, политзаключенным и ссыльным 7658 рублей. *Ольга Васильева. Дело архиепископа Варфоломея, или «человек-загадка» против Русской Православной Церкви // Альфа и Омега. 2000.*

По нашему мнению, параллелизм оформления связан с тем, что во всех контекстах место приложения неважно. Все случаи показывают нам ситуацию полного отождествления приложения и определяемого слова, отсутствия однозначного указания на вершину сочетания. Яркое подтверждение можно найти в примерах (11) и (12) из статьи А. Алексеева «Бледнолицые и краснокожие», опубликованной в двух номерах журнала «Наука и жизнь» за 2008 г., в которой описана ситуация XVI в. в Европе и Америке. Автор подчеркивает, что современных национальностей в Европе еще не было, гораздо чаще люди определяли себя по принадлежно-

сти к религии. Разделение на католиков и протестантов легло в том числе в основу желания европейских людей почувствовать себя принадлежностью определенной нации. Именно протестанты убегали в Америку, в том числе желая избавиться от власти европейских монархов. В статье противопоставлены католики-испанцы и протестанты-голландцы, т. е. одновременно отмечается и национальность (принадлежность к государству), и принадлежность к новой или старой религии. Очень близки примеры (8), (10), (21), (22) и (31) с одновременным противопоставлением религиозной и национальной (племенной) принадлежности.

В ряде случаев определить место приложения (вершину сочетания) проще, однако помогает нам скорее характер общих знаний, а не лингвистический анализ. К примеру:

(35) В пятницу Юаншикай принял депутацию *китайцев-лютеран* и заявил, что намерен ввести равенство всех вероисповеданий и безусловную свободу совести (Корр. Вести. 1912.02.26) // Руть. 1912.

В данном случае «лютеране» – приложение, выделяющее эту группу китайцев из конфуцианцев, буддистов, представителей даосизма и т. д. То же ниже:

(36) Враждебное население стало готовиться к борьбе с немцами... вступило в борьбу против немцев, противопоставляя силу силе, и таким образом началось движение против европейцев, против *христиан-китайцев*, против миссионеров и против маньчжурской династии. В.В. Корсаков¹. *Пекинские события. Личные воспоминания участника об осаде в Пекине. Май-август 1900 года (1901)*;

(37) Ихэтуани поджигали дома *китайцев-христиан*, сотни людей погибли. Михаил Шишкин. *Письмовник (2009)* // Знамя. 2010;

(38) В Сеуле производится допрос арестованных *Корейцев-христиан*, обвиняемых в подготовке покушения на жизнь графа Тераучи. [неизвестный]. *События дня (1912.06.21)* // Новое время. 1912;

(39) Благодаря такому вмешательству миссионеров, *христиане-китайцы* уклоняются от юрисдикции своих властей, что вызывает пререкания между последними и проповедниками и поддерживает тех и других в состоянии постоянного взаимного раздражения. И.Я. Коростовец. *Письмо из Пекина. Миссионерство в Китае и антиевропейское движение (1892)*;

(40) Эти предания, по замечанию отца Палладия, могут быть известны в Корее, по рассказам *христиан-корейцев*, которых прежде было довольно, в особенности в северной части этого государства. Н.М. Пржевальский. *Путешествие в Уссурийском крае. 1867–1869 гг. (1870)*.

Таким образом, значительное число найденных примеров демонстрируют, что дефисное оформление предпочтительнее при любом порядке расположения элементов «религиозная принадлежность» и «этноним» (или близкая к нему по значению лексема из перечисленных выше). В подавляющем большинстве случаев никакой возможности выделить определяемое и определяющее нет, многие словоупотребления подчеркивают абсолютное равенство обоих членов сочетания. В некоторых сочетаниях помощь в определении вершины нам оказывают экстралингвистические данные.

¹ В.В. Корсаков 9 раз употребляет сочетание *христиане-китайцы* (стабильно оформленное при помощи дефиса).

Намного чаще можно обнаружить сочетания из двух слов, где первое – общая религиозная принадлежность, а второе – определенная ветвь, направление в ней. Приведем некоторые примеры из НКРЯ:

(41) Государственная религия – ислам, большинство верующих – *мусульмане-сунниты* (67%). Людмила Бузышина. *Старейшая монархия планеты // Зеркало мира. 2012;*

(42) Дело в том, что обряды *мусульман-суннитов* и *мусульман-исмаилитов* не во всем совпадают. Надежда Емельянова. *Бадахшан – таджикский и афганский // Родина. 2008;*

(43) «Но мы не разрешаем женщинам выкладывать туда свои изображения», – говорится в заявлении общины *мусульман-шиитов* из Индии. Наталья Радулова. *Предотвращение порока // Огонек. 2014;*

(44) Большую сенсацию и недовольство производит в старообрядческих кругах Москвы предстоящее 30 июня бракосочетание молодой старообрядки В. с *католиком-иезуитом* К. Г-жа В., молодая, интеллигентная девушка, принадлежит к известной в Москве старообрядческой семье. [неизвестный]. Москва. *Сенсационная свадьба (1910.07.09) // Утро России. 1910;*

(45) Образ жизни *протестантов-амишей* не меняется уже более двух столетий. Тимур Мяльдин. *Старообрядчество по-американски // Зеркало мира. 2012¹;*

(46) Фильм пытается рассказать эту историю с точки зрения верующего *католика-антипаписта*. Михаэль Дорфман. *Христа распял Мэл Гибсон (2003) // Интернет-альманах «Лебедь». 2003.08.11;*

(47) На берегу озера Иссык-Куль Хвольсон раскопал кладбище *христиан-несториан*, беглых еретиков, которые прятали в облачных горах Тянь-Шаня мощи евангелиста Матфея. Алексей Иванов. *Комьюнити (2012).*

Раздельное написание встречается в единичных случаях:

(48) Мэл Гибсон – верующий *католик традиционалист*, отрицающий нововведения принятые II Ватиканским собором в 1965 г. Михаэль Дорфман. *Христа распял Мэл Гибсон (2003) // Интернет-альманах «Лебедь». 2003.08.11.*

Следовательно, для пишущих нет различий в оформлении сочетания ‘религия + этнос’ и ‘религия + ее ветвь’ – постановка дефиса предпочтительна в любом из этих сочетаний.

Вероятно, с точки зрения основной формулировки правил, представленной выше, ошибочным написанием можно было бы признать дефисное в сочетании со значением ‘религия + ее ветвь’, ведь отношения в этом случае оказываются родо-видовыми. Однако добавление, сделанное в ПАС, кажется нам весьма удачным, напомним: «§122 сохраняет раздельное написание за двумя нарицательными существительными, выражающими родовое и видовое понятие **в классификации природных объектов**» [Правила-2006: 127–128].

Таким образом, обращение к основному разделу Правил, связывающему раздельное или дефисное написание со значением и местом расположения приложе-

¹ Амиши (англ. Amish [ˈɑːmɪʃ], нем. Amische, пенсил.-нем. Amisch), они же аманиты или амманти – религиозное движение, зародившееся как самое консервативное направление в меннонитстве (разновидность анабаптизма) и затем ставшее отдельной протестантской религиозной деноминацией (ru.wikipedia.org/wiki/Амиши).

ния, нам в решении поставленной проблемы не помогает. Практика письма демонстрирует нам в этом случае отчетливое стремление к постановке дефиса независимо от места приложения – тенденцию, отмеченную исследователями орфографии еще в начале XXI в.: «современная практика СМИ демонстрирует расширенное употребление дефиса в сочетании с приложением <...> при этом демонстрируется безразличие к месту самого приложения» [Еськова, Лопатин 2009].

СВЯЗЬ НАПИСАНИЯ С ФОРМОЙ СЛОВ В СОЧЕТАНИИ – РЕКОМЕНДАЦИИ XXI в.

Начиная с ПАС в правилах добавлен принцип постановки или непостановки дефиса, основанный не только на значении слов в сочетании, но и на их форме. Так, в п. 2 §120 рекомендовано дефисное написание сочетаний с приложениями при несклоняемом существительном (*каное-одиночка*), а в п. 2 и 3 §122 регулируется раздельное написание сочетаний с неизменяемыми определениями после существительного (*юбка плиссе, язык хинди, пальто макси*) и устойчивых сочетаний типа «казус белли», «час пик»¹ [Правила 2006: 123, 128].

Ситуация с формой слова – изменяемой или нет – более серьезно описана в работах Е.В. Бешенковой и О.Е. Ивановой. Воспользовавшись их алгоритмом, получаем ситуацию, описанную в правиле (4.3.4 и 4.3.5): второе слово не склоняется, главным может быть как первое, так и второе слово в сочетании [Бешенкова, Иванова 2011: 172]. Авторы перечисляют слова, частотно выступающие в роли постпозитивных неизменяемых определений (существительные и прилагательные). Среди них – языки (банту, галла, гуарани, идо, кикуйю, коми, манси, маори, маратхи, мунда, пали, пехлави, пушту, суахили, телугу, урду, фарси, хинди, хиндустани, эсперанто) и народности (азанде, гаро, ибанаги, иджо, комо, лаху, лису, непали, сиу, тулу, эве)² [там же; Бешенкова, Иванова 2016: 172–173].

Таким образом, если приложением считать название этноса (*рохинджские мусульмане, как приведенные выше в примерах *корейские протестанты*), то предполагается раздельное написание. Если же опорным словом будет второе, а первое рассматривается как приложение, то верным будет дефисное написание.

Однако сопоставление предполагаемого дефисного написания с практикой письма с учетом малой известности лексемы «рохинджа» для носителей русского языка делает неточным значение самого сочетания «мусульмане-рохинджа» для читающего текст. Возникает возможность ложной интерпретации, так как кто-то может предположить, что перед нами определенная ветвь исламской религии.

Во избежание ложной интерпретации мы рекомендуем отказаться от использования правила постановки дефиса, отдав предпочтение раздельному написанию, а сочетания из двух слов преобразовывать в трехсловные: мусульмане народности рохинджа.

СМИ довольно быстро продемонстрировали готовность к решению, выведенному нами на основе анализа правил. Уже в сентябрьских публикациях трехчленное словосочетание стало появляться наряду с разноречием, приведенным в начале данной статьи:

¹ Надо отметить, что в этом разделе ПАС есть грубая ошибка. Последним примером будет «четырьмя минея». Однако это сочетание прилагательного и существительного, согласование. Как прилагательное «четый» вполне употребляется – «четыре сборники», «четый текст» и т. д.

² Поиск показывает, что можно образовать еще минимум 4 словосочетания с использованием неизменяемых этнонимов, подобных анализируемому нами: *христиане (?) гаро, *католики (?) ибанаги, *католики (?) комо, *протестанты (?) лису.

(49) Мусульмане из этнической группы рохинджа, столкнувшиеся с жесткими действиями мьянмийских силовых структур, оказались заложниками давнего конфликта между властями Мьянмы и радикальными исламистскими группами (Газета.Ру, 06.09.2017);

(50) Около 30 тыс. мусульман народа рохинджа покинуло территорию Мьянмы в попытке спастись от правительственных войск (Коммерсантъ, 01.09.2017);

(51) Надо отметить, что в мировой прессе тема преследований, массовых убийств и даже геноцида мусульман народности рохинджа поднимается почти ежегодно в последние несколько лет, начиная с погромов 2012 года (Общероссийское ИАМ, сентябрь 2017).

Другой заменой, отмеченной в СМИ, было употребление на месте этнонима названия страны, задействованной в конфликте:

(52) Накануне не санкционированная акция в поддержку мусульман Мьянмы состоялась в центре Москвы (Эхо Москвы, 04.09.2017).

Делая некоторые выводы, заметим, что главная задача пишущего текст – не просто выполнить какие-то правила орфографии, а добиться однозначного понимания текста читающим. Поэтому в ряде случаев, когда используется мало знакомое слово – неологизм или экзотизм, когда написание может вызвать двойное толкование, мы бы рекомендовали искать выход за пределами орфографических правил, применять иные языковые возможности, чтобы добиться однозначности и точного понимания.

ЛИТЕРАТУРА

Бешенкова, Иванова 2011 – *Бешенкова Е.В., Иванова О.Е.* Русское письмо в правилах с комментариями. М., 2011. 360 с.

Бешенкова, Иванова 2016 – *Бешенкова Е.В., Иванова О.Е.* Теория и практика нормирования русского письма. М., 2016. 424 с.

БТСРЯ – Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. gramota.ru/slovari/ (дата обращения: 11.02.2018).

Букчина, Калакуцкая 1982 – *Букчина Б.З., Калакуцкая Л.П.* Слитно или отдельно? : (Опыт словаря-справочника). М., 1982. 879 с.

Валгина 1991 – *Валгина Н.С.* Синтаксис современного русского языка: Учеб. для вузов по спец. «Журналистика». М., 1991. 432 с.

Валгина, Светлышева 1993 – *Валгина Н.С., Светлышева В.Н.* Орфография и пунктуация: Справочник. М., 1993. 336 с.

Еськова, Лопатин 2009 – *Еськова Н.А., Лопатин В.В.* О написании сочетаний с приложениями // 2009: Лингвистические основы кодификации русской орфографии. М., 2009. С. 69–73.

Кайдалова, Калинина 1983 – *Кайдалова А.И., Калинина И.К.* Современная русская орфография: Учеб. пособие для вузов по спец. «Журналистика». М., 1983. 240 с.

Правила-56 – Правила русской орфографии (1956). new.gramota.ru/spravka/rules/130-mtz (дата обращения: 11.02.2018).

Правила-2006 – Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / Под ред. В.В. Лопатина. orthographia.ru/ (дата обращения: 11.02.2018).

Розенталь 1978 – *Розенталь Д.Э.* Справочник по правописанию и литературной правке. 3-е изд., испр. и доп. М., 1978. 336 с.

РОС – Русский орфографический словарь // Научно-информационный «Орфографический академический ресурс АКАДЕМОС» Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН. orfo.ruslang.ru/ (дата обращения: 11.02.2018).

Тестелец 2001 – *Тестелец Я.Г.* Введение в общий синтаксис. М., 2001. 798 с.

Чумакова 2001 – *Чумакова Ю.А.* Семантическая структура приложений в русском языке: Дисс. ... канд. филол. наук. Елец, 2001. cheloveknauka.com/semanticheskaya-struktura-prilozheniy-v-russkom-yazyke (дата обращения: 14.02.2018).

REFERENCES

Beshenkova, Ivanova 2011 – Beshenkova E.V., Ivanova O.E. (2011) Russian Spelling Rules with Commentaries. Moscow. 360 p.

Beshenkova, Ivanova 2016 – Beshenkova E.V., Ivanova O.E. (2016) Theory and Practice of Rational Russian Spelling. Moscow. 424 p.

BTSRYA – A Comprehensive Dictionary of the Russian Language / Ed. by S.A. Kuznetsov. gramota.ru/slovari/ (date accessed: 11.02.2018).

Bukchina, Kalakutskaya 1982 – Bukchina B.Z., Kalakutskaya L.P. (1982) Together or Separately? : (Experience of the Reference-Dictionary). Moscow. 879 p.

Chumacova 2001 – Chumacova Y.A. (2001) The Semantic Structure of Opposition in Russian. PhD Thesis. Yelets. cheloveknauka.com/semanticheskaya-struktura-prilozheniy-v-russkom-yazyke (date accessed: 14.02.2018).

Eskova, Lopatin 2009 – Eskova N.A., Lopatin V.V. About Spelling of Structures with an Attributive Noun. In: Linguistic Bases of Codification of Russian Spelling. Moscow. 2009, pp. 69–73.

Kaydalova, Kalinina 1983 – Kaidalova A.I., Kalinina I.K. (1983) Contemporary Russian Orthography: Textbook for High Schools on Specialty “Journalism”. Moscow. 240 p.

Rules 56 – Rules of Russian Spelling (1956). new.gramota.ru/spravka/rules/130-mtz (date accessed: 11.02.2018).

Rules 2006 – Rules of Russian Spelling and Punctuation: Full Academic Handbook / Ed. by V.V. Lopatin. orthographia.ru/ (date accessed: 11.02.2018).

Rosenthal 1978 – A Reference Book on Spelling and Literary Editing. 3rd ed., revis. and suppl. Moscow. 336 p.

ROS – Russian Spelling Dictionary. Papers of the Vinogradov Russian Language Institute ‘Orthographic Academic Resource of ACADEMOS’, RAS. orfo.ruslang.ru/ (date accessed: 11.02.2018).

Testelelets 2001 – Testelelets Ya.G. (2001) An Introduction to the General Syntax. Moscow. 798 p.

Valgina 1991 – Valgina N.S. (1991) Syntax of the Contemporary Russian Language: Textbook for High School on the Specialty “Journalism”. Moscow. 432 p.

Valgina, Svetlysheva 1993 – Valgina N.S., Svetlysheva V.N. (1993) Spelling and Punctuation: A Handbook. Moscow. 336 p.

Сведения об авторах:

Яна Эмильевна Ахапкина,
канд. филол. наук
доцент
факультет гуманитарных наук
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
член Орфографической комиссии РАН

Yana E. Akhapkina,
PhD
Associate Professor
Faculty of Humanities
National Research University
Higher School of Economics

yana.akhapkina@gmail.com

Наталья Владимировна Николенкова,
канд. филол. наук
доцент
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова,
член Орфографической комиссии РАН

Natalia V. Nikolenkova,
PhD
Associate Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University

natanik2004@mail.ru

И.Б. Ничипоров (Москва, Россия)

Религиозные интуиции в лирике Игоря Чиннова

Аннотация. В статье предпринят опыт анализа и систематизации религиозных мотивов в стихотворениях Игоря Чиннова в соотнесении с формами самовыражения его лирического «я» и эволюцией художественной манеры поэта.

Ключевые слова: Игорь Чиннов, религиозные мотивы, лирический герой, поэтический стиль

I.B. Nichiporov (Moscow, Russia)

Religious Intuition in Igor Chinnov's Poetry

Abstract: The article studies and systematizes religious motifs in Igor Chinnov's poems. A correlation is drawn between the expression of Chinnov's lyrical self and the evolution of his poetic style.

Key words: Igor Chinnov, religious motifs, lyrical hero, poetic style

Творчество Игоря Владимировича Чиннова (1909–1996) стало примечательным явлением в поэзии Русского зарубежья второй половины века. В новейших исследованиях описаны этапы творческого пути поэта, многие биографические обстоятельства, контуры образной системы его лирики в соотнесении с традициями Серебряного века, эстетикой «парижской ноты»...¹ Перспектива углубленного изучения поэтического мира Чиннова сопряжена, в частности, с осмыслением сквозных для его стихотворений разных лет религиозных интуиций, отражающих направления внутренних поисков лирического «я», трансформации авторской художественной манеры.

В начальной книге стихов «Монолог» (1950) интуиции о надмирном бытии запечатлеваются в лирических миниатюрах, построенных на парадоксальном наложении далеких образных планов («Еще почти прозрачная Луна – // Как оду-

¹ *Болычев И.И.* Творческий путь Игоря Чиннова: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1999; *Ковальчук С.* «И мелкий щебень радостей и бед...» (О поэте Игоре Чиннове). www.russkije.lv/ru/pub/read/kovalchuk-radosti-i-bedy/; *Налегач Н.В.* Поэтический диалог И. Чиннова с И. Анненским (к постановке проблемы) // Сибирский филологический журнал. 2009. № 2. С. 77–84; *Носова О.Е.* Поэзия Игоря Чиннова: истоки, характер, эволюция трагического мироощущения: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2004; *Плюханов Б.В.* Поэт Игорь Чиннов. www.ruthenia.ru/reprint/blok_xii/pljuhanov.pdf

ванчик светловато-серый»¹), на «овеществляющих» метафорических сцеплениях. Как признался поэт в беседе с Д. Глэдом: «...у меня очень много предметов. Это вещественная поэзия... Понемногу и постепенно вещи приобрели у меня индивидуальные черты, не общие»². Прозрения о Боге, памяти как «шуме листопада», онтологической незаполненности душевной жизни, подобной той пустоте, что «ночью под аркой моста», предстают в призме бытовых эпизодов и жестовых, предметных ассоциаций. Движение к собеседничеству с иным миром обнаруживает драматичное столкновение веры и скепсиса; прислушивание к голосу «другого» балансирует на грани подлинности и кажимости, что находит выражение в оксюморонной поэтике – как в стихотворении «Бывает, поддашься болезни...»:

Как будто бы голос далекий
(Не знаю, не спрашивай – чей)
Такой отзывается мукой –
Страшнее больничных ночей...
И скорбью, и болью о мире
(Ты смотришь, платок беребя)
Иное, нездешнее горе,
Как счастьем, пронзает тебя...

Погружение в вещную реальность и метафизическую «скуку» повседневных, насыщенных трагическим переживанием сцен пробуждает в лирическом герое потребность в религиозном чувстве, противоположном заданным представлениям о Боге и вечности:

А дальше что? Что Бог – благой и кроткий,
Что грешников поджаривают черти,
Что в тишине чадит на сковородке
Немного жизни и немного смерти.
(«Немного рыбы и немного соли...»)

С затаенным сомнением выражаемая жажда «по-детски верить» в конечное торжество бессмертия, в то, что «даже одуванчик сохранится» («В безветренных полях еще весна...»), перерастает у героя Чиннова в вопрошающее, пронизанное тревожным религиозным чувством «незнание» о Боге. В стихотворении «Озаренное небо...» пристальное вглядывание в тварный мир с желанием прозреть присутствие его Создателя («Озаренное небо, и птицы летят. // Что я знаю – о жизни, о смерти, о Боге?») парадоксальным образом преломляется в ассоциации со слепым ребенком, который в напряжении своего существа «чутко слушал... Как смутно шумит за кормой // Голубое, слепому незримое море...»

Сборники Чиннова 1960-х гг.: «Линии» (1960), «Метафоры» (1968) – представляют развитие пейзажно-психологической лирики, явно или косвенно соотносённой с религиозным переживанием. Восприятие таинственной жизни неба, что «светится голубоватым глэтчером» («Видимо, напрасны обращения...»), являет сложное совмещение эстетического чувства, приближения к вечности – и сомнения в личной встрече с Творцом. Колебание поэтической мысли между загадкой бытия и «просто метеорологией» придает речи вопрошающую модальность, в скобочной же «ремарке» проступает главный предмет этих вопрошаний:

¹ Тексты стихотворений И. Чиннова приведены по изданию: *Чиннов И.* Собр. соч.: В 2 т. Т. 1: Стихотворения. М., 2000 (knigogid.ru/books/217997-t1-stihotvoreniya/toread).

² *Чиннов И.* Собр. соч.: В 2 т. Т. 2: Стихотворения 1985–1995. Воспоминания. Статьи. Письма. М.: Согласие, 2002 (booksafe.net/read/chinnov_igor-sobranie_soch_v_2_t_2_stihotvoreniya_1985_1995_vospominaniya_stati_pisma-181016.html#p1).

Видимо, и нет престола Божия:
Только небо, на покой похожее,
Серебрится, бледно золотится.
Это просто метеорология.
(Отчего заговорил о Боге я?)
Вечереет. Кажется, зарница.

Сквожение инобытия, «следы чего-то другого» в природном мире, неравенство тварного космоса своему земному воплощению передаются у Чиннова средствами импрессионистского письма, в оксюморонной стилистике, обнаруживающей пределы возможностей языка в сфере религиозного познания:

И кажется вдруг, что в мире –
Следы чего-то другого
(Вот так в шевеленье листьев
Невидимый виден ветер).
Как будто сквозь близкий шелест
Ты слышишь далекий голос –
Как будто сквозь дали неба
Так близко далекий голос.

В диалогическом и порой конфликтном соприкосновении оказываются у Чиннова исполненное земными сомнениями и противоречиями личностное «я» героя – и его душа, причастная как явленному миру, так и Божественной вечности, и предощущающая собственное бессмертие («О душа, ты наполнишься осенним огнем...»). Перекликающийся с лермонтовским «Ангелом» (1831) лирический сюжет стихотворения «переводит» романтическое двоемирие в сферу внутренней жизни, повседневных чувственных восприятий и выдвигает на авансцену болезненное повреждение связей между молитвенным языком души и эмпирическим вербальным опытом:

О душа, ты наполнишься осенним огнем,
Морем вечеряющим ты полна.
Души-то бессмертны, а мы умрем –
Ты бы пожалела слегка меня.
<...>
Хоть бы рассказала ты мне хоть раз,
Как сияет вечно музыка сфер,
Как переливаясь, огнем струясь,
Голубеют звуки ангельских лир.

Вопрошающий потенциал религиозного чувства героя поэзии Чиннова зачастую переходит в сниженно-иронический план, соединяясь с переживанием богооставленности человека в частной жизни и истории. Ирония у Чиннова «коренится в особом... метафизическом сомнении, при котором человеческое сознание способно поставить под вопрос любое устойчивое убеждение и тем самым усилить жажду души по истине»¹. В стихотворении «Одним забавы, другим заботы...» ироническая игра словесными созвучиями (забавы – заботы – забвенье, «совесть-повесть», «над горем мира, над миром горя») выражает стремление сохранить душевное трезвение перед зрелищем «оставленного» Богом и «заброшенного» на самого себя мира: «Ночные тени лежат в больницах, окопах, тюрьмах. // Над горем мира, над миром горя лишь ветер ночи». Антитетическая композиция стихотворений «Голод в Индии, голод в Китае...», «А если все-таки

¹ *Налегач Н.В.* Поэтический диалог И. Чиннова с И. Анненским (к постановке проблемы) // Сибирский филологический журнал. 2009. № 2. С. 80.

война?..» передает контрастное сочетание раздумий героя о «безразличии» Бога, которое овеществленно-метафорически явлено в дисгармоничном «телесном» существовании мира («Чем-то страшным, тюремно-больничным // Пахнет, друг, мирозданье»), – и настойчивого противления богооставленности, прорывающейся сквозь мучительные вопросы надежды на восстановление оборванного общения с Творцом через проникновение в «текст» Его творения:

...Или небо вечернее, цвета
Бирюзы, сквозь березы –
Это все же обрывок ответа
На молитвы и слезы?
(«Голод в Индии, голод в Китае...»)

В стихотворении «А если все-таки – война?..» знаменательно нечастое у Чиннова обращение к личности Христа, к Которой, хотя и на мгновение, в гипотетическом ключе, путем вопросов и сомнений лирическое сознание приближается в диалоге с нестройным хором голосов воющей современности, обремененной наследием гефсиманской драмы:

А если все-таки – война?
А если – не минует чаша?
Ночь выжидательно темна,
И черный сад – как злая чаша.
(А Гефсиманский сад – шумел?)
И странный, тихий спор (ты слышал?):
– Как много надо искупить...
– Как незащитно спят и дышат...
– Непрочный мир непрочных дел...
– Да, все, как тоненькая нить,
Но если есть Христос, тогда ведь
Он может – правда? – охранить,
Спасти, остановить, исправить?
– Оставь, не знаю, может быть...

В позднейших сборниках – «Партитура» (1970), «Композиция» (1972), «Антитеза» (1979), «Автограф» (1984) – разворачивается поэтический образ души в ее различных персонификациях и религиозных импульсах. Душа и скептически мыслящее «я» – такова антиномия, составляющая основу лирического сюжета в стихотворениях «Да, утомило, надоело...», «Горькие земные оскорбления...», «В такую ночь весна не окончательна...», «Легкомысленно, прелестно...» и др. В дискурсе бытового разговора, в опредмечивающих ассоциациях «опустелая» душа предстает втянутой в тягостное созерцание хода повседневности, «слушает мольбу о чуде... разглядывая сор», сердце «вертится колесом в усталой колее», в трагико-ироническом свете видит перспективу воскресения для инобытия, где, увы, возобладает «смесь чепухи и требухи»: «Мы в ангельское пение // Превратим мешки обид?» Скептически настроенная мысль властно навязывает душе ироническое восприятие ее жажды неба («Ну, душонка, – Синей птицей... // Над бедой запеть житейской, // Над водой взлететь летейской...»), однако, вопреки рассудочным доводам, душа о вечности «задумалась мечтательно», она «надеется на Божью милость», устремляется к ней сквозь видимую реальность: «И замерцает мартовская лужица // Звездой далекой Вифлеема».

Природно-предметный мир прорисован в зрелой поэзии Чиннова в предощущении встречи с Божеством («И слышно, как молчит закат, // Как бы задумавшись о Боге»), во взаиморастворении быта и бытия и вместе с тем окрашен болезненным переживанием ускользающего чувства вечности:

Может быть, мировая скорбь
Не тоска, не скука, не боль
И не грустный Богу укор,
А зубная лишь боль.
– Тоже боль.
Только боль.

(«Даже в полночь – будничный мир...»)

Как и в психологической лирике И. Анненского¹, выступавшей ориентиром для «парижской ноты», недоверие к вечности и отъединенность от Божественной жизни порождает у лирического «я» стихотворений Чиннова своеобразное «двоение», становящееся предметом гносеологического осмысления:

И. Анненский. «Который?»*

О царь Недоступного Света,
Отец моего бытия,
Открой же хоть сердцу поэта,
Которое создал ты я.

И. Чиннов. «Мир, созданный Богом...»

Мир, созданный Богом, и мир, возникший
Сам по себе...
Который из них, мой ангел притихший,
Понятней тебе?
Философы лгут. И лгут богословы,
Физик, о чем ты? Брось.
Законы природы, закон Иеговы –
То вкривь, то вкось.

*Анненский И. Избранные произведения / Сост., вступ. ст., коммент. А. Федорова. Л.: Худож. лит., 1988. С. 34.

Характерная для поздней поэзии Чиннова изобразительная манера, основанная на «использовании гротеска, шаржа, иронии, фантастики»² и передающая «неосуществимые попытки поэта проникнуть в тайны бытия»³, его пребывание на пограничье надежды, иронии и отчаяния, служит в том числе созданию собирательного образа обезбоженного мира. В стихотворении «И жало смерти, и победа ада...» сокровенные раздумья о посмертном пути профанируются досужими, овеванными разрушительной иронией домыслами и упираются в водораздел между «пустыми разговорами» и невоплотимым в слове экзистенциальным опытом. Влекомый к интуитивному познанию инобытия, герой Чиннова остро ощущает затерянность удалившегося от Бога человека в смертном существовании, его обреченность на блуждание «в дантовских адских кругах» («Мерзлой густой пеленой...»). Пытаясь превозмочь ужас перед тайной будущего века, он с надрывной иронией сетует на «райскую империю», где «небесный закрыт ресторан», однако не утрачивает до конца упования на возможность предстать «пред очами Его милосердными»: «И, прощая нам наше неверие, // Пригласил нас Небесный Отец...» («Закусили в земной забегаловке...»).

¹ См.: *Налегач Н.В.* Поэтический диалог И. Чиннова с И. Анненским (к постановке проблемы).

² *Буслакова Т.П.* Литература русского зарубежья: Курс лекций. Учеб. пособие. М.: Высшая школа, 2005. С. 299.

³ *Носова О.Е.* Поэзия Игоря Чиннова: истоки, характер, эволюция трагического мироощущения: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2004. С. 17.

Герой Чиннова напряженно вчитывается в евангельский текст, особенно выделяя эпизоды воскрешения Христом умерших людей, и вопрошает о грядущем всеобщем воскресении как «гипотезе», «гиперболе» или все же непреложной реальности («Вы не спорили, русские мальчики...»). «Изобрести» «заменитель вечности» он надеется в единении с близкой, родственной душой («Из белой весенней ночи...»), в укреплении опыта личного богообщения. Проявлениями этого внутренне конфликтного соприкосновения с Богом становятся и рожденный из глубин страдания и «ночного задыхания» полуиронический «суд» над «Винovníком мироздания» («И я свидетель обвинения...»); и страх до конца отпасть от Творца и «билет возвратить» («Где-то светлый Бог...»); и облеченные в гротесково-ироническую форму раздумья о Божественном мздовоздаянии «Великого Архитектора» и «непостижимого Некто» («Кого-то кто-то пожирает...»), не совпадающем с людскими представлениями о вине и невинности; и стремление, в противовес земным условностям, приблизиться к личности Христа, вникнуть в смысл Его крестных страданий:

...Мы прошли в нарядный зал распятый.
Там рубины осыпали густо
Тернии — и раны у запястий...
...Как могли ту кровь, тот пот, те муки
В золото оправить ювелиры?
Как могли художники тот ужас
Превращать в картины и скульптуры?
Бог в музее... Все-таки печальней,
Что замученный Спаситель мира
Украшает розовые спальни,
Заменяет пухлого амура.
(«Мимо мумий...»)

Особенно примечательна редкая у Чиннова непосредственная адресация к Богу как живому собеседнику. Произнесенное в отношении к Богу «Ты» оказывается смысловой сердцевинной стихотворения «В безвыходной тюрьме Необходимости...»:

Мне хочется Господней дивной милости,
Мне хочется блаженной Отчей жалости,
Мне этой безысходности не вынести!
Мне хочется прозрачности, сияния,
Прощения, любви, освобождения,
Свободы, благодати, удивления,
Твоих чудес. Чудес! Преображения!
Мне хочется — из мертвых воскресения!

Итак, религиозные интуиции в стихотворениях И. Чиннова, чуждые отвлеченному богословствованию, пронизывают его исповедальную, психологическую, пейзажную поэзию, обнаруживают разнонаправленные устремления лирического «я», находят отражение в его мемуарной прозе («Памяти Иваска», «Памяти архипастыря и поэта»), парадоксально сопрягая интонации уединенных раздумий о Боге, воскресении, вечности с ироническими нотами, гротесковыми образами и являя антропологическое измерение эпохи утраты и трудного обретения опыта веры.

ЛИТЕРАТУРА

Чиннов И. Собр. соч.: В 2 т. Т. 1: Стихотворения. М.: Согласие, 2000. 576 с. (knigogid.ru/books/217997-t1-stihotvoreniya/toread).

Чиннов И. Собр. соч.: В 2 т. Т. 2: Стихотворения 1985–1995. Воспоминания. Статьи. Письма. М.: Согласие, 2002. 352 с. (bookscafe.net/read/chinnov_igor-sobranie_soch_v_2_t_t_2_stihotvoreniya_1985_1995_vospominaniya_stati_pisma-181016.html#p1).

Анненский И. Избранные произведения / Сост., вступ. ст., коммент. А. Федорова. Л.: Худож. лит., 1988. 736 с.

Болычев И.И. Творческий путь Игоря Чиннова: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1999. 159 с.

Буслакова Т.П. Литература русского зарубежья: Курс лекций. Учеб. пособие. М.: Высшая школа, 2005. 365 с.

Ковальчук С. «И мелкий щебень радостей и бед...» (О поэте Игоре Чиннове). www.russkije.lv/ru/pub/read/kovalchuk-radosti-i-bedy/

Налегащ Н.В. Поэтический диалог И. Чиннова с И. Анненским (к постановке проблемы) // Сибирский филологический журнал. 2009. № 2. С. 77–84.

Носова О.Е. Поэзия Игоря Чиннова: истоки, характер, эволюция трагического мироощущения: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2004. 19 с.

Плюханов Б.В. Поэт Игорь Чиннов. www.ruthenia.ru/reprint/blok_xii/pljuhanov.pdf

REFERENCES

Chinnov Igor. Works: In 2 vols. Vol. 1: Poems. Moscow. Soglasie Publ. 2000. 576 p. (knigogid.ru/books/217997-t1-stihotvoreniya/toread).

Chinnov Igor. Works: In 2 vols. Vol. 2: Poems 1985–1995. Memory lane. Articles. Letters. Moscow. Soglasie Publ. 2002. 352 p. (bookscafe.net/read/chinnov_igor-sobranie_soch_v_2_t_t_2_stihotvoreniya_1985_1995_vospominaniya_stati_pisma-181016.html#p1).

Annensky I. (1988) Selected Works / Comp., introd. article, comment. by A. Fedorov. Leningrad. 1988. 736 p.

Bolychev I.I. (1999) Career of Igor Chinnov. Thesis. PhD. Moscow. 159 p.

Buslakova T.P. (2005) Russian Literature Abroad: A Course of Lectures. Moscow. 365 p.

Kovalchuk S. “And chippings joys and troubles...” (About the Poet Igor Chinnov). www.russkije.lv/ru/pub/read/kovalchuk-radosti-i-bedy/

Nalegach N.I. Chinnov’s Poetic Talk with I. Annensky (To the Problem Statement). *Siberian Philological Journal*. 2009. No 2, pp. 77–84.

Nosova O.E. (2004) Igor Chinnov’s Poetry: Origins, Nature and Evolution of the Tragic Attitude to Life. Synopsis (PhD). Moscow. 19 p.

Plukhanov B.V. The Poet Igor Chinnov. www.ruthenia.ru/reprint/blok_xii/pljuhanov.pdf

Сведения об авторе:

Илья Борисович Ничипоров,
доктор филол. наук
профессор
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Ilia B. Nichiporov,
Doctor of Philology
Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
il-boris@yandex.ru

Т.Ю. Загрязкина (Москва, Россия)

Феномен преподавательской речи об обучении французскому языку в контексте проблемы идентичности¹

Аннотация: В статье рассматривается лингвистическая идеология преподавателей французского языка в контексте проблемы профессиональной идентичности и преподавательского дискурса. Учитывается концепция Э. Дюркгейма о многоплановой референции преподавателя: индивидуальной и коллективной, как члена профессиональной группы, сформированной в определенной стране в определенную эпоху. Показано, что профессиональная идентичность также неоднородна и обусловлена дихотомией ценностей, относящихся к теории / практике преподавания. С учетом концепции П. Бурдье устанавливаются дистанции между абстрактными и классифицирующими текстами (*doxa*) и спонтанными высказываниями, отражающими практический опыт (*habitus*). Исследованы контексты разных жанров: директивные документы (программы, теоретические работы и др.) и спонтанные высказывания, в том числе полученные в результате анкетирования. В директивном дискурсе в большей степени проявляется идея прогресса, стадийности и разрыва с прежним опытом. В спонтанной речи превалирует идея сохранения прошлого опыта, коллективного или индивидуального, который не вписывается в стадийную перспективу и в большей степени сохраняет память о вневременных ценностях. Расхождение этих векторов имеет закономерный системный характер. Оно оказывает влияние на множественный выбор учебников, методов, приемов обучения и, в конечном счете, определяет мысль, слово и действие преподавателя.

Ключевые слова: французский язык, лингвистическая идеология, преподавательский дискурс, профессиональная идентичность

T.Yu. Zagryazkina (Moscow, Russia)

The Phenomenon of French Teachers' Discourse within the Context of Identity Problems

Abstract: Drawing on Émile Durkheim's concept of a teacher's multidimensional reference, the article examines French teachers' linguistic ideology within the context of professional identity problems and teaching discourse. A teacher's reference can be indi-

¹ Статья написана на основании доклада, представленного на IX международной научной конференции «Романские языки и культуры: от античности до современности» (МГУ имени М.В. Ломоносова, филологический факультет, 30 ноября – 1 декабря 2017 г.).

vidual or collective, it may regard a teacher as a member of a professional group in a specific country at a certain moment. It is argued that professional identity is non-uniform, it is determined by the dichotomy of values associated with teaching – theory and practice. Drawing on Pierre Bourdieu's concept, the article draws a distinction between spontaneous speech, abstract and classifying texts (doxa), representing practical experience (habitus). The paper studies varying genres – from assertive and explanatory discourses to survey-based texts. Assertive discourse forges the idea of progress, stadiality and breaks up with a previous experience. Spontaneous speech makes a previous experience prevalent, collective or individual. This experience cannot be put into stadial perspective and serves to save a memory of timeless values. A discrepancy in these vectors has logical and systemic natures. It influences the multiple choice of course-books, methods and teaching techniques, and finally determines the teacher's idea, word, and action.

Key words: French language, linguistic ideology, teaching discourse, professional identity

Междисциплинарные исследования являются важнейшим направлением романтики, позволяющим показать взаимосвязи филологии, культурологии, лингводидактики¹. Данная статья, выполненная в междисциплинарном ключе, имеет целью уточнить особенности социальных представлений о французском языке и его преподавании в контексте проблемы профессиональной идентичности и преподавательского дискурса.

Социальные представления о работе преподавателя выходят за пределы узко-профессиональных рамок, затрагивают общество в целом и играют важную роль в истории культуры. Так, в романе Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль» *символом смены эпох оказывается «Метод, применявшийся Понократом, благодаря которому у Гаргантюа не пропадало зря ни одного часа»*. Метод заключался в том, что воспитатель Гаргантюа Понократ «сначала дал ему антикирской чемерицы [*ellébore d'Anticyre*, ядовитое растение] и с помощью этого снадобья излечил его мозг и очистил от всякой скверны. Этим способом он заставил Гаргантюа забыть все, чему его научили прежние воспитатели. Так же точно поступал <...> с теми из своих учеников, которые прежде брали уроки у других музыкантов»². Как известно, Гаргантюа в учении преуспел, подтверждая тем самым эффективность действий его преподавателя.

Особенности действий, слова и личности преподавателя интересны с разных точек зрения. Еще Л.В. Щерба писал о том, что «по своим связям с другими научными дисциплинами методика преподавания иностранных языков занимает совершенно особое место»³. Именно поэтому тема статьи рассматривается не под собственно методическим, а под культурологическим углом зрения, с учетом ценностных установок и лингвистической идеологии преподавателей.

Термин «лингвистическая идеология» является относительно новым, он был предложен Д. Мур и Б. Пи для обозначения комплекса представлений о языке, циркулирующих в обществе⁴. Между тем сама концепция развивает давние идеи

¹ XXVIII Congresso Internazionale di Linguistica e Filologia Romanza. Roma 18–23 luglio 2016. www.cilfr2016roma.it (дата обращения: 15.02.18).

² Рабле Ф. Гаргантюа и Пантагрюэль. М.: Правда, 1991. С. 74.

³ Щерба Л.В. Преподавание иностранных языков в средней школе: извлечение из книги // Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974. С. 322.

⁴ Moore D., Py B. Introduction: Discours sur les langues et les représentations sociales // Précis sur le plurilinguisme et le pluriculturalisme / Dir. de G. Zarate et al. Paris: Editions des archives contemporaines, 2008. P. 277.

французской социологии, в частности, теорию Дюркгейма о коллективных представлениях, объем которых превосходит объем индивидуального опыта, а также концепцию коллективной памяти М. Хальбвакса и теорию С. Московичи о социальных представлениях, структурирующих принадлежность говорящего и отношения в обществе в целом.

Изучение референций и идентичности преподавательского сообщества является частью этой большой темы, и частью малоизученной. Как ни странно, слово и мысль преподавателя исследованы гораздо меньше, чем «внешний» контекст его деятельности. Как пишут Ф. Сикурель и Ж. Агиляр, в «преподавании [иностраных] языков чаще ставится акцент на внешних обстоятельствах – на учебных материалах, содержании и ситуации обучения, потребностях обучаемых <...>, но что мы знаем о мысли преподавателя, его предпочтениях и колебаниях, о том, как он принимает решения, оценивает себя и своих коллег, как он рассуждает над насущными вопросами, связанными с его профессией?»¹ Вопрос риторический, и он подразумевает ответ: мы об этом знаем недостаточно, хотя исследования на эту тему, конечно, есть.

Так, еще Э. Дюркгейм в работе *Education et Sociologie* (1922 г.) писал о двойной идентичности преподавателя, не употребляя еще самого термина «идентичность». По его мнению, в преподавателе есть два существа: индивидуум с его личным опытом, с одной стороны, и представитель группы, сформированной в определенную эпоху и в определенном месте, с другой². Столкновение предпочтений разных эпох и показал Рабле в образах реформатора Понократа и схоласта Тубала, чьи уроки нужно было вытравить из головы Гаргантюа столь решительным способом.

Между тем идентичность преподавателей как представителей профессиональной группы даже одной эпохи неоднородна. По Дюркгейму, граница проходит по линии *теория – практика*, при этом практику он называл искусством: «искусством можно назвать все то, что есть чистая практика без теории: <...> искусство солдата, искусство адвоката, искусство учителя <...> – это продукт традиционного опыта, переданного через образование или личный опыт человека»³.

Если опыт и практическое искусство для Дюркгейма тесно взаимосвязаны, то опыт и теория, напротив, у него разведены: педагоги-теоретики не только не продолжают опыт прошлого, но отказываются от него. Как полагает Дюркгейм, «... цель [теоретиков] не описать или объяснить, что есть или что было, но определить то, что должно быть. Они ориентированы не на прошлое или настоящее, а на будущее <...>. Теоретики <...> говорят о традиционных практиках настоящего и прошлого не иначе как с неизменным презрением. Они в основном указывают на их несовершенство». Симпатии Дюркгейма, который сам был теоретиком, безоговорочно на стороне практиков: почти все великие педагоги – Рабле, Монтень, Руссо, Песталоцци – восстали против обычаев своих современников, но «мы бы не доверили класс ни Руссо, ни Монтеню»⁴.

¹ Cicurel F., Aguilar J. Présentation: Quelle place pour la pensée des enseignants dans le champ de l'enseignement du français? // Recherches et applications: Le Français dans le monde. 2014 juillet. № 56. P. 7, 12.

² Durkheim E. Education et sociologie. Paris: Les Presses universitaires de France, 1968. Première édition: 1922. classiques.uqac.ca/classiques/Durkheim_emile/education_socio/education_socio.html (дата обращения: 15.02.18).

³ Durkheim E. Education et sociologie. P. 27.

⁴ Там же..

Оставляя в стороне полемичность этого высказывания, интересно обратиться к его сути – характеру отношений между теорией и практикой. В философском плане эта оппозиция имеет два противоположных, но равностатусных компонента. В то же время в работах об обучении иностранным языкам компоненты получают неравностатусную коннотацию. Расхождение между тем, что предписано в теории, и тем, что происходит в аудитории, имеет вполне очевидную оценку не в пользу практиков.

Недавно под эгидой Международной федерации преподавателей французского языка было проведено исследование аудиторной речи преподавателей, работающих в различных франкоязычных странах, и были обнаружены многочисленные несоответствия этой речи с рекомендуемыми установками¹. Действительно, уже давно формулировки заданий «выучить», «выучить наизусть», «пересказать» и др. считаются нежелательными, но преподаватели – о ужас! – продолжают их употреблять. Обычно в таких случаях пишут о разрыве (*décalage*) и даже о «рве» (*fossé*), за который несут ответственность именно практики, которые якобы не выполняют того, что с точки зрения теории они должны делать. Между тем эти несоответствия закономерны, если принять во внимание «рефлексивную парадигму» (термин Ф.-В. Тошона) преподавателя-практика. Прежде чем претворить теорию в жизнь, практик ее осваивает, интерпретирует и адаптирует в контексте тех представлений, индивидуальных или коллективных, которые сложились у него ранее². Дистанцирование практика от теоретического предписания, таким образом, неизбежно.

Раньше, чем Ф.-В. Тошон, и в другой связи это отметил социолог П. Бурдьё. В работе «Практический смысл» П. Бурдьё разделил коллективные представления, распространенные в образовательной среде, на две группы: *doxa*, с одной стороны, и *habitus*, с другой. «Университетская докса» – это суждения, проявляющиеся в установочном дискурсе: директивах, предписаниях и, можно добавить, планах и отчетах. В этой сфере очерчиваются границы, проводятся классификации, продвигаются инновации, которые воспринимаются как прогрессивные. Габитус ассоциирован с практикой и традиционалистскими предпочтениями, основанными на опыте прошлого, собственном или унаследованном. Габитус допускает отторжение инноваций, сложившихся в поле доксы, может адаптировать их, приспособив к тому, что субъекты считают ценным, и даже свести их на нет³. Таким образом, существует принципиальное различие установок, сформированных в директивных документах и передающихся опосредованно через программы, распоряжения и т. д., и установок, передающихся спонтанным путем как результат непосредственного индивидуального опыта и коллективного опыта группы.

А теперь перейдем к практике и поставим вопрос: почему, несмотря на разнообразие материалов по французскому языку, доступных сейчас российским преподавателям, немалая часть из них использует «старые» учебники и пособия, пусть дополненные и исправленные, но отражающие опыт более раннего периода? Среди них, например, учебник И.Н. Поповой, Ж.А. Казаковой, Г.М. Ковальчук «Французский язык» (21-е изд.: 2016), востребованный в течение многих десяти-

¹ Cuq J.-P. Enseigner le français: le livre blanc de la FIPF // Le XIVe Congrès mondial des professeurs de français du 14 au 21 juillet 2016: Programme. Liège; Paris: Cle international, 2016. P. 95.

² Tochon F.-V. Pour une formation réflexive dans l'enseignement des langues et des cultures // Pensée enseignante et didactique des langues. Recherches et applications – Le français dans le monde. 2014. № 56. P. 102–117.

³ Bourdieu P. Le sens pratique. P.: Minuit, 1979.

летий или даже полувека¹. (Уточним, что все учебные материалы рассматриваются в статье исключительно как объект культурологического анализа, а не с целью критики или рекламы, в которых они не нуждаются.) В аннотации первыми среди достоинств отмечается возраст учебника и неизменность его методологического стержня: «<...> настоящий учебник выдержал 20 изданий и является стабильным учебником для начинающих» (выделено нами. – Т.З.)².

Установки авторов, казалось бы, не вполне соответствуют требованиям сегодняшнего дня: цель обучения аудированию специально не указана (хотя звуковое приложение имеется), коммуникативная, социокультурная и межкультурная компетенции специально не отмечены. В предисловии отмечается как достоинство «наличие большого количества лексических и грамматических упражнений», значительное место переводных упражнений как средства закрепления материала, делается акцент на обучении чтению³. Иными словами, несмотря на модернизацию, которая произошла (в основном в плане деидеологизации текстов), учебник позиционирован как традиционный. Между тем получается, что именно поэтому он и пользуется популярностью, учитывая аргументы, приведенные в аннотации для привлечения читателей.

Стоит задуматься над тем, что является причиной такой привязки к традиции. Так называемый «консерватизм» преподавателей, среди которых есть люди разных поколений? Высокое качество материалов? Или же своего рода защитная реакция, стремление избежать скачкообразного перехода и обеспечить связь между прошлым и настоящим, спокойную эволюцию приемов и содержания учебников, плавно и частично изменяющихся при каждом переиздании?

По аналогии с опросами, направленными на изучение культурной памяти, мы провели анкетирование среди 20 преподавателей 33–43 лет, которые работают или работали на разных факультетах МГУ имени М.В. Ломоносова. Первым был поставлен вопрос: «Оцените преподавание иностранного языка раньше и сейчас и обоснуйте Вашу точку зрения». Граница «раньше / сейчас» не обозначалась, ее произвольно устанавливали сами анкетированные, как это обычно и происходит в меморатах. Оказалось, что «раньше» ассоциировалось со временем, когда информанты сами учились и изучали иностранный язык – в данном случае это конец 1980-х – 1990-е гг. Однозначных ответов, разумеется, не было. Как специалисты, респонденты старались быть объективными и профессионально отвечали, что однозначно оценить методы невозможно, они варьируются в зависимости от целей и задач обучения, состава аудитории и т. д. Тем ценнее проявления личных приоритетов, приоткрывающие завесу лингвистической идеологии преподавателей.

Что же обнаруживается за этой завесой? В части ответов засвидетельствованы отрицательные коннотации, относящиеся к периоду «раньше»: «муштровали», «тренировали», «учебники – грусть-тоска», «грамматики – чуть ли не послевоенные». В другой части акценты были иными: в прежней «основательности» видели «разумное тоже», в современных методах – «творческий кавардак», в котором «трудно учиться». Таким образом, «опыт-сейчас» не во всех случаях квалифицировался как преимущественно прогрессивный, «опыт-раньше» – как негативный.

Между тем установочный дискурс более прямолинеен – в нем явно доминирует комплекс мнений, основанных на идее прогресса, стадийности и категоризации

¹ Попова И.Н., Казакова Ж.А., Ковальчук Г.М. Французский язык. 21-е изд. М.: Нестор-Академия, 2016.

² Попова И.Н., Казакова Ж.А., Ковальчук Г.М. Французский язык. 21-е изд. С. 2.

³ Там же.

(«университетская *doxa*» по П. Бурдьё). Ярким примером этого является Европейская шкала языков. Как следует из самого документа, он «предоставляет пользователям инвентарь параметров, категорий, критериев и показателей (пять обозначений классификаций! – Т.Ю.), <...> он может также дать пользователям возможность более широкого выбора параметров (уже иных. – Т.Ю.) и способствовать критическому рассмотрению традиционных теорий, в рамках которых они действуют и которые с этой точки зрения ими ранее не рассматривались»¹. С момента появления этого документа не затихают споры о том, насколько универсальным может считаться его «инвентарь» и в какой степени он может и должен быть адаптирован в условиях разных стран, однако стадийная концепция этого документа в принципе не пересматривается. В российских программах по иностранным языкам также очевидна установка на обновление и исключение «несовременных» тенденций. Составители программ, среди которых и автор этих строк, следуют рекомендации не включать в список литературы учебники и пособия старше 5 лет.

В чем секрет этой стадийной логики? Отчасти его можно объяснить отношением к идеалу, который меняется в каждую историческую эпоху. По мнению того же Дюркгейма, именно «этот идеал <...> и является целью обучения»². Во всяком случае, актуальный идеал обозначается наиболее четко и структурированно именно в установочных документах. Что, как не этот идеал, отражают компетенции, которые мы прописываем в наших программах? Знать, уметь, владеть, не будем углубляться в этот перечень, который составители программ знают очень хорошо. Между тем установки, проявляющиеся в спонтанной речи преподавателей, более многоплановы.

В нашей анкете были и другие вопросы, среди них: «Что главное в уроке?» В одной части ответов отражен образ ожидаемого идеального учащегося современной формации и определенного этапа обучения. Он должен выполнять действия повседневного – практического – характера: «Что главное в уроке? На начальных этапах это, наверное, прогнать как можно больше жизненных повседневных ситуаций». Просматривается образ идеального учителя и идеального урока: «хорошая подготовка» и «четко выстроенный урок», «актуальные оригинальные материалы», разные опоры, разные виды групповой и индивидуальной работы, «дублированный урок» онлайн (в домашнем задании, что отправляю на почту, дублирую все, что изучали со ссылками на объяснения, упражнениями, примерами и т. д.).»

В другой части ответов (заметим, большей) раскрываются неформализованные и неструктурированные – вневременные ценности. Что главное в уроке? – помочь, снять неуверенность, устранить возможные недоразумения / «непонятки» – только так можно «научить учиться». Просвечивает универсальная гуманистическая сверхзадача – обеспечить когезию общения, связать преподавателя и ученика, ученика и группу, ученика и общество, независимо от портфеля компетенций, которым необходимо обучить. Установка на контакт безусловно лидирует: «Что главное в уроке? Установить и удержать контакт с группой и внутри группы». Эта установка связана с чувством гармонии и равенства: важен «психологический климат: доброжелательная атмосфера, приподнятое настроение, отсутствие напряжения, моя доступность (возможность мне написать, позвонить, спросить)», «пытаюсь минимизировать свою речь и быть больше координатором».

¹ Cadre européen commun de référence pour les langues: apprendre, enseigner, évaluer. Strasbourg: Unité des politiques linguistiques, s.a. P. 21. www.coe.int/t/dg4/linguistic/Source/Framework_FR.pdf (дата обращения: 15.02.18).

² Durkheim E. Education et sociologie. P. 9.

Таким образом, параллельно с прогрессистскими ценностями доксы, структурированными в директивах и отражающими отношение к преподаванию как к науке, в спонтанной речи преподавателя сквозит габитус, отражаются ценности преподавания как искусства, когда удовольствие от единения испытывают не только ученики, но и сам преподаватель: «Мне вот честно интересно с ними. Я просто излучаю, наверное, сильнейшее сияние, когда они поняли, впитали и выдают мне МОЁ» (выделено информантом. – Т.З.). Ответы свидетельствуют о предпочтении живого общения и о ценности свободного творчества. Идея креатива превалирует над формализацией профессии, казалось бы, уже поглотившей наше сообщество. «Что привлекает в профессии? Что отталкивает? – Привлекает общение со студентами, возможность что-то открыть новое и видеть реакцию, достаточная доля креатива; интеллигентный коллектив. Отталкивает административная отчетность (запутанная, отнимает много времени)»; «Привлекает возможность интеллектуального и духовного роста, общение с интересными, талантливыми людьми; отталкивает немотивированность отдельных студентов, положение преподаваемого языка как “малого”, вторичного по значимости по сравнению с английским».

И здесь возникает новый аспект: ценность языка в коллективных представлениях определенной эпохи. Как видно из приведенного контекста, вытеснение одного из языков (в данном случае, французского) квалифицируется в речи информанта как потеря и угроза его (ее) идентичности. Иное дело – установочные документы. Именно в них отражается и формируется иерархия языков по принципу соответствия или несоответствия актуальному идеалу. Так, директивы 1920-х гг. отчетливо свидетельствуют о противопоставлении старых («отсталых») и новых («современных») подходов и об изменении в иерархии иностранных языков в пользу немецкого и английского. Вот отрывок из статьи Н.К. Крупской «О преподавании иностранных языков» (1923 г.), сформировавшей /отразившей «лингвистическую идеологию» постреволюционного времени: «надо изучать языки передовых наций <...>, языки, на которых имеется наиболее богатая научная и социалистическая литература. Такими языками являются английский и немецкий и отчасти французский»¹. Как видно из цитаты, французский язык занимает в языковой триаде последнее место. Можно привести многие примеры из работ других авторов того времени, подтверждающие маргинализацию французского языка и девальвацию его культурной значимости как символа старого мира.

«Реабилитация» французского языка обозначилась в середине 1840-х гг., в атмосфере союзнических отношений с Францией. Схема веж была отражена, в частности, в работах К.А. Ганшиной, с именем которой связано открытие кафедры французского языка на филологическом факультете МГУ в 1942 г. Программная книга К.А. Ганшиной «Методика преподавания французского языка: пособие для учителей средней школы» (1946) имеет значение для раскрытия нашей темы. К.А. Ганшина не отвергает прошлое французского языка в России, а опирается на него для обоснования значимости языка в современную ей эпоху. Дворянский мир уже не ассоциируется с образом врага, а, напротив, становится союзником и даже козырем в борьбе за место французского языка в образовательном пространстве. Вместо разрыва предлагается связь прошлого и настоящего. Казалось бы, для установочного документа и директивной доксы это нетипично, но нетипично только на первый взгляд.

¹ Крупская Н.К. О преподавании иностранных языков (1923) // Крупская Н.К. Педагогические сочинения: В 6 т. Т. 2. М.: Педагогика. 1979. С. 207.

Сфера использования французского языка в прошлом – дворянский мир – в тексте К.А. Ганшиной расширялась. В работе говорится не о дворянском обществе, а о «просвещенном» обществе или просто «обществе»: «в обществе знание <...> (французского языка. – Т.З.) считается необходимой составной частью образования каждого»¹. Определения «светское», «дворянское» в тексте часто опускаются, используется историческое настоящее, и тезис имплицитно переносится в советское время с его принципом всеобщего образования. В подсознании формируется убеждение, что каждый гражданин, претендующий на роль образованного человека, должен приобщиться к традиции. Таким образом, знание французского языка, не вполне прагматически значимого даже в тот период, превращалось в маркер пропагандируемого идеала – гармоничного человека, который должен был овладеть культурным достоянием прошлых эпох. «Кроме <...> соображений о практической целесообразности, которые являются часто решающими и наиболее убедительными в момент выбора языка, – пишет К.А. Ганшина, – есть вопросы политического, художественного, эстетического воспитания <...>. Как носитель культурных ценностей этого порядка, французский язык должен быть безусловно поставлен (в ряд школьных дисциплин. – Т.З.) наряду с другими»². Очень современно звучит. К этому, правда, прилагалась и вполне реальная квота для школ с французским языком – 20% из общего числа школ.

Идеал, отраженный в современных установочных документах, изменился, но системное различие спонтанных и директивных установок сохранилось. Преподаватели французского языка хорошо знают, какая тема является главной в их неофициальном дискурсе: сокращение доли французского языка, групп и даже кафедр, тревога за судьбу французского языка в России и за свою личную судьбу.

В жанре директивной речи расставляются иные акценты, свидетельствующие о решительном абстрагировании от ностальгических эмоций и, отчасти, культурной преемственности – мы вступаем в поле доксы с ее ярко выраженной стадильностью и стремлением не отстать от идеалов современности. Современности, которая связана с лидерством английского языка. В директивных текстах уже ничто не удивляет: удаление из планов многих вузов всех языков, кроме английского, призывы к тому, чтобы преподаватели читали лекции на иностранном языке (ед. ч.), программная задача обучить написанию статей и аудированию лекций на иностранном языке (ед. ч.) и т. д. Здесь неоспоримо все, кроме единственного числа – «иностраный язык». Это единственное число все портит: оно воспроизводит и узаконивает языковое неравенство в нашем обществе и нашем образовании.

В заключение можно сказать, что идентичность преподавателей французского языка имеет множественный характер и отражает неоднородные ценности и биполярные установки: индивидуальные и коллективные, прогрессистские или традиционалистские, актуальные и вневременные. Идеи прогрессивной стадильности, а в некоторых случаях, и разрыва, особенно очевидны в директивном установочном дискурсе («университетская *doxa*») и политических решениях в области языка, т. е. в сфере языковой политики. Традиционный опыт – коллективный или индивидуальный (*habitus*) – отражается в спонтанной речи, он не вписывается в стадильную перспективу и в большей степени сохраняет память о вневременных

¹ Ганшина К.А. Методика преподавания французского языка: Пособие для учителей средней школы. М.; Л.: Учпедгиз, 1946. С. 5.

² Ганшина К.А. Методика преподавания французского языка. С. 26.

ценностях, способствуя, таким образом, более плавному переходу от прошлого к настоящему.

Расхождение этих векторов имеет закономерный системный характер, оно оказывает влияние на множественный выбор учебников, методов и приемов обучения французскому языку и, в конечном счете, определяет мысль, слово и действие преподавателя.

ЛИТЕРАТУРА

Ганишина К.А. Методика преподавания французского языка: пособие для учителей средней школы. Москва-Ленинград: Учпедгиз, 1946. 259 с.

Крупская Н.К. О преподавании иностранных языков (1923) // Педагогические сочинения: В 6 т. Т. 2. М.: Педагогика, 1979. С. 206–209.

Попова И.Н., Казакова Ж.А., Ковальчук Г.М. Французский язык. 21-е изд., испр. М.: Нестор-Академия, 2016. 575 с.

Bourdieu P. *Le sens pratique*. P.: Minuit, 1979. 475 p.

Cadre européen commun de référence pour les langues: apprendre, enseigner, évaluer. Strasbourg: Unité des politiques linguistiques. s.a. P. 21. www.coe.int/t/dg4/linguistic/Source/Framework_FR.pdf (дата обращения: 15.02.18).

Cicurel F., Aguilar J. Présentation: Quelle place pour la pensée des enseignants dans le champ de l'enseignement du français? // *Recherches et applications: Le Français dans le monde*. 2014 juillet. № 56. P. 7–13.

Cuq J.-P. Enseigner le français: le livre blanc de la FIPF // *Le XIVe Congrès mondial des professeurs de français du 14 au 21 juillet 2016: Programme*. Liège; Paris: Cle international, 2016. P. 95.

Durkheim E. *Education et sociologie*. Paris: Les Presses universitaires de France, 1968. Première édition: 1922. classiques.uqac.ca/classiques/Durkheim_emile/education_socio/education_socio.html (дата обращения: 15.02.18)

Moore D., Py B. Introduction: Discours sur les langues et les représentations sociales // *Précis sur le plurilinguisme et le pluriculturalisme* / Dir. de G. Zarate et al. Paris: Editions des archives contemporaines, 2008. P. 271–279.

Tochon F.-V. Pour une formation réflexive dans l'enseignement des langues et des cultures // *Pensée enseignante et didactique des langues. Recherches et applications – Le français dans le monde*. 2014. № 56. P. 102–117.

REFERENCES

Ganshina K.A. (1946) *Methodology of Teaching the French Language: Tutorial for Teachers of Secondary School*. Moscow; Leningrad. Uchpedgiz Publ. 259 p. (In Russ.)

Krupskaya N.K. (1978) *About the Teaching of Foreign Languages*. In: Krupskaya N.K. *Pedagogical Essays: In 6 vols. Vol. 2*. Moscow. Pedagogika Publ. 1979, pp. 206–209. (In Russ.)

Popova I.N., Kazakova Zh.A., Koval'chuk G.M. (2016) *French Language*. 21st ed., rev. Moscow. Nestor-Akademiya Publ. 575 p. (In Russ.)

Bourdieu P. (1979) *Le sens pratique*. [The Logic of Practice]. Paris. Minuit. 475 p. (In French)

Cicurel F., Aguilar J. Présentation: Quelle place pour la pensée des enseignants dans le champ de l'enseignement du français? [Presentation: What Place for the Thought of Teachers in the Field of Teaching French?]. *Recherches et applications – Le Français dans le monde [Research and application – French in the World]*, 2014. No 56, pp. 7–13. (In French)

Cadre européen commun de référence pour les langues: apprendre, enseigner, évaluer. Strasbourg: Unité des politiques linguistiques. s.a. P. 21. [Common European Framework of Reference for Languages: Learning, Teaching, Assessment. Strasbourg. Unit of language policies]. www.coe.int/t/dg4/linguistic/Source/Framework_FR.pdf (data accessed: 15.02.18). (In French)

Cuq J.-P. Enseigner le français: Le Livre blanc de la FIPF [Teaching French: The White Paper of the FIPF]. En: Le XIVe Congrès mondial des professeurs de français du 14 au 21 juillet 2016: Programme. Liège; Paris: Cle international. 2016, p. 95. (In French).

Durkheim E. (1968) Education et sociologie [Education and Sociology]. Paris. Les Presses universitaires de France. Première édition: 1922. classiques.uqac.ca/classiques/Durkheim_emile/education_socio/education_socio.html (data accessed: 15.02.18). (In French).

Moore D., Py B. Introduction: Discours sur les langues et les représentations sociales. [Introduction: Discourse about the Languages and the Social Representations. Review on the Plurilingualism and the Pluriculturalism]. In: G. Zarate (ed.) et al. Précis sur le plurilinguisme et le pluriculturalisme. Paris. Editions des archives contemporaines. 2008, pp. 271–279. (In French).

Tochon F.-V. Pour une formation réflexive dans l'enseignement des langues et des cultures [For Reflective Training in the Teaching of Languages and Cultures]. *Pensée enseignante et didactique des langues. Recherches et applications – Le français dans le monde* [Teaching and Didactic Reflection about Languages. Research and Application – French in the World]. 2014. No 56, pp. 102–117. (In French).

Сведения об авторе:

Татьяна Юрьевна Загрязкина,
доктор филол. наук
профессор
факультет иностранных языков и
регионоведения
МГУ имени М.В. Ломоносова

Tatiana Yu. Zagryazkina,
Doctor of Philology
Professor
Faculty of Foreign Languages and Area Studies
Lomonosov Moscow State University
tatiana_zagr@mail.ru

Г.П. Тыртова (Москва, Россия)

Некоторые аспекты перевода пьесы А.П. Чехова «Дядя Ваня» на хорватский язык

Аннотация: В статье рассматривается ряд проблем, с которыми сталкиваются переводчики пьесы А.П. Чехова на хорватский язык. В разделе, посвященном национальной специфике, говорится о способах передачи русских деепричастий, имен и отчеств, реалий. Интерпретируя последние, переводчики чаще всего используют разновидности приблизительного перевода. Анализ передачи фразеологических единиц показывает, что, несмотря на близость славянских языков, не для всех ФЕ находятся соответствующие эквиваленты, для большинства подобраны свободные словосочетания. Передача смысла и его оттенков рассмотрена прежде всего на материале ремарок. Сравнение первого и последнего перевода «Дяди Вани» иллюстрирует изменения в драматическом стиле. В статье уделяется внимание анализу трансформационных преобразований и погрешностей в переводе.

Ключевые слова: перевод на славянские языки, перевод пьес, драматический стиль, национальная специфика, перевод фразеологизмов, передача реалий, смысловые оттенки, погрешности при переводе, лексико-грамматические трансформации

G. Tyrtova (Moscow, Russia)

Some Aspects of Translating Chekhov's "Uncle Vanja" into Croatian

Abstract: This article discusses problems confronted by translators of Chekhov's 'Uncle Vanja' into Croatian. The section on national specifics of translation talks about ways of putting across Russian diminutives, first names, middle names, and facts of everyday life. Interpreting the latter, translators tend to use approximate translation techniques. The analysis of transferring phraseological units shows that, despite the similarities between Slavic languages, corresponding equivalents are found for most FU's, with a few exceptions. Special emphasis is laid on translation of the author's notes. It is argued that the first and the last translations of 'Uncle Vanja' show changes to Chekhov's drama style. The article also discusses inaccuracies in translation and lexical and syntactic transformations as aspects of translation studies.

Key words: translation into Slavic languages, translation of plays, drama style, national specifics, translation of phraseological units, transfer of realia, semantic shades, inaccuracies in translation, lexical and grammatical transformations

Теория перевода, одна из самых молодых филологических дисциплин, за семьдесят лет своего существования накопила значительный теоретический и практический материал: написано большое количество монографий, учебников, статей и практических пособий, в которых рассматриваются различные аспекты переводческой деятельности. В большинстве случаев в них исследуются переводы с одного западноевропейского языка на другой или – реже – переводы с западных языков на славянские (со славянских на западные). Еще реже анализируются переводы на **славянский** язык текстов, написанных также на **славянском** языке, т. е. славяно-славянский перевод.

В статье содержатся некоторые наблюдения, связанные с русско-хорватским художественным переводом. Материалом для исследования послужил перевод на хорватский язык первого действия пьесы А.П. Чехова «Дядя Ваня». Выбор обусловлен тем, что перевод пьес (он имеет свои особенности по сравнению с переводом других художественных произведений) анализируется не так часто, а также тем, что на сегодняшний день существует четыре перевода «Дяди Вани» на хорватский язык. Наличие параллельных переводов помогает сделать выводы о том, меняется ли передача национальной специфики оригинала, какой перевод наиболее соответствует подлиннику, насколько типичны различные переводческие искажения и т. д.

Первый перевод знаменитой чеховской пьесы на хорватский язык появился в 1902 г., через пять лет после ее публикации в России (переводчик **Никола Андрич**), второй – через два десятилетия, в 1922 г. (переводчик **Йосип Бадалич**). В девяностые годы прошлого века вышел перевод **Чедо Прицы**, а в 2015 г. опубликован перевод **Владимира Герича**.

ПЕРЕДАЧА НАЦИОНАЛЬНОГО КОЛОРИТА

Одна из характеристик художественного текста – национальная и культурная обусловленность. «Независимо от того, стремится автор к этому или нет, художественный текст всегда отражает особенности того народа, представителем которого автор является и на языке которого он пишет, и того времени, в котором он живет» [Сдобников 2008: 358]. Хороший переводчик старается отразить эти особенности, передать национальный колорит в возможно большем объеме. Эту задачу четыре переводчика «Дяди Вани» на хорватский язык решают по-разному.

В двух первых переводах (авторство указывается в скобках первой латинской буквой фамилии переводчика) встречаются переданные латиницей русские слова. У каждого из них имеется хорватский эквивалент, тем не менее переводчики использовали русизмы, возможно, из желания и таким путем подчеркнуть «русскость» оригинала:

Astrov: I na to me bez potrebe uze savjest peći, *čuvstva* mi se nadenu... (A);

Astrov: I, eto, kad to nije nužno, probudila se u meni *čuvstva*, i stala me peći savjest... (B);

Sonja: On kaže da šume ukrašuju zemlju, uče čovjeka razumijevati ljepotu i udahnjuju mu uzvišeno *nastrojenje* (B).

Vojnicki: Vruće je i sparno, a naš učenjačina u ogrtaču, *kalošama*, s kišobranom i rukavicama (A, B).

В более поздних переводах эти русизмы заменены хорватскими эквивалентами:

Astrov: Ma koliko bilo bezrazložno, probude se *osjećanja* u meni, zapeče me savjest... (P);

Astrov: I baš onda kad to ne bi trebalo, probudio se u meni *osjećaj*, zapekla me savjest (G);

Sonja: On govori da šume ukrašuju zemlju, uče čovjeka shvaćati ljepotu i bude u njemu uzvišena *raspoloženja* (G);

Sonja: On govori da šume ukrašavaju zemlju, da uče čovjeka razumijevanju ljepote nadahnjujući ga veličanstvenim *raspoloženjem* (P);

Vojnicki: Vruće je i sparno, a naš veliki znanstvenik je u kaputu, u *kaljačama*, s kišobranom rukavicama (P)

Транскрибирование отдельных русских слов, представленное в переводах Андрича и Бадалича, нельзя считать передачей национального колорита. Как писал И. Левый: «В переводе имеет смысл сохранять лишь те элементы специфики, которые читатель перевода может ощутить как характерные для чужеземной среды, т. е. только те, которые могут быть восприняты как носители «национальной и исторической специфики» [Левый 1974: 130]. Например, для хорватов, как и для других иностранцев, характерными русскими признаками являются следующие.

ФОРМА ИМЕНИ С ОТЧЕСТВОМ

Мария Васильевна: ...сегодня получила я письмо из Харькова от *Павла Алексеевича*;

Marija Vasiljevna: ...danas sam dobila pismo iz Harkova od *Pavla Aleksjejevića* (B);

Телегин: Еду ли я по полю, *Марина Тимофеевна*, гуляю ли в тенистом саду, смотрю ли на этот стол, я испытываю неизъяснимое блаженство;

Teljegin: Vozim li se po polju, *Marino Timofejevna*, ili se šecem sjenatim vrtom, ili pogledam na ovaj stol, uvijek osjećam neobjašnjivo blaženstvo (B).

Все формы имени с отчеством в переводах сохранены, разнятся лишь окончание вокатива женских имен: наряду с хорватской формой на -о используется форма именительного падежа, как в русском языке: *Marina Timofejevna* (P).

РУССКИЕ УМЕНЬШИТЕЛЬНЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ

По мнению И. Левого, это те выразительные средства языка, которые формируют у иностранцев представление о некоторых чертах русской национальной психики, производят на них впечатление особого образа мышления. Таких образований немало в пьесе Чехова: *нянечка, водочка, птичка, деточки, крестенький, березка* и т. д. Переводчики далеко не всегда передают их соответствующими деминутивами, не смотря на значительное количество уменьшительных суффиксов в хорватском языке:

Марина: Может, *водочки* выпьешь?

Marina: Možda bi *čašicu vodke*? (A);

Možda hoćeš *rakije*? (B);

Možda bi jednu *votku*? (P);

Možda bi *žganičice*? (G).

Наиболее приемлемым представляется первый вариант: хотя в названии самого напитка нет уменьшительного суффикса, деминутивом является добавленное слово *čašica* (рюмочка). В последнем переводе употреблено уменьшительное образование, но вызывает сомнение выбор слова *žganičica*: оно не является принадлежностью литературного языка (в словаре помета «обл.»), а кроме того, это балканская реалия, обозначающая особо крепкую ракию двойной перегонки.

Астров: У меня *небольшое именишко*, всего десятин тридцать...

Astrov: U mene je *maleno imanje*, u svemu okolo trideset desetina (B);

Imam *malo imanje*, svega oko trideset desetina (P);

Imam malo *imanjce* (G).

Телегин: Погода очаровательная, *птички* поют...

Telegin: Vreme je divno, *ptice* pevaju... (A);

Divno vrijeme, *ptice* pjevaju... (B);

Vrijeme je čarobno, *ptice* pjevaju... (P);

Vrijeme je prekrasno, *ptičice* pjevaju... (G).

Два последних случая, как и другие примеры, показывают, что В. Герич почти всегда переводит русские слова с уменьшительными суффиксами хорватскими деминутивами, т. е. на этом уровне его перевод более адекватен.

Интересно, что иногда переводчики используют уменьшительные образования там, где их нет в оригинале. Так, фраза «...в *избах* народ вповалку...» переводится как: По *kolibicama* ležao narod... (A); По *kućicama* se narod valjao... (B); U drvenim *kućicama* narod plegao (P). Слово *изба* передается деминутивами, что можно считать дистантной компенсацией за утрату уменьшительности в других местах текста.

Одно из ярких проявлений национально-культурной специфики любого художественного произведения – **реалии**. К ним, например, относятся два русских обращения, существовавшие в культурно-исторической среде того времени: *батюшка* и *ваше превосходительство*. В первых переводах «Дяди Вани» эти формы транскрибированы:

Марина (наливает стакан): Кушай, *батюшка*.

Marina (natače čašu): Ded, gutni, *baćuško* (B);

Marina (natoči čašu): Gucni, *batjuška* (A).

Телегин: Замечательные, *ваше превосходительство*.

Teljegin: Vanredan, *vaše prevoshoditeljstvo* (A).

Вероятно, в начале XX в. хорватский читатель или зритель понимал эти формы и воспринимал их как один из элементов коммуникации в русской среде. В более позднее время это понимание утратилось, что потребовало от переводчиков новых решений, и в последующих хорватских текстах находим два варианта передачи обращения *батюшка* (первый, Герича, можно считать приемлемым, а второй – не самым удачным):

Marina (puni šalicu): Pij, *golube* (G);

Marina (nalijevajući čaj u čašu): Probaj, *prijatelju* (P), –

и три соответствия для *ваше превосходительство*:

vaša presvijetlosti (B);

vaša plemenitosti (P);

vaša preuzvišenosti (G).

Последнее соответствие является словарным эквивалентом.

Кроме обращений, в первом действии чеховской пьесы встречаются такие слова-реалии, как: *верста, десятина, вобла, дьячок, бурса, самовар*. Две первые представлены в реплике Астрова «У меня небольшое именишко, всего *десятин* тридцать, но, если интересуетесь, образцовый сад и питомник, какого не найдете за тысячу *верст* кругом». Для их передачи В. Герич использует функциональный аналог, а остальные переводчики – транскрипцию:

U mene je maleno imanje, u svemu okolo trideset *desetina*, ali ako vas možda zanima, možete si pogledati moj uzorni vrt i rasadnik, kakva nećete naći na tisuću *vrsta* okolo naokolo (A, B, P);

Imam malo imanjice, svega trideset *hektara*, ali ako vas zanima, imam i uzoran vrt, i rasadnik kakav nećete naći na tisuću *kilometara* (G).

Для передачи остальной фоновой лексики транскрипция и функциональный аналог не используются. Так, слово-реалия *вобла* передается следующим образом:

Войницкий: Отставной профессор, понимаешь ли, старый сухарь, ученая *вобла*;

Vojnicki: Umirovljeni profesor, razumiješ li, ...učena *sova* (A);

Vajnicki: Umirovljeni profesor, razumiješ li, stari prepečenac, učena *riba*... (P);

Vojnicki: Umirovljeni profesor, razumiješ li, stari dvopek, učena *sovuljaga*... (B);

Vojnicki: Umirovljeni.. profesor, shvaćaš, stara klada, mudri *piškor* (G).

Н. Андрич и Й. Бадалич, называя героя *совой, филином (sovuljaga)*, предлагают контекстуальный перевод, В. Герич – приблизительный (родо-родовая замена: вместо *воблы – вьюн*), в то время как Ч. Прица прибегает к родо-видовой замене (видовое наименование *вобла* заменяется на родовое *рыба*), т. е. использует генерализацию как разновидность приблизительного перевода. Ее применение уместно, хотя при этом реалия теряет те признаки, которые составляют национальную специфику.

Слово *дьячок*, употребленное Войницким («Сын простого *дьячка, бурсак*, добился ученых степеней и кафедры...»), передается всеми переводчиками одинаково: Sin prostoga *crkvenjaka*, – т. е. используется еще одна разновидность приблизительного перевода, а именно – объяснение.

Этим же способом Н. Андрич и Й. Бадалич передают реалию *бурсак*: Sin prostoga *crkvenjaka, stipendista*... (A, B). Интересно, что слова *бурса, бурсак* имеют в хорватском языке словарные эквиваленты (с пометой «устаревшее»), и один из них используется в переводе Ч. Прицы: Sin običnog *crkvenjaka, sjemeništara*... . Наличие словарного эквивалента, несомненно, облегчает задачу переводчика, но не всегда есть уверенность, что этот эквивалент известен получателю перевода, в данном случае хорватскому читателю. В. Герич, как и первые два переводчика, отказывается от словарного эквивалента и предлагает вариант *crnoškolac*.

Одна из самых известных русских реалий *самовар* во всех переводах транскрибирована: *Samovar je već dva sata na stolu*.

Считается реалией и не употребляемая в современной коммуникации форма «честь имею» (при прощании). Каждый переводчик предлагает свой способ ее передачи:

Астров: Ну, честь имею, господа... ;

Astrov: No, a sada, gospodo, *zbogom*... (B);

No *imam čast* pozdraviti vas, gospodo... (P);

No, gospodo, *bilo mi je drago...* (G).

Предложенная Ч. Прицей калька (*imam čast*) представляется наиболее адекватным вариантом, так как в определенной мере доносит до хорватского читателя (зрителя) русский национальный колорит, отсутствующий в остальных случаях, где применен приблизительный, поясняющий перевод.

Приведенные примеры показывают, что наиболее распространенный способ передачи русских реалий, встречающихся в «Дяде Ване», – разные виды приблизительного перевода. Анализ других переводов с русского на хорватский показывает, действительно ли при передаче реалий этот способ превалирует.

ПЕРЕДАЧА ОБРАЗНЫХ СРЕДСТВ

Передача фразеологических единиц – важная характеристика любого перевода. Фразеологизмы, встречающиеся в первом действии пьесы, передаются следующим образом:

- 1) **Астров:** Возился я целый день, не присел, *маковой росинки во рту не было*;
Astrov: nisam ni zalogaја okusio... (A);
 nisam ni droptinke u ustima osjetio (B);
 ni mrvice okusio, ni kapi popio (P);
 ni mrve nisam stavio u usta (G);
- 2) **Войницкий:** ...значит, двадцать пять лет *переливает из пустого в порожнее*;
Vojnicki: ...ukratko dvadeset i pet godina prelijeva on vodu iz pustoga u prazno (B);
 pretače iz šupljega u prazno (P);
 mlati praznu slamu (G);
- 3) **Войницкий:** ...жить в городе ему *не по карману*;
Vojnicki: živi... samo zato, jer ovdje jeftinije prolazi (A);
 džep ne dopušta življenje u gradu (G);
 za život u gradu je preplitak džep (B);
 život u gradu nije po mjeri njegova džepa (P).
- 4) **Войницкий:** *Заткни фонтан*, Вафля;
Vojnicki: Ne trabunјaj tek koješta (B);
 Umukni, Koro (P);
 Začepi, Ribežu (G);
- 5) **Астров:** А я-то *сломя голову* скакал тридцать верст;
Astrov: ...brže bolje odrapio... (B);
 ...a ја navrat-nanos јurio... (G);
 a ја navrat-nanos drmusao sam se (P);
- 6) **Войницкий:** ...и только ворчу, *как старый хрен*;
Vojnicki: ...samo mrmlјam kao staro gundalo (B);
 gundam kao staro занovijetalо (P);
 gundam kao starkelја (G).

Примеры показывают, что только в двух случаях (2, 5) в качестве эквивалента выступает хорватский фразеологизм, причем вариант Й. Бадалича (*preljuje na vodu iz pustoga u prazno*) русифицирован и содержит дополнительный элемент (вода). Остальные устойчивые выражения чеховского оригинала переданы свободно. В третьем примере (кроме варианта Андрича) предложен перевод с выделением слова-доминанты *карман*, а в первом – слова-доминанты *росинка* в значении чего-то маленького, крошки. При этом аналог, предложенный в переводе Ч. Прицы (*ni mrvice okusio, ni karpi porio*), вполне афористичен, имеет свой ритм и в этом смысле подобен фразеологизму. Фразеологические единицы в четвертом и шестом примерах носят оттенок грубоватой просторечности; их аналогом является хорватская разговорная лексика, причем В. Герич (пример 4) наиболее близок оригиналу: он употребляет в переносном значении глагол *začepiti*, прямое значение которого «заткнуть какое-либо отверстие, используя пробку, затычку и т. п.».

К образным средствам относятся и междометия, поскольку они придают высказыванию экспрессивную, эмоциональную окраску. Так, в русском языке в функции восклицательного междометия употребляется слово «батюшки». Представляется, что передавать его похожим междометием *Боже мой* – наиболее приемлемый вариант, в то время как в переводе В. Герича, использующего нейтральное слово *господин*, теряется экспрессивность:

Марина: ...Ночью профессор читает и пишет, и вдруг во втором часу звонок... Что такое, *батюшки*? Чаю! ;

Marina: ...Noću profesor čita i piše, a oko dva sata u noći evo ti najednom zvonca ...Što je *zaboga*? Prohtjelo mu se čaja! (B);

Marina: ...Noću profesor čita i piše, i, odjednom, oko dva sata, zvonce. Što je, *gospodine*? Čaja! (G);

Marina: ...Profesor noću čita i piše, a odjednom oko dva sata po ponoći, zvonce. Što je, *Bogo moj*? Čaja! (P).

ТРАНСФОРМАЦИОННЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В ТЕКСТАХ ПЕРЕВОДА

Анализ всех четырех переводов позволяет сделать вывод, что наиболее частотной является лексико-грамматическая трансформация замены.

ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ ИЛИ НАРЕЧИЕ ОРИГИНАЛА ЗАМЕНЯЕТСЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫМ

1) **Войницкий:** ...двадцать пять лет читает и пишет о том, что умным уже давно известно, а для *глупых неинтересно*... ;

Vojnicki: Dvadeset i pet godina predaje i piše o onom, što je pametnim ljudima već odavno poznato, a *glupacima* je sasvim bez *interesa*... (B).

СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ ЗАМЕНЯЕТСЯ ГЛАГОЛОМ

2) **Войницкий:** ...чтобы не видеть настоящей жизни, – и *думал*, что делаю хорошо;

Vojnicki: ...samo da ne vidim prava života – u *misli* da činim dobro (B).

ГЛАГОЛ ЗАМЕНЯЕТСЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫМ

3) **Войницкий:** Нельзя *состричь* ядовитей! ;

Vojnicki: Nema ujedljivije *dojsetke* nego to! (B).

ЗАМЕНА СЛОВА С БОЛЕЕ УЗКИМ РЕФЕРЕНЦИАЛЬНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ
СЛОВОМ С БОЛЕЕ ШИРОКИМ ЗНАЧЕНИЕМ (ГЕНЕРАЛИЗАЦИЯ)

- 4) **Войницкий**: Отставной профессор, понимаешь ли, старый сухарь, учена *вобла*... ;
Vajnicki: Umirovljeni profesor, razumiješ li, stari prepečenac, učena *riba*... (P).

Из других трансформационных преобразований встречаются **опущения, добавления, компенсация**:

- 5) **Войницкий**: Заткни фонтан, *Вафля*! ;
Vojnicki: Ne trabunjaj tek koješta! (B) –

опущено обращение;

- 6) **Астров**: ...так что в сущности я заведу *всеми делами*;

Astrov:... tako da ja zapravo upravljam *i svojim i državnim dobrom* (B) –

добавление словосочетания «государственное имущество» вызвано желанием пояснить текст оригинала.

- 7) **Соня**: Мы завтра поедем в лесничество, *nana*. Хочешь? ;

Sonja: Sutra ćemo se odvesti u šumarnicu, *tatice*. Zar ne? (B) –

в оригинале в обращении нет уменьшительного суффикса. Используя деминутив, переводчик компенсирует отсутствие уменьшительных образований там, где они должны были быть в соответствии с русским текстом (см. аналогичный пример на стр. 4).

Сравнение приведенных примеров с тем, как эти же фрагменты интерпретируют другие переводчики, показывает, что только перевод третьей фразы у всех сопровождается трансформацией **глагол – существительное**. Причина ее обязательности в том, что глагол **сострить** не имеет в хорватском языке однословного глагольного эквивалента. В остальных случаях возможен и бестрансформационный перевод. Так, Ч. Прица в первом и втором примерах не заменяет части речи: ...a *glupima nezanimljivo*; ...i *mislio* kako ćinim dobro. В пятом примере Ч. Прица и В. Герич не опускают обращение: Umukni, *Koro* (P), *Začepi, Ribežu* (G), а в шестом В. Герич не допускает добавления: ...*sav posao zapravo vodim ja*.

Разновариантность в передаче одного и того же оригинала показывает, что в отдельных случаях и применение трансформации, и ее отсутствие позволяют добиться адекватности, т. е. перевод – это всегда выбор решений. Объяснить, что стало основанием для выбора, не всегда легко. Примером (вне рассмотрения трансформаций) служит передача словосочетания *Великий пост*. Для обозначения этого периода в жизни верующих у хорватов существуют два термина: *veliki post*, *korizma*, причем второй используется чаще. Реплика доктора Астрова: В *Великом посту* на третьей неделе поехал я в Малицкое на эпидемию... – переводится следующим образом:

Astrov: Treće nedelje *velikog posta* bio sam se odvezao u Malickoje... (A);

Astrov: U trećoj sam *korizmenoj nedelji* otputovao u Malickoje, gde je vladala epidemija...(B);

Astrov: U trećem tjednu *velikog posta* otputovao sam u Malickoje zbog epidemije... (P);

Astrov: Treće sam *korizmene nedelje* otišao u Malicko zbog epidemije... (G).

Возможно, переводчики, сохранившие название *veliki post*, исходили из того, что этот вариант позволяет хорватскому читателю (зрителю) в большей мере почувствовать русскую среду.

ПЕРЕДАЧА СМЫСЛОВЫХ ОТТЕНКОВ. ОТСТУПЛЕНИЯ ОТ ТОЧНОЙ ПЕРЕДАЧИ СЛОВА

И. Левый, много занимавшийся переводом драматических произведений, предложил переводчикам соблюдать принцип неравномерной точности, в соответствии с которым необходимо в высшей степени точно передавать ключевые места пьесы, те фрагменты, от которых зависит понимание характеров и ситуаций. «Смысловой оттенок особенное значение приобретает в тех местах сценического текста, функция которых квалифицировать, характеризовать персонаж, сцену, физическое действие актера, манеру произнесения реплики и пр. Эта функция нагляднее всего выступает в ремарках: отточенность стиля в них не играет роли, зато малейшее отклонение от смысла может изменить художественное решение целой сцены» [Левый 1974: 210]. Большинство ремарок чеховской пьесы передано в хорватских переводах вполне корректно, недочеты встречаются лишь в нескольких случаях. Так, в начале пьесы в ремарке описывается внешность Марины – няньки, живущей в доме Войницких. Это *сырая*, малоподвижная старушка. И русскоязычному современному читателю непросто понять значение прилагательного «сырая» в данном контексте. Это определение А.П. Чехов употреблял и в других произведениях, например, в рассказе «Дом с мезонином»: «Мать, Екатерина Павловна, когда-то, по-видимому, красивая, теперь же *сырая* не по летам, больная одышкой...». Этот пример приводится в четырехтомном словаре русского языка, где слово *сырой* (с пометой «разговорное») объясняется как «человек с нездоровой полнотой». Более развернутая дефиниция дана в «Большом толковом словаре русского языка» (СПб., 2003): «тучный, с нездоровой полнотой, болезненно вялый, слабый из-за излишней полноты, рыхлости». Хорватские переводчики предлагают такие соответствия:

Н. Андрич: *odebela starica polaganih kretnja* (располневшая медлительная старушка...);

Й. Бадалич: *neokretna i spora starica* (неповоротливая, медлительная старушка);

В. Прица: *troma i spora starica* (вялая, медлительная старушка);

В. Герич: *mirna, spora starica* (тихая, медлительная старушка).

Трое из четверых переводчиков не передали информацию о нездоровой полноте, что не важно для читателей пьесы, но весьма информативно для режиссеров-постановщиков «Дяди Вани». Например, в английском переводе содержится часть нужной информации: *Marina, a heavy (тучная), slowmoving old woman*.

Еще одна ремарка тоже важна в случае, если речь идет о постановке пьесы на сцене. В ней употреблено слово *качели*, хорватским эквивалентом которого считается *ljuljaška*, но его использует только Н. Андрич. Остальные переводят это существительное как *njihaljka* (В, Р), *naslonjač za ljuljanje* (G), что обозначает не качели, а кресло-качалку.

Одна из ремарок характеризует действие Астрова: *нашёл фуражку*. Это слово – русская реалия, недаром еще К. Чуковский говорил о невозможности передачи английского *cap* как *фуражка* именно в силу национальной окрашенности этого слова. Его функциональным аналогом считается хорватское *kapa*, которое и используют Бадалич и Герич, в то время как у Прицы находим *beretka*, что не может считаться правильным выбором.

Не только ремарки, но и диалоги пьесы содержат лексику, дающую информацию о характерах, настроении, взглядах героев. Ее надо передавать с особой точностью. Насколько этому правилу следуют переводчики чеховской пьесы, можно

проследить на примере передачи конструкций с частицей – с в постпозиции, которые были распространены в языке того времени, а ныне утрачены. Полностью эквивалентно передать эту особенность средствами хорватского языка невозможно, и задача переводчика – понять, в каких случаях эта конструкция важна, и тогда искать возможное соответствие, а в каких ее можно опустить. Примером последнего служит перевод диалога:

Соня: Вы, небось, не обедали? ;

Астров: Нет-с, не обедал;

Sonja: Valjda niste ručali ...niste još ručali ...Objedovali sigurno niste;

Astrov: Nisam (B);

Ne, nisam (P);

Ne, nisam objedovao (G).

Русское *нет-с* в данном случае не характеризует персонаж, и использование в хорватском тексте обычной отрицательной формы глагола *быть* совершенно правомерно.

Но эта конструкция может служить речевой характеристикой человека: чаще всего ее можно было слышать при обращении нижестоящих к вышестоящим, в речи людей, чувствовавших свою зависимость от окружающих, в определенной мере закомплексованных. Когда один из персонажей, Телегин, почти к каждому слову прибавляет *-с*, читателю (зрителю) это помогает лучше понять его характер.

Телегин: Виноват-с... Я теперь у вас живу-с, в этом имении-с;

Telegin: Oprostitute, molim... Sad živim kod vas, molim, na ovom imanju, molim (G);

Oprostitute: Sad živim na vašem imanju (P);

Oprostitute: ...A sad živim ovdje, na vašem dobru (B).

Только В. Герич предложил достаточно адекватный перевод: манера речи, при которой постоянно повторяется *molim* (в данном контексте может значить «видите ли», «уж извините» и под.) отражает характер человека зависимого, приживала.

Пример важности передачи отдельного слова находим и в реплике Войницкого: «Сплю не вовремя, за завтраком и обедом ем разные *кабули*, пью вина... не здорово всё это!» Слово «кабули» обозначает острый соус из сои и различных специй. Возможно, Чехов имел в виду действительно соус, а может, и особую острую еду (например, у Гоголя и его современников соус представлял собой самостоятельное обеденное блюдо). В любом случае речь идет о том, что герой ест не привычную, простую, здоровую пищу, а нечто не совсем полезное, возможно, дорого стоящее, то, что ему не по вкусу. Это раздражает Войницкого, подчеркивает недовольство ситуацией. Переводчик на английский язык предлагает в этом случае дословный перевод: ...eat *all sorts of spicy sauces*. В хорватских текстах использован объясняющий перевод, и в трех из них ситуация в целом передана верно:

Ne lijegam u pravo vrijeme, o doručku i objedu *koješta trpam u sebe* (ем невесть что), pijem vina... (B);

...jedem *kojekakva čuda* (A);

...ponašam se *kao pravi gurman* (P).

Не может считаться адекватным перевод Герича ...*jedem kojekakve ričete*, так как в нем употреблено название простого, крестьянского блюда из фасоли и мяса, распространенного на Балканах.

Утрата смыслового оттенка в переводе может происходить по объективным причинам. Одна из них – несоизмеримость двух языков. Например, в русском языке различаются понятия *святой и священный, мораль и нравственность, просить и умолять*, а в хорватском нет этого различия. В результате русские прилагательные *святой и священный* передаются в хорватском языке словом *sveti*, *мораль и нравственность* – *moral*, просить и умолять – *moliti*.

Войницкий: Моя мать, его теща, до сих пор обожает его, и до сих пор он внушает ей *священный ужас*;

Vojnicki: Moja mati, njegova punica, obožava ga još i danas, i do dana današnjega ulijeva on njoj neki *sveti* strah (B);

Войницкий: Изменить старому мужу, которого терпеть не можешь, – это *безнравственно*, стараться же заглушить в себе бедную молодость и живое чувство – это не *безнравственно*;

Vojnicki: Prevariti staroga muža, kojega ne možeš trpjeti, – to je *nemoralno*, ali nastojati da ugušiš u sebi bijednu mladost i živi osjećaj, – to nije *nemoralno* (B);

Соня (умоляюще): Бабушка! Дядя Ваня! *Умоляю вас!* ;

Sonja (moleći): Bakice! Ujače Vanjo! *Molim vas!*

Трудно для перевода русское прилагательное *нудный*, не имеющее точного эквивалента в хорватском языке. Чаще всего оно передается прилагательным *dosadan*, которое значит *скучный*. В результате неизбежна некоторая утрата значения и эмоциональной окраски реплики Елены Андреевны: «Вероятно, Иван Петрович, оттого мы с вами такие друзья, что оба мы нудные, скучные люди! Нудные!»:

Oboje nas, Ivane Petroviču, smo teški, dosadni ljudi, i zacijelo smo zbog toga i dobri prijatelji. Dosadni smo! (P);

Mislim, Ivane Petroviču, da smo nas dvoje tako dobri prijatelji zato što smo oboje dosadni, nezanimljivi ljudi. Dosadni! (G).

В некоторых случаях утрата смыслового оттенка не сказывается на качестве перевода. Это относится к фрагментам, которые не являются определяющими для передачи смысла, для характеристики героев и т. п. Примером служат русские конструкции со значением неточного времени, не имеющие эквивалента в хорватском языке:

Марина: ...Без них обедали всегда *в первом часу*, как везде у людей, при них *в седьмом*;

Marina: Dok njih nije bilo, ručali smo uvijek oko *jedan sat* kao i drugi ljudi, a sada *u sedam* (B);

Marina: Dok ih nije bilo, objedovali smo uvijek *u jedan sat* kao i ostali svijet, a otkad su oni tu – *u sedam* (P).

ИЗМЕНЕНИЯ В ДРАМАТИЧЕСКОМ СТИЛЕ

Драматический стиль – историческая категория, чье развитие «обусловлено не только развитием языка, но прежде всего развитием сценической речи и свойствами эпохи... взглядами на человека и на изображение его» [Левый 1974: 187]. Несколько факторов, один из которых – влияние на литературу стиля англосаксонской драматургии и прозы, стали причиной того, что переводчики современных пьес по-новому решают проблему разговорного языка на сцене. Срав-

нение первых и последних переводов «Дяди Вани» показывает, что изменения драматического стиля затронули и эту пьесу. Стиль диалога меняется – он становится короче и ближе к живой речи:

...и с каждым днем земля становится всё беднее и безобразнее;

...a zemlja biva svakim danom sve bjednija i ružnija (B);

...i zemlja iz dana u dan postaje sve siromašnija (G).

В переводе Герича отсутствует несколько устаревший глагол *bivati*, на месте которого находим более частотный в современном хорватском языке глагол *postati*; из двух прилагательных оставлено одно, т. е. применена трансформация опущения. По мнению переводчика, читатель понимает имплицитно заложенный смысл: земля, становящаяся беднее, закономерно становится менее красивой.

...я сознаю, что климат немножко и в моей власти;

...dolazim do spoznaje, da je u izvjesnoj mjeri i klima u mojoj vlasti (B);

...svestan sam da je klima donekle i u mojoj vlasti (G).

Конструкции *dolazim do spoznaje, u izvjesnoj mjeri*, чаще употребляющиеся в письменной речи, заменяются разговорными, более краткими, а значит, легче произносимыми со сцены *svestan sam, donekle*.

...быть может, это в самом деле чудачество;

...a možda je doista sve to samo naklapanje jednoga čudaka (B);

...a možda je to zaista samo neka nastranost (G).

В переводе Бадалича применено нескольких трансформаций: абстрактное существительное *чудачество* (хорватские эквиваленты: *nastranost, osobenjaštvo*) заменено существительным *чудак* (*čudak*), а это влечет за собой добавление двух слов – *naklapanje jednog*, что утяжеляет текст. Фраза в переводе Герича ближе к оригиналу, кроме того, она звучит естественнее и легче, а значит, соответствует требованиям удобопроизносимости и удобопонятности сценической речи.

...опустошаются жилища зверей и птиц;

...opustošuju se životinjska legla i ptičja gnezda (B);

...boravišta divljači i ptica postaju pusta (G).

В переводе наблюдаются те же явления, что и в предыдущем фрагменте. Бадалич вряд ли обоснованно использует добавление: слово *жилище* передает двумя словами: *логово* (*leglo*) и *гнездо* (*gnezdo*), в то время как Герич точно следует за чеховским текстом. А использованная им конструкция *postaju pusta* вместо глагола *opustošuju se* делает реплику более легкой для произношения со сцены.

Два последних примера отражают тот факт, что Герич делал перевод для постановки «Дяди Вани» в театре и учитывал все функции сценического диалога, предназначенного для произношения и слушания.

ОШИБКИ ПЕРЕВОДА

Н.К. Гарбовский заметил, что не так просто различить природу переводческих ошибок. Сравнение двух текстов, перевода и оригинала, не всегда дает ответ на вопрос, почему возникло несоответствие. Бывают ошибки на уровне непонимания ситуации, как в приведенном выше примере с передачей русской *фуражки*

словом *beretka* (см. стр. 9). Трудно представить провинциального интеллигента доктора Астрова, носящим берет. Но таких ошибок во всех четырех хорватских текстах почти нет благодаря высокой квалификации переводчиков, знатоков русского языка и русской действительности начала прошлого века. Из немногочисленных искажений на денотативном уровне можно отметить следующие:

Елена Андреевна: ...но я *застенчива* и ни разу не поговорила с ним как следует... ;

Jelena Andrejevena: ...ali ja sam *plaha** i nijednom nisam bila ljubazna prema njemu...(G).

* Plah – вспыльчивый, порывистый, крутой, своенравный.

Астров: *Затягивает* эта жизнь;

Astrov: *Vuku se** dani (B);

*Oteže se** taj život (P).

* Букв. жизнь, дни тянутся.

В обоих случаях не передано переносное значение глагола *затягивать*. Более корректным, хотя и безупречным можно считать перевод Герича: *Takav život iscrpljuje* (изматывает).

Невнимательным отношением к системе смыслов диалога объясняется допущенная Бадаличем ошибка:

Елена Андреевна: ...вы очень любите леса. Конечно, можно принести большую пользу, но разве это не мешает вашему настоящему призванию... (имеется в виду польза для всех. – Г.Т.);

Jelena Andrejevena: ...vi silno volite šume. To vam, dabome, može donijeti i veliku korist, ali... (имеется в виду польза для одного человека, Астрова. – Г.Т.).

В заключение надо отметить, что, хотя в статье проанализирован перевод только первого действия «Дяди Вани» на хорватский язык, он представляется весьма показательным и позволяет сделать вывод, что все четыре перевода выполнены корректно, на необходимом прагматическом уровне эквивалентности. Тот факт, что переводы появились на протяжении столетия, позволяет увидеть, как прагматика (установка на получателя) меняет текст перевода. Это видно в передаче национального колорита и образных средств, в изменении драматического стиля. Так, из примеров на стр. 8, 12 видно, что Бадалич часто использует добавления – показатель того, что переводчик хочет объяснить текст, а у Герича иной подход. Он переводит на имплицитный уровень то, что другие выражали эксплицитно: изменился хорватский читатель – изменился и перевод.

ЛИТЕРАТУРА

- Бархударов Л.С. Язык и перевод. М.: Международные отношения. 1975. С. 191–231.
Гарбовский Н.К. Теория перевода. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. С. 514–536.
Левый И. Искусство перевода. М.: Прогресс, 1974. С. 119–236.
Сдобников В.В., Петрова О.В. Теория перевода. М.; Владимир, 2008. С. 344–406.
Чехов А.П. Избранные произведения: В 3 т. Т. 3. М.: Художественная литература, 1971. 591 с.
Швейцер А.Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. М.: Наука, 1988. С. 145–178.
Badalić J. A.P. Čehov «Ujak Vanja». Zagreb, 1922. S. 23–33.
Gerić V. Shakespeare – Molière – Čehov // Gerić V. Izabrane drame u prijevodu. Zagreb: Disput, 2015. S. 153–163

Prica Č. Čehov A.P. Četiri drame. Zagreb: Gipa, 1997. S. 105–119.

REFERENCES

Barhudarov L.S. (1975) Language and Translation. Moscow. Mezhdunarodnye Otnosheniya Publ., pp. 191–231.

Garbovsky N.K. (2004) Translation Theory. Moscow. Moscow University Press, pp. 514–536.

Levy I. (1974) The Art of Translation. Moscow. Progress Publ., pp. 119–236.

Tcekhov A.P. Collected Works: In 3 vols. Vol. 3. Moscow. Khudozhestvennaya Literatura Publ. 1971. 591 p.

Shvejcer A.D. (1988) Theory of Translation: Status, Problems, Aspects. Moscow. Nauka Publ., pp. 145–178.

Badalić J. A.P. Čehov “Ujak Vanja”. Zagreb. 1922, ss. 23–33.

Gerić V. Shakespeare – Moliere – Čehov. In: Gerić V. Izabrane drame u prijevodu. Zagreb. Disput. 2015, ss. 153–163

Prica Č. (1997) Čehov A.P. Četiri drame. Zagreb. Gipa, ss. 105–119.

Сведения об авторе:

Галина Павловна Тыртова,
канд. филол. наук
доцент
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Galina Tyrtova,
PhD
Assistant Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
tyrtova 58@mail.ru

Александар Трајковски (Скопје, Македонија)

Застапеноста на руската опера на македонската оперска сцена

Анстракт: Трудот содржи систематизирано претставување на начинот, мерата и динамиката со кои руската опера е присутна на македонската оперска сцена, сиве овие 70 години од нејзиното формирање, па сè до денес, согледувајќи го така и влијанието кое го имала врз развојниот пат на истата. За попрецизен приказ, трудот, генерално ќе издиференцира три насоки, разгледувајќи ја поставената проблематика низ еден хронолошко-историски аспект: како дел од репертоарската политика на македонската национална оперска кука; како дел од реномираната манифестација «Мајски оперски вечери»; и како дел од уметничкиот пат на македонските оперски уметници.

Клучни зборови: руска опера, македонска оперска сцена

Aleksandar Trajkovski (Skopje, Macedonia)

Russian Opera on the Macedonian Stage

Abstract: The article traces back the 70 years of Russian opera stagings in Macedonia, laying emphasis on their frequency, dynamics, and artistic value. It is argued that there were three sets of problems along the way – repertoire strategies of the Macedonian National Opera House, 'Opera Evenings in May' composition, and life values and beliefs of Macedonian opera performers, and the problems are studied historically and chronologically.

Key words: Russian opera, Macedonian stage

Александар Трајковски (Скопје, Македонија)

Русская опера на македонской сцене

Аннотация: В статье рассказано о постановках русской оперы в театрах Македонии и о том, как она повлияла на развитие македонского оперного искусства за последние 70 лет с момента его формирования. Автор анализирует эту тему в историко-хронологической перспективе, выбрав три основных аспекта: репертуарная политика македонского национального оперного театра, знаменитый опер-

ный фестиваль «Майские оперные вечера», идейно-художественная направленность творчества деятелей македонского оперного искусства.

Ключевые слова: русская опера, македонская оперная сцена

ВОВЕД

Минатата година се навршија 70 години од постоењето на македонската оперска сцена, на која до денес се поставени голем број оперски дела. Репертоарската политика, креирана како резултат на визијата на актуелните организациско – уметнички раководства, со текот на годините делувала во насока на изведба на дела од различни временски периоди, претставени преку широка лепеза на авторски имиња, градејќи го постепено т. н. «железен репертоар». Така, во репертоарот се вткаени дела од најголемите мајстори на оперската уметност, од сите значајни европски подрачја каде што се развивала и негувала оваа музичка форма. Еден дел од овој музичко-сценски репертоарски мозаик, претставуваат и руските опери. Исто како и оперите од другите европски подрачја, така и руските опери со своето поставување и опстојување на македонската оперска сцена, остваруваат повеќе културолошко-општествени функции. Имено, покрај тоа што имаат директно влијание врз развојниот пат на националната оперска куќа, нивната поставка делува и на поврзувањето на двете културни средини – руската, од аспект на творечката дејност и македонската, од аспект на изведувачката.

Поаѓајќи од тоа, предмет на истражување на овој труд е **застапеноста на руската опера на македонската оперска сцена**, со што, индиректно ќе се согледа и влијанието кое таа го имала врз развојниот пат на истата.

АСПЕКТИ НА РАЗГЛЕДУВАЊЕ НА ПОСТАВЕНАТА ПРОБЛЕМАТИКА

За попрецизно прикажување на начинот, мерата и динамиката со кои руската опера е присутна на сцената на Македонската Опера, во продолжението на текстот ќе бидат издиференцирани три насоки на разгледување на вака поставената проблематика, низ еден хронолошко-историски аспект: како дел од репертоарската политика на македонската национална оперска куќа; како дел од реномираната манифестација «Мајски оперски вечери»; и како дел од уметничкиот пат на македонските оперски уметници.

ДЕЛ ОД РЕПЕРТОАРСКАТА ПОЛИТИКА НА МАКЕДОНСКАТА НАЦИОНАЛНА ОПЕРСКА КУЌА

Во едно општо согледување по ова прашање, може да се забележи дека во споредба со останатите, делата од руското оперско творештво се значително помалку застапени на репертоарот на Македонската Опера. При тоа, треба да се нагласи дека станува збор за само четири опери, од кои две се поставуваат само по еднаш, додека другите две доживуваат неколку премиерни обнови во текот на различни временски периоди од постоењето на националната оперска куќа. Исто така, посебно треба да се подвлече дека се работи за опери кои го претставуваат врвот на руското оперско творештво. Она што е посебно воочливо од аспект на хронолошкото евидентирање е дека најголема концентрираност на руската опера содржи првиот период од работењето на Македонската Опера (1947–1963) (периодизација превземена од Ортаков и Муратовски), кога се поставуваат дури три од вкупно четирите руски опери.

Така, првата руска опера поставена на македонската оперска сцена е операта **«Евгениј Онегин»** од Петар Илич Чајковски, работена врз истоименото дело на Александар Пушкин, а која по својот карактер е лирски тип на опера, заради што и самиот Чајковски ја насловил како «низа од лирски сцени». Музиката во операта е едноставна и јасна, а непосредноста на мелодиката и длабоката чувствителност се нејзини главни карактеристики. Дејствието почива на судирот помеѓу чувствата на главните ликови кои му биле блиски на Чајковски и затоа одлично и ги доловил – сите тие, а посебно Татјана, музички се мошне успешно насликани, а целото дело се одликува со единство на лирското расположение. Нејзината премиера се случува на 21 март 1953 година, шест години по првата премиера во 1947 година, како резултат на визијата на диригентот Ловро Матачиќ за систематски организирано концепирање на репертоарската политика, која покрај стандардната италијанска и европска продукција предвидува и вклучување на дела од словенските творци, како погодност за усвојување на различни стилски насоки и како извесен патоказ кон идното изградување на домашната национална опера. Како што се вели во книгата **«Волшебниот Орфеј»**, «со тоа дело нашиот оперски колектив и публиката се запознаа со уште едно остварување од словенски автор, што по своите музички својства има универзално значење» [Ортаков-Муратовски 2003: 3–11]. На премиерата диригира самиот Матачиќ, кому ова му е последната премиера на македонската сцена, со која и ја заокружува својата историска мисија на овие простори, додека режисер е Младен Саблиќ. Во насловната улога настапил Милан Бручиќ, а покрај него учествувале и Марија Мирчов како Татјана, Васил Кртошев како Ленски, Методија Илиевски како Кнез Гримин и др. Во овој контекст, може да се наведе дел од сеќавањето на режисерот Саблиќ за подготвувањето на оваа претстава: «Многу се залагав за избегнување на оперскиот шаблон, да се игра пореалистично, но, како во драмата, да се избегнува патосот. Многу работевме на обработката на ликовите, да ги надминеме карактеристичните оперски гестови при што дикретно одевме на стилизација со што се залагавме во операта да внесеме елементи на современиот театар чие влијание веќе се чувствуваше» [Саблиќ 1985: 107].

Сцена од операта
«Евгениј Онегин»
од 1953 година

Четири години подоцна, на 21 мај 1957 година, македонската публика за прв пат ќе има можност да се запознае со уште едно монументално дело на руското оперско творештво, операта **«Кнез Игор»** на Александар Бородин. Операта, која претставува врв во неговото творештво, Бородин ја работел врз познатиот руски еп «Слову о полку Игореве» од XII век, кој во својата основа ги величи патриотските чувства. Во неа, композиторот применува нови изразни средства: развиен хармонски јазик со остри дисонанци, и смели хармонски комбинации и оркестарски колорит полн со сјај и богатство. Во формална смисла тука е задржана традиционалната поделба на операта на нумери, а главни изразни средства се пеениот речитатив и аријата. По својот стил ова дело стои помеѓу Глинка и Мусоргски. Музичкиот речитатив и ариозата се слични на Мусоргски, а нагласената мелодичност и патротската нота на Глинка. Но, премиерното прикажување на ова дело на македонската сцена не било во неговата автентична музичко-сценска форма, туку истото било изведено концертно. За причините за тоа, говори цитатот од сеќавањето на Властимир Николовски, тогашен директор на Операта, кој вели: «Би-

дејќи во тој момент бев, всушност, потполно неспособен да водам еден вака голем колектив и една вака сложена работа, за сценска поставка на “Кнез Игор” не останаа пари... Потрошивме се за балетот. Од тие причини се донесе одлука Жупанич да го изведе “Кнез Игор” концертно. Тој, се разбира дегутиран, некако го “одмавта” делото, и тоа претставуваше комплетен дебакл» [Николовски 1985: 83]. Диригент бил Даворин Жупанич, а како солисти настапиле Анте Жмикиќ (Игор), Ана Иванишевиќ (Јарославна), Артур Сурмејан (Владимир), Станко Липша (Кнез Галицки), Ана Липша-Тофовиќ (Кончаковна) и др.

Третата руска опера која што е прикажана на сцената на Македонската опе-

Скица за сцената на операта «Свршувачка во манастир» од 1961 година

ра е «Свршувачка во манастир» на Сергеј Прокофјев. Нејзината премиера се случила на 20 април 1961 година, како дел од тогашната политика на Операта за отворање и streмење кон современите изведувачки и творечки текови. Како што вели во една од своите реминисценции Петре Богданов-Кочко, тогашен директор на Операта и нејзин репертоарски креатор, «таквиот потход, иако без претходни систематски режиско-педагошки настојувања, ја донесе претставата со подвлече-

Сцена од операта «Евгениј Онегин» од 1971 година

на евидентност и резултати, прифатена од целиот музичко-сценски апарат. Претставата одразува тенденција на осовременување и своите оправдувања ги наоѓаше во потребите на нашето време» [Богданов-Кочко 1985: 13]. Со претставата диригирал Ино Перишиќ, а режиски ја поставил Коста Спасиќ. Во главните улоги настапиле Артур Сурмејан (Дон Хером), Благој Петров-Караѓуле (Дон Фернандо), Фанка Икономова (Луиза), Ана Липша-Тофовиќ (Клара) и др.

Од поставувањето на оваа опера, настапува еден временски период од десет години во кој репертоарската политика на куќата не предвидува реализирање на ниту една руска опера. Тој тренд е прекинат на почетокот на седумдесетите години, по што настапува период во кој наизменично ќе бидат обно-

увани веќе поставените «Евгениј Онегин» и «Кнез Игор». Така, првата премиерна обнова на «Евгениј Онегин» се случила на 20 февруари 1971 година, со комплетно нова изведувачка постава – Крста Крстиќ (Онегин), Анастасија Божикова (Татјана), Милка Ефтимова (Олга), Благоја Николовски (Ленски), Георги Божиков (Кнез Гремин) и др., со која диригирал Фимчо Муратовски, а во режија на Хинко Лесковшек.

На 29 март 1975 година, скоро две децении од нејзината прва, концертна изведба, на македонската оперска сцена за прв пат, музичко-сценски е поставена и операта «Кнез Игор». Претставата музички ја поставил диригентот Оскар Данон, со асистенција на Александар Лековски, додека режиското видување било на Данчо Митровски. Насловната улога ја толкувал Димитри Мариновски, Георги Божков го толкувал ликот на Галицки, Илија Црвенев на Скула, Анастасија Димитрова ликот на Јарослава, Анастасија Мухиќ ликот на Кончаковна и тн.

Сцена од операта «Кнез Игор» од 1975 година

Втората премиерна обнова на «Евгениј Онегин», македонската сцена ја доживува на 15 ноември

1982 година, како последна премиера со која се заокружува делувањето на Операта во монтажниот театар, пред отворањето на новиот објект. Диригент на оваа премиера повторно бил Фимчо Муратовски, додека режијата била на Георги Божиков. Како Онегин се претставил Илија Црвенев, ликот на Ленски го толкувал Благоја Николовски, Анастасија Димитрова настапила во улогата на Татјана, Анастасија Низамова-Мухиќ била Олга и тн.

На 25 ноември 1984 година, обновена е «Кнез Игор», под диригентство на Ангел Шурев, со нова режија, овој пат на Младен Саблиќ, за што самиот тој ќе рече: «Го поставивме “Кнез Игор”, една извонредна успешна претстава со која беа задоволни и публиката и критиката и ансамблот. Сметам дека направивме една навистина монументална претстава која по својата сценска рамка може да оди на секоја светска оперска сцена» [Саблиќ 1985: 107]. Миомир Тасиќ ја толкувал улогата на Кнез Игор, Анастасија Димитрова настапила како Јарославна, Георги Божиков како Кнез Галицки, Милка Евтимова како Кончаковна и тн.

Во наредните две децении премиерно не е изведена ниту една руска опера, а ниту веќе поставените не биле дел од редовниот репертоар. Оваа стагнација од руското творештво на нашата сцена тогашното раководство на Операта одлучува да го прекине со поставувањето на првата руска, и воопшто словенска национална опера «Иван Су-

Плакат за операта «Кнез Игор» од 1984 година

сањин» на Михаил Глинка на 9 мај 2003 година. Станува збор за капитално дело од историјата на оперското творештво со кое започнува нова фаза во творењето на словенските автори. «Иван Сусањин» е прототип на големите руски херојско-историски оперски дела. Во неа, Глинка се потпира на народот, на обичниот човек, користејќи го рускиот фолклор и давајќи му го приматот на хорот како носител на дејствието. Но, задоволството од поставувањето на ова оперско дело, сепак останува позади незадоволството од неговото незаживување на редовниот репертоар, по само две изведби. Во претставата биле вклучени гости од Русија, па така диригент бил Владимир Алексеевич Рилов, режијата ја поставил Отар Дадишкилиани, додека Владимир Ермаков ја толкувал насловната улога. Славица Петровска-Галиќ настапила како Антонида, Ирена Кавкалевска како Вања и тн.

Од премиерата на «Иван Сусањин» до поставувањето на друга руска опера на сцената на Македонската Опера минуваат 13 години (9 мај 2016 година), кога повторно е обновена «Евгениј Онегин», три децени по нејзината последна обнова. Под диригентство на Саша Николовски-Ѓумар, а во режија на Дејан Пројковски, главните улоги ги толкуваа Борис Трајанов (Онегин), Татјана (Тамара Калинкина), Домагој Доротиќ (Ленски) и др.

ДЕЛ ОД РЕНОМИРАНАТА МАНИФЕСТАЦИЈА «МАЈСКИ ОПЕРСКИ ВЕЧЕРИ»

«Мајските оперски вечери» претставуваат една од најпрестижните културни манифестации на Балканот и во Европа. Во текот на нивното континуирано одржување 45 години по ред, настапиле голем број истакнати солисти од домашната и од светската сцена, а се извеле завиден број оперски и балетски претстави, како и гала оперски концерти. Дел од «Мајските оперски вечери» претставуваат и руските опери, оние кои што биле изведувани и на редовниот репертоар на националната оперска кука во периодот кога се одржувало одредено издание на манифестацијата.

Така, дел од првите «Мајските оперски вечери» е операта «Евгениј Онегин». Претставата била изведена на 15 мај 1972 година, под диригентство на Душан Миладиновиќ, а во главните улоги настапиле Радмила Бакочевеќ (Татјана), Бреда Калеф (Олга), Никола Митиќ (Онегин) и др.

«Евгениј Онегин» е повторно изведена во рамките на третото издание на МОВ, на 22 мај 1974 година, со гости солисти од Софиската опера – диригент Иван Маринов, Благовеста Карнобатлова (Татјана), Александрина Милчева (Олга), Никола Василев (Онегин), Петко Маринов (Ленски) и др.

Четвртите «Мајските оперски вечери», на 9 мај 1975 година, биле отворени со операта «Кнез Игор», чија премиера била одржана неполни два месеца претходно. На отворањето на МОВ настапила претежно истата, но малку изменета солистичка постава, под диригентско водство на Александар Лековски. Така, насловната улога повторно ја толкувал Димитри Мариновски, Илија Црвенев настапил како Скула, Анастасија Мухиќ како на Кончаковна, а за разлика од премиерата, Јарослава ја толкувала Искра Божиновска, Мирослав Чангаловиќ бил Галицки и тн.

Не следејќи ја динамиката од почетните години на МОВ, руската опера во изданијата што следуваат е сведена на минимум – до денес, руската опера на оваа престижна манифестација е прикажана само уште три пати, во временски интервали од повеќе од една деценија.

Така, следната изведба на руска опера била на 18-тите по ред «Мајски оперски вечери». Повторно била изведена «Евгениј Онегин», но не во домашна продукција,

Сцена од операта «Евгениј Онегин» од 2016 година

издание на фестивалот, со премиерата на «Иван Сусањин», односно премиерната обнова на «Евгениј Онегин» за чии поставки е говорено во претходното поглавје.

ДЕЛ ОД УМЕТНИЧКИОТ ПАТ НА МАКЕДОНСКИТЕ УМЕТНИЦИ

Она што е од посебно значење кога станува за збор за опстојувањето на руската опера на македонската сцена е влијанието кое таа го имала во професионалното обликување и уметничкиот растеж на кариерите на македонските оперски уметници. Имено, дел од нив своите најдобри остварувања ги дале токму во овие опери и истите завземаат значајно место во нивните индивидуални кариери.

Сцена од операта «Евгениј Онегин» од 2016 година

Од вокалните интерпретатори треба да се издвојат ликовите кои ги креирале Васил Кртошев (Ленски во «Евгениј Онегин»); Ана Липша-Тофовиќ (Кончаковна во «Кнез Игор» и Клара во «Свршувачка во манастир»); Марија Мирчов-Скаловска (Татјана во «Евгениј Онегин»); Евдокија Доброхотова (Ларина во «Евгениј Онегин»); Анастасија Божикова (Татјана во «Евгениј Онегин» и Јарославна во «Кнез Игор»); Милка Евтимова (Олга и Филипјевна во «Евгениј Онегин» и Кончаковна во «Кнез Игор»); Благоја Николовски (Ленски во «Евгениј Онегин»); Георги Божиков (Кнез Гремин во «Евгениј Онегин» и Галицки и Кончак во «Кнез Игор»); Димитри Мариновски (Игор во «Кнез Игор»); Миомир Тасиќ (Игор во «Кнез Игор»); Илија Црвенев (Онегин во «Евгениј Онегин»), Анастасија Низамова-Мухиќ (Олга во «Евгениј Онегин» и Кончаковна во «Кнез Игор»); Славица Петровска-Галиќ («Иван Сусањин») и тн.

Диригентите Фимчо Муратовски, Александар Лековски, Ангел Шурев и Саша Николовски-Ѓумар во своите диригентски кариери впишуваат успешни претстави на «Евгениј Онегин» и «Кнез Игор», а исто така треба да се спомене дека режиските видувања на Васил Кртошев, Данчо Митровски, Георги Божиков и Дејан Пројковски се издвојуваат по оригиналноста и креативноста, секоја за својот период на поставување.

туку со комплетен ансамбл на Операта од Нови Сад (солисти, оркестар, хор, сценографија, костимографија и тн.). Така, на 12 мај 1989 година под диригентство на Јанез Говедник, како Онегин настапил Бранислав Вукасовиќ, како Татјана настапила Бранка Окљеша, како Ленски Славољуб Коциќ и тн.

Последните поставувања на руската опера во рамките на МОВ се случуваат на отворањата на 31-то (2003 година) и 44-то (2016 година)

Дел од сценографските решенија за оперите се дело на истакнатите македонски уметници. Така, сценографијата за првата «Евгениј Онегин» е дело на Тома Владимирски, сценографијата за «Свршувачка во манастир» е дело на Василие Поповиќ-Цицо, сценографијата за првата премиерна обнова на «Евгениј Онегин» е на Драгутин Аврамовиќ-Гуте, а сценографијата за «Кнез Игор» на Димитар Кондовски. Покрај тоа, познатата костимографка Јелена Патрновиќ се истакнува со своите костимографски решенија за «Евгениј Онегин» и «Кнез Игор» [Ортаков-Муратовски 2003: 340–344).

ЗАКЛУЧОК

Спроведената анализа упатува на заклучокот дека руската опера претставува значаен дел од македонската оперска сцена, иако истата квантитативно е релативно малку застапена. Во текот на 70 години постоење на Македонската Опера, поставени се вкупно четири руски опери («Евгениј Онегин», «Кнез Игор», «Свршувачка во манастир» и «Иван Сусањин»), кои што имаат директно влијание врз развојниот пат на националната оперска кука, а нивната поставка делува и на поврзувањето на двете културни средини – руската, од аспект на творечката дејност и македонската, од аспект на изведувачката. Покрај директното, квалитативно влијание врз репертоарската политика, поставувањето на руските опери влијае и врз професионалното обликување и уметничкиот растеж на кариерите на истакнатите македонски уметници – солисти, диригенти, режисери, сценографи, костимографи и тн.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Andreis 1966 – Andreis J. (1966) Historija muzike. Zagreb: Skolska knjiga. 516 str.
- Andreis 1977 – Andreis, J. Ruska muzika. U: Muzička enciklopedija 3 / Kresimir Kovačević (gl. urednik). Zagreb: Jugoslavenski leksikografski zavod, 1977, str. 247–253.
- Богданов-Кочко 1985 – Петре Богданов-Кочко. Во: Македонски народен театар. 1945–1985. Драма, опера, балет / Ристо Стефановски (главен уредник). Скопје: Македонски народен театар, 1985. Стр. 83.
- Голабовски 2002 – Голабовски С. (2002) Класика и романтика. Скопје: Менора. 250 стр.
- Кочишки 2002 – Кочишки В. (2002) 30 години Мајски оперски вечери. Скопје: Македонски народен театар. 256 стр.
- Kuntaric 1971 – Kuntaric M. Opera. U: Muzička enciklopedija 1 / Kresimir Kovacevic (gl. urednik). Zagreb: Jugoslavenski leksikografski zavod, 1974, str. 725–733.
- Николовски 1985 – Николовски Властимир. Во: Македонски народен театар. 1945–1985. Драма, опера, балет / Ристо Стефановски (главен уредник). Скопје: Македонски народен театар, 1985, стр. 83.
- Ортаков, Муратовски 2003 – Ортаков Д., Муратовски Ф. (2003) Волшебниот Орфеј – 55 години Македонска опера. Скопје: Македонски народен театар. 258 стр.
- Саблиќ 1985 – Саблиќ Младен. Во: Македонски народен театар. 1945–1985. Драма, опера, балет / Ристо Стефановски (главен уредник). Скопје: Македонски народен театар, 1985, стр. 107.
- Стефановски, Маринковиќ 1995 – Стефановски Р., Маринковиќ С. (1995) Македонски народен театар: Летопис 1945–1955. Скопје: Македонски народен театар. 332 стр.
- Hofman 1982 – Hofman Misel. Ruska opera. У: Muzika – ljudi, instrumenti, dela. Beograd: Vuk Karadžić. 1982, str. 265–266.

Сведения об авторе:

Д-р Александар Трајковски,
PhD

Вонреден професор

Универзитет за аудиовизуелни University for
Audiovisual Arts уметности ЕФТА EFTA

Aleksandar Trajkovski,
PhD

Associate Professor

University EFTA

aleksandar23mk@yahoo.com

Фундаментальные
исследования

Fundamental
Research

Т.Н. Белова (Москва, Россия)

**Вклад представителей русской эмиграции первой и второй волны
в изучение, восприятие и оценку русской литературы
в англоязычных странах Запада (1910–1960-е гг.)**

Аннотация: В статье рассматривается просветительская, переводческая, преподавательская, литературно-критическая и редакционно-издательская деятельность представителей двух волн русской эмиграции (1910–1960-е гг.) в сфере популяризации русской литературы в Великобритании и США, а также их тесные творческие контактные связи с англоязычными русистами: литераторами, переводчиками, преподавателями и исследователями-русистами в этих странах.

Ключевые слова: русская эмиграция, русская литература, восприятие, изучение, оценка, преподавание, переводы, редакционно-издательская деятельность, Великобритания, США

T.N. Belova (Moscow, Russia)

**On Valuable Contribution of Russian Emigrè to the Reception, Evaluation
and Study of Russian Literature in the Great Britain and the USA (1910–1960)**

Abstract: The article comprises various kinds of Russian Emigrè activities (1910–1960) in the field of research, education, translation and editing the works of Russian literature in the Great Britain and the USA, as well as diverse creative contacts with academic and literary circles there.

Key words: Russian Emigrè, Russian literature, reception, study, evaluation, education, publishing activities, translation, the Great Britain, the USA

Важным фактором, во многом облегчившим восприятие, оценку и освоение русской и советской литературы англоязычными русистами в Великобритании (в 1920–1930-е гг.) и в США (в 1940–1960-е гг.), явилась русская эмиграция первой, а затем и второй волны. Литераторы и критики русского зарубежья максимально способствовали сохранению и популяризации русской духовной культуры и литературы в этих странах и одновременно сближению русской эмиграции с англо-американским социумом и национальной культурой. В основе этого сближения прежде всего тесные творческие контакты представителей русской эмиграции с литераторами и критиками Великобритании и США, их совместная кропо-

тливая работа над переводами произведений русской литературы на английский язык, обширная разнообразная редакционно-издательская и преподавательская деятельность, что способствовало появлению в 1960–1970-е гг. целой поросли молодых русистов в этих странах.

Хотя по своим масштабам русская эмиграция в Англии не может сравниться с такими мощными по своему значению и влиянию центрами русского зарубежья, как Берлин в начале 1920-х гг., Париж в 1920–1930-е гг. или довоенная Прага, а позднее Нью-Йорк в 1940–1960-е гг., она внесла в период между двумя войнами (1920–1940-е гг.) неоценимый вклад в культурное сближение с английской литературной элитой, что в дальнейшем вылилось в масштабную популяризацию русской литературы на Западе и ее стремительное проникновение в культурное сознание англичан.

Одним из самых известных русских литераторов-эмигрантов в Англии был потомок древнего княжеского рода Д.П. Святополк-Мирский – литературный критик, историк литературы, редактор литературных и политических изданий и видный идеолог евразийского движения. По окончании Петербургского университета, где он получил блестящее гуманитарное образование, в связи с политическими событиями в России он принимает активное участие в Гражданской войне на стороне Деникинской армии, а после ее поражения через Константинополь попадает в Грецию, в Афины, где создает серию очерков о русской литературе на английском языке, которым он в совершенстве владел, под заголовком «Письма» (“Letters”). Им предпослан краткий аналитический обзор традиций русской литературы XIX в. в их эволюции.

В 1920 г. эти очерки были отправлены в Англию и опубликованы там в журнале “The London Mercury” под заголовком “Russian Letters”. За этим успешным начинанием Д. Мирского как исследователя русской литературы последовал его переезд в Лондон в 1921 г., где он уже лично познакомился с редактором этого журнала Дж. Сквайром (J.C. Squire), который, продолжив сотрудничество с талантливым автором, предложил ему темы статей, чтобы тот мог в дальнейшем печататься и в других английских журналах: “The Literary Review”, “The Contemporary Review”, “The Outlook”, “The Times Literary Supplement” и др., чем он успешно и воспользовался. Более того, стараниями своих давних английских знакомых, специалистов по русской литературе М. Бэринга (M. Baring) и Б. Пэрса (B. Pares), Святополк-Мирский сразу же получил место преподавателя в Школе славянских исследований Королевского колледжа (School of Slavonic and East European Studies of King’s College) Лондонского университета, созданной Б. Пэрсом, а начиная с 1922 г. и в самом колледже. В Англии он развивает бурную просветительскую и научную деятельность: читает публичные лекции о Пушкине, Блоке, Лескове и других авторах, пишет многочисленные статьи и рецензии как для английской, французской, так и для русской зарубежной прессы. Так, в журнале “The Slavonic Review” («Славянское обозрение») под ред. Б. Пэрса благодаря его инициативе были опубликованы произведения русских писателей, поэтов и философов: И.А. Ильина, Н.О. Лосского, С.Н. Булгакова, Н.А. Бердяева и других в переводе на английский язык.

За два года (1925–1927) Святополк-Мирский выпустил в свет четыре выдающихся исследования о русской литературе: “Modern Russian Literature” (1925) – книгу о современной русской литературе, расширив ее содержание в 1926 г. изданием труда “Contemporary Russian Literature: 1881–1925”, а год спустя (в 1927 г.) опублико-

вал “A History of Russian Literature from the Earliest Times to the Death of Dostoevsky: 1881” – «Историю русской литературы с древнейших времен до 1881 г. – года смерти Ф.М. Достоевского». В 1926 г. была издана его книга “Pushkin”, которая до сих пор считается лучшим введением в изучение творчества великого русского поэта на английском языке. Благодаря выходу в свет этих трудов на английском языке Д. Мирский снискал себе имя и славу выдающегося историка русской литературы не только в Англии, но и в Европе. В 1960–1970-е гг., после множества переизданий эти исследования были переведены на европейские языки, а его «История русской литературы» до сих пор рассматривается критиками как идеальный образец для создания в других странах истории национальной литературы¹.

Как пишет отечественная исследовательница О. Казнина в своей содержательной и очень информативной книге «Русские в Англии», «в Англии в 1920-х годах Д. Мирский был главным посредником между английской и русской литературой, он был сам по себе неким звеном в цепи англо-русских и русско-европейских литературных связей», поскольку его труды формировали представление о русской литературе не только читателей, но и писателей: В. и Л. Вульфов, Д.Г. Лоуренса, К. Мэнсфилд, Э.М. Форстера и др.²

Действительно, в то время многие английские писатели испытывали особый, непреодолимо острый интерес к русской литературе и искусству. Так, в своем частном издательстве “The Hogarth Press” чета Вульфов в начале 1920-х гг. решила издать ряд произведений русской литературы в переводе на английский язык. Они брали уроки русского языка у леворадикального русского эмигранта С.С. Котелянского, который жил в Лондоне начиная с 1911 г. (по настоянию своей матери, опасавшейся за его судьбу в России). Котелянский оказался также и талантливым переводчиком: несмотря на недостаточно глубокое владение английским языком, он вначале набрасывал черновой перевод, оставляя лакуны для вариантов соавторства, а Л. Вульф перелагал этот своеобразный язык на “Royal English” – «королевский английский». Таким образом были изданы записные книжки А.П. Чехова с приложением воспоминаний о нем М. Горького, рассказы Бунина, книга воспоминаний М. Горького о Л. Толстом и другие произведения. Вместе с В. Вульф Котелянский перевел автобиографию С.А. Толстой «Моя жизнь» (1922), исповедь Ставрогина, первоначально не вошедшую в роман Достоевского, и др. Всего в этом издательстве было опубликовано 15 переводов русских книг, в том числе «Тьма» Л. Андреева, «Житие» Аввакума, «Зависть» Ю. Олеши, несколько сборников рассказов И. Бунина, который в 1934 г. стал Нобелевским лауреатом, чему, возможно, способствовали и переводы его произведений на английский язык. В. Вульф постоянно писала рецензии на новые переводы произведений русских писателей: именно они легли в основу ее статей о русской литературе.

Главные литературно-критические работы, написанные В. Вульф, – «Современный роман» (“Modern Fiction”, 1919) и «Этапы развития романа» (“Phases of Fiction”, 1929), – основаны на глубоко прочувствованном ею знании произведений русских писателей. В своем творчестве В. Вульф испытала влияние Толстого, Достоевского и Чехова и в статьях представила объективный анализ художественного метода этих трех «великих русских». Так, в своем эссе «Современный роман» она прямо говорит

¹ О деятельности Д.П. Мирского см. более подробно: Казнина О.А. Русские в Англии. Русская эмиграция в контексте русско-английских литературных связей в первой половине XX века. М.: Наследие, 1997. С. 119–155.

² Казнина О.А. Русские в Англии. С. 122.

о благотворном воздействии русской литературы на литературу английскую, о ее удивительной глубине и духовности. Именно в это время английские литераторы начинают постигать и изучать влияние духовных ценностей русской литературы на английскую читательскую аудиторию, а затем и на английскую литературу.

Другой известный английский писатель Д.Г. Лоуренс, горячо любивший и высоко ценивший русскую литературу, тоже работал над переводами произведений русских писателей вместе с С.С. Котелянским, стараясь как можно глубже проникнуть в художественный текст. В 1927–1929 гг. они перевели «Уединенное» и «Опавшие листья» В.В. Розанова, в предисловии к которым писатель характеризует русский тип мышления и осмысливает «загадочный русский характер», столь отличный от европейского. В 1921 г. им удалось создать блестящий перевод выдающегося рассказа И. Бунина «Господин из Сан-Франциско», талант которого Д.Г. Лоуренс очень высоко оценил и даже испытал его влияние как писатель.

Воспоминания М. Горького о Леониде Андрееве в совместном переводе Котелянского с английской писательницей К. Мэнсфилд, в творчестве которой явно ощутимы чеховские традиции, вышли в журнале “Dial” в 1924 г., а письма и дневник А.П. Чехова – в журнале “Athenaem”. Кроме того, Котелянский перевел записные книжки Чехова, переписку Ф.М. Достоевского с женой, мемуары русских писателей и др., всего более 30 книг, внося свой личный вклад в популяризацию русской литературы в Англии. Критики признают, что его переводы, особенно доведенные до совершенства носителями английского языка, по качеству были не хуже, чем, например, выдающиеся переводы собраний сочинений классиков русской литературы (Толстого, Тургенева, Достоевского, Чехова), выполненные англичанкой К. Гарнет¹. Таким образом, «почтовые лошади» прогресса – как метко А.С. Пушкин охарактеризовал гуманитарную деятельность переводчиков в развитии цивилизаций – внесли значительный вклад в популяризацию достижений русской классической и современной литературы в англоязычной и – шире – в европейской среде. Надо сказать, что статьи Д. Мирского о русской и английской литературе тоже не ограничивались публикациями в Туманном Альбионе: они появлялись в литературной периодике Германии и Франции, а также во всех ведущих периодических изданиях русской эмиграции: журнале «Современные записки» (Париж), газетах «Звено» и «Дни», в журналах «Воля России» (Прага) и «Благонамеренный» (Брюссель). Он также писал статьи о современной английской и американской литературе, причем некоторые из них даже публиковались в советской России в журнале «Современный Запад» в 1923 г.

Мирский постоянно посещал зарубежные центры русской эмиграции с целью расширения литературных контактов и получения новых публикаций: Париж, Берлин, Прагу, Брюссель. Под его воздействием англичане и европейцы воспринимали русскую литературу XX в. как единую – без деления на эмигрантскую и советскую, поскольку он писал и о творчестве советских писателей: Б. Пильняка, Вс. Иванова, И. Бабеля, М. Горького, которые, по его мнению, достигли очень многого в художественной сфере. Так, в докладе «Культура смерти в русской литературе» (1926) Мирский заявил, что вся русская предреволюционная поэзия развивает тему смерти, в то время как произведения М. Цветаевой, Б. Пастернака, В. Маяковского проникнуты жизнеутверждающим пафосом².

¹ См. о переводах: Казнина О.А. Русские в Англии. С. 94–99.

² См.: Мирский Д.П. Векание смерти в предреволюционной литературе // Версты. Париж, 1927. № 2. С. 247–254. В статье автор называет М.И. Цветаеву представительницей «возрождения героическо-

Некоторые подобного рода статьи Мирского даже были расценены эмигрантами как прямая апология советского строя. Встреча в Сорренто с М. Горьким весной 1928 г. оказалась ключевым моментом всей его жизни: Мирский написал книгу о Ленине и вступил в компартию Великобритании. Надо сказать, что в это время коммунизм вошел в Англии в моду и получил распространение даже в аристократических кругах. В 1932 г. в газете "Morning Post" Мирский был назван «коммунистическим агитатором», после чего ему пришлось оставить должность в Лондонском университете. Его переезд в Россию совпал с триумфальным возвращением М. Горького, который в течение четырех лет (до самой смерти) всячески опекал Мирского, вовлекая его в работу по истории фабрик, заводов, строительству Беломорско-Балтийского канала и т. д. Но Мирский продолжал писать и об английском и европейском модернизме, о творчестве как советских авторов, так и современных английских (о Киплинге, Джойсе, Олдингтоне, Эллиоте и др.). После смерти Горького в 1936 г. лишенный защиты Мирский в 1937 г. был объявлен в центральной литературной прессе троцкистом, арестован, обвинен в связях с разведслужбой Великобритании и даже подготовке английских шпионов в Школе славянских исследований, где он когда-то преподавал. Он умер в лагере под Магаданом 6 сентября 1939 г.

Другой русский литератор – Г.П. Струве (1898–1985), сын известного в России политического деятеля П.Б. Струве, – детские годы провел с отцом за границей (в Швейцарии, Германии, Франции), где тот находился в эмиграции. Вернувшись в Россию во время Первой мировой войны, он, как и Мирский, принял решение участвовать в ней в качестве добровольца, а после революции 1917 г. вступил в Добровольческую армию генерала Алексеева. В конце 1918 г. вслед за отцом он покинул Россию, перейдя финскую границу, в 1919 г. они оказались в Англии, где весной 1922 г. Г. Струве закончил Оксфордский университет, получив степень бакалавра по кафедре современной истории. После этого он жил в Праге, Берлине, Париже, где вместе с отцом активно сотрудничал в издании ведущих эмигрантских газет и журналов. Там он публиковал статьи на политические и литературные темы: писал о И. Бунине, В. Набокове, М. Алданове, Н. Берберовой, Б. Пильняке, И. Эренбурге и других авторах русского зарубежья, а во французской прессе – о современных английских писателях и поэтах. В 1932 г. ему предложили должность лектора в Школе славянских и восточноевропейских исследований Лондонского университета (вместо оставившего этот пост Д.П. Мирского). Его первые лекции были посвящены творчеству И. Бунина, В. Набокова-Сирина, Е. Замятина, Л. Леонова. Наряду с чтением лекций, в том числе и публичных (в Славянском клубе в Оксфорде и др.), он писал статьи для английских и эмигрантских газет и журналов, английской академической периодики о советской литературе и литературе эмиграции. В 1935 г. он издал свой курс лекций "Soviet Russian Literature" – «Русская литература при Советах» (дополненное переиздание выходило в 1944 и 1946 г.), а позже монографию "Twenty Five Years of Soviet Russian Literature (1918–1943)" – «25 лет советской литературы (1918–1943)».

Во время Второй мировой войны он продолжил преподавательскую деятельность уже в Оксфорде, куда была переведена часть Школы славянских исследований, работал на радиостанции, где возглавил русский отдел. В 1946 г. он был приглашен для работы в Калифорнийский университет в Беркли (США). В 1956 г. в Издательстве имени А.П. Чехова (Нью-Йорк) вышла его самая известная книга «Русская литература в изгнании: опыт исторического обзора зарубежной литерату-

го» и сравнивает ее поэзию с лучшими поэтическими произведениями Б. Пастернака и Н. Гумилева.

ры», представляющая собой информативный историко-литературный труд и справочник по истории русского зарубежья, который до сих пор востребован на Западе.

В силу своих возможностей он постоянно оказывал разнообразную помощь русским эмигрантам – собратьям по перу: устраивал их вечера, осуществлял переводы их произведений, писал о них статьи, популяризируя их творчество не только в эмигрантских, но и французских и английских журналах (“Le Mois”, “Slavonic Review” и др.).

В лондонский период и в последующие годы Струве занимался и активной деятельностью по изданию в странах Европы и Америки произведений русской литературы XIX–XX вв. Так, в Лондоне в 1933 г. и затем в 1946 г. в двух издательствах вышел сборник рассказов И. Бунина на английском языке “The Well of the Days”, а в США антология «Сто лет русской прозы и поэзии: от Пушкина до Набокова» (A Century of Russian Prose and Verse: from Pushkin to Nabokov. Berkely, 1967), аннотированная библиография В. Белинского (A Belinsky Centenary Bibliography. An annotated list of 1948 publ. / Comp. by Struve G. L., 1949). Одновременно он перевел на русский язык стихотворения Р.-М. Рильке, «Скотский хутор» Дж. Оруэлла (совместно с женой поэтессой М. Кригер). В 1971 г. в США вышло новое издание его книги о советской литературе “Russian Literature Under Lenin and Stalin: 1917–1953” (Oklahoma, 1971; «Русская литература при Ленине и Сталине: 1917–1953»). Вместе с тем в течение всей жизни Струве серьезно занимался и творчеством Пушкина. Участвуя в подготовке Пушкинских дней к столетию со дня гибели поэта в 1937 г., он напечатал ряд статей о его творчестве, в том числе и о неизвестных рукописях поэта, обнаруженных им в библиотеке Британского музея. Библиография трудов Г. Струве составила солидную, объемную брошюру.

Особенно действенную, постоянную помощь Г. Струве оказывал В. Набокову (1899–1977), который вместе со своими родителями оказался в эмиграции в Англии в мае 1919 г., где осенью поступил в Тринити-колледж (Trinity College) Кембриджского университета, который закончил в июне 1922 г. по специальности французская и русская литература, получив степень бакалавра второго класса. После этого он переезжает в Берлин, к своим родителям, а затем в Париж. Набоков сотрудничает во многих эмигрантских изданиях, где публикует свои стихи и романы, переводы классиков французской и английской литературы («Николка-Персик» – в 1922 г., «Аня в стране чудес» – в 1923 г.), затем, движимый желанием получить работу преподавателя университета в Англии, а позже в США, вновь прибегает к помощи Г. Струве, который неустанно популяризировал его творчество: публиковал рецензии на его стихи и прозу в изданиях русского зарубежья, а также во французском журнале “Le Mois”, перевел и опубликовал в лондонских журналах его рассказы «Возвращение Чорба» и «Пассажир», нашел для переведенного самим Набоковым романа «Отчаяние» английского редактора-стилиста. В результате роман вышел в Лондоне в 1937 г., и Набоков получил за него приличный по тем временам гонорар в 45 долларов. Таким образом, Г. Струве во многом способствовал известности Набокова в Англии, где в «Славянском обозрении» (“Slavonic Review”) в 1934 г. вышла его статья «Владимир Сирин» с высокой оценкой творчества писателя. К сожалению, ни преподавательской, ни редакционно-издательской должности в Англии Набоков так и не дождался и был вынужден просить влиятельных знакомых (М.И. Ростовцева, И.А. Бунина, Н.А. Бердяева и того же Г.П. Струве) способствовать его переезду в США, что и произошло в 1940 г.¹

¹ Более подробно о деятельности Г.П. Струве в Лондоне см.: Казнина О.А. Русские в Англии. С. 174–179.

Помимо русских эмигрантов, важную роль в развитии культурных и литературных связей между Россией и Великобританией в эти годы сыграли и сами англичане – знатоки русской культуры и русского языка, которым довелось жить и работать в России в качестве корреспондентов газет до и после революции 1917 г., например Гарольд Вильямс (Harold Williams, 1876–1928). Уроженец Новой Зеландии, он, заинтересовавшись учением Л. Толстого, выучил русский язык, что для него не составило большого труда, поскольку он был талантливым полиглотом (знал 50 языков, в том числе даже полинезийский), и, оказавшись в России в 1904 г., сразу же отправился в Ясную Поляну. Г. Вильямс воспринимал Л. Толстого как великого реформатора христианства и в первую очередь очень высоко отзывался о его религиозно-философских произведениях. В эти годы (1904–1908) он работал корреспондентом лондонской газеты “Manchester Guardian”, где в 1905 г. опубликовал свое интервью с Л. Толстым. Затем с 1908 г. он отправлял свои корреспонденции об англо-русских отношениях в лондонскую газету “Morning Post”, а с 1914 г. – в “Daily Chronicle”, прекрасно ориентируясь в развернувшейся в эти годы политической борьбе в России. Результатом его наблюдений стала поразительная по своей глубине и объективности книга «Россия русских» (“Russia of the Russians”, 1914), в которой он провидчески оценил русский большевизм как «злую карикатуру» на социалистические теории Запада, одновременно справедливо отметив и кризис западной цивилизации. Говоря о русской литературе, которую он великолепно знал, критик писал, что она «поражает своей оригинальностью в выборе темы и подходе к ней, несмотря на то, что в ней есть отзвуки всех европейских литератур», при этом она истинно национальна и «раскрывает русские движения души, русские настроения и устремления»¹.

Жена Вильямса А.В. Тыркова, оказавшаяся в 1918 г. вместе с супругом в Англии, попыталась объяснить английской читательской публике суть и истинный характер русской революции в книге «От свободы к Брест-Литовску. Первый год революции», которая вышла в Лондоне в 1919 г. на английском языке. Однако к ее негативным оценкам русского коммунизма в Англии стали прислушиваться только в конце 1920-х гг.

Дом Тырковой и Вильямса в Лондоне стал одним из наиболее гостеприимных центров культурного сближения русских и англичан. Тыркова основала журнал «Русская жизнь», где публиковались статьи о литературе и искусстве. Кроме того, она активно помогала многим русским писателям-эмигрантам, поддерживала их морально и материально, в частности – А.М. Ремизова и его жену. Она помогла И.С. Шмелеву организовать издание «Солнца мертвых» на английском языке; при ее участии в Лондон смогли приехать Б.К. Зайцев, М.И. Цветаева, Н. Теффи, И.А. Бунин, которому был устроен великолепный прием в «Русском доме». Тыркова написала подробную биографию А.С. Пушкина в двух томах (Париж, 1929; 1948), а также увековечила память своего безвременно скончавшегося супруга книгой «Щедрый даритель: жизнь Гарольда Вильямса» (Cheerful Giver. The Life of Harold Williams. London, 1935).

Другим крупным специалистом по России и русской литературе был корреспондент газеты “The Morning Post” Морис Бэринг (Maurice Baring, 1874–1945), который много лет провел в нашей стране и при этом написал о ней более десяти книг (воспоминания, наблюдения, несколько романов, рассказы, стихотворения,

¹ Казнина О.А. Русские в Англии. С. 101. Подробнее о деятельности см. там же: Г. Вильямса – стр. 99–101, А.В. Тырковой – стр. 70–71, М. Бэринга – стр. 105–106.

пьесы, а также создал целый ряд исследований о русской литературе). Наиболее ценные из них: “Landmarks in Russian Literature” («Вехи русской литературы», 1910, перевод на русский язык: 1913), “An Outline of Russian Literature” («Очерк истории русской литературы», 1914), антология “The Oxford Book of Russian Verse” («Оксфордская книга русской поэзии», 1924), получившие очень высокую оценку Д.П. Святополк-Мирского, выделившего этого автора из числа других русистов как поразительно «яркое и отрадное» явление.

Бэринга отличала редкая восприимчивость к явлениям в культурной жизни других стран, особенно в России. Он первым из англичан понял значение творчества А.С. Пушкина и Ф.М. Достоевского для русской и мировой литературы, оценил особую роль МХАТа в современной артистической жизни России и в его постановке чеховских пьес. Он в какой-то степени способствовал зарождению непреходящей моды на Чехова в Англии и в английском театре. В России он ценил естественность в отношениях между людьми, духовность, искреннюю религиозность, не искаженную цивилизацией, как на Западе.

Таким образом, в межвоенный период в Великобритании появляются первые серьезные научные исследования о русской литературе в специализированных научных журналах и сборниках статей, а также монографические работы. Однако круг английских русистов оставался довольно узким, а научный охват самого предмета изучения был явно недостаточным. Ситуация меняется с появлением на ниве русистики литераторов и критиков русской диаспоры: Д.П. Мирского, Г. Струве, В. Набокова, С. Коновалова, Е. Винавера, которые заняли свое место в академических кругах благодаря глубокому знанию русской и европейских литератур, литературных направлений и современных тенденций развития. Их деятельность стала краеугольным камнем, обеспечившим становление и развитие английской, а затем и американской русистики.

Произошел огромный сдвиг по сравнению с XIX в., когда также наблюдались весьма редкие, но тем не менее плодотворные контакты английских и американских любителей русской словесности, посещавших Россию в его первой половине, следствием чего стали первые переводы произведений русских писателей и поэтов на английский язык, изданные как в Великобритании, так и в США.

В частности, в 1819 г. английский лингвист Дж. Бауринг (J. Bowring), прекрасно владевший русским языком, посетил Санкт-Петербург, где познакомился с известными русскими литераторами И.А. Крыловым и Н.М. Карамзиным, в результате чего издал в 1821 г. в Лондоне, а затем в 1822 г. в Бостоне «Российскую поэтическую антологию» (“Specimens of the Russian Poets”) собственных переводов произведений русских поэтов: М.В. Ломоносова, И.И. Дмитриева, Г.Р. Державина, С.С. Боброва, И.А. Крылова и др. В 1834 г. в Нью-Йорке вышел перевод в то время очень известного в России романа М.Н. Загоскина «Юрий Милославский» под заголовком “The Young Muscovite, or The Poles in Russia”, а в 1846 г. – повесть А.С. Пушкина «Капитанская дочка» в переводе Дж. Хебба (G.C. Hebbe), развернутое название которой звучало следующим образом: «Капитанская дочка, или Великодушные русского бунтовщика Пугачева». В 1845 г. в Эдинбургском литературном журнале (Великобритания) был опубликован первый очерк о жизни и творчестве А.С. Пушкина. Его автор Томас Шоу (Th. Show) преподавал английский язык в Царскосельском лицее, овеванном пушкинской аурой. Интересно, что в этом очерке он назвал Пушкина «внуком африканца». Этими сведениями об африканских корнях поэта не преминул воспользоваться американский поэт-або-

лиционист Дж.Гр. Уитьер (J.G. Whittier) в своей борьбе за освобождение чернокожего населения Америки от рабства, обличая антинегритянские настроения в США. В 1849 г. У.Д. Льюис (W.D. Lewis), американский коммерсант, побывавший в России в 1814–1819 гг., опубликовал в Филадельфии свой перевод «Бахчисарайского фонтана» Пушкина¹.

Таким образом, начало восприятию русской литературы в Великобритании и США положили личные контакты и немногочисленные литературные переводы в первой половине XIX в. Вместе с тем качественные художественные переводы на английский язык произведений Пушкина в 1840-е гг., Толстого, Тургенева, Достоевского в 1860-е гг., Чехова – в 1890-е гг. способствовали значительному росту популярности русской литературы в Европе и США, как и последующие прямые контакты русских и американских писателей во второй половине XIX в. Так, очень большой вклад в популяризацию русской литературы в Америке внес И.С. Тургенев. Он стал первым русским романистом, всколыхнувшим интерес американской читающей публики – перевод его романа «Отцы и дети», вышедший в США в 1867 г., вызвал оживленные споры в американских литературных кругах. На роман откликнулись крупнейшие периодические издания “The North American Review”, “The Atlantic Monthly”, “Nation”, причем последний, по свидетельству Р. Геттмана, отмечал «редкое умение автора постичь и изобразить характер»².

В 1870-е гг. к творчеству Тургенева обращается молодой американский исследователь Томас Пэрри (T.S. Perry), увидевший в его романах «образец, достойный подражания»³, который в 1877 г. с разрешения автора перевел на английский язык его роман «Новь». Для американских писателей У.Д. Хоуэллса и Г. Джеймса романы Тургенева стали «уроком большого мастера», поскольку, по их мнению, русская жизнь там изображена убедительно и правдиво. Позднее, в 1880-е гг., У.Д. Хоуэллс обращается к творчеству Л.Н. Толстого, который, по его признанию, повлиял не только на его эстетику, но и этику.

Находясь в Париже, Тургенев в 1873 г. неоднократно встречался с американским писателем Хьюлармом Бойесеном, который опубликовал рассказ об этом событии в 1874 г., после чего американцы стали воспринимать Тургенева не только как замечательного художника, но и как своего друга. Г. Джеймс на протяжении своей жизни оставался искренним и постоянным поклонником творчества Тургенева, и в своей статье 1874 г. он восторженно пишет о богатстве содержания тургеньевских произведений, о редком совершенстве их формы. По его мнению, страницы книг Тургенева «пахнут родной землей», читатель физически ощущает пейзаж⁴.

Таким образом, начиная с увлечения творчеством Тургенева в 1870-е гг. в США постепенно происходит широкое проникновение русской классической литературы в культурную жизнь Америки⁵ и оказывается определенное воздействие на формирование американского реалистического романа, расцвет которого происходит в первой половине XX в.

¹ Подробнее об этом см.: *Николюкин А.Н.* Литературные связи России и США. Становление литературных контактов. М.: Наука, 1981. С. 347–359.

² *Gettman R.A.* Turgenev in England and America. Urbana, 1941. С. 37.

³ См. об этом: *Милославская С.К.* И.С. Тургенев в оценке своих американских современников // Литература США. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1973. С. 20.

⁴ *James H.* French Poets and Novelists. Tauchnitz; Leipzig, 1883. С. 220.

⁵ Подробнее об этом см.: *Осипова Э.Ф.* Русская литература и литературная жизнь США // История литературы США. Литература начала XX в. Т. V. М.: ИМЛИ РАН, 2009. С. 905–931.

Если бросить взгляд на литературную панораму Америки в XIX в., то становятся очевидными блистательные достижения в области новеллистики, начиная от В. Ирвинга, Э. По, Н. Готорна до М. Твена и О'Генри уже в начале XX в. Вместе с тем романы Мелвилла и Готорна содержат множество условно обобщенных, нередко мистических образов (например, «Моби Дик»), поскольку сам пафос европейского реализма был чужд американским писателям, уверовавшим в избранность американского пути развития. Таким образом, весь XIX в. литературного развития в США был озарен светом романтизма. Однако в его конце американская литература встала перед необходимостью воссоздать многообразную и усложнившуюся картину общественных связей, раскрыть их внутренний смысл и представить, по словам критика Х. Бойесена, во всей полноте систему «определившихся, ясно очерченных типов, какими уже в последней трети XIX в. располагала американская действительность»¹. Решение этих проблем могло оказаться под силу только социальному роману. Именно это время – 1860–1870-е гг. XIX в. отмечено проникновением русской литературы в духовную жизнь Америки, начиная с переводов романов И.С. Тургенева, который так много сделал для популяризации там русской литературы, в том числе и творчества Л.Н. Толстого.

Для писателя и критика У.Д. Хоуэллса романы Тургенева стали, как он сам отмечал, «самым значительным <...> литературным опытом», «уроками большого мастера». Он отмечает «правду жизни» («truth of life») и «жизнеподобие» («life likeness»), чего так не хватало американскому роману².

В 1880-е гг. Хоуэллс обратился к творчеству Л. Толстого, который, по его словам, повлиял не только на его эстетику, но и этику. Американские критики и писатели в своих выступлениях в прессе боролись за становление американского национального романа, опираясь прежде всего на богатейший опыт русской литературы. В число этих писателей входил и Г. Джеймс, который вначале был известен как литературный критик, затем как автор рассказов. По мнению исследовательницы его творчества С.К. Милославской, «на самом факте обращения Г. Джеймса к форме романа сказалось, очевидно, влияние Тургенева»³.

Американский литературовед А. Кросс также считает, что «впервые несомненное влияние русской литературы обнаруживается в творчестве Г. Джеймса, У.Д. Хоуэллса», а также английских писателей Дж. Гиссинга и Дж. Мура⁴.

Одновременно в конце XIX в. в Европе, как и в России, формировалось влиятельное литературное течения – натурализм – в творчестве французских писателей Э. Золя, Ги де Мопассана, бр. Гонкуров; затем возникает французский символизм начала XX в., что не могло не сказаться на развитии американского романа, как и несомненное влияние на него европейского модернизма (например, прустовский цикл «В поисках утраченного времени», 1913–1927).

Поэтому американский реализм, который начал развиваться гораздо позже европейского, т. е. в конце XIX – начале XX в., несет в себе очень сильные натуралистические тенденции, которые отчетливо видны не только в произведениях писателей-классиков, например Т. Драйзера («Сестра Кэри» и «Американская трагедия» и др.) и С. Льюиса («Мейн-Стрит» и «Бэббит»), но и в модернистской литературе нача-

¹ Цит. по: Милославская С.К. И.С. Тургенев в оценке своих американских современников. С. 28.

² См.: Милославская С.К. И.С. Тургенев в оценке своих американских современников. С. 22.

³ Милославская С.К. И.С. Тургенев в оценке своих американских современников. С. 31.

⁴ Cross A.G. Russian Theme in English Literature from the 16th Century to 1980. Oxford, G.B., 1985. P. 48.

ла XX в., например творчестве Ш. Андерсона, Э. Хемингуэя, У. Фолкнера, Т. Вулфа и др. писателей.

Итак, в конце XIX в. в США возникает насущная потребность создания национального социального романа, и само творчество И.С. Тургенева, а затем Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского с его общесоциальным звучанием побуждает американских авторов обратиться именно к социальному началу в своих произведениях. Не случайно во второй половине XX в. изучение творчества Толстого и Достоевского в переводах на английский язык в США стало неотъемлемой частью университетских программ.

Таким образом, в конце XIX – начале XX в. американские писатели оказались весьма восприимчивыми к воздействию русской и французской литературы: они брали именно то, что отвечало духу и потребностям национальной литературы и интегрировали это в своем творчестве, стремясь избавиться от «колониальной» зависимости от английской литературы: их произведения озаменовали победу над устоявшимися стереотипами далекого от реализма чисто книжного сентиментального английского романа.

«Русский англичанин» Е.И. Замятин также внес своеобразный вклад в литературный процесс в Англии, в частности, в развитие романа-антиутопии. Находясь там в командировке в качестве инженера-наблюдателя на судовой верфи в Ньюкасле, где строились ледоколы для военного флота России во время Первой мировой войны, он написал роман «Островитяне», в котором изобразил перманентную скуку, заурядность и пошлость английской провинциальной жизни, ее стандартизацию и бездуховность.

Эти впечатления, а также увлеченность Замятина научно-фантастическими романами Г. Уэллса позднее легли в основу его самого известного романа «Мы», написанного в России и опубликованного в Нью-Йорке в 1924 г. на английском языке. В нем представлено общество будущего «организованного рая» с его тоталитарным контролем над личностью, неприкрытым террором, психической обработкой людей, культом личности и т. д. Некоторые главы романа на русском языке были опубликованы в эмигрантской газете «Воля России» (ее редактором был М. Слоним), после чего началась травля писателя на родине: его обвинили в сотрудничестве с белоэмигрантской прессой. Однако ему все же удалось в 1931 г. выехать в Европу – в Париж. Благодаря Д.П. Святополк-Мирскому и русскому эмигранту Г.П. Струве с творчеством Замятина смогли познакомиться англичане. Мирский писал о нем статьи, перевел его повесть «Пещера» (“The Slavonic Review”, 1923), а в своей книге «Современная русская литература: 1881–1925 гг.» (1926) выделил исследование о его произведениях в отдельную главу.

Когда в 1932 г. в Англии вышел в свет роман-антиутопия О. Хаксли “Brave New World” («Храбрый новый мир»), читатели и критики сразу же отметили сходство этого произведения с романом Замятина «Мы». Сам О. Хаксли отрицал какое-либо влияние, говоря, что роман Замятина никогда не читал. Замятин также не стал предъявлять претензий к автору, заметив, что сходство замыслов, возможно, объясняется тем, что идеи подобной антиутопии «носятся в воздухе». Интересно, что в 1962 г. Хаксли написал роман-утопию «Остров», название которого неожиданно совпало с заголовком первого романа Замятина («Островитяне»). Однако другой английский мастер слова, Дж. Оруэлл, все же признал опосредованное влияние книги Е.И. Замятина «Мы» на формирование замысла его антиутопии «1984»: это случилось после того, как он ознакомился с анализом романа «Мы»

в исследовании Г.П. Струве “Twenty Five Years of Soviet Russian Literature (1918–1943)”. В Англии роман Замятина «Мы» был издан лишь в 1970 г. в переводе Б.Г. Герни. В предисловии к этому изданию критик М. Гленни назвал Е. Замятина «главным звеном в английской традиции антиутопии», поскольку «он впитал художественный потенциал английского писателя одного поколения, придал ему новое измерение и передал его двум писателям следующего поколения»¹.

Таким образом, в истории английской, как и американской, литературы наблюдаются случаи непосредственного влияния творчества русских писателей на появление новых жанров и тенденций в истории развития национального романа.

Русская эмиграция первой волны в 1920–1930-е гг. в США также внесла существенный вклад в развитие науки и техники (как, например, изобретатель телевидения З.К. Зворыкин, гениальный авиаконструктор И.И. Сикорский, а в области гуманитарных наук – историк М.М. Карпович, бывший секретарь русского посольства в Вашингтоне, создавший свою научную школу в Гарвардском университете и подготовивший из американских студентов крупных специалистов по русской истории). В стремлении осознать историю развития России, глубже разобраться в ее прошлом, выяснить истоки настоящего, точнее оценить смысл происходящих в ней в XX в. событий и заключена непреходящая ценность трудов русских историков, политологов, философов и их вклад в развитие американской науки о России.

Писатель Б. Зайцев справедливо назвал российскую интеллигенцию «цветом нации» с ее «духовностью и гуманизмом»; ее главным делом в изгнании было сбережение традиций и ценностей отечественной культуры для будущей возрожденной России, а также сохранение русского этноса в странах эмиграции. Потому начиная с 1920-х гг. в крупных городах Америки: Нью-Йорке, Чикаго, Лос-Анджелеса, Сан-Франциско и др. – создаются русские клубы и русские культурные центры, федерации русских детских школ, литературные, театральные, профессиональные и прочие общества; например, в Сан-Франциско был организован городской литературно-художественный кружок, выпускавший в 1920–1930-е гг. сборники эмигрантских произведений и альманахи: «Дымный след» (1925), «Калифорнийский альманах» (1934), «Земля Колумба» (1936), а в Чикаго был создан русский драматический кружок под управлением В.И. Анциферова.

Духовному единению русских переселенцев, защите их интересов, вхождению в мир американской культуры способствовали и печатные издания: в Нью-Йорке, Сан-Франциско, Чикаго и других городах в 1920-е гг. выходили ежедневные русские газеты, в частности, издающаяся по сей день в Нью-Йорке газета «Новое русское слово», которая информировала читателей о жизни русских эмигрантов в США, новостях Европы и Америки, событиях в России; газета «Русская жизнь» (Сан-Франциско), в 2016 г. отметившая свое девяностопятилетие, и др.

Кроме того, в эти годы в США силами русской эмиграции развивается журнальная и книгоиздательская деятельность, возникают первые русские издательства и русские книжные магазины, например «Колокол», в котором продавались книги по различным отраслям знаний, вышедшие в дореволюционной России; книжный магазин «Нового русского слова» в Нью-Йорке, а также русский книжный склад – магазин «Труд», где наряду с произведениями русской классики можно было приобрести литературные новинки, научно-техническую литературу, русские газеты и журналы. В 1918 г. в Нью-Йорке было создано первое русское изда-

¹ *Zamyatin Yevgeny. We / Transl. by B.G. Guerny; Introd. by M. Glenny. London: Penguin Books, 1972. P. 18.*

тельство в Америке, которое тогда выпустило и самый первый русский эмигрантский сборник рассказов, очерков и стихотворений «Досуг» (по ред. Н.Н. Сергиевского); в 1920-е годы в Нью-Йорке при содействии известного русского писателя Г.Д. Гребенщикова возникло «алтайско-американское» издательство «Алатас», в 1928 г. переместившееся в Саутбери (шт. Коннектикут), ближе к месту жительства этого энтузиаста, задумавшего вместе с И.Л. Толстым, сыном великого русского писателя, создать на реке Помпераге русский культурно-трудовой и духовный центр Чураевку, основавшего первую русскую колонию в США, где проживало, по свидетельству литератора-эмигранта второй волны Э. Штейна, до четырех тысяч человек. Г.Д. Гребенщиков, русский писатель-сибиряк, переехал в 1924 г. в США из Франции. В Америке он ведет разнообразную общественную деятельность в качестве почетного председателя РООВ (Русского объединения общества взаимопомощи), создает Общество друзей Сибири, своими лекциями и статьями способствует укреплению культурных и научных связей России и Америки. В издательстве «Алатас» выходят его романы и другие произведения, проникнутые национальной русской тематикой: «Былина о Микуле Буяновиче» (Нью-Йорк, 1924 г.); часть «сибирской» эпопеи «Чураевы» (Нью-Йорк – Саутбери, 1925–1952 гг.); «Купава: Роман одного художника» (1936); книга «Гонец: Письма с Помперага» (1928) с подзаголовком «Первая помощь человеку» – в ней впервые возникает прообраз будущего «сибирского скита» Чураевки; «Радонега. Сказание о св. Сергии» (1938); стихотворный сборник «Златоглав» (1938); в русских журналах публикуются его статьи и рассказы.

В 1920-е гг. в США издаются первые литературно-художественные журналы русской эмиграции: в октябре 1924 г. в Нью-Йорке вышел первый номер «Зеленого журнала», редактором-издателем которого был писатель Л.М. Камышников. Задачей редколлегии было не только освещение американской общественной жизни с целью облегчить русским эмигрантам вхождение в инациональную среду, сближение с Америкой, но и сохранение в то же время и тесной связи с русской культурой, а также стремление объединить представителей «старой» и «новой» эмиграции на «любви к родине, на мысли о ней, на грусти по ней и жажде ей добра и мощи»¹. В 1925–1926 гг. в Нью-Йорке издавался литературный и научно-популярный журнал «Зарница» (вышло всего 16 номеров этого издания), с 1929 г. там же выпускался «общественно-культурный» журнал «Современник» под редакцией Б. Федорова, а в Чикаго – ежемесячный русско-американский журнал «Москва».

Таким образом, в 1920–1930-е гг. в США довольно успешно велось строительство «Малой России» – государства без территории и границ. Эмигранты первой волны отчетливо понимали, что, сохранив общими усилиями в среде своей диаспоры духовные ценности своей страны, основные элементы культуры быта, семейного уклада, национальные и религиозные традиции, и как главную ценность – русский язык и национальную культуру, – они «унесут с собой Россию». В этом и заключалась благородная миссия послереволюционной эмиграции – не дать погибнуть России, которая оставалась в них самих. «Мы не в изгнании, мы – в послании», – эта фраза З. Гиппиус хорошо передавала созидательный, творческий и патриотический настрой представителей первой волны эмиграции.

Необходимо отметить, что существенную роль в духовном объединении и нравственной поддержке эмигрантов сыграла русская Православная церковь в США, проникнутая духом соборности, коллективной взаимопомощи, несущая

¹ Зеленый журнал. 1924. № 1 (октябрь). С. 1.

«Русскую идею» духовного единения и возрождения Православия, что в какой-то степени стало антитезой, противовесом «Американской мечте», в основе которой – безраздельный культ индивидуализма. Благодаря этому удалось сохранить русский этнос в Америке, где русских в составе населения менее 0,5%.

Переезд из Парижа в начале 1940-х гг. в США части представителей русской литературной эмиграции первой волны, обладавших огромным культурным потенциалом и большим литературным опытом, явился весьма благоприятным фактором для упрочения духовных связей русской диаспоры в США, утверждения и сохранения русской культуры, русского языка и русской литературы в Америке.

1940-е гг. становятся новой фазой, новым этапом в культурно-литературном отношении для всего русского зарубежья – *центр русской литературной эмиграции перемещается в США*, его «столицей» по праву становится Нью-Йорк – средоточие духовной жизни русских переселенцев. Формируются и другие центры русского литературного зарубежья: Чикаго, Лос-Анджелес, Сан-Франциско, возникшие еще до Второй мировой войны.

Отметим, что преподавательская деятельность русских литераторов-эмигрантов первой, а затем и второй волны в американских вузах и колледжах, их критические и литературоведческие работы, публиковавшиеся в 1940–1950-е гг. и позднее (Г. Струве, М. Слонима, В. Александровой, В. Набокова, Ю. Иваска, Б. Филиппова, В. Маркова, Д. Бобышева и др.), стали катализатором вначале интереса к русской литературе, а затем и подъема американской литературоведческой русистики в 1960–1970-е гг.

В 1942 г. в Нью-Йорке силами парижской эмиграции почти одновременно были созданы два крупных журнала: «Новоселье» и «Новый журнал». Ежемесячный журнал «Новоселье» начал выходить с февраля 1942 г. под редакцией поэтессы С. Прегель, которая во вступительной статье «От редакции» писала, что «Новоселье» – журнал, свободный от политических споров и разногласий, – будет всецело посвящен «вопросам литературы, искусства и науки» с целью объединить писательские силы в деле служения русской культуре, а также с целью сближения представителей русской и американской интеллигенции¹.

В журнале публиковались стихи самой С. Прегель, произведения писателей «старой» и «новой» России: были напечатаны два утерянных стихотворения А. Блока, «Письмо к Татьяне» В. Маяковского, стихи М. Волошина; произведения эмигрантов первой и второй волны: В. Корвин-Пиотровского, М. Чехонина, рассказы И. Бунина, М. Алданова, А. Ремизова, Теффи, В. Варшавского, М. Цетлина, отрывки из романа Б. Калашникова «Рождение скакуна», воспоминания С. Дубкова о М. Горьком, мемуары В. Зензинова, Н. Берберовой и т. д., а также научно-популярные статьи по истории, литературе как прошлого века, так и советской. М. Слоним писал о Денисе Давыдове, В. Александрова в обзоре «Дальний Восток в художественной литературе» – о произведениях Вс. Иванова, А. Фадеева, П. Павленко, В. Кетлинской, Ф. Фраермана, посвященных этому краю. Всего вышло 44 номера этого издания.

По мнению Г. Струве, этот журнал, хотя в нем не было политики в прямом смысле слова, объективно отражал настроения части эмиграции во время войны и в первые послевоенные годы, чувствовавшей потребность «живой связи с Родиной»². Он отмечал некий «советофильский душок» журнала и считал, что

¹ Новоселье. Нью-Йорк, 1942. № 1. С. 1.

² От редакции // Новоселье. 1947. № 33–34 (апрель-май). С. 3.

в этом отчасти «повинен» и М. Слоним, бывший редактор «Воли России», а потом и сотрудник «Новоселья», «которому в большой степени было свойственно это настроение»¹. Вместе с тем Струве подчеркнул, что в первые годы своего существования журнал поместил «много ценного литературного материала»².

После войны в 1950 г. журнал «Новоселье» стал издаваться в Париже, но в скором времени прекратил свое существование.

Трибуной русской эмигрантской мысли в военные и послевоенные годы в США суждено было стать «Новому журналу» – крупнейшему литературно-художественному и общественно-политическому изданию русской эмиграции в США, основанному в 1942 г. М.О. Цетлиным (1882–1945) и М. Алдановым (1886–1957) при участии и других сотрудников парижского эмигрантского журнала «Современные записки», издание которого было приостановлено в связи с оккупацией Франции нацистами в 1940 г. По словам Б. Зайцева, «Новый журнал» стал как бы «сыном» «Современных записок». М.О. Цетлин, бывший эсер, находившийся до 1917 г. одиннадцать лет в эмиграции, после революции вернулся в Россию; в 1919 г. – эмигрировал во Францию. В Париже он основал литературно-политический салон, который посещала «русская интеллектуальная элита», по выражению Б. Зайцева, «звездная палата эмиграции» (И.А. Бунин, М.А. Алданов, М.А. Вишняк, И.С. Шмелев, В.Ф. Ходасевич, А.Ф. Керенский, П.Н. Милюков, позже В.В. Набоков-Сирин и др.). Благодаря удивительной атмосфере благожелательности, создаваемой хозяином салона, все «прочнее и спокойнее», как отмечал Б. Зайцев, становились отношения между его посетителями, чьи политические взгляды сильно отличались друг от друга³. В дальнейшем все они публиковали свои художественные произведения и статьи в «Новом журнале».

С момента своего основания в 1942 г. «Новый журнал» становится центром духовного объединения русских общин в разных частях страны: отличаясь редкой терпимостью к различным философским взглядам и политическим убеждениям, кроме откровенно шовинистических и тоталитарных, он предоставлял свои страницы историкам, политологам, философам, социологам различной политической ориентации. Однако русского читателя в США в первую очередь привлекали художественные произведения: новые рассказы И.А. Бунина, которыми в течение ряда лет с первых же номеров открывался журнал, исторические романы и рассказы М. Алданова, произведения Р. Гуля, Н. Берберовой, М.А. Осоргина, М.О. Цетлина, В. Набокова, Б. Зайцева и др., критические статьи об искусстве и литературе, воспоминания современников о А. Чехове, Л. Толстом, М. Горьком и др.

«Новый журнал» издается по сей день, уже более 75 лет, и претерпел несколько периодов в своем развитии.

Первый период приходится на военные годы (1942–1945)⁴. В это время журнал перенасыщен политическими злободневными статьями зачастую левой ориентации – факт, который отмечали и сами редакторы журнала⁵.

В нем публикуются философские и культурологические работы Г.П. Федотова, социологические исследования Н.С. Тимашева, аналитические обзоры поли-

¹ Струве Г. Русская литература в изгнании. Опыт исторического обзора зарубежной литературы. Нью-Йорк: Изд-во им. А.П. Чехова, 1956. С. 382.

² Там же.

³ Зайцев Б. Михаил Осипович Цетлин // Новый журнал. 1946. № 14. С. 48.

⁴ О границах первых трех периодов эволюции «Нового журнала» и их характеристику см.: Гуль Р. Двадцать пять лет // Новый журнал. 1967. № 87. С. 6–28.

⁵ Гуль Р. Двадцать пять лет. С. 9.

тологов Ю.П. Денике, М.В. Вишняка, М.Е. Вейнбаума, а также статьи А.И. Зака, Ю. Войтинского, главная тема которых – «Россия и война»: так называлась специальная рубрика журнала, имевшаяся в нем в военные годы. Там печатались статьи о России, ведущей войну с Гитлером. В них особенно видны те перемены, которые в эти годы произошли в русской эмигрантской среде в отношении к Советской России. Беда, обрушившаяся на Родину, жертвы русского народа, зверства фашизма – все это всколыхнуло волну патриотизма среди русских эмигрантов.

В первой половине 1940-х гг. в «Новом журнале» публиковались рассказы И. Бунина «Натали», «Генрих», «Таня» и др., в дальнейшем составившие сборник его рассказов «Темные аллеи», главы исторического романа М.А. Алданова «Истоки», его остросюжетные рассказы на современную тему – о событиях Второй мировой войны (например, «Фельдмаршал»), рассказы Б.К. Зайцева, главы из книги М.О. Цетлина о русских композиторах «Пятеро и другие», глава из незаконченного романа В. Набокова «Ultima Thule» (1942. № 1), а также критические работы В. Александровой о русском театре в годы Великой Отечественной войны, обзоры В. Зензинова о советских журналах тех лет («Знамя», «Октябрь», «Новый мир»), статьи М. Чернова об А.П. Чехове, фрагменты из мемуарной книги М. Чернова «Жизнь и встречи» и др.

Поэтический отдел в те годы, к сожалению, был представлен слабыми, мало-оригинальными произведениями; исключение составили стихотворения В. Набокова (Сирина), а также подборка «Неизданные стихи» Н. Гумилева с предисловием Г. Струве. В рубрике «Прошлое и настоящее» публиковались воспоминания современников о Л.Н. Толстом, А.П. Чехове, И.А. Бунине, М. Горьком, Вл. Ходасевиче. В те годы журнал не имел большого общественного резонанса: он распространялся только в пределах американского континента и читался довольно узким кругом лиц – русскими эмигрантами и американским «советологами».

Второй период эволюции «Нового журнала» охватывает десятилетие со второй половины 1940-х гг. до середины 1950-х – послевоенный отрезок времени до смерти Сталина и наступления «оттепели», период начала «холодной войны». Происходят перемены и в редакции журнала: в 1945 г. скончался М.О. Цетлин, с 1946 г. и до конца 1950-х его редактором становится историк М. Карпович.

В это время журнал четко ориентирован на борьбу против тоталитаризма в СССР, за свободу русского народа. В нем появляются публицистические статьи, в которых констатируется (например, в эссе «Соблазн патриотизма» М.В. Вишняка), что «русские патриоты внутри России находятся сейчас под несравненно большим риском и гнетом, чем 90 лет назад»¹. В эти годы публикуются свидетельства очевидцев о репрессиях 1930-х гг. (главы из книги М. Корякова «Почему я не возвратился в СССР», М. Шаблэ «В доме заключения НКВД» и др.).

Ю. Денике отмечает, что если до войны вести из Советского Союза почти не просачивались за границу, поскольку государство как бы отделилось от остального мира железным занавесом, то после ее окончания, когда в руки союзных войск попали захваченные немцами в СССР архивы, информация разлилась грандиозным потоком².

В журнал приходят и новые литературные силы: наряду с произведениями писателей-эмигрантов первой волны («Путешествием Глеба» Б. Зайцева, «В сырых туманах» А. Ремизова, автобиографической повестью Р. Гуля «Конь Рыжий», расска-

¹ Вишняк М.В. Соблазн патриотизма // Новый журнал. 1946. № 13. С. 48.

² Денике Ю. Новые источники и их критика // Новый журнал, 1950. № 24. С. 259.

зами Н. Берберовой «Воскрешение Моцарта», «Плач» и ее романом «Мыс Бурь», отрывками из романа Алданова «Повесть о смерти», В. Набокова «Другие берега») печатаются и произведения послевоенных русских литераторов-эмигрантов: повести Л. Ржевского, Н. Нарокова, Г. Андреева, Б. Нарциссова, Б. Филиппова.

Особую значимость в 1950–1960-е гг. в «Новом журнале» приобретает стихотворный раздел, в котором рядом с поэзией М. Цветаевой, И. Одоевцевой, З. Гиппиус публикуются стихи поэтов-эмигрантов второй волны: Д. Кленовского, И. Елагина, И. Чиннова, О. Анстей, Н. Моршена, Б. Нарциссова и др.

Третий период эволюции «Нового журнала» связан с наступлением «оттепели» в СССР и приходится на вторую половину 1950-х – конец 1960-х гг., когда он становится своеобразным «мостом», соединившим русских писателей, живущих в США, с писателями и читателями СССР: впервые была установлена «обратная связь»¹ с Россией. В журнале стали публиковаться отрывки из романа Б. Пастернака «Доктор Живаго» (1958 .№ 4–5), стихотворения А.А. Ахматовой, повести и рассказы Л. Чуковской (в частности, ее знаменитая повесть «Софья Петровна»), «Колымские рассказы» В. Шаламова, очерки Е. Ишутиной, «Оттепель» И. Эренбурга, «Не хлебом единым» В. Дудинцева и др.

В 1960-е гг. в нем печатаются и первые произведения эмигрантов «третьей волны» («Кларка-террористка» А. Кторовой, «Бабий Яр» А. Кузнецова, пьеса «Сталин» Ю. Кроткова и др.). Однако все же преобладают произведения писателей «старшего» поколения: И. Бунина, Г. Газданова, Б. Зайцева, Д. Мережковского и др. Для этого периода характерно расширение диапазона критических работ, освещающих как тенденции современной советской литературы и критики (статьи Р. Гуля, М. Слонима, Ф. Степуна, Н. Берберовой), так и творчество писателей-эмигрантов (статья Ю. Офросимова «О поэзии Вл. Корвин-Пиотровского», очерк И. Одоевцевой о Н. Моршене и др.).

Публикуются литературно-критические работы, затрагивающие проблемы русской классики: статьи В. Седуро, Н. Трубецкого, Ю. Иваска о творчестве Ф.М. Достоевского, сравнительное исследование Н. Лосского «“Война и мир” Л. Толстого и “Доктор Живаго” Б. Пастернака» и др.

В «Новом журнале» по-прежнему печатаются политические статьи Н. Тимашева, направленные против тоталитаризма в СССР, опубликована статья С. Волина «Смоленские документы. Архив обкома партии 1917–1939 гг.» (1958. № 55), помещаются интересные материалы по истории России.

После смерти М.Карповича в 1959 г. редколлегию возглавил «триумвират»: Ю. Денике, Н.Тимашев и Р.Гуль. С 1966 г. главным редактором журнала становится Р.Гуль. Тираж «Нового журнала» к этому времени удваивается, теперь его читают в 36 странах мира, в том числе и в Советском Союзе.

Новый период эволюции «Нового журнала» приходится на 1970-е – середину 1980-х гг. В эти годы в нем преобладают произведения писателей «третьей волны» эмиграции. В частности, публикуются гротескно-иронические рассказы и повести Ю. Мамлеева (например, «Полет»), Ю. Мальцева («Оперируемый»), проза А. Кузнецова («Артист миманса»), а также диссидентов московского «Самиздата», хотя журнал продолжает печатать произведения писателей и поэтов первой и второй волны (например, фрагменты книги самого Р. Гуля «Я унес Россию: Апология эмиграции» (с 1973 г.).

¹ Гуль Р. Двадцать пять лет. С. 20.

С 1986 г. после кончины Р. Гуля журнал издавался редакционной коллегией, а с 1990 г. под редакцией Ю. Кашкарова, который с 1959 г. был одним из его редакторов. Так начался современный период его эволюции. В 1994 г. главным редактором «Нового журнала» стал В. Крейд (Крейдинский). Распространению журнала в США способствовали американские университеты, являвшиеся его основными подписчиками. В настоящее время он издается в России. Таким образом, сфера влияния «Нового журнала» не была ограничена только русской эмигрантской средой – его влияние в значительной степени распространялось и на академические круги США, в том числе на когорту американских советологов.

С начала 1950-х гг. (1953–1958) в Нью-Йорке издается и чисто литературный журнал «Опыты», издателем которого была М.Э. Цетлина, редакторами Р.Н. Гринберг, В.Л. Пастухов, а затем Ю.П. Иваск.

В этом журнале печатали свои стихотворения русские эмигранты первой и второй волны: Ю. Иваск, В. Набоков, Дм. Кленовский, Ю. Терапиано, И. Чиннов, О. Анстей; публиковалась проза А. Ремизова, Н. Берберовой, Б. Зайцева, Г. Адамовича, В. Вейдле, Ю. Анненкова, Ф. Степуна, Н. Оцуа и др. Однако вышло всего 9 номеров этого издания.

В 1946 г. в США был основан литературно-художественный журнал «Жар-птица» (редактор издания Н. Чирков), с 1958 г. издается сатирико-юмористический журнал «Медведь» и др.

В 1940-е – начале 1950-х гг. помимо газет и журналов русскими литераторами-эмигрантами в США выпускается и ряд сборников-альманахов. Так, в 1942 г. под эгидой «Ассоциации русских писателей в Нью-Йорке» выходит «Ковчег: Сборник русской зарубежной литературы», включивший рассказы И. Бунина, М. Алданова, М. Цетлина, А. Браиловского, А. Головина и др., стихотворения Ю. Иваска, Ю. Терапиано, А. Несмелова, Т. Остроумовой и др.; в 1953 г. в Нью-Йорке в Издательстве имени А.П. Чехова вышла книга «На Западе. Антология русской зарубежной поэзии» (составитель Ю. Иваск), в которой были опубликованы стихи самого Ю. Иваска, Г. Адамовича, И. Бунина, Н.А. Тэффи, Вяч. Иванова, И. Одоевцевой, М. Чехонина, Л. Алексеевой, Д. Кленовского, С. Юрасова, Н. Берберовой, О. Анстей, В. Корвин-Пиотровского, И. Елагина, В. Маркова, К. Моршена, Ю. Терапиано, В. Набокова, И. Чиннова и других представителей «двух волн» русской эмиграции; в 1955 г. в Лос-Анжелесе был издан литературно-политический сборник «Свободная Россия», а в 1960–1967 гг. в Нью-Йорке под редакцией Р. Гринберга вышло пять книг литературного альманаха «Воздушные пути», названием которого стало заглавие рассказа Пастернака – с целью подчеркнуть искусственность преград между двумя ветвями русской литературы: отечественной и зарубежной. Первый номер альманаха был посвящен юбилею этого поэта, которому в 1960 г. исполнилось 70 лет. В альманахе была представлена поэзия А. Ахматовой, Н. Гумилева, М. Цветаевой, О. Мандельштама, В. Ходасевича, Б. Пастернака, В. Хлебникова, И. Чиннова, Д. Кленовского, В. Набокова, Н. Моршена, И. Елагина, В. Вейдле и др., проза И. Бабея, очерки и воспоминания, литературоведческие эссе и критика Ю. Иваска, Г. Адамовича, Б. Филиппова, Л. Ржевского, В. Маркова и др.

В 1952 г., как отмечает Струве в своей книге «Русская литературы в изгнании», именно под влиянием представителей второй волны русской эмиграции, рассказавших страшную правду о жизни в СССР, а также правительственных и общественных организаций, их поддерживавших, в Нью-Йорке при участии Фонда Форда было создано самое крупное издательство русской книги – Издательство

имени А.П. Чехова, которое в течение своей четырехлетней деятельности выпускало произведения русской классики (В.Ф. Одоевского, Н.В. Гоголя, К.Н. Леонтьева, Н.С. Лескова, Ф.И. Тютчева и др.), стихи и прозу писателей-эмигрантов: И.А. Бунина, М.А. Алданова, Р. Гуля, Б.К. Зайцева, Н. Тэффи, И. Одоевцевой, А.М. Ремизова, В.В. Набокова, Н. Нарокова, И. Елагина, Л. Ржевского, и др.; уже упомянутую антологию: «На Западе» (антология русской зарубежной поэзии под ред. Ю. Иваска – наиболее многоаспектное собрание эмигрантской поэзии), сборник произведений молодых эмигрантских авторов «Пестрые рассказы» (под ред. В. Александровой); однотомник «Опальные повести», включивший произведения Б. Пильняка, А. Платонова, Б. Пастернака и др. (под ред. В. Александровой); антологию поэзии за «железным занавесом» «Приглушенные голоса» (под ред. В. Маркова) и др., а также произведения Е.И. Замятина, М.А. Булгакова, сборник «Неизданный Гумилев» (под ред. Г. Струве), «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок» И. Ильфа и Е. Петрова, пользовавшиеся большим успехом в эмигрантской среде, мемуарную литературу (книги воспоминаний П.Н. Милюкова, Ф.А. Степуна, Ю. Терапиано, А.Н. Бенуа, А.Л. Толстой, Б. Ширяева, В.П. Зилоти, А.И. Деникина, В.А. Маклакова и др.), литературно-критические труды (например, «Одиночество и свобода» Г. Адамовича, указанные выше работы Г. Струве)¹ и др.

Стремлением запечатлеть духовную эволюцию представителей русской литературной эмиграции первой и второй волны, сохранить для потомков художественные достижения литературы русского зарубежья и оценить их вклад в отечественную литературу проникнута уже упомянутая книга Г.П. Струве «Русская литература в изгнании. Опыт исторического обзора зарубежной литературы», вышедшая в нью-йоркском Издательстве имени А.П. Чехова в 1956 г., – первое крупное исследование подобного рода. Сам Г. Струве очень много сделал для сохранения литературного наследия и популяризации на Западе произведений русских писателей, в то время не издававшихся на родине. Вместе с Б. Филипповым, представителем уже второй волны русской эмиграции, в 1960-е гг. он издал трехтомные собрания сочинений О. Мандельштама (1965–1969) и Б. Пастернака (1962–1968), двухтомники произведений А. Ахматовой (1965) и Н. Клюева (1969), четырехтомник Н. Гумилева (1962–1968), стихи Н. Заболоцкого (1965)², составил антологию «К истории русской поэзии 1910 – начала 1920-х годов» и др. Причем многие из них вышли в Издательстве имени А.П. Чехова в Нью-Йорке. Там же издавалась и проза М. Цветаевой (1953), известный роман Е. Замятина «Мы», запрещенный в СССР (1952), «Повесть непогашенной луны» Б. Пильняка о загадочной смерти советского полководца М. Фрунзе и др. произведения; в 1954 г. Н. Берберова подготовила к печати и выпустила в свет сборник «Литературные статьи и воспоминания» В. Ходасевича, etc.

В дальнейшем подобные издания осуществлялись уже при участии либо непосредственно самими американскими славистами, такими как Р. Хьюз, Э. Мальмстад, Э. Проффер и др. Так, начиная с конца 1960-х гг. в США выходят двухтомники «Избранной прозы» и «Сочинений» М. Цветаевой, первые тома пятитомного ее собрания сочинений «Стихотворения и поэмы» (Нью-Йорк), четырнадцать книг русских романов и сборников рассказов В. Набокова (Анн Арбор), начальные тома пятитомного собрания сочинений В. Ходасевича, четырехтомные – Е. Замятина и А. Белого.

¹ Подробнее об этом см.: *Толстой И.* Курсив эпохи. Литературные заметки. СПб., 1993. С. 180–186.

² Подробнее об этом см.: *Трущенко Е.Ф.* Глеб Струве и литература русского зарубежья // Русское литературное зарубежье: Сборник обзоров и материалов. Вып. 2. М., 1993. С. 143–162.

Статьи Г. Струве и его книги по русской советской литературе, например вышедшая в США на английском языке в 1951 г. монография «Русская советская литература. 1917–1950», как и труды М. Слонима, А. Ярмолинского, В. Александровой и Д. Мирского, переведенные на английский язык, способствовали углубленному изучению русской литературы американскими студентами.

Серьезную роль в становлении и самоидентификации русской эмигрантской культуры сыграли в период второй волны те литераторы, которые занялись во время и после войны преподавательской деятельностью в западных университетах. Отчасти вынужденное жизненными обстоятельствами, их обращение к академической работе привело к общему росту интереса к русской литературе на Западе, а их литературно-критическая и литературоведческая деятельность стала серьезным вкладом в осмысление самого феномена русского литературного зарубежья. В целом академические штудии Г. Струве, М. Слонима, В. Набокова, Ю. Иваска, Б. Филиппова, В. Маркова и других эмигрантов первой и второй волны обусловили стремительный качественный подъем западной литературоведческой русистики в 1950–1970-е гг.

В частности, В. Набоков, который проживал в Америке с мая 1940 г., очень много сделал для того, чтобы русская литература вошла в плоть и кровь американских студентов, которые, к сожалению, владели русским языком на самом начальном уровне. Первое время у него не было постоянной работы и жилья, поэтому его семья находила приют и материальную помощь у друзей и знакомых – русских эмигрантов: летом жили на даче в Вермонте у известного историка профессора Гарварда М. Карповича, два раза небольшие суммы денег Набокову передавал С. Рахманинов. Поворотным событием в его жизни стало переросшее в настоящую дружбу знакомство с влиятельным американским критиком и писателем, страстным любителем и знатоком русской литературы Э. Уилсоном (E. Wilson), который уговорил В. Набокова заняться переводом на английский язык трагедии Пушкина «Моцарт и Сальери», а также предложил ему написать рецензии на книги, имеющие отношение к России, от которых после их прочтения он пришел в восторг. Более того, Уилсон познакомил Набокова с Э. Уиксом (E. Wicks), издателем крупного журнала «Атлантик Мансли» (“Atlantic Monthly”), куда тот впоследствии посылал свои стихи и рассказы. Преподавательская деятельность Набокова началась в 1941 г. в частном женском колледже Уэлсли, где он вел уроки русского языка, а затем и русской литературы (1946–1948). В это же время он начал переводить на английский язык стихотворения Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Фета, Ходасевича, Блока и других русских поэтов. Также в течение нескольких месяцев в рамках летних курсов он преподавал русскую литературу в Стэнфордском университете: на это место в качестве лектора приглашали М. Алданова, но тот отказался.

В декабре 1941 г. в Америке вышел первый роман Набокова на английском языке, написанный еще в Европе, – «Истинная жизнь Себастьяна Найта», для которого Э. Уилсон написал весьма благожелательную аннотацию.

В 1944 г. вышло в свет сразу привлекшее внимание студентов учебное пособие-эссе «Николай Гоголь», которое Набоков предполагал назвать «Гоголь в зазеркалье»¹.

В течение семи лет он продолжал обучать русскому языку студенток Уэлсли-колледжа и благодаря содействию Э. Уилсона получил престижную стипендию Гу-

¹ Подробнее об этом см.: Белова Т.Н. Художественный мир Гоголя сквозь призму постмодернистской критики Набокова // Литература XX века: итоги и перспективы изучения: Материалы шестых

генхайма (размером в 2500 долларов); при его же непосредственном участии он заключил удачный договор с влиятельным журналом «Нью-Йоркер» на приоритетные права этого издания на публикацию его произведений и получил щедрый аванс. В 1948–1956 гг. он преподает русскую и западноевропейскую литературу (1950–1951) в Корнеллском университете, куда его пригласил профессор Морис Бишоп (Maurice Bishop), поклонник его произведений, и где он заканчивает свой знаменитый роман «Лолита» (опубликован во Франции в 1955; в США – в 1958 г.). Лекции В. Набокова были опубликованы только после его смерти (1980–1981)¹.

Заменяя М. Карповича в весеннем семестре 1952 г., он прочел свои лекции по русской литературе в Гарварде, где непосредственно общался с Р. Якобсоном, который там работал начиная с 1941 г. Здесь же он перевел на английский язык жемчужину древнерусской литературы «Слово о полку Игореве» (текст был опубликован в 1960 г.) и начал обдумывать перевод пушкинского «Евгения Онегина», поскольку существующие английские переводы были плохого качества и дотошному Набокову приходилось постоянно вносить туда свои многочисленные исправления, когда он знакомил с ними студентов. В 1951 г. Набоков издал написанную на английском языке книгу мемуаров “Conclusive Evidence” («Убедительное доказательство»), в дальнейшем значительно углубив и расширив ее до художественно-мемуарного романа «Память, говори» (“Speak, Memory”), вышедшего в Нью-Йорке в 1966 г. Он публиковал свою книгу “Conclusive Evidence” в «Нью-Йоркере» главу за главой, как и главы романа “Pnin” («Пнин»), вышедшего отдельной книгой в 1957 г. Перевод «Евгения Онегина» с обширным академическим комментарием в четырех томах был принят в рукописи издательством «Боллинджер» в 1958 г., однако, к сожалению, был опубликован лишь шесть лет спустя, в 1964 г. Годом ранее другим издательством был напечатан стихотворный перевод «Евгений Онегина», выполненный У. Арндтом: в нем точно выдерживалось сложное построение онегинской строфы – и тот неожиданно получил премию набоковского издательства «за лучший поэтический перевод», на который расстроенный Набоков написал негативную рецензию. Выход в свет аутентичного перевода В. Набокова вызвал в прессе очень бурную полемику и привел к разрыву между его автором и Э. Уилсоном, который также выступил в печати с разгромной критикой перевода. Вместе с тем эта полемика имела по большому счету и положительную сторону – она привлекла всеобщее внимание к уникальному явлению русской литературы – поэтическому творчеству А.С. Пушкина, которое так много теряло в переводе на иностранные языки; это повышенное внимание англоязычных русистов вылилось в дальнейшем в появление многочисленных научных исследований о пушкинских произведениях и новых талантливых переводов его поэзии, в том числе и «Евгения Онегина» (например, И. Джонстона), поскольку фундаментальный комментарий Набокова к роману в стихах (четыре тома) убрал стену непонимания между ним, англоязычным читателем и критиком. А блестящая реконструкция Набоковым фрагментов «десятой главы» полностью была принята и западными, и советскими учеными².

Набоков, имея в виду свои блестящие переводы классиков русской поэзии XIX–XX вв., «Слова о полку Игореве» с обширным комментарием и англо-

Андреевских чтений. М.: Экон-информ, 2008. С. 63–71.

¹ Nabokov V. Lectures on Literature / Fredson Bowers (Ed.). New York: Harcourt Brace Jovanovich; Brucoli Clark, 1980; Nabokov V. Lectures on Russian Literature / Fredson Bowers (Ed.). New York: Harcourt Brace Jovanovich; Brucoli Clark, 1981.

² См. об этом: Белова Т.Н. В.В.Набоков – переводчик и комментатор романа в стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин» // Превод у систему компаративних изучавања националне и стране к књижев-

зычное эссе «Николай Гоголь», либо в шутку, либо всерьез писал Э. Уилсону: «Россия никогда не сможет уплатить мне все свои долги»¹. Кроме того, в конце жизни, когда он добился мировой известности, почти все его русские романы и рассказы были спешно переведены на английский и многие европейские языки (французский, итальянский, шведский, норвежский и др.), а все его американские романы – на русский (в этом принимал участие он сам, его сын Дмитрий и др., а в 1990-х и российские переводчики), поэтому его творческое наследие стало доступно читателям всего мира.

Таким образом, со своей стороны Набоков сделал максимум возможного для популяризации русской литературы в США и тем самым создал надежный фундамент для развития англоязычной русистики (включая и свои лекции по литературе, которые стали для многих русистов отправной точкой в их исследованиях)². Читательский и финансовый успех «Лолиты» (1955), в 1958 г. вышедшей в США, обеспечил возможность навсегда перебраться в Европу в 1960 г., где Набоковы предпочли Швейцарию – курортный город Монтрё на берегу Женевского озера.

Следующий период развития англо-американской русистики – период 1960-х – начала 1970-х гг., проходивший под знаком разрядки международной напряженности, – характеризуется бурным подъемом интереса англоязычных исследователей к изучению русской литературы. Начиная с 1960-х гг. на самом высоком уровне был подписан ряд межправительственных соглашений о культурных и научных обменах, благодаря которым библиотеки и архивы нашей страны стали доступны широкому кругу стажеров и специалистов из многих западных стран, изучающих историю и литературу России, причем их консультировали самые крупные отечественные специалисты в этой области: например, на филологическом факультете МГУ – В.И. Кулешов, Н. Либан, В. Кусков, В.Н. Турбин и др. Работы англоязычных русистов 1960–1970-х гг. несут на себе отпечаток этих взаимосвязей: авторы исследований в какой-то мере учитывают или принимают во внимание точку зрения представителей современного советского литературоведения на творчество русских писателей, хотя и полемизируют с ней, включают в свои обзоры наблюдения в области поэтики, стилистики, текстологии, известные в отечественной филологии с начала 1920-х гг. Это работы Ю. Тынянова, В. Виноградова, А. Слонимского, Л. Тимофеева, Г. Гуковского, Б. Томашевского, Б. Эйхенбаума, В. Шкловского, Л. Гроссмана и др. исследователей. Изучается ими и наследие революционно-демократической критики: работы Белинского, Чернышевского, Герцена, Добролюбова, Писарева, что также приносит свои плодотворные результаты: их объективные научные работы становятся реальным противовесом исследованиям англо-американских советологов, которые, выдвигая лозунг «действенной альтернативы идеям социализма», постоянно использовали произведения Б. Пастернака (роман «Доктор Живаго», 1958), А. Солженицына и даже Е. Замятина как важное средство антисоветской пропаганды и идеологической борьбы. Кроме того, американские советологи, как например Э. Браун, стремились противопоставить в рамках со-

ности и культуре: међународни тематски зборник радова / [уредници Лариса Човић-Раздобудко, Николај Гарбовски], Приштина: Косовска Митровица, филозофски факултет Универзитета Приштина, 2012. С. 60–67.

¹ Цит. по: Бойд Б. Владимир Набоков: американские годы: Биография / Пер. с англ. М.: Изд-во «Независимая Газета»; СПб: Изд-во «Симпозиум», 2004. С. 458.

² Подробнее о лекциях В. Набокова см.: Белова Т.Н. В.Набоков – исследователь русской литературы (особенности критического подхода) // Русское зарубежье: история и современность. М.: ИНИОН РАН, 2013. С. 204–220.

ветской литературы писателям, принявшим Октябрьскую революцию, «главных советских писателей», которыми в его книге оказываются Е. Замятин, Б. Пильняк, Ю. Олеша, И. Бабель¹. Важной становится и обратная тенденция: начиная с конца 1970-х гг., когда выходят в свет известные, крупные по своим масштабам исследования англо-американских русистов, отечественные литературоведы также начинают принимать их во внимание и опираться на них в течение 1980-х и особенно 1990-х гг. Это касается исследований по литературе эмиграции и так называемой «задержанной» литературе – творчестве В. Набокова, И. Бунина, М. Цветаевой, Н. Гумилева, О. Мандельштама, И. Бабея, Б. Пастернака, А. Платонова, В. Ходасевича, которое до 1990-х гг. замалчивалось на родине, но запрет был снят представителями русской диаспоры в Великобритании и США: оно широко популяризировалось «Новым журналом», Издательством имени А.П. Чехова, а затем его изучение было продолжено англо-американскими русистами, среди которых Б. Бойд, Р. Чэппл, Т.В. Эдвардс, В. Александров, Дж. Конноли, Т. Пахмусс, А. Аппель, Дж. Фостер, Д. Джонсон, Дж. Бэйли, Э. Проффер, П. Стегнер, Д. Бетеа, С. Руди и др.² Важной особенностью и достижением 1990-х гг. явилась возможность свободной публикации произведений писателей русского зарубежья в нашей стране и образование здесь многочисленных центров по изучению русской зарубежной литературы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белова Т.Н. В. Набоков – исследователь русской литературы (особенности критического подхода) // Русское зарубежье: история и современность. М.: ИНИОН РАН, 2013. С. 204–220.
2. Белова Т.Н. Художественный мир Гоголя сквозь призму постмодернистской критики Набокова // Литература XX века: итоги и перспективы изучения: Материалы Шестых Андреевских чтений. М.: ЭКОН-информ, 2008. С. 63–71.
3. Белова Т.Н. В.В.Набоков – переводчик и комментатор романа в стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин» // Превод у систему компаративних изучавања националне и стране к књижевности и културе: међународни тематски зборник радова / [уредници Лариса Човић-Раздобудко, Николај Гарбовски], Приштина: Косовска Митровица, философски факултет Универзитета Приштина, 2012. С. 60–67.
4. Бойд Б. Владимир Набоков: американские годы: Биография / Пер. с англ. М.: Изд-во «Независимая газета»; СПб.: Изд-во «Симпозиум», 2004. 928 с.
5. Brown E. Brave New World, 1984 and We: An Essay on Antiutopia, Zamyatin and English Literature. Ann Arbor: Ardis, 1976. 61 p.
6. Cross A.G. Russian Theme in English Literature from the 16th century to 1980. Oxford, G.B., 1985. 385 p.
7. Вишняк М.В. Соблазн патриотизма // Новый журнал. 1946. № 13. С. 48–52.
8. Денике Ю. Новые источники и их критика // Новый журнал. 1950. № 24. С. 259–264.
9. Gettman R.A. Turgenev in England and in America. Urbana, 1941. 147 p.
10. Гуль Р. Двадцать пять лет // Новый журнал. 1967. № 87. С. 6–28.

¹ Это происходит, например, в следующих изданиях: Major Soviet Writers: Essays in Criticism / Ed. by E. Brown. London, Oxford; New York, 1973; Brown E. Brave New World, 1984 and We: An Essay on Antiutopia, Zamyatin and English Literature. Ann Arbor, 1976 и др.

² См. об этом: Изучение русской эмиграции за рубежом (1920–1990-е гг.): Аннотированная библиография: сборники статей, библиографические и справочные издания / Отв. ред. Т.Н. Белова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2002. 96 с.

11. *James H. French Poets and Novelists*. Tauchnitz; Leipzig, 1883. 344 p.
12. *Зайцев Б. Михаил Осипович Цетлин* // Новый журнал. 1946. № 14. С. 48–54.
13. Изучение литературы русской эмиграции за рубежом (1920–1990-е): Аннотированная библиография: сборник статей, библиографические и справочные издания / Отв. ред. Т.Н. Белова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2002. 96 с.
14. *Казнина О.А.* Русские в Англии. Русская эмиграция в контексте русско-английских литературных связей в первой половине XX века. М.: Наследие, 1997. 416 с.
15. *Милославская С.К.* И.С. Тургенев в оценке своих американских современников // Литература США. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1973. С. 3–38.
16. *Мирский Д.П.* Веяние смерти в предреволюционной литературе // Версты. Париж, 1927. № 2. С. 247–254.
17. *Major Soviet Writers: Essays in Criticism* / Ed. by E. Brown. London, Oxford; New York, 1973. 439 p.
18. *Nabokov V. Lectures on Literature* / Fredson Bowers (Ed.). New York: Harcourt Brace Jovanovich; Brucoli Clark, 1980. 512 p.; *Nabokov V. Lectures on Russian Literature* / Fredson Bowers (Ed.). New York: Harcourt Brace Jovanovich; Brucoli Clark, 1981. 440 p.
19. *Николюкин А.Н.* Литературные связи России и США. Становление литературных контактов. М.: Наука, 1981. 408 с.
20. *Осипова Э.Ф.* Русская литература и литературная жизнь США // История литературы США. Литература начала XX в. Т. V. М.: ИМЛИ РАН, 2009. С. 905–931.
21. *Струве Г.П.* Русская литература в изгнании: Опыт исторического обзора зарубежной литературы. Нью-Йорк, 1956. 408 с.; 2-е изд.: Париж, 1984. 408 с.
22. *Толстой И.* Курсив эпохи. Литературные заметки. СПб.: Изд. «Пушкинского фонда», 1993. 204 с.
23. *Трущенко Е.Ф.* Глеб Струве и литература русского зарубежья // Русское литературное зарубежье: Сборник обзоров и материалов. Вып. 2. М., 1993. С. 143–162.

REFERENCES

1. Belova T.N. V. Nabokov as an Investigator of Russian Literature: Peculiarities of his Critical Approach. In: *Russian Emigration: History and Modernity*. Moscow. 2013, pp. 204–220.
2. Belova T.N. Gogol's Artistic World through the Prism of Nabokov's Postmodern Critique. In: *The 20th Century Literature: Results and Prospects of Study: Materials of the Sixth Readings (Conference) in Honour of Leonid Andreyev*. Moscow. Econ-Inform Publ. 2008, pp. 63–71.
3. Belova T.N. V.V. Nabokov as a Translator and Commentator of Pushkin's Poetic Novel "Eugene Onegin". In: *Превод у систему компаративних изучавања националне и стране књижевности и културе: међународни тематски зборник радова* / [уредници Лариса Човић-Раздобудко, Николај Гарбовски], Приштина: Косовска Митровица, филозофски факултет Универзитета Приштина. 2012, pp. 60–67.
4. Boyd B. (1991) *Vladimir Nabokov: The American Years*. Princeton University Press, 928 p.
5. Brown E. (1956) *Brave New World, 1984 and We: An Essay on Antiutopia*, Zamyatin and English Literature. Ann Arbor. Ardis. 61 p.
6. Cross A.G. (1985) *Russian Theme in English Literature from the 16th Century to 1980*. Oxford, G.B. 385 p.
7. Denike Yu. New Origins and Their Critics. *Novy Journal*. 1950. No 24, pp. 259–264.
8. Gettman R.A. (1941) *Turgenev in England and in America*. Urbana. 143 p.
9. Gul' R. Twenty Five Years. *Novy Journal*. 1967. No 87, pp. 6–28.

10. James H. (1883) *French Poets and Novelists*. Tauchnitz; Leipzig. 344 p.
11. Kaznina O.A. (1997) *The Russians in England. Russian Emigration in the Context of English-Russian Literary Relations in the First Half of the 20th Century*. Moscow. Nasledije Publ. 416 p.
12. *Major Soviet Writers: Essays in Criticism* / Ed. by E. Brown. London, Oxford; New York, 1973. 439 p.
13. Miloslavskaya S.K. I.S. Turgenev's Appraisal by his American Contemporaries. In: *The USA Literature*. Moscow. Moscow University Press, pp. 3–38.
14. Mirsky D.P. Death's Breathing in Russian Prerevolutionary Literature. *Versty*. Paris, 1927. No 2, pp. 247–254.
15. Nabokov V. (1980) *Lectures on Literature* / Fredson Bowers (Ed.). New York: Harcourt Brace Jovanovich; Bruccoli Clark. 512 p.; Nabokov V. (1981) *Lectures on Literature* / Fredson Bowers (Ed.). New York: Harcourt Brace Jovanovich / Bruccoli Clark. 440 p.
16. Nikolyukin A.N. (1981) *Literary Relations of Russia and the United States. The Rise of Literary Contacts*. Moscow. Nauka Publ. 408 p.
17. Osipova E.F. Russian Literature and Literary Environment in the United States of America. In: *The History of American Literature at the Beginning of the 20th Century*. Vol. V. Moscow. 2009, pp. 905–931.
18. Struve G. (1956) *Russian Literature in Exile*. N.Y. 408 p.; 2nd ed.: Paris. 1984. 408 p.
19. *Study of Russian Emigrè Literature Abroad (1920–1990's), an Annotated Bibliography: Monographs, Collections of Articles, Bibliographic and Reference Books* / Chief ed. T.N. Belova. Moscow. Lomonosov Moscow State University Press. 2002. 96 p.
20. Tolstoy I.A. (1993) *Italics of the Epoch. Literary Notes*. St.-Petersburg. Pushkin's Fund Publ. 204 p.
21. Truschenko E.F. Gleb Struve and Russian Emigrè Literature. In: *Russian Emigrè Literature: A Collection of Reviews and Essays (Materials)*. Issue 2. Moscow. 1993, pp. 143–162.
22. Vishnyak M. Temptation of Patriotism. *Novy Journal*. 1946. No 13, pp. 48–52.
23. Zaytsev B. Mikhail Osipovich Tzetlin. *Novy Journal*. 1946. No 14, pp. 48–54.

Сведения об авторе:

Татьяна Николаевна Белова,
канд. филол. наук
ст. научный сотрудник
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Tatiana N. Belova,
PhD
Senior Researcher
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
tnbelova@yandex.ru

А.А. Липгарт (Москва Россия)

**К проблеме интерпретации фактов жизни и творчества Уильяма Шекспира:
поэма «Феникс и Голубь» и покупка недвижимости в Лондоне**

Аннотация: В шекспироведении существуют популярные мифы, при всей своей алогичности отличающиеся чрезвычайной устойчивостью. Один из таких алогичных мифов – за отсутствием безусловных доказательств того, какова была религиозная принадлежность Уильяма Шекспира, вступать в обсуждение его биографии и произведений с этой точки зрения методологически неверно. В настоящей статье эта идея опровергается. Предлагается описание двух бесспорных фактов биографии Шекспира: создание им поэмы «Феникс и Голубь», опубликованной в 1601 г., и покупка недвижимости в Лондоне в 1613 г.; показана их взаимосвязь, их отношение к деятельности католического подполья шекспировской Англии (Джон Джерард, Анна Лайн, члены семьи Фортезкью и семьи Робинсонов) и объективная значимость этих двух фактов для шекспироведения в целом.

Ключевые слова: Уильям Шекспир, «Феникс и Голубь», дом в Блэкфрайарс, Джон Джерард, Анна Лайн, интерпретация художественного текста, «Гамлет»

Andrey Lipgart (Moscow, Russia)

**On Interpreting Some Facts of William Shakespeare's Life and Works:
"The Phoenix and the Turtle" and the Purchase of Real Estate in London**

Abstract: In the Shakespeare studies there exist some widely popular preconceptions, which for all their untenability are extremely reluctant to die out. Among these shibboleths one finds the pronouncement that as no irrefutable evidence concerning Shakespeare's religious affiliations has ever been introduced, it is methodologically wrong to enter upon any description of his life and works from this viewpoint. The present article offers a discussion of the two incontrovertible facts of Shakespeare's biography (his writing "The Phoenix and the Turtle" in or about 1601 and his buying the Gatehouse in Blackfriars in 1613) in their interconnection, in their relation to the activities of the Catholic recusants during Shakespeare's lifetime, and in their objective significance for Shakespeareology. The missing links here are the Jesuit Father John Gerard, the Catholic martyr St Anne Line and the two recusant families – the Fostescues and the Robinsons.

Key words: Willlliam Shakespeare, “The Phoenix and the Turtle”, the Gatehouse in Blackfriars, John Gerard, Anne Line, interpretation of texts of imaginative writing, “Hamlet”

**ПОЭМА «ФЕНИКС И ГОЛУБЬ» И ПОКУПКА ДОМА В БЛЭКФРАЙАРС:
ТЕЗИСЫ, ПОДЛЕЖАЩИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВУ**

Одним из трюизмов шекспироведения являются постоянные жалобы поколений ученых на недостаточность знаний о фактах биографии Шекспира, на возникающие в этой связи проблемы в области интерпретации его произведений. Одновременно наблюдается тенденция к замалчиванию определенных исторических сведений, когда бесспорные факты жизни и творчества Шекспира либо игнорируются, либо упоминаются вскользь и вне их взаимосвязи. В результате начинается домысливание недостающей информации, что ведет к искаженным толкованиям фактов жизни и творчества Шекспира. Однако практика показывает, что на самом деле исторические сведения, касающиеся эпохи Шекспира и его собственной биографии, отличаются удивительной степенью подробности, если учесть, что речь идет в событиях 400-летней давности. На их основе можно составить адекватное представление о текстах Шекспира и о личности их творца.

К числу таких фактов, редко и мало обсуждаемых, но имеющих большую значимость для шекспироведения, относятся публикация в 1601 г. в составе так называемого «Честеровского сборника» [1] поэмы Уильяма Шекспира «Феникс и Голубь» [2: 1135] и приобретение Шекспиром в 1613 г. недвижимости в Лондоне в районе Блэкфрайарс (Gatehouse in Blackfriars) [3, II: 154–169]. Сами эти факты, как и отношение этих фактов к биографии одного и того же человека, мало кто берется отрицать. Только особенно рьяные сторонники альтернативных теорий авторства шекспировских текстов (антистратфордianцы) настаивают на том, что поэма «Феникс и Голубь» была написана «настоящим автором» (будь то Фрэнсис Бэкон, граф Оксфорд, граф Дерби и т. д.), а недвижимость была приобретена другим малоприятным индивидуумом – уроженцем Стратфорда, которого «настоящий автор» нанял для исполнения роли прикрытия или маски. Шекспироведы-традиционалисты не оспаривают написание поэмы и покупку дома одним и тем же лицом, Уильямом Шекспиром, поэтом, драматургом и актером, но консенсус рушится сразу же после признания подлинности этих фактов. Кто-то – даже в рамках фундаментальных исследований – склонен не придавать им особого значения или вовсе их игнорирует, кто-то пускается в самые дикие фантазии.

В последующем изложении мы постараемся показать связь между этими двумя, на первый взгляд, никак не соотносящимися друг с другом событиями (написанием стихотворного текста и покупкой недвижимости) и обосновать базовые тезисы настоящей статьи:

- 1) покупка дома в Блэкфрайарс свидетельствует о тесных связях Уильяма Шекспира с английским католическим сопротивлением, поскольку этот дом служил убежищем для разыскиваемых католических священников и местом проведения месс;
- 2) в поэме «Феникс и Голубь» прославляется идея католического сопротивления в целом и делается обобщенный глубоко пессимистичный прогноз относительно перспектив сохранения католичества в стране (как показывает дальнейшая история Англии, пессимистичный прогноз Шекспира оказался верным);

- 3) одновременно в поэме «Феникс и Голубь» Уильям Шекспир чтит память жертв елизаветинского режима – конкретных героев католического сопротивления, в их числе претерпевшей мученическую смерть Анны Лайн;
- 4) следование определенной литературной и философской традиции, наблюдаемое в поэме, служит для сокрытия неприемлемого с точки зрения официальной идеологии непосредственного злободневного смысла текста;
- 5) идентификация Анны Лайн в качестве Феникс из шекспировской поэмы подтверждается не только фактом трагической гибели этой глубоко верующей католички в год публикации поэмы, но и тем, что Анна Лайн в течение семи лет отвечала за функционирование тайных убежищ, подобных впоследствии купленному Шекспиром дому в Блэкфрайарс;
- 6) даже если Шекспир не знал Анну Лайн лично, они оба в разное время были вовлечены в подпольную деятельность, которая была организована одними и теми же лицами – иезуитом Джоном Джерардом или помогавшими ему семьями Фортескью и Робинсонов;
- 7) затруднения в идентификации конкретных лиц как прототипов героев поэмы не влияют на восприятие ее более обобщенного смысла, связанного с историей современной Шекспиру Англии.

«ФЕНИКС И ГОЛУБЬ»: ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ

Поэма Шекспира «Феникс и Голубь» входит в сборник под названием “Love’s Martyr, or Rosalin’s Complaint”, составленный и в основном написанный Робертом Честером (Robert Chester, годы жизни неизвестны, проведенная в 1878 г. идентификация впоследствии была признана ошибочной [4: 273]). При жизни Шекспира сборник публиковался дважды: в 1601 и в 1611 г.; в чисто техническом плане это одна и та же книга, во втором «издании» которой был заменен лишь титульный лист [5: xxiv]). Поэма Шекспира первоначально публиковалась без названия и начиналась просто с первой строки “Let the bird of loudest lay” [1: 182], заглавие “The Phoenix and the Turtle” («Феникс и Голубь») возникло в последующей традиции.

Роберт Честер был посредственным поэтом, который остался в истории исключительно благодаря соседству его имени с именем Шекспира в вышеупомянутом собрании стихотворных текстов. Сборник посвящен Робертом Честером сэру Джону Солсбери (Sir John Salusbury, 1567–1612), приближенному и придворному королевы Елизаветы.

«Жертва любви» включает в себя две части. Первая часть – маловразумительный пространственный текст самого Роберта Честера, где кроме истории Феникс и Голубя приводится, например, легенда о короле Артуре. Вторая часть содержит стихотворения меньшего объема, написанные Уильямом Шекспиром и его современниками Джоном Марстоном, Джорджем Чэпменом, Беном Джонсоном, некоторыми неназванными авторами и вновь Робертом Честером. Эти стихотворения – все кроме шекспировского – воспевают любовь Феникс и Голубя, гибель которых приводит к рождению нового уникального существа – новой птицы Феникс. У Шекспира обе птицы гибнут, не оставив потомства, но наличие этих двух героев является общим признаком, объединяющим все тексты «Честеровского сборника».

Поэма Шекспира является признанным шедевром (к большому сожалению, русские переводы не дают представления о силе воздействия, оказываемого данным

текстом на читателя). При этом многие специалисты относят поэму к разряду текстов, фактически не поддающихся истолкованию. Мы начнем обсуждение поэмы с описания ее формы и непосредственного содержания, чтобы затем перейти к проблеме ее интерпретации.

Поэма состоит из написанных четырехстопным хореем 13 четверостиший со схемой рифмы abba и пяти заключительных терцин, отделенных от четверостиший подзаголовком “Threnos” («плач», «погребальная песнь»). Рифма за редким исключением мужская. Хотя в пьесах Шекспира встречаются единичные примеры использования данного размера (ср. 16 строк из комедии «Много шума из ничего»: акт 5, сцена 3, строки 3–8 и 12–21), сохранение ударений практически на всех первых и всех последних слогах поэтической строки протяженного текста (67 строк) и отсутствие в четверостишиях ожидаемой рифмы между первой и третьей строками, заставляющее читателя воспринимать третью строку как естественное продолжение второй и видеть каждую строфу как единое целое, создают уникальный ритмический и смысловой эффект, свойственный этой погребальной песни и дополнительно усиливающийся в финальных терцинах. Возможности такой организации строфы в полной мере впоследствии оценил Альфред Теннисон, чье литературное чутье было безупречным, и использовал данную версификационную схему (за исключением терцин) при написании 131 стихотворения поэтического цикла “In Memoriam A.H.H.”, а также пролога и эпилога к циклу [6: 96–199].

Сюжет поэмы может показаться странным. В первых пяти строфах автор призывает птиц – безымянную птицу с Аравийского дерева, орла, лебедя и ворона – оплакать гибель Феникс (именно так, в женском роде, ср. “So she wafts both her wings in piteous strife” [1: 181]) и Голубя (именно Голубя, а не «голубки» и не «черепахи», как следует из абсурдных современных интернет-публикаций; ср. “the turtle saw his right” [1: 183]). Во второй и третьей строфах специально оговаривается, что некий вестник беды и хищные птицы, символизирующие тиранию, на поминовение не допускаются (кроме орла, «пернатого владыки», “the eagle, feather’d king” [1: 182]). Далее следуют восемь строф, составляющих сам реквием: со смертью Феникс и Голубя мир лишился любви и постоянства, а любовь Феникс и Голубя была чем-то непостижимым, поскольку две сущности слились друг с другом, сохранив при этом целомудрие, и стали единством, которое не смогла нарушить разлука и которое Разум понять не в состоянии. Мысль об уникальности нерушимого целомудренного союза повторяется в семи строфах, и за ними следует “Threnos”, произносимый от лица Разума, который говорит о последовавшем за смертью Феникс и Голубя исчезновении из жизни ее положительных сущностных качеств (Правды, Красоты, Добродетели, Достоинства). Они исчезли безвозвратно, поскольку эти две птицы не оставили потомства. Тех достойных, кто пережил гибель Феникс и Голубя, Разум приглашает прийти к месту их упокоения и вознести за них молитвы.

«ФЕНИКС И ГОЛУБЬ»: БИОГРАФИЧЕСКИЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Вполне естественно, что текст такого содержания провоцирует множественные толкования, и в ходе его обсуждения шекспироведы предлагали разнообразные подходы к интерпретации поэмы, вплоть до диаметрально противоположных по отношению друг к другу. С одной стороны, начинается поиск зачастую самых невероятных исторических прототипов: например, погибшая Феникс – это еще живая в 1601 г. королева Елизавета, а погибший Голубь – это казненный по при-

казу Елизаветы в том же году граф Эссекс (трактровка Александра Гроссарта [1: xxii–xlv], бездумно повторяемая другими авторами). Основывается эта идентификация на действительном факте – популярном отождествлении королевы Елизаветы с легендарной Феникс в литературе того времени, которое однократно допущено в том числе и в пьесе Шекспира «Генрих VIII», написанной через десять лет после смерти королевы. Но здесь совершенно не принимается в расчет то, что Елизавета при жизни не допускала обсуждения даже вопроса о престолонаследии, а уж описание церемонии погребения самой себя восприняла бы как государственную измену, если бы узнала о существовании такого сборника. И едва ли Джон Солсбери, верный слуга Елизаветы и одновременно родной брат казнённого в 1586 г. участника заговора против королевы, оценил бы посвящение себе этой книги и хоть как-то поощрил ее создателей.

Другой вариант, не менее проблематичный для адресата посвящения, – идентификация уже самого Джона Солсбери в качестве Голубя при все той же Елизавете в роли Феникс [7: 337; и мн. др.]. Живые опять превращаются в мертвых, упомянутая в тексте «тирания» теряет всякий смысл, намеки на католическое богослужение приходится относить к символическому погребению ярких представителей протестантства. Еще один вариант – отождествление главных героев шекспировской поэмы с казнённым графом Эссексом и заключённым в тюрьму графом Саутгемптоном [8: 227–228]; опуская прочие детали, отметим, «целомудрие в браке» и половые характеристики Феникс и Голубя можно распространить на чисто дружеские взаимоотношения этих двух аристократов только при предельном напряжении фантазии.

Версия Э.А.Дж. Хонигманна, при всем уважении к трудам этого ученого, вызывает недоумение: для того чтобы привести в соответствие посвящение и содержание всех стихотворений, ему приходится сдвигать написание всего сборника на 1586 г., когда чета Солсбери вступила в брак [9: 101–113]. В этом контексте они становятся единственными адресатами всех текстов сборника, что не отменяет алогичности интерпретации по крайней мере в отношении поэмы Шекспира: у него птицы были разлучены, умерли, погребены по католическому обряду, тогда как реальные Солсбери в 1586 г. живы, живут вместе, а не в разлуке, к католицизму отношения не имеют. Доказательств Хонигманн не приводит. Понятно, что каждый имеет право высказывать догадки, но здесь поддержать догадку становится крайне проблематично. Столь же беспочвенна приводящаяся в книге Айана Уилсона [10: 288] версия У.Дж. Фрэйзера Хатчесона, для которого Голубь – это сам Шекспир, а Феникс – его мифическая несостоявшаяся невеста Anne Whately, которая в силу ошибки писца епископа Вустерского фигурирует в разрешении на брак, полученном молодым Уильямом в 1592 г.; на следующий день после получения епископского разрешения Шекспир вступил в брак с Энн Хэтауей (Anne Hathaway, 1556–1623) [3, II: 41–52].

Интерпретации в антистратфордианском духе не менее абсурдны. Для «оксфордianца» Марка Андерсона главные герои (что вполне предсказуемо) – это граф Оксфорд и королева Елизавета, живые и здравствующие в реальности, но умершие и похороненные по католическому обряду в поэме [11: 338]. В другой популярной книге с косноязычным названием «Игра об Уильяме Шекспире <...>» сказано, что Феникс и Голубь – это чета Ретлендов, «истинных создателей» шекспировского канона, которых автору теории – в соответствии с текстом поэмы – захотелось умертвить, но для этого пришлось пойти на разнообразные уловки: И.М. Гилилов

в принципе отрицает существование тиража 1601 г. и сдвигает время первого издания сборника даже не на 1611, что еще можно попытаться обосновать, а на 1613 г., что рациональному объяснению вообще не поддается (прочая аргументация против авторства Шекспира и в пользу авторства Ретлендов также не выдерживает критики, поскольку в основе демагогических ухищрений, к которым без признания фактов заимствования И.М. Гилилов прибегает вслед за предыдущими авторами антистратфордианских теорий, лежит, так скажем, неосведомленность – отсутствие фундаментальных историко-культурных знаний об эпохе Шекспира).

«ФЕНИКС И ГОЛУБЬ»: НЕБИОГРАФИЧЕСКИЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Помимо не очень осмысленных биографических интерпретаций существуют и другие варианты трактовки шекспировской поэмы: она рассматривается исключительно в связи с литературной традицией описания «птичьих парламентов» и полупародийных похорон птиц [12: 232] или переводится в категорию чисто «метафизических» текстов [13: 197; 14: 114], подлежащих имманентному анализу и не требующих специального биографического комментария. Сблaзн воспринять поэму в метафизическом плане весьма велик. Да, пребывание в сфере чистой мысли, никак не связанной с реальностью, для Шекспира нехарактерно, но почему бы не допустить, что в данном конкретном случае его увлекла парадоксальная абстрактная идея? Ведь ему могло понравиться уравнение « $1+1=1$ »? Вот он и решил порассуждать на эту тему. Повторимся: порассуждать, упомянув допущенных на погребальную службу по « $1+1=1$ » птиц и их специфические характеристики, запретить приход хищных птиц, чье присутствие на церемонии по каким-то соображениям оказывается неуместным, подчеркнуть, вопреки традиции и в противоположность всем остальным текстам из «Честеровского сборника», безвозвратный уход Феникс и Голубя, отсутствие у них потомства. И, что самое интересное, включить в описание поминального обряда явные намеки на католическую традицию (реквием и молитвы по усопшим [15: 88–89]), на тот момент искоренявшуюся в Англии. При всей привлекательности «метафизической теории», снимающей вопрос о прототипах и о связи поэмы с общим контекстом шекспировской эпохи, возникает ощущение, что имманентный анализ для данного текста недостаточен и неадекватен, даже если его сторонники хитроумно предлагают избавиться от части проблем, трактуя строку “Death is now the phoenix’s nest” [1: 184]; «Ныне гнездом Феникс является смерть») как предвестие рождения новой Феникс из злополучного метафорического «гнезда» [12: 554–555], а затем дезавуируют данную трактовку и переходят к обсуждению мнимой сатирической составляющей последних строк поэмы [12: 556].

О РАЗНЫХ ПОДХОДАХ

К ПРОБЛЕМЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ

Сложность интерпретации поэмы «Феникс и Голубь» объясняется тем, что в филологии не существует объективных критериев, позволяющих определить, для каких художественных текстов историко-культурный комментарий нужен, а для каких не нужен, если только не использовать в качестве критерия наличие или отсутствие в тексте имен собственных и топонимов (в шекспировской поэме их, например, нет, но пояснения к тексту, по-видимому, все-таки требуются). Точно так же невозможно выработать единый алгоритм анализа всех произведений словесного творчества. Художественная литература объединяет настолько раз-

ные по содержанию и форме тексты, что любая попытка выработать абсолютно универсальный подход к рассмотрению вообще всех художественных произведений неизбежно обречена на неудачу. Априорные тезисы абсолютного характера – «максимально подробная экстралингвистическая информация требуется для понимания вообще всех художественных текстов» или, напротив, «такого рода информация вообще не нужна ни в каких случаях» – опровергаются обращением к практике.

Если смотреть на текст с чисто лингвистических позиций, смысл пушкинского стихотворения «Я помню чудное мгновенье...» понятен без каких-либо дополнительных объяснений и без обязательной расшифровки «мрака заточенья» как метафорического эквивалента комфортной ссылки в Михайловское; факт посвящения этого стихотворения А.П. Керн также ничего не меняет в понимании самого текста, хотя и является существенным при изучении биографии поэта (причем с самыми неожиданными последствиями: письмо А.С. Пушкина С.А. Соболевскому, где в ненормативной лексике упоминается «победа» Пушкина над Керн [16: 242], представляет якобы рыцарственное «солнце русской поэзии» в предельно неприглядном свете). Если же посмотреть с аналогичных лингвистических позиций на другое пушкинское стихотворение – «Клеветникам России», то его содержание оказывается непонятным: кто такие «витии», предающие Россию «анафеме»? Это «внутренние эмигранты», просто эмигранты, аутентичные зарубежные пропагандисты или все вместе взятые? Что за волнения во времена Пушкина были в Литве, современная ли это Литва в географическом смысле или какая-то особая Литва, населенная, как можно заключить из текста стихотворения, славянами? Без знания общего контекста эпохи, без представлений о политической жизни России и Европы соответствующего периода это стихотворение в силу его злободневности понять невозможно (выводы для биографов здесь также любопытны: «демократический» свободолюбивый Пушкин неожиданно – или предсказуемо – поддерживает весьма недемократические меры правительства по подавлению польского восстания; но в данном случае это уже момент, не имеющий отношения к собственно интерпретации пушкинского текста).

Итак, произведения, апеллирующие к общечеловеческим переживаниям и потому понятные («Я помню чудное мгновенье...»), можно противопоставить произведениям злободневным, становящимся понятными после ознакомления с историческим комментарием («Клеветникам России»). Однако в историко-культурном комментарии нуждаются не только злободневные тексты. Существуют произведения, для лучшего понимания которых необходимо знакомство с определенной литературной традицией: так, в большой мере бессмысленный поиск глубокого философского содержания при интерпретации «Капитанской дочки», в который из года в год оказываются вовлечены отечественные школьники, целесообразно было бы заменить обсуждением пародийного начала пушкинского текста, ориентированного, среди прочего, на обыгрывание романов Вальтера Скотта и не отличающегося особенной глубиной. Существуют произведения, излагающие некие философские идеи (например, мысли о неумолимости богов и о роли предопределения в человеческой судьбе, которые так часто обсуждаются в связи с древнегреческими трагедиями). Существуют тексты, понимание которых намеренно осложнено автором и которые предполагают множественность интерпретаций: когда в первой части «Поэмы без Героя» Анна Ахматова в режиме жесткой однородности перечисляет Фауста, Дона Жуана, Дапертутто, Иоканаана и Дориана

Грея, увлеченный читатель может заняться расшифровкой прототипов, исходя из мысли о том, что таковые прототипы на самом деле имеются, поскольку в основе первой части поэмы лежат события, связанные с реальными людьми: Всеволодом Князевым, Ольгой Глебовой-Судейкиной и Михаилом Кузминым [17]; к этой же категории принадлежит «Улисс» Джеймса Джойса, и венчает данную группу текстов «Охота на Снарка» Льюиса Кэрролла.

О НЕОБХОДИМОСТИ СИНТЕЗА ИНТЕРПРЕТАЦИОННЫХ ПОДХОДОВ ПРИ АНАЛИЗЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ШЕКСПИРА

Многие интерпретаторы Шекспира упорно пытаются поместить его тексты в один ряд с древнегреческими трагедиями (развитие абстрактных идей) или, в случае с сонетами, уподобить их стихотворению «Я помню чудное мгновенье...» (понятные любому читателю общечеловеческие переживания). Допускается также продолжение или переосмысление традиции (широко известная и абсолютно безосновательная история о том, что «Гамлет» – это якобы переписанная Шекспиром более ранняя пьеса другого автора). Представлена и другая крайность: все тексты Шекспира должны быть соотнесены с конкретными жизненными ситуациями, и для их понимания просто нужно правильно расшифровать ссылки и отсылки. Другие исследователи поддерживают идею об изначально запланированной Шекспиром множественности интерпретаций на уровне конкретных прототипов. И значительно реже высказывается мысль о возможности совмещения в шекспировских произведениях сразу нескольких составляющих, например: 1) плана вневременного и плана злободневного, что наблюдается практически во всех его текстах, или же 2) плана специфически-литературного и плана специфически-философского, которые призваны замаскировать план злободневный в двух его проявлениях – конкретно-биографическом и более обобщенном историческом. Именно второй из названных вариантов, на наш взгляд, был реализован Шекспиром в поэме «Феникс и Голубь».

Роберт Честер, посвятивший сборник сэру Джону Солсбери, явно хотел что-то сказать, выбрав легенду о гибели одной птицы Феникс, возрождающейся в другой птице Феникс. Учитывая хрестоматийность ситуации, выбор Честера можно объяснить желанием почтить память матери Джона Солсбери – Кэтрин Тюдор-Солсбери (Katheryn of Berain, 1535–1591) – и воспеть возрождение этой легендарной «Матери Уэльса» через ее потомство (в год публикации сборника старшая дочь Джона Солсбери Джейн приближалась к возрасту вступления в брак, что предвещало скорое продолжение рода) [18: 163–164]. Привлеченные Честером авторы дружно последовали его примеру и написали тексты на заданную тему (опустив короля Артура, инвентаризацию птиц, растений и минералов Британских островов и прочие подробности вязкого честеровского повествования из первой части сборника), почтив тем самым благородного патрона. И единственным, кто отступил от схемы, был Шекспир, у которого птицы гибнут безвозвратно. Потому и возникает мысль, что Шекспир писал о чем-то совершенно другом, не имеющем никакого отношения к Джону Солсбери, и что Честер включил шекспировский текст в свой сборник скорее всего из-за популярности автора, смирившись с несоответствием поэмы «Феникс и Голубь» общему содержанию «Жертвы любви».

Если отвлечься от остальных текстов «Честеровского сборника», гибель птиц у Шекспира можно пытаться интерпретировать как осознанное отступление от литературной традиции, приглашение других птиц на поминовение – как сле-

дование литературной традиции. Но одной лишь литературной традицией из-за уже упоминавшихся выше особенностей шекспировской поэмы (специфические характеристики всех птиц, детали католического богослужения, упоминание тирании, разлука Феникс и Голубя и одновременно их соединение) при обсуждении этого текста ограничиться невозможно. Аналогичным образом, это не просто метафизическое осмысление уравнения «1+1=1», образование новой единой сущности через сочетание двух отдельных сущностей. Не только по виртуозности поэтической техники, но и по своей серьезности поэма Шекспира отчетливо противопоставлена прочим литературным упражнениям из сборника Роберта Честера или зарифмованным философским тезисам разной степени разумности. И появляется ощущение, что это действительно облеченный в «метафизическую» форму реквием по реальным людям, ушедшим из жизни при трагических обстоятельствах, и что были какие-то конкретные события, которые произвели глубокое впечатление на автора поэмы и побудили его к написанию погребальной песни.

«ФЕНИКС И ГОЛУБЬ»

И ИСТОРИЯ АНГЛИЙСКОГО КАТОЛИЧЕСКОГО СОПРОТИВЛЕНИЯ: АННА ЛАЙН

Интерпретация поэмы «Феникс и Голубь» в контексте религиозных конфликтов елизаветинской Англии, основанная на идентификации Анны Лайн (Anne Line, ок. 1563–1601) как непосредственного прототипа Феникс, была впервые предложена в работах Клары Элеонор Лонгуорт, графини де Шамбрэн (Clara Longworth, Countess de Chambrun, 1873–1954), в первой половине XX в. Американка по рождению, вышедшая замуж за французского аристократа, графиня де Шамбрэн защитила в 1921 г. докторскую диссертацию в Сорбонне и за свои работы по Шекспиру была награждена премией Французской Академии. Подробное обоснование своей интерпретации шекспировской поэмы графиня де Шамбрэн опубликовала в итоговой работе, которая была издана посмертно в английском переводе в 1957 г. [19].

Учитывая качество трудов и академический статус графини де Шамбрэн, ее трудно причислить к непрофессионалам, и предложенное ею толкование шекспировского текста, казалось бы, заслуживало реакции маститых коллег. Однако широкого обсуждения выдвинутой теории не последовало. Идеи графини де Шамбрэн в течение нескольких десятилетий находились на периферии шекспироведения, и ее интерпретация поэмы «Феникс и Голубь» [19: 237–247] стала предметом достаточно широкого профессионального обсуждения лишь в начале XXI в., когда эта теория была возрождена спустя несколько десятилетий после своего появления новым поколением шекспироведов [20: 182; 21: 12–13; 22: 257–258].

Исходя из тезиса о наличии в поэме скрытого католического подтекста, графиня де Шамбрэн предположила, что в основе «Феникс и Голубя» должны лежать реальные трагические события, происходившие в Англии около 1601 г. и связанные именно с католическим сопротивлением. Это побудило исследовательницу обратиться к биографии Анны Лайн, арестованной 2 февраля 1601 г. в Лондоне за укрывательство католических священников и посещение мессы и казненной через повешение 27 февраля того же года. Вместе с Анной Лайн были казнены (с помощью зверского метода “hanged, drawn and quartered”) два католических священника: Марк Баркуорт (Mark Barkworth) и Роджер Филкок (Roger Filcock).

Родившаяся в состоятельной пуританской семье Хайемов (Higham), в юные годы вместе со своим братом Уильямом Анна пережила кризис сознания, через который проходили многие молодые англичане, чьи семьи нажились на конфискации церковного имущества в ходе обращения страны в англиканство. Брат и сестра перешли в католичество, за что были лишены финансовой поддержки своей семьей. В начале 1580-х гг. Анна вышла замуж за молодого католика Роджера Лайна, с которым его семья обошлась аналогично. Вскоре после бракосочетания Роджер Лайн был арестован вместе с братом Анны и после длительного заключения в тюрьме Ньюгейт был выслан из страны. По каким-то причинам Анна не последовала за ним, и больше они никогда не виделись: в 1594 г. Роджер Лайн умер в Нидерландах. В том же году представитель второй английской иезуитской миссии Джон Джерард (John Gerard, 1564–1637) убедил недавно овдовевшую и страдавшую от ряда хронических заболеваний Анну Лайн стать хозяйкой дома в Лондоне, где скрывающиеся от властей католические священники могли бы находить себе пристанище [23: 101–105]. В течение семи лет до ареста и казни Анна жила в двух таких домах, ежедневно преодолевая физическую немощь и рискуя свободой и жизнью; благодаря ее попечению многие священники избежали ареста и смертного приговора. После казни 27 февраля 1601 г. тело Анны было выкуплено у палача лондонскими католиками, которые затем глубокой ночью совершили поминальный обряд и похоронили Анну в освященной земле [19: 243] (Майкл Вуд приводит еще более мрачную версию по поводу эксгумации и дальнейшего перезахоронения [22: 258]). В 1970 г. Анна Лайн была причислена католической церковью к лику святых.

«ФЕНИКС И ГОЛУБЬ»:

ИДЕНТИФИКАЦИЯ ОСТАЛЬНЫХ ГЕРОЕВ ПОЭМЫ

Трагическая судьба Анны и ее мужа, их многочисленные лишения, их верность друг другу и страдания во имя веры находят прямые параллели в шекспировской поэме, где говорится о целомудрии в браке, о разлуке, которая мистическим образом не нарушила единения между любящими сердцами, и о гибели двух добродетельных уникальных существ, влекущей за собой необратимые изменения в окружающем мире.

Перечень птиц, которые либо приглашены участвовать в погребальной церемонии, либо отстранены от участия в ней, также может быть соотнесен с конкретными прототипами. Птицей с древа Аравийского, печальным глашатаем погребения (“the bird of loudest lay”), вполне может быть придворный композитор королевы Елизаветы Уильям Берд (William Byrd, ок. 1543–1623), убежденный католик и автор музыкальных сочинений не только для протестантского, но и для католического богослужения; обыгрывание фамилии композитора (Byrd – bird) здесь совершенно очевидно [21: 12–13].

Упоминание среди скорбящих «три века живущего ворона, производящего потомство с помощью дыхания, которое он дает и забирает» (“the treble-dated crow / that thy sable gender mak’st / with the breath thou giv’st and tak’st” [1: 182]), может быть не просто отражением легенд, согласно которым вороны размножаются посредством обмена дыханием между двумя птицами, но и указанием на конкретного человека, Генри Гарнета (1555–1606). К 1601 г. Гарнет возглавлял вторую английскую иезуитскую миссию уже в течение 15 лет – немыслимо долгий срок, практически «три века», если учесть ту интенсивность, с какой правительство

разыскивало этого иезуитского священника (глава первой миссии Роберт Парсонс выполнял свои обязанности чуть больше года, после чего навсегда покинул Англию в 1581 г.). Стандартная процедура вступления в орден иезуитов занимала несколько лет, но с учетом экстремальных условий, в которых приходилось действовать иезуитам в Англии, Гарнет был наделен полномочиями сокращать сроки приема в орден. Таким образом, Гарнет «давал дыхание» и тут же «забирал» его, поскольку через служение Господу в рядах иезуитов человек «обретал новое дыхание», но рисковал тут же его «потерять» через мученическую смерть от рук протестантов. Известно, что Гарнет как глава иезуитской миссии был обязан лично присутствовать при казни единоверцев; после казни Анны Лайн и двух священников он выкупил у палача тело Марка Баркуорта и переправил его в Дуэ, где тот и был погребен [19: 242–243]. Идентификация Гарнета в качестве «ворона – долгожителя поэмы» была предложена Ричардом Уилсоном [21: 12], и она представляется более убедительной, чем рассмотрение в этой роли Джона Уитгифта (John Whitgift, ок. 1530–1604), архиепископа Кентерберийского, которое предлагается в книге графини де Шамбрэн [19: 244–245]: при всей своей относительной либеральности по отношению к приверженцам старой религии – агрессию Уитгифт приберегал для пуритан, – он является крайне маловероятным кандидатом на участие в тайных похоронах казненных правительством католиков.

Роль «священника в белом стихаре» (“the priest in surplice white” [1: 182]) мог сыграть сам Джон Джерард, инициировавший служение Анны Лайн, которое закончилось ее мученической смертью. Царственным орлом мог быть сын королевы-мученицы Марии Стюарт Иаков VI Шотландский, будущий Иаков I Английский, на которого английские католики возлагали большие надежды в последние годы правления Елизаветы; понятно, что его физическое присутствие на погребении исключалось, но по крайней мере на моральную поддержку с его стороны очень рассчитывали. Прочие птицы, символизирующие светскую власть, от участия в церемонии отстранялись, ибо именно по воле тиранов прожили жизнь в разлуке и умерли Анна и Роджер Лайны, Феникс и Голубь шекспировской поэмы. «Крикливый вестник смерти» (“shrieking harbinger” [1: 182]), также не допущенный на церемонию, ассоциируется с Ричардом Топклиффом, следователем-скадистом, лично пытавшим многих католиков и присутствовавшим на их казни.

Интерпретированная таким образом, поэма Шекспира обретает конкретный биографический план, соотносящийся с более общим историческим планом – преследованиями католиков в елизаветинской Англии и мрачными предчувствиями автора поэмы относительно предстоящего искоренения католичества в стране. Понятно, что для этого сложнейшего текста могут быть предложены иные прототипы, можно в принципе отрицать их наличие и истолковывать текст исключительно в рамках литературной или философской традиции. Но по изложенным выше причинам поэма «Феникс и Голубь» представляется не только «метафизическим» текстом, и предложенная здесь трактовка вопроса о прототипах кажется более убедительной, чем все прочие.

Однако, при всей убедительности, данной концепции не хватает объяснения, какое отношение к Анне Лайн имел Уильям Шекспир и насколько подробно он мог знать историю ее жизни и смерти. Ни графиня де Шамбрэн, ни другие ученые таких данных не предоставляют. Разумеется, о публичных казнях и об их жертвах было известно всему населению Лондона, где в то время проживал и Шекспир, но в доказательство его вовлеченности в проблемы католического сопротивления и

его знания истории Анны Лайн нами пока что была лишь тезисно упомянута покупка дома в Блэкфрайарс, без каких-либо подробностей. Именно эти доказательства и подробности составят тему дальнейшего обсуждения в настоящей статье.

“GATEHOUSE”: ДЕТАЛИ СДЕЛКИ 1613 ГОДА

Эпизод с приобретением Шекспиром в 1613 г. лондонской недвижимости, который при ближайшем рассмотрении позволяет решить вопрос и о его религиозных взглядах, и о правомерности предложенной выше интерпретации поэмы «Феникс и Голубь», является малоизвестным и малопонятным. До 1613 г. Шекспир не имел в Лондоне постоянного жилья и просто снимал комнаты в разных частях города, при этом недвижимость и земли в своем родном Стратфорде великий драматург покупал весьма активно. И вдруг незадолго до продажи своей доли акций в королевской труппе, что совершенно очевидно свидетельствует о намерении Шекспира как минимум уменьшить свое участие в деятельности лондонского театра или вообще удалиться на покой, 10 марта 1613 г. он покупает дом в Лондоне, по стоимости вдвое превосходящий цену приобретенного им самого большого дома в Стратфорде (New Place), заплатив 80 фунтов из причитающихся 140 фунтов в день покупки и обязуясь выплатить оставшиеся 60 фунтов в течение полугода. На следующий день после получения купчей Шекспир сдает этот дом внаем его бывшему владельцу, Генри Уокеру. Детали сделки таковы, что Шекспир выступает в роли покупателя при наличии еще трех поручителей: в юридическом плане это означало, что наследники Шекспира в случае его смерти не могли распорядиться собственностью без согласия поручителей.

Некоторые шекспироведы воспринимают эту сделку как странную и необъяснимую [15: 277; 24: 379]. Другие не видят в ней ничего странного, хотя и несколько недоумевают по поводу схемы с поручителями, усложнявшей наследование; по их мнению, эта сделка – всего лишь одна из многочисленных шекспировских инвестиций, которая отражает желание драматурга внести разнообразие в «портфолио своей собственности» [25: 385] и наконец приобрести постоянное жилье, куда он мог бы периодически наезжать из Стратфорда. Если учесть, что все прочие инвестиции были сделаны Шекспиром в интересах семьи и что в итоге основную часть его имущества унаследуют старшая дочь Сюзанна и ее муж Джон Холл, ситуация с домом в Блэкфрайарс представляется экстраординарной. Не менее показательным является тот факт, что через три года после совершения сделки одним из свидетелей, заверивших в Стратфорде завещание Шекспира, будет некий Джон Робинсон – вполне возможно, именно тот человек, который снимал дом в Блэкфрайарс на момент написания завещания.

“GATEHOUSE”: ИСТОРИЯ ДОМА ДО 1613 ГОДА

Естественным желанием для шекспироведов было бы подробнее вникнуть в детали, связанные с историей этого домовладения. В 1930 г. такую работу проделал Эдмунд Чеймберс (Edmund Chambers, 1866–1950), который в своем фундаментальном двухтомнике предложил подробное (но не исчерпывающее) описание дома в Блэкфрайарс [3, II: 154–169]. Этот дом располагался непосредственно над воротами (отсюда название – “Gatehouse”), которые вели на территорию бывшего доминиканского монастыря (“Blackfriars” буквально означает «черные священники»), и в просторном помещении “Gatehouse” в свое время располагались покои приора. После закрытия монастырей в правление Генриха VIII монахи были из-

гнаны, но когда Мария Тюдор стала королевой, она передала дом в распоряжение Томаса Тирлби, епископа Эли, который в свою очередь продал “Gatehouse” своему кузену Уильяму Блэквеллу. После смерти Уильяма Блэквелла в 1569 г. права на владение перешли к его вдове Маргарет, урожденной Кэмпбелл, родственнице легендарного иезуитского священника и будущего католического святого Эдмунда Кэмпбелла, казненного в 1581 г. Уже в те годы дом периодически сдавался внаем, и среди нанимателей в течение какого-то времени была Мэри Бэннистер, родная сестра Роберта Саутвелла, другого иезуитского священника, казненного в 1595 г. и впоследствии канонизированного Римско-католической церковью.

В 1585 г. против Маргарет Блэквелл (Кэмпбелл) было возбуждено расследование в связи с ее католическими убеждениями, в доме проводились обыски, которые не дали результатов, поскольку там было много тайных помещений, неизвестных сыщикам и не обнаруженных ими, и поскольку под домом находилась целая сеть тайных ходов, сооруженных еще в средневековье обитавшими там доминиканцами. В 1590 г. дом перешел во владение Матиаса Бэкона, внука Маргарет Блэквелл, который сдал его внаем католической семье Фортескью. Власти воспринимали это помещение как центр подпольной католической деятельности, обыски периодически возобновлялись, а члены семьи Фортескью некоторое время провели в тюремном заключении по обвинению в укрывательстве священников, хранению запрещенной литературы, католической церковной утвари и одеяний для священников. 5 ноября 1605 г., в день раскрытия Порохового Заговора, в этом доме нашел убежище иезуит Джон Джерард, которого в тот момент усиленно разыскивали власти. Джон Фортескью не смог отказаться в помощи Джерарду, хотя и встретил последнего полными горечи словами: «Неужели из всех тех, кого бы ты мог привести к гибели, остались только я и моя семья?» [3, II: 168; 26: 161]. Вскоре после этих событий семья Фортескью навсегда покинула Англию; так же поступил и Джон Джерард. Далее дом перешел от его официального владельца Матиаса Бэкона к Генри Уокеру, который продал свою собственность Шекспиру в 1613 г.

Зачем Шекспиру понадобилось приобретать дом, имевший столь проблематичную репутацию? Чтобы иметь жилье неподалеку от театра, располагавшегося в том же районе? Театра, для которого он писал пьесы и в котором выступал в качестве актера, но участие в деятельности которого он прекратил в том же году? Ранее, будучи непосредственно вовлеченным в деятельность труппы Лорда Камергера, ставшей в 1603 г. труппой Короля, Шекспир предпочитал снимать жилье на значительном расстоянии от театра в Блэкфрайарс, – почему же он вдруг решил купить дом в непосредственной близости от театра, из которого он ушел и акции которого продал?

“GATEHOUSE” КАК ОДИН ИЗ ЦЕНТРОВ КАТОЛИЧЕСКОГО СОПРОТИВЛЕНИЯ

Если учесть дальнейшую историю дома, становится понятным, что близость к театру не играла никакой роли в решении Шекспира приобрести эту проблематичную недвижимость. И до, и после 1613 г. “Gatehouse” был центром подпольной католической активности [26: 158–163]. Управляющим делами семьи Фортескью в свое время был Джон Робинсон, в 1599 г. обвинявшийся в укрывательстве католического священника. Вскоре после покупки дома Шекспир сдает его Джону Робинсону-младшему, сыну домоправителя Фортескью; другой сын Джона Робинсона-старшего, Эдвард, родной брат Джона Робинсона-младшего,

как раз в 1613 г. становится студентом Английского Колледжа в Риме и католическим священником. Активный деятель католического подполья Джон Робинсон-младший будет фактическим хозяином собственности в Блэкфрайарс вплоть до смерти Шекспира и в течение некоторого времени после его смерти. Лишь в 1618 г. наследники драматурга продадут этот дом другим владельцам. Сложная схема первоначальной покупки 1613 г. обеспечивала тем лицам, кто на самом деле проживал в доме, возможность не лишиться своего убежища в одночасье, если наследники Шекспира захотят продать собственность. Быстрая продажа дома в этом случае исключалась.

В глазах криптокатоликов “Gatehouse” представлял особую ценность не только благодаря наличию в нем тайных помещений и тайных ходов, обеспечивающих его обитателям относительную безопасность в контексте развернувшейся с небывалой силой после Порохового Заговора охоты на священников и просто на верных старой религии англичан. Арка или ворота, над которыми располагался дом, вели на территорию целого католического анклава, где среди прочего находилась резиденция французского посла. На ночь вход на территорию запирался именно хозяевами “Gatehouse”, и в соответствии со специфическим юридическим статусом всего домовладения в ночное время представители властей могли попасть в этот анклав только с согласия жильцов. Таким образом, владелец “Gatehouse” или снимавшие этот дом лица фактически отвечали за безопасность всех католиков, находившихся на огороженной территории, куда вели единственные имевшиеся там ворота.

Если взглянуть на ситуацию рационально, становится понятно, что покупка Шекспиром этого дома свидетельствует о его готовности пойти на немалый риск, выступив в качестве законного владельца собственности, давно воспринимавшейся властями как крайне подозрительная и имевшей стратегическую значимость для функционирования английского католического подполья. Специфический статус всего домовладения осложнял проведение обысков, а респектабельность Шекспира – официального владельца «Gatehouse», равно как его связи при дворе и его фактическое проживание в Стратфорде, многократно усложняли работу тайной полиции. Аналогичная схема была использована Джоном Джерардом ранее, когда он занимался поисками безопасного жилья в Нортгемptonshire. Находясь в провинции, он прибегал к помощи Элизабет Вокс, убежденной католички. Летом 1599 г. Джерард и Элизабет Вокс сняли резиденцию под названием “Kirby Hall” по следующей цепочке: владелица дома Леди Элизабет Хэттон сдала его Джону Вайзмону, который сдал дом Генри Монтегю, который сдал дом Фрэнсису Криспу и Томасу Мулшо, которые наконец сдали дом Джерарду и Элизабет Вокс [27: 257].

Вывод из всей истории с покупкой недвижимости в Блэкфрайарс можно сделать только один: Шекспир приобрел “Gatehouse”, поскольку до конца своих дней был тайным католиком, готовым не на словах, а на деле помогать своим единоверцам. А его присутствие в цепочке «Джерард – Фортескью – Робинсон» очень напоминает участие Анны Лайн в управлении католическими убежищами, к которому ее привлек все тот же Джон Джерард.

“GATEHOUSE” И «РОКОВАЯ ВЕЧЕРНЯ» (“FATAL VESPERS”) 1623 ГОДА

Перед последующими событиями, связанными с “Gatehouse”, меркнут самые остросюжетные повествования. 25 октября 1623 г., через семь лет после смерти Шекспира, на верхнем этаже этого самого дома в Блэкфрайарс, нижний этаж которого в то время снимал французский посол, проходило служение мессы. В срав-

нительно небольшом помещении собрались приблизительно 300 человек, и пол не выдержал такой нагрузки, поддерживающие его балки рухнули и проломили пол следующего этажа; нижние комнаты, опиравшиеся на ворота “Gatehouse”, устояли благодаря мощи старинной кладки доминиканского монастыря. Из-за провала сразу двух этажей возникла давка, и погибло 95 человек [26: 162]. Протестантские пропагандисты с удовольствием обсуждали это трагическое происшествие, свидетельствовавшее, по их мнению, о том, что христианский Бог отвернулся от католиков и покарал их за грехи. По мнению католиков, это был результат диверсии со стороны кальвинистов, заранее подпиливших балки; однако доказательств этой теории (при всей ее жизненности и правдоподобии) обнаружено не было. В исторической литературе это богослужение получило название «Роковой Вечерни» (“Fatal Vespers”).

Рассмотренный таким образом, факт приобретения Шекспиром собственности в Блэкфрайарс перестает быть «странным» и оказывается кристально ясным. «Странность» покупки дома, в котором владелец, по-видимому, не собирался жить, «странность» привлечения поручителей, затруднявшего дальнейшие сделки с этой недвижимостью, «странность» самой инвестиции в лондонскую недвижимость на фоне отсутствия интереса к ней в то время, когда это было действительно актуально для Шекспира, исчезает, если воспринять эту ситуацию как проявление его тайных католических убеждений, как желание помочь единоверцам и как готовность тем самым поставить себя под удар.

РЕЛИГИОЗНЫЕ КОНФЛИКТЫ ШЕКСПИРОВСКОЙ ЭПОХИ И КЛАССИЧЕСКОЕ ШЕКСПИРОВЕДЕНИЕ

Имеется множество других, но уже корее косвенных доказательств связи Шекспира с католическим подпольем и его приверженности католичеству, и в силу своей меньшей очевидности эти доказательства регулярно критикуются протестантски ориентированными или релятивистски настроенными шекспироведами [28: 170; 29: 21–26]. Оспариваются также неопровержимые факты, связанные с религиозными убеждениями отца драматурга Джона Шекспира или Сюзанны, его старшей дочери, а в случае признания подлинности фактов отмечается, что религиозные взгляды родственников ничего не говорят об убеждениях самого Шекспира [29: 26]. Сами по себе религиозные взгляды родственников, действительно, напрямую не относятся к Шекспиру, хотя в сочетании с другими косвенными доказательствами, основанными непосредственно на деталях биографии и творчества великого поэта и драматурга, они обретают больший вес, будучи включенными в более общую систему аргументов. Однако, в отличие от других косвенных доказательств, ситуация с приобретением “Gatehouse” при ее обсуждении в относительно широком контексте, бесспорно, свидетельствует о приверженности Шекспира совершенно определенной системе религиозных убеждений. По выявлении этих ценностей, а также благодаря проведению биографических параллелей становится понятен смысл многих шекспировских произведений, в частности поэмы «Феникс и Голубь».

В ряде случаев игнорирование этих фактов (или же неспособность увидеть их истинный смысл) является результатом обычной неосведомленности. Недостаточный профессионализм здесь налицо, и это не делает чести специалистам, претендующим на универсальность выводов и исчерпывающий охват материала. Но гораздо интереснее и гораздо симптоматичнее позиция шекспироведов, имеющих полное представление о ситуации и явно обладающих острым умом. По идее, это долж-

но привести их к единственно возможной трактовке обсуждавшихся выше фактов, и когда осведомленные и высоко интеллектуальные шекспироведы не выходят за рамки чистой описательности, это представляется по-настоящему странным.

Чрезвычайно показателен тот комментарий, которым снабдил поэму «Феникс и Голубь» и покупку дома в Блэкфрайарс уже упоминавшийся в настоящей статье известнейший британский шекспировед Эдмунд Чеймберс в своей фундаментальной двухтомной работе [3], которая, наряду с исследовательскими частями, содержит полные тексты доступных на тот момент документов, касающихся Шекспира, – его биографии и творчества. В тексте книги, насчитывающей больше тысячи стандартных страниц, сведения относительно поэмы «Феникс и Голубь» занимают чуть больше одной страницы [3, I: 549–550]: полстраницы на воспроизведение титульного листа «Честеровского сборника», полстраницы на обсуждение содержания сочинений Роберта Честера – и лишь три строки, затрагивающие поэму Шекспира через констатацию того факта, что изучение текста Честера ни в коей мере не способствует пониманию «Феникс и Голубя». И это все. Для сравнения: на обсуждение комедии «Винздорские проказницы» у Чеймберса ушло около 13 страниц [3, I: 425–438], из них больше десяти посвящены тексту этой отнюдь не таинственной пьесы.

Собственные размышления Чеймберса по поводу дома в Блэкфрайарс занимают полных 5 страниц [3, II: 164–169], причем о событиях, предшествующих 1613 г., автор пишет весьма подробно, упоминая обыски 1580–1590-х гг. и аресты членов семьи Фортеस्कью, и даже приводит обширную цитату на латыни, описывающую общение жены Джона Фортеस्कью Хелен с Джоном Джерардом незадолго до Порохового Заговора и двух Джонов, Фортеस्कью и Джерарда, непосредственно в день раскрытия заговора [3, II: 168]. Несколько строк написано и о семье Робинсонов (далее при обсуждении завещания Шекспира Чеймберс высказывает предположение, что Джон Робинсон, которому сдано жилье внаем, и Джон Робинсон, поставивший подпись в качестве свидетеля в завещании, – это два разных Джона Робинсона [3, II: 178]; деталь несущественная, но характерная).

Что же касается истории домовладения после 1613 г., о ней не говорится ничего. Известная всем серьезным историкам елизаветинского периода «Роковая вечерня» 1623 г. не упомянута. О возможных связях самого Шекспира с католическим сопротивлением тоже не сказано ни слова.

Такую избирательную по степени подробности трактовку материала можно было бы отнести на счет особенностей методологии Чеймберса («больше объективных документов, меньше субъективных рассуждений»), если бы не одна маленькая деталь, обнаруживающаяся в его тексте, – незаметная деталь, на уровне знаков препинания. Обсуждая историю “Gatehouse”, Чеймберс среди прочего отметил, что один из предыдущих владельцев дома, Уильям Блэквелл, в свое время женился на Маргарет Кэмпиион, родственнице «мученика»: “[William Blackwell] married Margaret Campion, a kinswoman of the ‘martyr’ [3, II: 165]”. Закавыченное Чеймберсом слово “martyr” («мученик») дорогого стоит и о многом говорит. Эдмунд Кэмпиион, блестящий проповедник, член первой английской иезуитской миссии, после четырехмесячного заключения и пыток (на вопрос тюремщика о самочувствии по завершении одного из таких сеансов узник ответил «не плохо, потому что вообще никак») 1 декабря 1581 г. принял страшную смерть через подвешивание (не повешение), выпотрашивание и четвертование (“hanged, drawn and quartered”). Каким бы ни было личное отношение автора двухтомника

к католицизму, католикам и Эдмунду Кэмпиону, использованные Чеймберсом «невинные» кавычки постыдны. Постыдны и показательны, поскольку отражают кропотливую работу по фальсификации истории ангажированными носителями англиканской идеологии, – работу, начатую придворным историком Елизаветы Уильямом Кэмденом еще при жизни королевы, затянувшуюся на несколько веков и повлекшую за собой выхолащивание многих областей гуманитарного знания, в том числе шекспироведения.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ШЕКСПИРОВСКИХ ТЕКСТОВ В СВЕТЕ РЕЛИГИОЗНЫХ КОНФЛИКТОВ ЭПОХИ: ТРАГЕДИЯ «ГАМЛЕТ»

Рассмотрение жизни и творчества Шекспира в их реальном историческом контексте важно не только для восстановления исторической справедливости. И не только для понимания отдельных менее известных фактов творчества и биографии великого поэта и драматурга, – фактов, которые, как было показано на примере поэмы «Феникс и Голубь» и в связи с покупкой дома в Блэкфрайарс, правильно интерпретировать без обращения к историческому контексту невозможно. Знание общего контекста эпохи имеет решающее значение для понимания известнейших текстов Шекспира, его общепризнанных шедевров, павших жертвой множественных толкований; к этой категории относится, например, трагедия «Гамлет».

Интерпретационная какофония в случае с «Гамлетом» феноменальна. Какие только теории ни предлагались для объяснения странного бездействия датского принца [30]: 1) Гамлет – христианский гуманист, страдающий от необходимости из чувства долга совершить убийство, что противно всей его натуре (на самом деле Полония он убивает с легкостью и столь же хладнокровно отправляет на смерть Розенкранца и Гильденстерна, заминка происходит лишь с убийством Клавдия); 2) Гамлет – молодой Вертер, байронический герой, страдающий просто потому, что ему страдается; 3) Гамлет – жертва Эдипова комплекса (оставим без комментариев); 4) шекспировская пьеса основывается на чьей-то еще пьесе, предположительно Томаса Кида (не просто на легенде Саксона Грамматика в пересказе Беллефоре), и Шекспир забыл изъять некоторые повороты старого сюжета, из-за чего пьеса оказывается не вполне логичной. И так далее, *ad nauseam*.

Если отрешиться от порочной практики интерпретации «Гамлета» с точки зрения позднейшей и чуждой Шекспиру литературной и культурной традиции и взглянуть на пьесу непредвзято, то становится совершенно очевидным, что Гамлет страдает от раздвоенности сознания (не путать с раздвоением личности). Он не готов убить именно короля и при этом осознает, что убить Клавдия необходимо, поскольку в противном случае он нарушит последнюю волю отца, высказанную устами Призрака. Нежелание совершить государственный переворот сочетается в главном герое пьесы с неспособностью примириться с существующим порядком. Именно такая раздвоенность сознания была характерна во времена Шекспира для значительной части населения Англии – для ее католиков. Они стояли перед невозможной альтернативой: либо признание верховного авторитета королевы в мирских и духовных делах, либо признание авторитета Римских пап в делах духовных и мирских. Вместо привычного и бытовавшего в течение столетий разведения светских и духовных полномочий англичанам было предложено выбирать один из двух равно неприемлемых вариантов. Невозможность сделать такой выбор вполне могла сводить с ума и приводить к мыслям о самоубийстве, о котором как раз и рассуждает Гамлет в своих знаменитых монологах.

При выборе протестантской линии истинно и искренне верующий католик ставил под угрозу спасение души, вступал конфликт со своим ближайшим окружением, с семьей и друзьями, если они оставались католиками, и подвергался давлению со стороны властей, понуждавших новообращенных принять участие в гонениях на католиков и стать как минимум доносчиками. Выбирая католичество, человек рисковал быть вовлеченным во все более агрессивную деятельность некоторых из своих единоверцев, боровшихся против елизаветинского режима, подвергался социальному остракизму через невозможность получить высшее образование или сделать карьеру и ежедневно сталкивался с перспективой штрафов, конфискации имущества, тюремного заключения и даже казни.

СОВМЕЩЕНИЕ ЗЛОБОДНЕВНОГО И ВНЕВРЕМЕННОГО ПЛАНОВ КАК ОТЛИЧИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ТВОРЧЕСТВА УИЛЬЯМА ШЕКСПИРА

Только злободневностью содержания «Гамлета» можно объяснить невероятную популярность пьесы среди современников Шекспира. И при всем уважении к зрителям елизаветинских театров трудно поверить в то, что они в течение четырех с лишним часов (именно столько времени занимает постановка «Гамлета» в его наиболее полном варианте) готовы были наблюдать за возвышенными романтическими, или христиански-гуманистическими, или психоаналитическими метаниями датского принца и наслаждаться высокой поэзией, если не понимали мотивов поведения главного героя. Театр в то время играл роль нынешнего телевидения и прочих средств массовой информации. И пьесы в таком театре в первую очередь должны были быть злободневными. Каким и был «Гамлет», при всей значимости его вневременной общечеловеческой составляющей.

Мы позволили себе столь пространное отступление от основной темы статьи, для того чтобы проиллюстрировать мысль о значимости историко-культурного контекста для полноценного восприятия Шекспира как художника слова и Шекспира как личности. Размышления на вечные темы (любовь и смерть, верность, предательство) в творчестве великого поэта и драматурга органично сочетались с обсуждением тем злободневных. Не вступая в открытую полемику с властями, не взыскав тернового венца мученика, Уильям Шекспир в поэме «Феникс и Голубь» увековечил духовный подвиг своих единоверцев, а покупкой дома в Блэкфрайарс способствовал поддержанию деятельности английского католического сопротивления. Речь здесь идет не о приверженности Шекспира конкретной религиозной доктрине во всех ее деталях – речь идет о восприятии Шекспиrom современного ему социально-религиозного контекста. Сын своей эпохи, он и волею судьбы, и в результате сознательного решения оказался на стороне проигрывавших и, в итоге, проигравших в борьбе за свободу духовного выбора, за сохранение традиций, имевших абсолютную значимость для многих англичан – его современников.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- [1] Grossart Alexander (ed.) (1878) Robert Chester's Love's Martyr, 1601. London: N. Truebner & Co. 15*, lxxxiii, 255 p.
- [2] The Complete Works of William Shakespeare. (1954) Oxford University Press. viii, 1166 p.
- [3] Chambers E.K. (1930) William Shakespeare: A Study of Facts and Problems. In 2 vols. Oxford University Press. Vol. I. xviii, 576 p.; Vol. II. Xvi, 448 p.

- [4] Lee Sidney. (1925) *A Life of William Shakespeare*. Murray. xxxi, 792 p.
- [5] *The Arden Shakespeare. The Poems*. (2001) Arden Shakespeare. xlvii, 201 p.
- [6] Tennyson Alfred, Lord. (2007) *Selected Poems*. Penguin Books. xvi, 384 p.
- [7] Bate Jonathan. (2009) *Soul of the Age: The Life, Mind and World of William Shakespeare*. Penguin Books. x, 500 p.
- [8] Sams Eric. (2008) *The Real Shakespeare II: Retrieving the Later Years, 1594–1616*. www.ericams.org/images/pdf/sams_the_real_shakespeare_ii.pdf
- [9] Honigmann E.A.J. (1998) *Shakespeare: The 'Lost Years'*. Manchester University Press. xvii, 172 p.
- [10] Wilson Ian. (1993) *Shakespeare: The Evidence*. New York: St Martin's Press. xiii, 498 p.
- [11] Anderson Mark. (2005) *"Shakespeare" By Another Name*. Gotham Books. xxi, 598 p.
- [12] *The Oxford Handbook of Shakespeare's Poetry*. (2013) Oxford University Press. xxv, 748 p.
- [13] Holden Anthony. (1999) *William Shakespeare: His Life and Work*. Abacus. 367 p.
- [14] Kermode Frank. (2004) *The Age of Shakespeare*. New York: The Modern Library. 215 p.
- [15] Fogg Nicholas. (2012) *Hidden Shakespeare: A Biography*. Amberley. 320 p.
- [16] Пушкин А.С. (1958) *Полное собрание сочинений в 10 томах. Т. 10. Письма*. М.: Издательство Академии Наук СССР. 902 с. / Pushkin A.S. (1958) *The Complete Works: In 10 vols. Vol. 10. Letters*. Moscow. Academy of Sciences of the USSR Publ. 902 p.
- [17] Лиснянская И.Л. (1995) *Шкатулка с тройным дном*. imwerden.de/pdf/lisnyanskaya_shkatulka_s_trojnym_dnom_1995_text.pdf / Lisnyanskaya I.L. (1995) *A Casket with Triple Bottom*.
- [18] Duncan-Jones Katherine. (2010) *Shakespeare: An Ungentle Life*. Methuen Drama. xix, 376 p.
- [19] Chambrun Clara Longworth, de. (1957) *Shakespeare: A Portrait Restored*. New York: P.J. Kennedy & Sons. ix, 406 p.
- [20] Asquith Clare. (2005) *Shadowplay: The Hidden Beliefs and Coded Politics of William Shakespeare*. New York: PublicAffairs. xvii, 348 p.
- [21] Wilson Richard. (2004) *Secret Shakespeare: Studies in Theatre, Religion and Resistance*. Manchester University Press. 326 p.
- [22] Wood Michael. (2005) *In Search of Shakespeare*. BBC Books. 400 p.
- [23] Gerard John. (2012) *The Autobiography of a Hunted Priest*. San Francisco: Ignatius Press. xxiii, 370 p.
- [24] Greenblatt Stephen. (2005) *Will in the World: How Shakespeare Became Shakespeare*. Pimlico. 432 p.
- [25] Weis Rene. (2007) *Shakespeare Unbound: Decoding a Hidden Life*. New York: Henry Holt and Company. 479 p.
- [26] Pearce Joseph. (2008) *The Quest for Shakespeare: The Bard of Avon and the Church of Rome*. San Francisco: Ignatius Press. 216 p.
- [27] Childs Jessie. (2014) *God's Traitors: Terror and Faith in Elizabethan England*. London, The Bodley Head. xx, 443 p.
- [28] Holderness Graham. (2011) *Nine Lives of William Shakespeare*. Continuum. x, 215.
- [29] Kastan David Scott. (2014) *A Will to Believe: Shakespeare and Religion*. Oxford University Press. ix, 155 p.
- [30] *Readings on the Character of Hamlet*. (2005) Routledge. xiv, 783 p.

Сведения об авторе:

Андрей Александрович Липгарт,
доктор филол. наук
профессор
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Andrey A. Lipgart,
Doctor of Philology
Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
a_lipgart@mail.ru

Материалы и сообщения

Communications and Materials

К ЮБИЛЕЮ РИНЫ ПАВЛОВНЫ УСИКОВОЙ

Рина Павловна Усикова – основатель российской македонистики**Rina Pavlovna Usikova – the Founder of Macedonian Studies in Russia**

11 марта 2018 торжественно отметила 85-летие выдающийся педагог и ученый-славист профессор Рина Павловна Усикова, большую часть своей профессиональной жизни проработавшая на кафедре славянской филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. С ее именем связано становление и развитие российской македонистики – важной составляющей национальной филологической науки. Именно благодаря энергии и энтузиазму Р.П. Усиковой македонистика была открыта как самостоятельная специализация сначала в Московском университете, затем в других образовательных и научных центрах нашей страны. В настоящее время это успешно развивающееся научное направление. Его фундаментальная основа заложена в работах Рины Павловны по грамматике македонского языка, в трехтомном македонско-русского словаре¹, подготовленном под ее руководством, в созданных учебниках и учебных пособиях. Кроме того она стала ярким популяризатором македонской культуры в России, ей принадлежит целый ряд переводов произведений македонских писателей.

Р.П. Усикова закончила славянское отделение филологического факультета МГУ (1950–1955) по специальности «болгаристика». Через несколько лет по совету заведующего кафедрой выдающегося ученого С.Б. Бернштейна она расширила сферу своих интересов и стала специализироваться в области самого молодого у славян литературного языка – македонского, официально кодифицированного лишь в 1945 г. Под руководством С.Б. Бернштейна Р.П. Усикова написала первую в мире научную работу в области македонистики, защищенную за пределами Македонии, – кандидатскую диссертацию «Морфология имени существительного и глагола в современном македонском литературном языке» (1965). Эта работа вышла в Македонии отдельным изданием².

Благодаря энергии и организаторским способностям Р.П. Усиковой в 1966 г. на кафедре славянской филологии филологического факультета МГУ началось преподавание македонского языка, а в 1975 г. впервые в нашей стране на славянском отделении филологического факультета МГУ была открыта специализация «македонский язык и литература». С этого времени филологический факультет МГУ стал главным центром македонистики в нашей стране, единственным в России высшим учебным заведением, где осуществляется фундаментальная подготовка филологов-македонистов.

Кроме бесспорного авторитета С.Б. Бернштейна для Р.П. Усиковой имело особое значение знакомство с выдающимся македонским ученым и писателем Блаже

¹ Македонско-русский словарь. Македонско-руски речник: В 3 т. Скопје, 1997 (в соавторстве с З.К. Шановой, М.А. Поварничиной и Е.В. Верижниковой; Грамматический справочник составлен Р.П. Усиковой; под редакцией Р.П. Усиковой).

² Морфология имени существительного и глагола в современном македонском литературном языке / Институт за македонски јазик «Крсте Мисирков». Посебни изданија. Кн. 5. Скопје, 1967.

Конеским. Это была личность ренессансного типа – кодификатор македонского литературного языка, основатель филологического факультета университета имени свв. Кирилла и Мефодия в Скопье (носит в настоящее время его имя), основатель и первый президент Македонской Академии наук, яркий поэт и блестящий переводчик (в том числе поэзии А. Блока). Весьма ценными для Р.П. Усиковой были встречи и консультации с крупным лингвистом Божидаром Видоеским.

Р.П. Усикова в течение многих лет читала основополагающие теоретические курсы по македонскому языку: «Грамматика современного македонского языка», «Историческая грамматика македонского языка и македонская диалектология», «Балканославянские языки» (спецкурс для македонистов и болгаристов), «Грамматические категории существительного и глагола в македонском языке сопоставительно с русским» (спецкурс), «Лексика македонского языка и македонская лексикография» (спецкурс). Кроме того, она все годы работы на факультете уделяла большое внимание и практическому обучению студентов македонскому языку. Многолетний опыт исследования и преподавания был ею обобщен в учебниках и академических изданиях, вышедших в Македонии и России¹. Всего за годы работы Р.П. Усиковой подготовлено и опубликовано более 100 научных исследований, которые оказали большое влияние на развитие мировой македонистики. В ряду таких работ особое место занимает «Грамматика македонского литературного языка» (М., 2003). В томе «Славянские языки» (2005, 2-е изд.: 2017) из энциклопедической серии «Языки мира», подготовленной Институтом языкознания РАН, Р.П. Усиковой принадлежит глава «Македонский язык».

Р.П. Усикова была основателем и почти двадцать лет руководила межфакультетской кафедрой славянских языков для нефилологических факультетов МГУ, а также членом Научно-методического Совета по высшему филологическому образованию при Минвузе СССР, бессменным в течение более чем десяти лет Председателем Общества друзей Македонии в России.

Заслуги Р.П. Усиковой в области распространения и популяризации македонского языка и культуры были высоко оценены. В 1979 г. Македонская Академия наук и искусств избрала ее Иностранным членом Академии, а в 1989 г. она была удостоена правительственной награды СФРЮ – «Ордена югославского знамени с золотым венцом». Республика Македония в 2011 г. вручила Р.П. Усиковой «Орден за заслуги перед республикой Македонией». За организацию эффективного сотрудничества с филологическим факультетом университета имени свв. Кирилла и Мефодия в Скопье, прежде всего за успешное преподавание русского языка, написание совместного с македонскими преподавателями учебника по русскому языку для македонских студентов ей было присвоено звание визитинг-профессора (1994), а в 1996 г. – звание «Почетный доктор филологических наук Университета им. свв. Кирилла и Мефодия в Скопье».

Кроме того Р.П. Усикова занималась переводом современной македонской художественной литературы на русский язык. Ее переводы малой прозы Г. Абаджиева, Т. Момировского, С. Дракула и Й. Бошковского опубликованы в сборниках «Современная югославская новелла» и «Рассказы македонских писателей» (М., 1965). Перевод романа Г. Абаджиева «Пустыня» вышел в серии «Библиотека югославской литературы» (М., 1981). Р.П. Усикова выступила составителем сборника драматургии Г. Стефановского «“Полет на месте” и другие пьесы» (М., 1987), в котором ей принадлежит перевод пьесы «Дикое мясо».

¹ Македонский язык: Грамматический справочник, тексты с комментариями и словарем. Скопье, 1985; Македонский язык // Основы балканского языкознания. Ч. 2. Славянские языки. СПб., 1998.

Рина Павловна, проработав на факультете до 2015 г., ушла на заслуженный отдых. Ее многочисленные выпускники трудятся на филологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова, в Пермском государственном университете, МИД России, посольстве Республики Македония в Москве.

С юбилеем Вас, дорогая Рина Павловна! Здоровья и долгих лет жизни.

А.Г. Шешкен

И.В. Платонова (Москва, Россия)

**Рина Павловна Усикова как организатор и первый заведующий
межфакультетской кафедрой славянских языков Московского университета¹**

Аннотация: Доктор филологических наук профессор Р.П. Усикова широко известна как македонист. В статье освещается менее известный аспект ее деятельности как организатора и в течение 17 лет заведующего единственной в нашей стране университетской кафедрой славянских языков для студентов и аспирантов (нефилологов), специализирующихся по проблемам славянских стран.

Значительна роль Р.П. Усиковой в авторских коллективах по созданию учебно-методической литературы для студентов гуманитарных факультетов, изучающих славянские языки, особенно болгарский.

Ключевые слова: прикладное филологическое славяноведение, организатор кафедры славянских языков, заведующий кафедрой, создание учебно-методической литературы

I.V. Platonova (Moscow, Russia)

**Rina Pavlovna Usikova as the Organizer and the First Head
of the Inter-Departmental Chair
of the Slavic Languages of Moscow University**

Abstract: Professor, Doctor of Philology R.P. Usikova is widely known as a specialist in the Macedonian language studies. This paper describes the less known aspect of her work as the founder and head of the only University department of Slavic languages in this country for students and post-graduate students (not-philologist), specializing in the issues of Slavic countries. R.P. Usikova has been the Head of the department for 17 years.

R.P. Usikova played a significant part in authoring teams that compiled educational and instructional materials for students of humanities faculties, studying Slavic languages, especially Bulgarian.

Key words: Applied Slavic studies, founder of the Slavic department, the Head of the department, educational and instructional materials

¹ В основе статьи публикация И.В. Платоновой «Вклад Р.П. Усиковой в развитие прикладного филологического славяноведения», вышедшая в 2006 г. в сб.: Славистички студии. Списание на Катедрата за славистика при Филолошкиот факултет «Блаже Конески» за 2006 година. На проф. Рина Павловна Усикова по повод нејзината 70-годишнина. Скопје, 2006. С. 193–198.

Рина Павловна Усикова, профессор кафедры славянской филологии филологического факультета МГУ, иностранный член Македонской академии наук и искусств, хорошо известна славистам, и прежде всего специалистам по южнославянским языкам как автор научных публикаций, посвященных вопросам македонского литературного языка и проблемам современных южнославянских языков балканского ареала, в том числе таких капитальных трудов, как фундаментальная монография «Грамматика македонского литературного языка» [Усикова 2003], «Македонско-русский словарь»: трехтомный [Усикова, Шанова, Поварницина, Верижникова 1997] и однотомный [Усикова, Шанова, Верижникова, Поварницина 2003]. Даже уйдя на пенсию, она продолжает писать статьи в научные издания.

Однако в тени остается еще один, не менее значимый аспект деятельности Р.П. Усиковой.

В 1971 г. в связи с необходимостью подготовки высококвалифицированных специалистов, хорошо владеющих славянскими языками, в МГУ встал вопрос о создании межфакультетской кафедры славянских языков по преподаванию болгарского, польского, сербохорватского и чешского языков на шести факультетах: историческом, экономическом, географическом, философском, юридическом и журналистики. Кафедра должна была войти в Отделение по преподаванию иностранных языков при филологическом факультете. На должность заведующего кафедрой руководство факультета решило рекомендовать молодого специалиста, кандидата филологических наук Рину Павловну Усикову, работавшую в то время на кафедре славянской филологии филологического факультета в должности преподавателя. При этом она продолжала оставаться там основным специалистом-македонистом, ведя курс практического македонского языка и все теоретические лекционные курсы, спецкурсы, спецсеминары по лингвистическому циклу специализации «Македонский язык и литература». Правильность выбора кандидата для формирования новой кафедры подтвердило время.

Вновь образованная кафедра была, а после ряда реорганизаций частично и до сих пор остается единственной в нашей стране университетской кафедрой по языковой подготовке студентов и аспирантов, специализирующихся по проблемам славянских стран.

Одним из первоочередных был вопрос о кадрах, способных не только преподавать славянские языки, но и обладать достаточной квалификацией для решения поставленных перед кафедрой научно-методических задач, означавших развитие прикладного направления филологического славяноведения.

В момент своего образования межфакультетская кафедра славянских языков получила всего 2,5 новых штатных единиц преподавательского состава: старший преподаватель, кандидат филологических наук, заведующий кафедрой (Р.П. Усикова); преподаватель, кандидат филологических наук (сербский язык – В.Н. Зенчук); 0,5 ставки преподавателя (чешский язык – Т.А. Ацаркина), а также 1 единицу учебно-вспомогательного состава (старший лаборант с высшим образованием – Л.В. Сорокоумская). С кафедры славянской филологии вместе с преподавательской ставкой была переведена кандидат филологических наук З.М. Холонина (польский язык), а на освободившуюся ставку преподавателя, оставшуюся от Р.П. Усиковой, была приглашена И.В. Платонова (болгарский язык). Таким образом, на кафедре было лишь 4,5 преподавательских ставок.

В дальнейшем кафедра комплектовалась главным образом за счет молодых специалистов, окончивших славянское отделение филологического факультета

МГУ. Практически все преподаватели прошли обучение в аспирантуре, защитили кандидатские диссертации, а двое: В.Г. Кульпина и В.Я. Тихомирова – и докторские. На кафедре начинали свою преподавательскую деятельность выпускницы филологического факультета О.С. Плотникова и О.А. Ржанникова, ставшие затем доцентами, ведущими преподавателями кафедры славянской филологии филологического факультета. Молодым кандидатом наук после защиты кандидатской диссертации работала на кафедре славянских языков и заведующая кафедрой славянской филологии профессор, доктор филологических наук Н.Е. Ананьева.

Р.П. Усикова добилаь того, чтобы вместе с русскими преподавателями в каждой группе, независимо от факультета, в обучении студентов принимали участие лекторы – носители языка.

Постепенно студенты стали выезжать в страны изучаемого языка на летние курсы.

Молодому коллективу преподавателей кафедры славянских языков предстояло разрабатывать методику преподавания славянских языков для студентов и аспирантов (нефилологов), создавать учебные программы практического курса по этим языкам, писать учебники, учебные пособия, специализированные словари, параллельно занимаясь научной проблематикой.

Подготовка студентов предполагалась и разноплановой, и неодинаковой по объему. На историческом и экономическом факультетах это был язык специальности, и в учебном плане на него отводилось от 400 до 1000 учебных часов, а на географическом, юридическом, философском факультетах и факультете журналистики (второй иностранный язык) – от 270 до 360 учебных часов. После окончания основного курса на историческом и экономическом факультетах с 1983/84 учебного года у студентов появилась возможность продолжать обучение в так называемых реферативных группах и группах аспирантов (по 140–200 учебных часов), основной целью которого было совершенствование навыков чтения, реферирования и перевода научной литературы, соответствующей профилю факультета.

Важно отметить, что Р.П. Усикова занималась не только организационными вопросами, хотя они и отнимали значительное время. Как один из наиболее опытных сотрудников, она наряду со своими коллегами участвовала в решении первоочередных задач, стоявших перед коллективом. Поскольку Р.П. Усикова, болгарист по образованию, в течение многих лет еще до организации кафедры преподавала болгарский язык на историческом факультете, первую из программ – программу практического курса по болгарскому языку для исторического факультета, рассчитанную на 400 учебных часов, – подготовила именно она [Усикова, Программа]. Впоследствии на основе этой программы был написан «Учебник болгарского языка» [Гинина, Платонова, Усикова 1985].

В Программе были четко изложены методические основы преподавания:

- коммуникативность, предусматривающая развитие навыков говорения с корректным произношением и пониманием устной речи;
- системная подача грамматического и лексического материала;
- сопоставление с русским языком.

Представленный грамматический материал, обобщенный и систематизированный, и лексические темы были распределены на два года обучения. Особо констатировалось, что в процессе обучения студенты должны знакомиться со всеми основными функциональными стилями речи болгарского литературного языка, но главное внимание должно быть уделено публицистическому и научному стилю.

В середине 1980-х гг., с учетом опыта работы над «Учебником», «Программа» была значительно переработана и дополнена, а «Методическая часть» выделена в общую «Методическую записку» по преподаванию славянских языков на историческом факультете [Усикова, Иванова 1986].

По-прежнему основные цели и задачи сводились к комплексному обучению всем видам речевой деятельности, активному овладению студентами лексическим материалом и необходимыми для коммуникации грамматическими формами и синтаксическими конструкциями. На выбор преподавателю предлагались способы устного и письменного контроля в конце первого и второго года обучения [Усикова, Иванова 1986].

Грамматическая часть была расширена, детализована, особо отмечены случаи формообразования и функционирования грамматических категорий, различающихся в болгарском и русском языках, или отсутствующих в русском языке (произношение и правописание в болгарском языке западноевропейских заимствований; формообразование сложных существительных, приближающихся к словосочетаниям; валентность глаголов; роль порядка слов; общие и частные случаи определенной / общей формы существительного в зависимости от семантики и синтаксических функций и др.).

При определении содержания лексического минимума – общественно-политическая, общебытовая, страноведческая, общенаучная и специальная научная лексика (~2000 единиц к концу обучения) – подчеркивалась не только возможность общения на бытовые темы, но и активное овладение научной терминологией по широкой специальности, умение получать и передавать на языке информацию по специальности.

Многие положения «Программы» (особенно «Грамматическая часть») не утратили актуальности в настоящее время и вошли в состав современной «Программы по болгарскому языку для студентов исторического факультета» [Платонова, Усикова 2004].

К сожалению, первые программы Р.П. Усиковой не были опубликованы и остались в рукописи.

Для достижения целей обучения были необходимы учебники с коммуникативной направленностью. Изданные в СССР практические учебники болгарского языка не ставили в качестве основной задачи научить активному владению языком, морально устарели, да и стали библиографической редкостью¹.

Учебники, созданные болгарскими авторами, были написаны для разноязычных иностранных студентов, обучающихся в Болгарии. В основе преподавания лежал метод прямого усвоения языка через речь².

Указанные учебники не соответствовали требованиям, обозначенным в «Программе». Предстояло создать базовый учебник для русскоязычных студентов, изучающих болгарский язык вне языковой среды.

Такой учебник под редакцией и при участии Р.П. Усиковой в составе авторского коллектива вышел в издательстве Московского университета в 1985 г. Предна-

¹ Бернштейн С.Б. Учебник болгарского языка. М., 1948; Безикович Е.И., Гордова-Рыбальченко Т.П. Болгарский язык: Учебник для вузов. Л., 1957.

² См. наиболее полный учебник: Ю. Антонова, Е. Кирякова и Т. Накова: Български език. България и българите. Книга за студента. София; 1-е изд.: 1982). Этот же метод был использован болгарскими преподавателями при обучении иностранцев за пределами Болгарии. См. учебники: Илиева Д. Български език. Братислава, 1982; Макреева Р., Савова К. Български език за лекторатите в чужбина. София, 1985.

значен он был для начального и среднего этапов обучения, содержал материал для всех аспектов практического обучения и благодаря своему содержанию и структуре мог отвечать потребностям всех факультетов, где преподавался болгарский язык.

Это издание было рекомендовано Министерством высшего и среднего специального образования СССР в качестве учебника для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальностям «Славянские языки и литература» и «Русский язык и литература».

«Учебник болгарского языка» решал комплексную задачу развития навыков устной речи и чтения общественно-политической и художественной литературы, а также навыков перевода на русский язык и перевода несложных текстов на болгарский язык. Тексты учебника служили базой для дальнейшего развития разговорных навыков и чтения литературы по специальности (по истории, географии, экономике, филологии и т. п.) достаточно высокой степени трудности [Усикова 1987а: 137–138].

Естественно, в настоящее время учебник устарел, и не только в плане содержательном, но и лингвометодическом. Однако до сих пор он остается, и не только среди учебников для русскоговорящих студентов, одним из полных, насыщенных учебными материалами пособий, особенно «Грамматика» и «Лексико-грамматические замечания», автором которых была Р.П. Усикова. Некоторые разделы в нем были разработаны и представлены впервые (правила чтения аббревиатур; специфика употребления глаголов *идвам* / *дойда*, *отивам* / *отида* при выражении сопровождения; глаголов *отивам* / *отида*, *тръгвам* / *тръгна* в сочетании с обстоятельствами времени; сочетаемость с обстоятельствами и семантика глаголов *вървя* – *ходя* – *отивам* – *идвам*; безлично-страдательные конструкции; употребление членной морфемы в приложениях типа *имя нарицательное* + *имя собственное* и др.).

Интересно, что в тяжелые 1990-е гг., когда в России еще не были написаны другие учебники по болгарскому языку, стали появляться его различные пиратские издания. Это было и простое сканирование учебника без внесения каких-либо изменений, и даже публикация под другим именем после некоторых манипуляций с содержанием (так сделал некий господин Н.К. Пейков из Чебоксарского университета, назвав себя «составителем»).

Кроме «Учебника» авторским коллективом, в который входила и Р.П. Усикова, была составлена и еще в 1978 г. выпущена в свет также издательством Московского университета «Книга для чтения по болгарскому языку». Учебное пособие печаталось по постановлению Редакционно-издательского совета Московского университета с целью развить у студентов навыки чтения и устной речи, расширить и углубить знание ими лексики, грамматики и синтаксиса болгарского языка, а также познакомить с Болгарией, ее природными условиями, государственным устройством, экономикой, крупнейшими городами, с некоторыми эпизодами истории и ее героями. Отбор текстов производился с учетом принадлежности к различным стилям современного литературного языка: общественно-политическому, научно-популярному, публицистическому, художественному [Карцева, Платонова, Усикова 1978: 3].

Каждый текст был снабжен комментариями, в которых объяснялись незнакомые студентам реалии, трудно переводимые с точки зрения грамматики выражения, идиомы. Затем предлагалась лексика для активного усвоения (с переводом на

русский язык), где были представлены: глагольное управление (с указанием видовых пар), предложные сочетания, слова и выражения (часто с синонимическими эквивалентами), термины. «Книга для чтения» была остро необходима, когда не был написан «Учебник», а после его выхода стала существенным дополнением в отношении лексики и грамматики, а особенно в страноведческом познавательном плане.

Кроме указанных трудов, Р.П. Усикова написала ряд статей и была редактором сборника по учебно-методической проблематике [Усикова 1987а; Усикова 1987б; Усикова, Шапкина 1988].

Р.П. Усикова руководила кафедрой в первые, непростые годы ее становления и лишь через 17 лет, оставив свой пост, вернулась на кафедру славянской филологии, чтобы сконцентрировать все силы на македонистике. К тому времени кафедра завоевала признание коллег, стала объединением профессионалов с немалым научным и методическим потенциалом. Преподавателями кафедры были написаны программы, учебники, учебные пособия, статьи по лингводидактике.

За 15 лет, перед уходом Р.П. Усиковой на кафедру славянской филологии, преподаватели кафедры обучили славянским языкам более 1000 студентов: по чешскому языку – более 300 человек, по польскому – около 300 человек, по болгарскому – около 250 человек и по сербохорватскому – примерно 150 человек, подготовили более 100 аспирантов и соискателей [Усикова 1987б: 94].

ЛИТЕРАТУРА

Гинина, Платонова, Усикова 1985 – *Гинина Ст., Платонова И.В., Усикова Р.П.* Учебник болгарского языка. М.: Изд-во МГУ, 1985. 440 с.

Карцева, Платонова, Усикова 1978 – *Карцева З.И., Платонова И.В., Усикова Р.П.* Книга для чтения по болгарскому языку. М.: Изд-во МГУ, 1978. 228 с.

Платонова, Усикова 2004 – *Платонова И.В., Усикова Р.П.* Программа по болгарскому языку для студентов исторического факультета (полный курс – 400 часов) // Программы по иностранным языкам для неязыковых факультетов МГУ им. М.В. Ломоносова / Под общ. ред. Л.В. Кулик. М., 2004. С. 107–111.

Усикова, Программа – *Усикова Р.П.* Программа по болгарскому языку для исторического факультета. Рукопись.

Усикова, Иванова 1986 – *Усикова Р.П., Иванова И.Е.* Программа по иностранному славянскому языку для исторического факультета. Болгарский язык. Сербохорватский язык. Рукопись.

Усикова 1987а – *Усикова Р.П.* К вопросу о лингвистических и методических основах практических учебников по славянским языкам (из опыта работы над «Учебником болгарского языка») // Лингводидактические исследования / Под ред. Ю.А. Карулина. М.: Изд-во МГУ, 1987. С. 136–144.

Усикова 1987б – *Усикова Р.П.* О деятельности межфакультетской кафедры славянских языков в МГУ // Вопросы историографии и истории зарубежных славянских народов. М.: Изд-во МГУ, 1987. С. 93–98.

Усикова, Шапкина 1988 – Теория и практика изучения славянских языков / Под ред. Р.П. Усиковой, О.Н. Шапкиной. М.: Изд-во МГУ, 1988. 88 с.

Усикова, Шанова, Поварницина, Верижникова 1997 – *Усикова Р.П., Шанова З.К., Поварницина М.А., Верижникова Е.В.* Македонско-русски речник. Македонско-русский словарь: В 3 т. / Ред. Р. Усикова. Скопје, 1997.

Т. I (А–М). 559 с.; Т. II (Н–П). 527 с.; Т. III (Р–Ш). 587 с.

Усикова, Шанова, Верижникова, Поварницина 2003 – *Усикова Р.П., Шанова З.К., Верижникова Е.В., Поварницина М.А.* Македонско-русский словарь / Под общ. ред. Р.П. Усиковой и Е.В. Верижниковой. М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2003, 848 с.

Усикова 2003 – *Усикова Р.П.* Грамматика македонского литературного языка. М.: Муравей, 2003, 376 с.

REFERENCES

Ginina St., Usikova R.P. (1985) A Textbook of the Bulgarian Language. Moscow. Moscow University Press. 440 p.

Kartseva Z.I., Platonova I.V., Usikova R.P. (1978) A Book for Reading in the Bulgarian Language. Moscow. Moscow University Press. 228 p.

Platonova I.V., Usikova R.P. (2004) Program of the Bulgarian Language for Students of the Faculty of History (full course – 400 hours) In: Programs of Foreign Languages for Non-Language Faculties of Lomonosov Moscow State University / Ed. L.V. Kulik. Moscow, pp. 107–111.

Usikova R.P. Program of the Bulgarian Language for the Faculty of History. Manuscript.

Usikova R.P., Ivanova I.E. Program on the Foreign Slavic Language for the Historical Faculty. Bulgarian Language. Serbo-Croatian Language. Manuscript.

Usikova 1987a – Usikova R.P. To the Problems of the Linguistic and Methodological Foundations of Practical Textbooks on Slavic Languages (From the Experience of Working on the “Textbook of the Bulgarian Language”) In: *Linguo-didactical Studies* / Ed. by Ya.A. Karulina. Moscow. Moscow University Press. 1987, pp. 136–144.

Usikova 1987b – Usikova R.P. On the Activities of the Inter-departmental Chair of Slavic languages at MSU. In: *Problems of Historiography and the History of Foreign Slavic Peoples*. Moscow. Moscow University Press. 1987, pp. 93–98.

Usikova, Shapkina 1988 – Theory and Practice of Studying Slavic Languages / R.P. Usikova, O.N. Shapkina (Eds.). Moscow. Moscow University Press. 1988. 88 p.

Usikova R.P., Shanova Z.K., Povarnicyna M.A., Verizhnikova E.V. (1997) Macedonian-Russian Dictionary: In 3 vols. / R. Usikova (Ed.). Skopje.

Vol. I (A–M). 559 p.; Vol. II (H–II). 527 p.; Vol. III (P–III). 587 p.

Usikova R.P., Shanova Z.K., Verizhnikova E.V., Povarnicyna M.A. (2003) Macedonian-Russian Dictionary / R.P. Usikova, E.V. Verizhnikova (Eds.). Moscow. Astrel Publ.; AST Publ. 848 p.

Usikova R.P. (2003) Grammar of the Macedonian Literary Language. Moscow. Muravej Publ. 376 p.

Сведения об авторе:

Ирина Вадимовна Платонова,
канд. филол. наук
доцент
факультета иностранных языков и
регионоведения
МГУ имени М.В. Ломоносова

Irina V. Platonova,
PhD
Assistant Professor
Faculty of Foreign Languages and Area Studies
Lomonosov Moscow State University
platonovamgu@mail.ru

Емилија Црвенковска (Скопје, Македонија)

Рина Павловна Ускова – Учител и Пријател

Emilia Crvenkovska (Skopje, Macedonia)

Rina Pavlovna Usikova – Teacher and Friend

Не случајно во насловот двете карактеристики на нашата славеничка се напишани со голема буква: зашто таа е Учител со големо У и пријател со големо П. Освен тоа таа е и научник, лексикограф, преведувач, интелектуалец, човек со огромно знаење, богат дух и голема харизма.

Рина Павловна Ускова ја запознав во Скопје, пред моето доаѓање за лектор по македонски јазик на Московскиот државен универзитет «Ломоносов» во учебната 1986–1987 год. На прв поглед бев исплашена од оваа авторитетна жена и за малку ќе се покаев што се пријавив да работам на Московскиот универзитет. Но, веднаш по доаѓањето во Москва во септември, кога таа и нејзиниот сопруг Чеслав Викентјевич ме пречекаа на Киевската железничка станица со китка цвеќе и ми помогнаа да се сместам во општежитието на Шаболовка, студениот впечаток почна да се стоплува. Таа како извонреден организатор и домаќин веднаш се погрижи да не се чувствувам осамено во оваа далечна земја, сред милионски град.

Веднаш почнаа работните активности и Рина Павловна ми побара план за работа за цел семестар. Сепак, бев млад асистент од Скопскиот универзитет без многу работно искуство. Но, исполнителна и подготвена да учам. Седнав и го сработив бараното, па почна меѓу нас да се развива и професионална блискост. Ми помагаше да сфатам дека пристапот во работа со странци треба да се разликува од оној на којшто бев навикната во работата со моите македонски студенти. Ме подучи да воведам и нови содржини освен граматичките, односно културолошки теми, како и текстови преку кои студентите поблиску ќе се запознаат со мојата земја. Ми предочи и колку е важно да се има еден понеформален однос со студентите и да се дружиме и во вонфакултетски услов, што не беше тешко со мојата мала и одбрана група од пет студенти кои потоа ми станаа и пријатели.

Толку околу првиот човечки впечаток.

Сега малку за Рина Павловна, научник и педагог. Знаејќи ја од порано нејзината научна работа почнав да се запознавам повеќе со нејзините трудови. И со почетоките на македонистиката на МГУ. Таа често со огромна почит и благодарност го споменуваше својот ментор С.Б. Бернштејн којшто ја упатил токму на македонистиката, па еднаш и ме испрати во Институтот за руски јазик на Кропоткинска да

слушам негово предавање на една конференција и да се уверам дека тој е навистина човек за восхит.

Рина Павловна за мене е научник и педагог со високи научни и етички вредности, што е пример за сите нас што учевме од неа. Нејзиниот придонес за македонистиката е повеќе пати истакнуван. Таа почнува да се занимава со македонскиот јазик уште при изработката на нејзината кандидатска дисертација «Морфология имени существительного и глагола в македонском литературном языке» (1965) одбранета под менторство на С.Б. Бернштејн. По повеќе децениски истражувања на македонскиот јазик од различни аспекти, таа ја одбранува и докторската дисертација на тема «Македонский литературный язык как предмет славистики и балканистики» во 2005.

Таа е автор на низа значајни трудови за македонскиот јазик, како граматика на македонскиот јазик: «Македонский язык. Грамматический очерк, тексты для чтения с комментариями и словарем» Скопје 1985 (второ дополнето издание: Скопје 2000); «Грамматика македонского литературного языка», Москва 2003 и др. Има објавено над 120 трудови во кои се обработуваат разни теми со македонска јазична проблематика. Во нејзините статии посветени на македонскиот јазик таа обработува проблеми поврзани со морфологијата на глаголот, за разни категории кај именските зборови, акцентот во македонскиот јазик, социолингвистички проблеми посветени на нормата, на јазичната ситуација, на етнојазичните и етнокултурните проблеми во македонскиот јазик и сл. потоа се осврнува на јазикот на низа значајни автори од македонскиот XIX (Пејчиновиќ, Мисирков) и XX век (Конески). Во низа трудови се осврнува на балканистичката проблематика, како и на контрастивни македонско-бугарски и македонско-руски сопоставувања.

Рина Усикова е и докажан лексикограф со капитални лексикографски изданија: «Македонско-руски речник. Македонско русский словарь», 1–3, Скопје 1998 (соавтори: З. Шанова, М. Поварницина, Е. Верижникова, ред. Р. Усикова). Потоа, во 2003 година, и во Москва излегува «Македонско русский словарь. Македонско-руски речник» од истата група автори под редакција на нашата славеничка. Преку овие изданија се покажува и организаторската способност на Рина Павловна да обедини екипа лексикографи и одлично да организира тимска работа.

Усикова е автор и на енциклопедиски одредници и поглавја за македонскиот јазик како: «Македонский язык» во «Славянские языки», Москва 1977; «Македонский язык» во «Основы славянского языкознания. Часть 2. Славянские языки», Санкт-Петербург 1998 и др.

Посебно треба да се истакне педагошката дејност на Р. Павловна Усикова. Благодарение на нејзините заложби и под нејзино раководство од 1975 на Филолошкиот факултет при Московскиот државен универзитет «Ломоносов» се отвораат специјалистички студии по македонски јазик и литература. Од оваа студиска група досега излегле над педесет дипломирани македонисти. Била ментор и на неколку аспиранти македонисти, а од нејзините студенти македонистиката потоа се прошири и на универзитетите во Воронеж и во Перм.

Дејноста на Рина Павловна треба да се гледа и како мост меѓу два јазика, меѓу две култури. Тука мислам и на нејзиниот влог во ширењето на рускиот јазик и култура во Македонија. Предаваше руски јазик на Филолошкиот факултет «Блаже Конески» во Скопје од 1992 до 1997 година, при што на генерации студенти им пренесуваше знења од рускиот јазик и култура. Овој престој го искористи и за низа значајни истражувања и учества на конференции, предавања и сл.

Рина Усикова ѝ приближи на руската читателска публика повеќе дела од македонски автори преку преводите на руски на: раскази од Ѓ. Абациев, Т. Момировски, С. Дракул, драми од Г. Стефановски, научни трудови од Б. Конески и од Б. Видоески и др. Таа е и автор на повеќе предговори кон изданија посветени на Македонија.

Поради исклучителните заслуги за македонистиката, Рина Павловна стана член на Македонската академија на науките и уметностите од 1979 година, почесен доктор на Универзитетот «Св. Кирил и Методиј» од 1996 година, а во 2007 година се здоби и со високото државно одликување Медал за заслуги за Република Македонија.

И сега уште малку за човечката димензија на нашето дружење. Има научници со кои можеш да зборуваш само за наука. Но има научници – луѓе од крв и месо, со душа, со огромна широчина и култура, познавање на многу области од литература, историја, фолклор, филм. И уште згора на тоа љубител на хедонистички уживања што ги споделувавме заедно, со нашите сопрузи и со други пријатели, те во Русија со боршч и руска вотка, прекрасните блини што ги прави таа со објаснување дека се јадат на Масленица и сета симболика што ја носат, до седенките што сме ги имале во Скопје и Охрид со охридска пастрмка, жолта ракија и македонското вино «Т'га за југ» кое Рина посебно го сака оти ја потсетува ем на Миладинов и на Охрид, ем на Македонија. И така, богати се спомените од едно трајно пријателство со драгата наша славеничка Рина Усикова.

Драга Рина Павловна, за многу години!

Сведения об авторе:

Емилија Црвенковска,
Доктор по филологија
Професор
Филолошки факултет «Блаже Конески»
Универзитет «Св. Кирил и Методиј»

Emilia Crvenkovska,
Doctor of Philology
Professor
Faculty of Philology “Blaze Koneski”
University “St. Cyril and Methodius”

**Библиография научных трудов
доктора филологических наук Рины Павловны Усиковой**

**Bibliography of Research Works by
Doctor of Philology Rina Pavlovna Usikova**

1. О настоящем времени глаголов совершенного вида в македонском литературном языке // Славянская филология / МГУ имени М.В. Ломоносова. Т. 4. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1963. С. 64–77.
2. Морфологическая классификация глаголов в македонском литературном языке // Вестник Московского университета. Серия 7, Филология, журналистика. 1964. № 5. С. 66–79.
3. Об ударении в современном македонском языке // Краткие сообщения Института славяноведения. Т. 41. Славянская и балтийская акцентология. М.: Наука, 1964. С. 27–39.
4. Классификация существительных и категория рода в македонском литературном языке // Македонски јазик. Год. XVI. Скопје, 1965.
5. О некоторых изменениях норм в македонском литературном языке // Краткие сообщения Института славяноведения. Т. 43. История славянских литературных языков. М.: Наука, 1965. С. 35–40.
6. Морфология существительного и глагола в современном македонском литературном языке: Посебни изданија / Инст. за македонски јазик «Крсте Мисирков». Кн. 5. Скопје: [б. и.], 1967. 97 с., 1 л. табл.
7. Памяти профессора А.М. Селищева // Вестник Московского университета. Серия 9, Филология. 1968. № 3. С. 94–95.
8. О залоговом значении причастия на -н/-т в македонском литературном языке // Исследования по славянскому языкознанию: Сб. в честь шестидесятилетия проф. С.Б. Бернштейна. М.: Наука, 1971. С. 286–292.
9. Значение и употребление причастий в македонском литературном языке // Балканское языкознание. М.: Наука, 1973. С. 257–282.
10. Из наблюдений над языком Кирилла Пейчиновича (Глагол в книге «Оутѣшеніе грѣшнымъ») // Славянская филология. Вып. 8. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1973.
11. К вопросу о системе модальных и темпоральных форм глагола в македонском языке / Македонска академија на науките и уметностите. Прилози. Год. V. № 1–2. Скопје, 1974.
12. Гость из Югославии // Вестник Московского университета. Серия 9, Филология. 1976. № 5.
13. [Рец.]Тополинська Зузана. «Грамматика на именската фраза во македонскиот литературен јазик» // Обществени науки за рубежом. Серия 6, Языкознание. 1976. № 3.
14. Македонский язык // Большая советская энциклопедия. Т. 15. 3-е изд. М.: Сов. энцикл., 1976.

15. Македонский язык // Славянские языки. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1977.
16. К вопросу о системе категорий глагола в македонском языке // Македонски јазик. Год. XXIX. Скопје, 1978.
17. Книга для чтения по болгарскому языку для гуманитарных факультетов: Учебное пособие. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978. В соавторстве с З.И. Карцевой, И.В. Платоновой.
18. Современный македонский язык для филологических факультетов госуниверситетов, специальность – славянские языки и литература: Программа курса. М.: Изд-во МГУ, 1978.
19. Македонский язык для филологических факультетов госуниверситетов, специальность – русский язык и литература. Программа курса. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978.
20. К вопросу о грамматических категориях глагола в македонском литературном языке (категория переходности / непереходности) // Македонски јазик. Год. XXIX. Скопје, 1979.
21. О характере переходности / непереходности глаголов в македонском языке // Славянская филология. Вып. XI. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979.
22. За системот на модално-темпоралните глаголски форми во јазикот на К.П. Мисирков // Зборник на трудови од V Научна дискусија во Охрид. Скопје, 1979. С. 95–103.
23. Допринос југословенских слависта решавању проблема глаголских категорија у македонском книжевном језику // Научни састанак слависта у Вукове дане. Београд: МСЦ, 1980.
24. За структурата на зборообразувачкото поле на агенсот во македонскиот јазик во споредба со рускиот // Македонски јазик. Год. XXXI. Скопје, 1981.
25. Способы передачи чужой речи в македонском литературном языке // Македонски јазик. Год. XXXII–XXXIII. Скопје, 1982.
26. Местото на формите со помошен глагол *има* и глаголските придавки во среден род на *-но/-то* во македонскиот глаголски систем // II Научна дискусија, Охрид, 19–21.08.1975. Скопје, 1983.
27. Местото на глаголските формации со повратниот елемент *се* во македонскиот јазик // Македонски јазик. Год. XXXV. Скопје, 1984.
28. Современный македонский язык для филологических факультетов госуниверситетов. Специальность 2003 – славянские языки и литература: Программа курса. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1985.
29. Македонский язык для филологических факультетов госуниверситетов. Специальность 2001 – русский язык и литература: Программа курса. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1985.
30. К вопросу о функционировании модально-темпоральных форм глагола при передаче чужой речи в балканославянских языках // Исследования по глаголу в славянских языках. Warszawa, 1985.
31. Македонский язык. Грамматический очерк, тексты для чтения с комментариями и словарем. Скопје: Македонска книга, 1985. 284 с.
32. Учебник болгарского языка / Под ред. Р.П. Усиковой. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1985. В соавторстве с С. Гининой, И.В. Платоновой.

33. К вопросу о функционировании глагольных времен при передаче чужой речи в балканославянских языках // Вопросы языка и литературы народов балканских стран. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1986.
34. О деятельности межфакультетской кафедры славянских языков // Вопросы историографии и истории зарубежных славянских языков. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987.
35. К вопросу о лингвистических и методических основах практических учебников по славянским языкам // Лингвистичко-дидактические исследования. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987.
36. Межфакультетской кафедре славянских языков – 15 лет // Славянская филология. Вып. 6. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1988.
В соавторстве с В.Н. Зенчук.
37. Македонистиката во Советскиот Сојуз // XIV Научна дискусија. Охрид, 1987. Скопје, 1988.
38. Кон проучувањето на словенскиот глагол од балканистички аспект // Пристапни предавања, прилози и библиографија на новите членови на МАНУ. (IX). Скопје, 1988.
39. Кон описот на модално-темпоралниот систем во балканословенските јазици од функционална гледна точка (врз материјалот од македонскиот литературен јазик) // Македонски јазик. Год. XXXVIII–XXXIX. Скопје, 1987–1988.
40. Этапы становления и развития македонского литературного языка // Теория и практика изучения славянских языков. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988.
41. К типологии глагола в балканославянских языках (функционирование граммы настоящего времени) // Материалы к VI Международному конгрессу по изучению стран Юго-восточной Европы. София 30.08.–6.09.1989. Лингвистика. М., 1989.
42. К вопросу о сопоставительном изучении функционирования модално-временной системы в славянских языках // Синхронно-сопоставительное изучение грамматического строя славянских языков. М., 1989.
43. Кон описот на модално-темпоралниот систем во македонскиот јазик од функционална гледна точка // XV Научна дискусија. Охрид, 15–18.08.1988. Скопје, 1989.
44. Исследования В.М. Иллича-Свитыча по македонскому языку. Македонско-русский словарь // Сравнительно-историческое языкознание на современном этапе. Памяти В.М. Иллича-Свитыча. М., 1990.
45. Македонский язык // Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В.Н. Ярцевой. М.: Сов. энцикл., 1990.
46. Состояние и проблемы македонской лексикографии // Вестник Московского университета. Серия 9, Филология. 1991. № 1.
47. Кон формирањето на функционалните стилови во македонскиот јазик и некои задачи на македонската лексикографија // XVII Научна дискусија. Охрид, 13–15.08.1990. Скопје, 1991.
48. Шеесет години плодна научна дејност (кон 60-годишнината на проф. д-р С.Б. Бернштејн) // Прилози на МАНУ. XVI, 2. Скопје, 1991.

49. Кон изразување на модалноста на веројатност во македонскиот литературен јазик // VIII Научна дискусија. Охрид, 12–14.08.1991. Скопје, 1992.
50. Обид за функционално-семантичката карактеристика на изразните средства за модалноста на веродостојност во македонскиот јазик контрастивно со рускиот // Прилози на МАНУ. XVI, 1. Скопје, 1992.
51. Способы выражения модальности достоверности в македонском языке сопоставительно с русским // Актуальные проблемы славянской филологии (материалы научной конференции). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1993. Тезисы.
52. Контрастивен анализ на рускиот и македонскиот јазик: Учебна програма за филологичкиот факултет на Универзитетот во Скопје // Учебен план и програми на учебните предмети на филолошкиот факултет. Скопје, 1993.
53. Функционирање на грамемата на настоящето време во македонскиот јазик сопоставително со рускиот и македонскиот // Исследования по глаголу в славянских языках. Типология и сопоставление. Warszawa; М., 1993.
54. О јазиковата ситуација во Република Македонија // Јазик. Етнос. Култура. М.: Наука, 1994.
55. Towards a Comparative Analysis of the Balkan Slavic Languages: Macedonian and Bulgarian Languages // Balkan Forum. Vol. 3. № 1(10). Skopje, 1995.
56. Замечания о значении и функционирования аориста в македонском литературном языке // Македонски јазик. Год. XL–XLI. Скопје, 1995.
57. Забелешки по повод функционалните стилови во современиот македонски јазик // Крсте Мисирков. Симпозиум. Скопје, 1993; Скопје: Институт за македонски јазик «Крсте Мисирков», 1996.
58. Кон контрастивното изучување на балканословенските јазици: македонски и бугарски // Јазиците на почвата на Македонија. Кн. 3. Скопје: МАНУ, 1996.
59. Руски јазик за сите (курс за напреднати). Русский язык для всех (курс для продвинутого этапа): Учебное пособие. Скопје, 1996. В соавторстве с Т. Попспировой и Р. Тасевской.
60. Кон контрастивното изучување на балканословенските јазици: македонски и бугарски // Јазиците на почвата на Македонија. Скопје: МАНУ, 1996.
61. Македонско-руски речник. Македонско-русский словарь / Под ред. Р. Усиковой. Скопје, 1997.
Т. I: А–М. 569 с.; Т. II: Н–П. 527 с.; Т. III: Р–Ш, 589 с.
Соавторы: Е. Верижникова, З. Шанова, М. Поварница.
62. Кон модификациските значења на глаголските префикси во македонскиот јазик контрастивно со рускиот // XXII Научна дискусија. Охрид, 1995. Скопје, 1997.
63. Забелешки кон значењата на некои модални глаголи во македонскиот јазик контрастивно со рускиот // Научен зборник во чест на проф. д-р Рада Угринова-Скаловска. Скопје, 1997.
64. Концепирање на одразувањето на лексиката во Македонско-рускиот речник // Македонско-руски јазични, литературни и културни врски (Материјали од I научна славистичка руско-македонска конференција, август 1995). Скопје, 1998.
В соавторстве с Е. Верижниковой и Р. Тасевской.

65. Кон развојот на македонскиот јазик со оглед на јазичната ситуација во Македонија // 50 години на македонската наука за јазикот. Скопје: МАНУ, 1997.
66. К.П. Мисирков и руската славистика во XX век за македонскиот јазик (Од историјата на науката) // Македонското научно-литературно другарство и неговиот континуитет до основањето на Македонската академија на науките и уметностите (Прилози од научниот собир). Скопје, 1997.
67. Кон типологијата на македонскиот литературен (стандарден) јазик // Науката и културата за заедничка иднина на Југоисточна Европа. Скопје, 1998.
68. Языковая ситуация в Македонии и современное состояние македонского языка // Славяноведение. 1997. № 2.
69. Македонский язык // Основы балканского языкознания. Часть 2. Славянские языки. СПб.: Наука, 1998.
70. *Балканскост* современного македонского языка // В поисках балканского на Балканах. Балканские чтения-5. М., 1999.
71. Языковая ситуация в Македонии и явления языковой интерференции и диглоссии // Македонский язык, литература и культура в славянском и балканском контексте: Сборник материалов международной российско-македонской научной конференции. (Москва, 15–16 сентября 1998 г.). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1999.
72. К пятидесятилетию выхода в свет первой научной статьи о македонском литературном языке // Македония: проблемы истории и культуры. М.: Институт славяноведения РАН, 1999.
73. Структурные и функциональные изменения в коммуникативном статусе македонского литературного языка // Совещание-семинар преподавателей славянских языков. Информационные материалы и тезисы к докладам. М., 1999.
74. Кон значењата и функционирањето на имперфектот во македонскиот литературен јазик // Придонесот на Блаже Конески за македонската култура. Скопје, 1999.
75. Размислувања околу изборот на лексичкиот материјал и неговата лексиколошка, граматичка и лексикографска обработка во толковниот речник на македонскиот јазик // XXV Научна дискусија на XXXI Меѓународен семинар за македонски јазик, литература и култура. Скопје, 1999.
76. [Рец.] Б. Видоеский. Диалекты македонского языка. Т. I. Скопје, 1998 // Славяноведение. 1999. № 5.
77. ‘Балканско’ во современиот македонски јазик // XXVI Научна дискусија на XXXII Меѓународен семинар за македонски јазик, литература и култура. Скопје, 2000.
78. Кон “балканскоста” на современиот македонски јазик // Македонски јазик. Год. XLVIII–L. 1997–1999. Скопје, 2000.
79. Сеќавање. Академик Самуил Борисович Бернштејн (1911–1997) // Македонски јазик. Год. XLVIII–L. 1997–1999. Скопје, 2000.
80. Прилог кон синтаксичките проучувања на македонскиот јазик // Македонски јазик. Год. XLVIII–L. 1997–1999. Скопје, 2000.

81. Кон модално-темпоралниот систем на глаголот во современiot македонски јазик // XXVII Научна конференција на XXXIII Меѓународен семинар за македонски јазик, литература и култура. Скопје, 2001.
82. К вопросу о сопоставительном изучении близкородственных славянских языков: македонский и болгарский // Исследование славянских языков в русле сравнительно-исторического и сопоставительного языкознания. М., 2001.
Тезисы докладов международной конференции.
83. С.Б. Бернштейн и развитие македонистики в нашей стране // Филологический сборник памяти профессора С.Б. Бернштейна: К пятилетию со дня кончины. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2002.
84. Основной славянский язык. Македонский язык // Программы общих и теоретических курсов для студентов славянского отделения. Македонистика. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2002.
85. История македонского языка // Программы общих и теоретических курсов для студентов славянского отделения. Македонистика. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2002.
86. Ориентальные влияния в Республике Македонии // Балканские чтения-7. В поисках «ориентального» на Балканах. Античность. Средневековье. Новое время: Тезисы и материалы. 24–26 марта 2003. М., 2003.
87. Некоторые сопоставления типологии македонского и русского литературных языков в аспекте историко-литературно-языковых ситуаций // Исследование славянских языков и литератур в высшей школе: достижения и перспективы: Информационные материалы и тезисы докладов международной научной конференции 21–22 октября 2003. М., 2003.
88. [Рец.] Б. Видоески. Дијалектите на македонскиот јазик. Скопје 1998. Т. 1. 365 с. Скопје, 1999. Т. 2. 250 с.; Т. 3. 263 с. // Общеславянский лингвистический атлас: Материалы и исследования. 1997–2000. Сборник научных трудов. М., 2003.
89. Связь между типологией македонского литературного языка и его интенсивным развитием (1945–2004) // Материалы научных чтений памяти заслуженных профессоров МГУ Р.Р. Кузнецовой и А.Г. Широковой / Под. ред. В.Ф. Васильевой и А.Г. Машковой. М.: МАКС Пресс, 2004.
90. Из истории македонского литературного языка (типология литературного языка К.П. Мисиркова) // Славянский вестник. 2000. Вып. 2.
91. Балканский менталитет и функционирование македонского литературного языка // Доклады российских ученых. IX конгресс по изучению стран Юго-Восточной Европы (Тирана, 30.08–03.09.2004). СПб.: Наука, 2004.
92. Балканский менталитет и функционирование мак. лит. языка // IX congrès international d'études du Sud-Est Européennes. Tirana, 30.08–03.09. 2004.
Тезисы.
93. В.М. Иллич-Свитыч и македонско-русская лексикография конца XX – нач. XXI в. // Славяноведение. 2005. № 6.
94. Капитално научно дело за стилистиката на современiot македонски јазик // Македонски јазик. Год. LIV–LV. Скопје, 2003–2004.
Рецензия на кн.: *Минова-Ѓуркова Лилјана*. Стилистика на современiot македонски јазик. Скопје, 2003. 350 с.

95. Македонский язык // Языки мира. Славянские языки / РАН. Институт языкознания; ред. колл.: А.М. Молдован, С.С. Скорвид, А.А. Кибрик и др. М.: Academia, 2005.
96. Типологические характеристики македонского литературного языка // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 30. М.: МАКС Пресс, 2005.
97. Кон типолошките карактеристики на македонскиот јазик, кодифициран од Крсте П. Мисирков // Делото на Крсте Мисирков. Зборник од Меѓународен собир по повод стогодишнината од излегувањето на книгата *За македонските работи*. Скопје, 27–29 ноември 2003 година. Т. II. Скопје, 2005.
98. Этноязыковые и этнокультурные проблемы в македонском языке // Глобализация – этнизация: этнокультурные и этноязыковые процессы: В 2 кн. Кн. 2. М.: Наука, 2006.
99. Предисловие // Македония глазами россиян. М.: Рудомино.
100. Македонските *да*-конструкции и нивните руски еквиваленти // Руско-македонски јазични, литературни и културни врски. 3. (Материјали од Третата македонско-руска научна славистичка конференција, Охрид, 2001 год.). Скопје, 2006. С. 83–90.
101. Связи македонского языка с другими балканскими языками (лингвистический и социолингвистический аспекты) // Балканские чтения-9. К юбилею Т.В. Цивьян, 6 февраля 2007. М., 2007.
102. Руската наука за македонскиот јазик пред неговата кодификација // Меѓународен научен собир «За откривањето и проучувањето на Македонија во европската наука до формирањето на македонски државни институции», МАНУ 40 години 1967–2007. Скопје, 29–30 октомври 2007 година. Скопје, 2007.
103. Современный македонский литературный язык как предмет славяноведения и балканистики. М., 2005. 3,5 а.л.
Текст научного доклада, представленного к защите на соискание ученой степени доктора филологических наук.
104. Формирование терминологической лексики в истории современного литературного македонского языка // Пуристические тенденции в истории славянских литературных языков: Сборник тезисов. М.: Институт славяноведения РАН, 2005. С. 6–8.
105. Современный литературный македонский язык как предмет славяноведения и балканистики. Современниот литературен македонски јазик како предмет на славистиката и на балканистиката. Скопје: Филолошки факултет «Блаже Конески», 2008.
106. Выражение субъективной модальности в македонском литературном языке в сопоставлении в болгарским и русским // Славянское языкознание. XIV съезд славистов. (Охрид, 10–16 сентября 2008 г.): Доклады российской делегации. М.: Индрик, 2008. С. 500–517.
107. Исследование по истории славянского вокализма // Карпато-балканский диалектный ландшафт: язык и культура. Памяти Галины Петровны Клепиковой. М.: Институт славяноведения РАН, 2008.
Рецензия.
108. 2008 г. – год македонского языка // Вестник Московского университета. Сер. 9, Филология. 2008. № 6. С. 231–232.
109. Македонскиот литературен јазик и 2008 година // Меѓународен македонистички собир. Охрид, 2008 г. Скопје: Филолошки факултет «Блаже Конески», 2010. С. 536–537.

110. Кон 65-годишнината на литературниот македонски јазик // Зборник во чест на проф. д-р Лилјана Минова-Гуркова по повод 70 години од раѓањето. Скопје, 2009. С. 319–325.
111. Роль форм перфекта типа *сум + л-форма* в модально-темпоральной системе македонского и болгарского языков // Славянские языки и культуры в современном мире: Международный научный симпозиум. (Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, филологический факультет, 24–26 марта 2009 г.): Труды и материалы. М.: МАКС Пресс, 2009. С. 89–90.
112. Об учебниках по славянским языкам // Славянские языки и культуры в современном мире: Международный научный симпозиум (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, филологический факультет, 24–26 марта 2009 г.): Труды и материалы. М.: МАКС Пресс, 2009. С. 349.
В соавторстве с И.В. Платоновой.
113. Македонский язык // Большая Российская энциклопедия: В 30 т. Т. 18: Ломоносов – Манизер. М.: Большая Российская энциклопедия, 2011. С. 536–537.
114. О развитии македонистики в России // Современная славистика и научное наследие С.Б. Бернштейна: Сборник статей. М.: Институт славяноведения РАН, 2011. С. 17–19.
115. Об изучении славянских языков в российских университетах // Славистички студии. Скопје, 2011. С. 385–391.
В соавторстве с И.В. Платоновой
116. Улогата на Блаже Конески во создавањето на литературниот македонски јазик и на македонската национална култура // Блаже Конески и македонскиот јазик, литература и култура: меѓународен научен симпозиум (15–16 декември 2011 година – Скопје). Скопје: Филолошки факултет «Блаже Конески», 2012. С. 49–54.
117. Языковая ситуация и языковая политика в Республике Македонии // Славянские языки и культуры в современном мире: II Международный симпозиум (Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, филологический факультет, 21–24 марта 2012 г.): Труды и материалы. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2012. С. 380.
118. О кафедре славянских языков (к ее сорокалетию) // Языки и культуры славянских народов: научный юбилейный сборник кафедры славянских языков и культур / МГУ имени М.В. Ломоносова, факультет иностранных языков и регионоведения. М.: Центр оперативной печати. 2013. С. 9–10.
119. Об истоках кафедры славянских языков и культур (из воспоминаний основателя кафедры Р.П. Усиковой) // Языки и культуры славянских народов: Научный юбилейный сборник кафедры славянских языков и культур / МГУ имени М.В. Ломоносова, факультет иностранных языков и регионоведения. М., 2013. С. 9–10.
120. Сопоставление литературных южнославянских балканских языков – болгарского и македонского // Stephanos. 2014. № 6(8). С. 10–41.
121. Јазичната ситуација и јазичната политика во Република Македонија // Руско-македонски јазични, литературни и културни врски. V. Скопје: Филолошки факултет «Блаже Конески», 2014. С. 325–330.
122. Сопоставление литературных южнославянских балканских языков – болгарского и македонского. Warszawa, 2016.

123. Лингвистические и социолингвистические связи между македонским и другими славянскими балканскими языками // Язык. Сознание. Коммуникация. Вып. 55: Сборник научных статей к юбилею профессора Н.Е. Ананьевой. М.: МАКС Пресс. 2017. С. 306–313.

124. Македонский язык // Языки мира: Славянские языки / РАН. Институт языкознания; ред. колл.: А.М. Молдован, С.С. Скорвид, А.А. Кибрик и др. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Нестор-История, 2017.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПЕРЕВОДЫ

Талый снег: Рассказы македонских писателей. М.: Художественная литература, 1965. 351 с. Яневский Славко, Мартиновский Ц., Бошковский Й.

Современная югославская новелла. М.: Прогресс, 1965.

Абаджиев Георгий. Табакерка; Бошковский Йован. Белые снежные островки (пер. с макед.).

Пустыня. И боль и гнев. Серебряные снега: Антология / Сост. А. Романенко. М.: Прогресс, 1981. (Библиотека югославской литературы.)

Абаджиев Георгий. Пустыня.

Стефановски Горан. Полет на месте и другие пьесы. М.: Радуга, 1987.

Дикое мясо.

Н.В. Боронникова (Пермь, Россия)

«Что к сердцу ближе?», или Об антропоцентризме в македонском дейксисе

Аннотация: В статье рассматриваются способы маркирования наименований тела при помощи дейктических показателей в македонском языке. Как показывает материал, грамматические показатели (артикли и местоимения) являются наиболее «прозрачным» способом маркировки степени близости той или иной категории к центру «внутреннего» пространства человека.

Ключевые слова: антропоцентризм, внутреннее и внешнее пространство, дейксис, македонский язык

Nataliya Boronnikova (Perm, Russia)

“What’s Closer to the Heart?”, or On Anthropocentrism in the Macedonian Deixis

Abstract: The article comprises methods of marking body names with the help of deictic indicators in the Macedonian language. The grammatical markers (articles and pronouns) are the most “transparent” ways of marking how close one or another category to the center of the “internal” human space.

Key words: anthropocentrism, internal and external space, deixis, Macedonian language

Во многих языковых системах «человек как центр макро- и микрокосмоса» [Гак 2000] организует вокруг себя пространство. Ориентация на субъективное восприятие действительности в языке называется антропоцентрической, эгоцентрической, или относительной [Levinson 2003]. В работе мы рассмотрим номинации человеческого тела в дейктической перспективе на материале македонского языка, в котором представлена троичная система дейктических показателей (-в, -н, -т), противопоставленная по местоположению предмета относительно говорящего: -в указывает на проксимальность, -т – на медиальность, -н – на дистальность. Подробнее об этой системе см. [Усикова 2003; Sonnenhauser]. Предположительно все, что относится к человеческому телу, должно маркироваться с помощью показателя проксимальности. Однако в языке возникают и другие возможности для обозначения «телесных» номинаций, с чем это связано – попытаемся определить в этом небольшом тексте.

Как известно, при антропоцентрической ориентации человека в пространстве в качестве прототипической схемы используются координаты его собственного тела. Так, на рисунке 1 изображен стоящий человек, фронтально расчлененный на две вертикальные плоскости (линия 1): переднюю и заднюю. Передняя часть тела, прежде всего лицо и его составляющие (*глаза, нос*), является основой ориентации. Ориентиром также может быть задняя поверхность тела человека (*за спиной, сзади*). Другой ориентир – это боковые поверхности тела (2 линия), задающие деление на правую и левую части (*по левую руку, по правую руку; слева, справа*). Деле-

Рис 1.
Антропоцентрическая
система координат

ние на верхнюю (голова, плечи, грудь) и нижнюю части (*ягодицы, бедра, ноги*) обусловлено горизонтальным членением тела, центр членения, как правило, проходит на уровне поясицы, талии (линия 3).

Ориентация *верх – низ* обусловлена направлением воздействия силы гравитации, она свойственна любому предмету [Fillmore 1975: 238]. Деление на переднюю и заднюю части определяется направлением движения. Что касается правой и левой ориентации, то она возможна только в том случае, если объект обладает первыми двумя членениями.

Рассматривая особенности антропоцентрической системы, Г. Дойчер отмечает, что «она кажется проще и естественнее в обращении, чем, например, геоцентрическая, потому что мы всегда знаем, где “вперед” и “назад”, “налево” и “направо”. Нам не нужна карта или компас, чтобы это выяснить, нам не надо смотреть на солнце или Полярную звезду, мы это просто чувствуем, потому что эгоцентрическая система координат основана на нашем собственном теле и нашем непосредственном поле зрения. Ось *вперед – назад* идет прямо

между наших двух глаз: это длинная воображаемая линия, которая идет прямо от нашего носа к горизонту и поворачивается вместе с нашим носом и глазами, куда бы и когда бы они ни повернулись. И так же ось *лево – право*, проходящая через наши плечи, всегда услужливо подлаживается под наше положение» [Дойчер 2010: 115].

Когда говорящий определяет положение предметов относительно собственного тела, он мыслит себя включенным в определенное пространство. Область, в которой он находится, в языке описывается как конечная и имеющая определенную структуру: линии имеют начало и конец, поверхность обладает краями, трехмерное пространство – углами, серединой и т. п. [Fillmore 1975: 237]. Определяя местоположение объекта, человек показывает, как контактирует данный объект с ним или с другими предметами в этой области.

Кроме того, при описании положения объекта используется понятие относительной дистанции. В качестве ориентира может выступать сам говорящий, предмет может располагаться близко или далеко по отношению к нему. Ориентиром может стать и любой другой произвольно выбранный объект.

Как мы уже видели на рисунке 1, исходным положением человека является положение стоя. Ориентация осуществляется по горизонтальным, вертикальным, боковым линиям и привычному направлению движения. Согласно анатомическо-

му строению центром тела человека считается точка опоры позвоночника относительно вертикальной плоскости положения тела в пространстве, что вызвано прямохождением и устройством позвоночника.

Субъект представляет себя как некий целостный организм. Все, что находится внутри, – это внутреннее пространство самого тела. Границей при этом являются кожные покровы, отделяющие это внутреннее пространство от внешнего мира. Лексема ‘кожа’ употребляется в нижеследующем примере с показателем проксимальности -в, который указывает на принадлежность субъекту речи:

(1) Полека ми се вовлече под **кожава**, во моите мисли и соништа. Неприметно, завладеа со моето срце, со мојата душа, со моето тело. И не ми е жал, зашто те сакам најповеќе (www.smsporaki.com) – ‘Ты потихоньку проник мне под кожу, в мои мысли и в мои мечты. Незаметно завладел моим сердцем, душой, телом. Но мне нисколько не жаль, потому что я люблю тебя больше всего на свете’.

Внутри этого «телесного пространства» происходит особая духовная жизнь. Человек полагает, что «эмоциональный» центр тела находится в районе сердца, источника боли, чувств, переживаний, что отражается и в фразеологических выражениях (*му влезе во срцето* ‘проник в его сердце’, *од длабочината на срцето* ‘из глубины сердца’; *му го отвори срцето* ‘открыть ему сердце’; *даде и срце и душа* ‘букв. отдать и сердце, и душу’; *срце да го (ја) изеде* ‘разбить ему (ей) сердце’), и в примерах из текстов:

(2) Како да ти кажам, а да не сфатиш погрешно?! Како да ти објаснам дека во **срцево** корен си фатил, како пиреј растиш во мене – колку и да те корнам ти пак во мене остануваш. И не веруваш, се колнам во овој еден живот, ти пак не веруваш. Мислиш те лажам, мислиш си само настинка, ама не си бе. Ти си нешто неизлечливо, нешто вечно, нешто што и цел живот да се трудам да ти го објаснам, ти пак нема да го сфатиш. Оти тешко е. И јас не знам некогаш како да го опишам, како да се однесувам, како да го следам. Велам **срцево** ќе го следам, а тоа пак ме носи кај тебе. Велам ќе избегам, но ти секогаш стоиш пред мене и кога не си, твојот лик ми е пред очи. И не знам што да ти кажам повеќе, не знам како да ти објаснам. Јас секогаш сум наоѓала зборови за се, сега останав без ниту еден. Ама ти пак не веруваш, бе човече. Не веруваш дека **срцево** чука само покрај тебе, **беливе дробови** се полни само кога ти си до мене, **очиве** ми се отворени само кога тебе те гледаат. Велиш се гледам, освен тебе ! Како бе, кога секое утро кога ќе те видам ми иде да плачам од среќа што те гледам, што и да не се разбудам нема да жалам оти тебе последно сум те видела со **очиве**. Ама ти не веруваш, бе. За инает не веруваш знам. И јас за инает цел живот ќе ти објаснувам дека те сакам повеќе и од себе. За цел свет сум онаа, но за тебе ќе бидам твоја. За инает. И тогаш кога **срцево** како стар камен ќе распакуа и тогаш за инает ќе ти кажам дека те сакам, а ти за инает не верувај. Оти од ист крој сме скроени. Оти како во нас да тече иста крв. Оти знам дека и ти си инает, како што сум јас. Ете затоа и те сакам. Оти никој не успеал да ме смири како ти! (www.facebook.com/beleskitenathalia/posts/1040288896081467:0) – ‘И как же сказать тебе, чтобы ты правильно меня понял? Как же объяснить тебе, что ты в сердце моем укоренился, словно пырей, растешь в нем – сколько бы ни выдирала, опять прорастаешь. И не веришь, сколько бы ни клялась своей жизнью, все равно не веришь. Ты думаешь, что я тебя обманываю, что это просто легкий недуг, наподобие простуды, но это не так. Ты – болезнь неизлечимая, вечная, такая, что, потрать я на объяснения всю свою жизнь, ты все равно не поймешь. Потому-то

и тяжело. И я не знаю, как описать это чувство, как вести себя, что делать. Если зову сердца следовать, то оно опять меня к тебе приведет. Бежать – но твой образ всегда передо мной, и когда нет тебя со мною рядом – я образ твой вижу. Не знаю, что еще тебе сказать, не знаю, как объяснить. Я всегда находила слова для всего, а сейчас растеряла. А ты все равно не веришь. Не веришь, что сердце мое стучит только тогда, когда ты со мной; легкие наполняются воздухом, если ты рядом; глаза открываются, если тебя видят. Ты говоришь, что я все вижу, кроме тебя. Ну как же, если каждое утро, как только посмотрю на тебя, глаза мои наполняются слезами от счастья, что я вижу тебя, и даже если не проснусь, жалеть не буду, потому что последнее, что я видела, – это ты. А ты не веришь! Это от упрямства, я знаю. Но и я упрямо всю жизнь буду тебе объяснять, что я люблю тебя больше, чем себя. Для всего мира я одна, а для тебя буду твоей. Из упрямства. И когда сердце мое, словно старый камень, раскрошится, я все равно упрямо буду говорить, что люблю тебя, а ты не верь. Потому что мы одного поля ягоды. Словно одна кровь течет в нас. И я знаю, что ты такой же упрямый, как и я. Потому-то и люблю. И только ты один можешь меня умирить’

(3) Стварно не знам што ми стана во последно време. Почнав да плачам и на реклами. Особено ме растреперуваат оние за пелени, за коли... и за гуми. Па уште ако во нив има бебешко стапалце, дланка, или среќна фамилија како се возат со насмеани детски лица во колата, неочекувано ми се собира брадата, ми се затресува **срценцево**, ми се запотуваат рацете и **ми** заигрува **душата** (www.teamoderna.com.mk/index.php/kolumna-ivana/2191-placka) – ‘Я даже и не знаю, что происходит со мной в последнее время. Начала плакать над рекламой. Особенно меня волнует та, где показывают памперсы, коляски, колесики... А если в ней еще показывают детские ножки, ручки или счастливые семейства, везущие улыбающихся детей в машине, у меня начинается дрожать подбородок, сердце колотится, руки становятся мокрыми, душа сжимается...’

Другой «центр» переживаний человек обозначает таким абстрактным понятием, как «душа». Именно душа отвечает за наши внутренние ощущения и переживания, она, как и сердце, может болеть, страдать, любить, ср.: *Големо беше Мајчиното срце, широка беше Татковата душа* – ‘Большим было материнское сердце, широкой – отцовская душа’ (Луан Старова. Атеистички музеј. 1997):

(4) Не би ја дала **душава** / на оној кој ја сака, / туку, еве / ти ја давам ТЕБЕ! (www.crnobelo.com/zabava/interesno/35457-ne-bi-ja-dala-dusava-na-onoj-koj-ja-saka-tuku-eve-ti-ja-davam-tebe) – ‘Никому бы души своей не отдала [кто бы ни пожелал ее], а тебе отдаю’

Интеллектуальной составляющей личности руководит мозг, он координирует действия человека во внешнем мире:

(5) Низ **мозоков** ми пролетаа неколку експресни прашања, кои, ако му ги поставев муабетот ќе се претвореше во сериозна расправа, можеби и кавга (dokazmk.info/za-vikend-ne-smeete-da-se-razbolite-inaku-vi-naplakaat-privatno-bez-fondovi-vo-neuromedika) – ‘В голове у меня возникли весьма экспрессивные вопросы, которые, если бы я начала с ним разговор, могли бы перерасти в серьезную дискуссию, а может быть, и в ссору’

Жизненно важным центром является живот – чрево, утроба – дающее жизненные силы, начало новой жизни, сжимающееся в предчувствии опасности:

(6) Јас и плодот во **утробава** моја, чеда сме на гревот по природа (docslide.net).
'Я и плод в утробе моей – дети греха по своей природе'

При ориентации во внешнем пространстве значимость приобретает лицо человека, и прежде всего органы чувств: глаза, нос, рот. Эти органы задают человеку переднюю зону пространства и направление движения вперед. Вперед – это туда, куда направлен взгляд. По мнению В.А. Плунгяна, направление 'вперед' является базовым в классе «антропоцентрических» ориентиров [Плунгян 2011: 340]:

(7) Ќе гледам во небото, во свездите, ќе барам знаци, претсказанија. Свездите гледаат во мене, треперат како и **очиве** мои (Андреевски П. Пиреј) – 'Гляну на небо, на звезды, ищу знаки, предсказания. Звезды смотрят на меня, мерцают, как и глаза мои'

(8) Далеку си од **очиве**, но од **срцево** не си. Она што ми недостига знај само си ти (www.smsporaki.com/makedonski-sms-poraki/ljubovni-sms-poraki/319-daleku-si-od-ocive.html) – 'Далеко ты от глаз, но не от сердца. Знай, ты именно то, чего мне не хватает'

Ориентация назад – это движение по уже пройденному пути, в обратном направлении [Плунгян 2011: 340]. Здесь особую значимость приобретает понятие «спина». Интересно, что то, что находится позади, за спиной, вне поля зрения, в сознании говорящего может быть отмечено как удаленное (**грбон**):

(9) Вчера оноа Кардио го играв, колку е заморно, срце ми лупаше 200 на саат после. Се изнапотив, **грбон** жива вода. Пред ова го вежбав Sculp & Tone, ама ова позаморно бе. Така да по моја логика, Кардио за слабеење, Sculp & Tone за затегнување (forum.femina.mk/threads/Зумба.3724/page-18) – 'Вчера у меня была кардиотренировка, настолько утомительная, сердце потом билось 200 ударов в минуту (зд. в час). Так вспотела, что спина (показатель дистальности) мокрая была. А перед эти занималась Sculp & Tone, так это утомительнее было. Как я понимаю, Кардио – это для похудения, Sculp & Tone – для набора мышечной массы'

При ориентации *вверх – вниз* особое значение имеет противопоставление головы и ног (пяток) (см. фразеологизм: *кој нема во главата, има во нозете*, ср. рус. 'Дурная голова ногам покоя не дает'). Контексты употребления номинаций показывают нам возможность их использования как с показателями проксимальности, так и с показателями дистальности, ср.:

(10) Секакви мисли ми се вртат во главава:)))¹ – 'Разные мысли роятся у меня в голове' (www.facebook.com/permalink.php?id=133706423351112&story_fbid=268421626572348).

Лексема 'голова' используется в двух значениях: 'мозг, внутренний организатор жизни человека', 'верхняя часть туловища человека'.

(11) Ср.: **Мозоков** си направил моќна хидраулична дигалка за автомобил само од 5 обични шприцови (www.motika.com.mk/mozokov-si-napravil-mokna-hidraulichna-digalka-za-avtomobil-samo-od-5-obichni-shpricovi/) – 'Мой мозг изобрел мощный гидравлический подъемник для автомобиля всего из пяти обычных шприцев'

¹ Здесь и далее в примерах сохраняются невербальные символы, используемые авторами для передачи эмоций.

(12) Што ме боли **главава**, ле, / **главава** ме боли (www.youtube.com/watch?v=-Q5_xR7SCJA) – ‘Ой, как же болит у меня голова, как болиит’

(13) Одг: На пиво... Порака од: zeroSignal на Септември 03, 2012, 09:44:43. Ја доаѓам, 19:00. Ама, ќе пијам кафе. Уште болит **главана** од вчера (forum.carclub.mk) – ‘Ответ по теме “Пойдем пить пиво”. Я приду, в 19.00. Но буду пить только кофе. Голова со вчерашнего все еще болит’

В ситуации (13) головная боль настолько истязает говорящего, что он воспринимает голову как «объект отчуждаемой собственности», в данном случае следует также обратить внимание на время протекания ситуации, приведшей к головной боли, что объясняет использование показателя дистальности.

«Ближе» человеку оказывается все-таки верхняя часть тела, что обусловлено привычным направлением взгляда – *сверху – вниз*:

(14) Кој нема во **главата** има во **петицине** (Forum.femina.mk > Кафе-муабети). ‘Дурная голова ногам (зд. пяткам) покоя не дает’

В качестве боковых ориентиров человек использует руки, ноги и уши. И здесь противопоставляются правая и левая стороны. Для антропоцентрической ориентации признак *правый – левый*, как показывают примеры, оказывается нерелевантным. Так, в дискуссии правшей и левшей на форуме обе руки обозначаются либо с помощью показателей проксимальности, либо медиальности. Несмотря на то что ведущей является одна из рук, обе маркируются показателем проксимальности:

(15) – Десничар сум, **левава** ми служи за украс на телово, колку да ја има 🙄 – ‘Я правша, левую использую только как украшение для тела, поскольку она есть у меня’

– Десничар! со **левава рака** сум како саката ништо не можам да направам, а иначе многу ми се интересни леваците! 🙄 – ‘Я правша!левой рукой ничего не могу делать, словно увечная, а левши мне очень интересны’

– Левучар и не ни пробувам да се одвикнам од тоа 🙄 Нити пак ме терале - само еднаш добив закана од една страшна учителка дека ако не научам да пишувам со десна нема да поминам второ одделение 🙄 Ух колку се плашев тогаш 🙄 Инаку **левава** рака многу проблеми ми правеше – и требаше долго време на мама да ме научи да отварам и затворам чешма (кога ги има оние за топло и ладно) јас наместо да отварам – затворах и обратно 🙄 – ‘Я левша, и даже не пытаюсь переучиться. И меня никто не заставлял, только одна страшная учительница пугала тем, что не переведет меня во второй класс, если я не научусь писать правой. Как же я боялся тогда! А вообще левая рука много проблем мне создавала, я очень долго не мог понять маму, когда она учила меня открывать и закрывать краны (тогда были отдельные для холодной и горячей воды), вместо того чтобы открывать, я их закрывал – и наоборот’

– Левучар!! 🙄 Деснава рака ко да ја немам ништо не можам да правам со нејзе 🙄 🙄 – ‘Левша! Правой как будто и нет, ничего не могу ей делать’ (forum.femina.mk/threads/Левучари-или-десничари)

Интересны два нижеследующих примера. В первом случае говорящий использует боковое членение собственного тела, оба предмета (и правое, и левое ухо)

маркируются показателем посессивности. Во втором же случае помимо посессии (говорится о частях тела собеседника) важно положение говорящего относительно слушающего. И членение здесь осуществляется по горизонтальной линии, поэтому ближайший к говорящему предмет отмечен показателем проксимальности, удаленный – дистальности:

(16) «Твоего кажуење во **едново уво** ми влегуе од **другово** ми излегуе!» (Плавевски В. Последниот сплавар на Вардар) – ‘Твои слова мне в одно ухо влетают, а из другого – вылетают’

(17) «Те фати орото, ред е да знаеш какви зурли и тапани ти свират. Арно ама, сега што ќе ти кажам, не сум ти кажал, а тебе во **едново уво** ќе ти влегуе, од **другоно** да ти излегуе! Разбра?!» (Плавевски В. Последниот сплавар на Вардар.) – ‘Пустился в пляс, так неплохо знать, что тебе играют. Да только то, что я тебе скажу, пусть и умрет в тебе, как в **одно ухо** влетело, так из **другого** вылетело! Ясно тебе?!’

Итак, анализ материала показал, что дейктики в случае самономинативности выполняют посессивную функцию, указывая на принадлежность части тела субъекту речи. Центром своего тела (внутреннего телесного пространства) человек считает сердце. В качестве центральной сущности осознает такое абстрактное понятие, как «душа». Важную для человека функцию выполняет также чрево, утроба, дающее начало новой жизни. Координация в пространстве задается как интеллектуальной составляющей сознания человека – мозгом, так и теми органами восприятия действительности, которые расположены на лице человека.

Во внешнем пространстве человек ориентируется по линиям: *вперед* – *назад*, *вверх* – *вниз*, *вправо* – *влево*. При ориентации *вперед* – *назад* была замечена интересная особенность: то, что находится сзади, может маркироваться показателем дистальности, поскольку привычное направление движения человека – *вперед*.

При ориентации *вверх* – *вниз* возможно использование всех типов пространственных дейктиков. Их употребление обусловлено либо субъективными факторами (*главана*), либо привычным направлением взгляда (*сверху* – *вниз*).

Ориентир *право* – *лево* при антропоцентрической ориентации часто оказывается нерелевантным.

ЛИТЕРАТУРА

Гак 2000 – Гак В.Г. Пространство вне пространства // Логический анализ языка: Языки пространств. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 127–134.

Дойчер 2010 – Дойчер Г. Сквозь зеркало языка. Почему на других языках мир выглядит иначе. М.: АСТ, 2010. 390 с.

Плунгян 2011 – Плунгян В.А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира: Учебник. М., 2011. 672 с.

Усикова 2003 – Усикова Р.П. Грамматика македонского литературного языка. М., 2003. 376 с.

Fillmore 1975 – Fillmore Ch.J. Santa Cruz Lectures on Deixis. Bloomington; Indiana Univ. Linguistics Club, 1975. 87 p.

Levinson 2003 – Levinson Stephen C. Space in Language and Cognition: Explorations in Cognitive Diversity. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 414 p.

Sonnenhauser – *Sonnenhauser B.* The Macedonian Tripartite Article: A Discourse-oriented Account. www.academia.edu/3884671/The_Macedonian_tripartite_article

REFERENCES

Gak V.G. A Space Outside of Space. In: Logical Analysis of the Language: Languages of Spaces. Moscow. Languages of Russian Culture Publ. 2000, pp. 127–134.

Deutscher G. (2010) Through the Mirror of the Language. Why the World Looks Different in Other Languages. Moscow. AST Publ. 390 p.

Plungyan V.A. (2011) Introduction to Grammatical Semantics: Grammatical Meanings and Grammatical Systems of the Languages of the World. Mscow. 672 p.

Usikova R.P. (2003) Grammar of the Macedonian Literary Language. Mscow. 376 p.

Fillmore Ch.J. (1975) Santa Cruz Lectures on Deixis. Bloomington; Indiana Univ. Linguistics Club. 87 p.

Levinson Stephen C. (2003) Space in Language and Cognition: Explorations in Cognitive Diversity. Cambridge. Cambridge University Press. 414 p.

Sonnenhauser B. The Macedonian Tripartite Article: A Discourse-oriented Account. www.academia.edu/3884671/The_Macedonian_tripartite_article

Сведения об авторе:

Наталья Владимировна Боронникова,
канд. филол. наук
доцент
филологический факультет
Пермский государственный национальный
исследовательский университет

Nataliya Boronnikova,
PhD
Assistant Professor
Faculty of Philology
Perm State University

natboronnikova@rambler.ru

Е.В. Степаненко (Москва, Россия)

Культурологический потенциал цитат из македонского фольклора и их передача на русский язык

Аннотация: Статья посвящена проблемам перевода на русский язык основных компонентов национально-культурного содержания пьесы македонского драматурга Горана Стефановского «Яне-баламут» («Jane Zadrogaz», перевод на русский язык Т.П. Поповой). Рассматриваются способы и приемы перевода цитат из македонского фольклора (детских считалок и условных языков) и причины, обуславливающие необходимость трансформаций. Интерпретация пьесы строится на структурно-семиотическом и семиотико-культурологическом анализе. Рассматриваются историко-культурные и жанровые особенности данной пьесы, которая строится на фольклорных и этнографических первоисточниках и по праву может быть отнесена к разряду труднопереводимых. Глубокому анализу подверглись первоисточники: фольклорные, этнографические, диалектологические материалы, собранные известным собирателем македонского народного творчества Марко Цепенковым, и его «Автобиография».

Ключевые слова: драматургический текст, цитатность, детский фольклор, аудитория в театре, исходный текст, текст перевода

E.V. Stepanenko (Moscow, Russia)

Culturological Potential of Citations from Macedonian Folklore and Their Translation to Russian

Аннотация: The article deals with the problems of translating into Russian the main components of the national-cultural content of the play by the Macedonian playwright Goran Stefanovsky “Jane Zadrogaz” (transl. into Russian by T.P. Popova). The ways and means of translating of quotations from Macedonian folklore (nursery counting rhymes and conditional languages) and the the necessity of transformations are considered. Interpretation of the play is based on structural-semiotic and semiotic-cultural analysis. The historical, cultural and genre features of this play, which is based on folklore and ethnographic sources are considered and could be considered as hard-to-get ones. The author made the deep analysis of the primary sources: folklore, ethnographic, dialectological materials assembled by the famous collector of Macedonian folk art Marco Cepenkov, and his “Autobiography”.

Key words: dramaturgical text, citations, children's folklore, audience in the theater, source text, translation text

Фольклор в генетическом, национально-культурном и образно-содержательном плане всегда связан с бытовыми традициями и народными обрядами. Природа фольклора, его образно-стилевые особенности обладают своей спецификой. К.В. Чистов справедливо отмечает: «...каждое фольклорное явление есть одновременно и неизбежно и факт народного быта, и факт словесного искусства. <...> каждое фольклорное явление есть бытовое и эстетическое явление» [Аникин 1984: 17]. В этой связи для переводчика имеет значение все: план выражения, ритмическая форма, национальная образная система, средства народно-поэтической традиции и т. п. Объем переводческих трансформаций при этом может быть намного больше, чем в других текстах перевода.

Материалом для анализа послужила пьеса современного македонского драматурга Горана Стефановского и ее перевод на русский язык: «Јане Задрогаз» (1974) – «Јане-баламут» (1-е изд.: 1982; 2-е изд.: 1987, перевод Т. Поповой). Творчество Г. Стефановского (р. 1952) – одно из наиболее ярких явлений македонской национальной литературы и культуры, оно отражает основные тенденции развития современной македонской драматургии и ее достоинства. Многие произведения драматурга переведены на другие языки, ставились в крупных театральных центрах и приобрели популярность за пределами страны: «Дикое мясо» (1979), «Полет на месте» (1981), «Двойное дно» (1983), «Татуированные души» (1985), «Черная дыра» (1987), «Вавилонская башня» (1989), «Чернодринский возвращается домой» (1991), «Оазис мира» (1994), «Casabalkan» (1997), «Демон из предместья Дебар-Маало» (2006) и др. Пьеса «Јане-баламут», представляющая собой синтез современной драмы и искусства фольклорного театра, стала важным фактором сильного подъема театрального искусства в Македонии. С другой стороны, высокий эстетический подъем театрального искусства в Македонии дал возможность проявиться такой крупномасштабной творческой индивидуальности, как Горан Стефановский. Постановка пьесы в Драматическом театре в Скопье стала крупнейшим театральным событием в культурной жизни Македонии и Югославии и имела оглушительный успех на XX общегославском фестивале драмы «Стериино позорье» (памяти основоположника сербской драмы Йована Стериин-Поповича) в г. Нови Сад в 1975 г. Мы разделяем мнение македонского исследователя Г. Старделова, назвавшего Горана Стефановского «исключительным явлением» в современной македонской и южнославянской культуре [Старделов 1987: 339].

Пьеса «Јане-баламут» строится на фольклорных, историко-литературных и этнографических первоисточниках и по праву может быть отнесена к разряду труднопереводимых. В своем предисловии к пьесе, с подзаголовком «народная фантазия с песнями» (*народна фантазија со пеење*), драматург сообщает, что при ее написании он широко использовал подлинные записи македонского народного творчества, фольклорные, этнографические, филологические, диалектологические материалы, собранные известным собирателем и публикатором фольклора Марко Цепенковым, а также его «Автобиографию». Марко Цепенков (1829–1920) относится к первому поколению собирателей македонского народного творчества (наряду с братьями Миладиновыми, К. Шапкаревым и др.) и по своему обширному наследию и общественно-просветительской миссии может быть назван в одном ряду с такими фольклористами, как В. Караджич, С. Враз, Ст.И. Веркович

и др. Ему принадлежит внушительная коллекция пословиц, поговорок, загадок, записанных в устной беседе, множество сказок, народных песен, легенд, преданий, семейных и календарных обрядов, верований, традиционных праздников, снов и т. п. Помимо объектов духовной культуры в его записях содержатся широкие описания характерных форм в сфере материальной культуры (предметы быта, одежда, пища, транспорт, ремесла, музыкальные инструменты, народная медицина), а также представлена ценная историко-филологическая информация (Сборник за народни умотворения, наука и книжнина / Сборник за народни умотворения и народопис: В 14 т. София, 1889–1900). В Республике Македония часть народного творчества, собранного Марко Цепенковым, впервые была опубликована Блаже Конеским (Сказни и сторенија. Скопје, 1954), затем в трех томах в 1959 и в 1972 г. в десятичном издании (Македонски народни умотворби во десет книги. Скопје, 1972). Имя Марко Цепенкова носит Институт фольклора при университете им. свв. Кирилла и Мефодия в Скопье в Македонии.

Характерной стилистической особенностью пьесы Горана Стефановского «Яне-баламут» является интертекстуальность и цитатность (понятие, трактуемое в широком смысле как связь текста с другими текстами, которая расширяет горизонты прочтения оригинала). Пожалуй, ни одно другое произведение драматурга не сопровождалось таким множеством комментариев, оценок и историко-литературных суждений. В интерпретации македонской исследовательницы К. Кюлавковой, «это типичный пример цитатного текста», построенного на гипертекстуальных мифологических и ритуальных первоисточниках, на основе которых Г. Стефановский конструирует свой «драматургический гипертекст». Пьесу также называли «ритуальной драмой», не сводимой только к литературному / вербальному тексту из-за подчеркнутой «автономности театральных знаков» (см.: [Петровска-Кузманова 2001: 61–67; Мојсиева-Гушева 2000: 148]). Целостность культурной информации, заложенной в исходном тексте, достигается сочетанием различных типов цитат. В пространстве текста выступают различные фольклорные жанры, органически синтезируясь в соответствии с замыслом драматурга. Колоритный прилепский диалект М. Цепенкова в контексте пьесы получает не только коммуникативную, но и эстетическую мотивированность. Драматург использует разные источники, дописывает некоторые «тексты», создает новые, организует их в оригинальный культурный текст, но придерживаясь архаичной формы языка. Таким образом, прилепский диалект, относящийся к центральным говорам западномакедонской диалектной группы, является здесь исходным языком. Территориально-диалектные формы не выступают в функции языковой характеристики персонажей, не служат для речевых контрастов, хотя имеют в исходном тексте локальный колорит.

Сюжетно-композиционную основу пьесы «Яне-баламут» составляет получившая мировое распространение волшебная сказка о змееборстве. Ее цепенковский вариант «Четириесетте царски синои и четириесетте снаи, големата змија, ламјата, Арапо, царо и дервиш» [МНУ, III: 90] драматург существенно переработал. «В нашей сказке говорится о народе и злой Царице, о Змее, который пакостил людям, и о Яне, который помог народу от них избавиться, только народ это не сразу понял. Это страшный, зато поучительный рассказ», – говорит в пьесе Тодемудрец. Тем не менее сказка выполняет роль сюжетной схемы, базового материала, но сама структура пьесы представляет собой своего рода сценический коллаж, мозаичную картину, где за сказочным, фольклорно-мифологическим проступает

социально-историческая действительность, широкое полотно македонского народного быта и культуры XIX в.

Обратимся к анализу фрагментов детского фольклора.

Ц а р и ц а т а : Ајде кажете нешто
зумбулчиња мамини. Кокичиња,
качунчиња мамини!

С е к у л а , Ј а н к у л а , П е т р у л а (пеат
и играат): Елељум, Белељум, / Чим, чим /
Калељум, / Журма, журма, / Тус, тус / Пим
пиле, пис / Камче, кантарче, / Елерица, /
Преперица, Домузара, / Докатара, Чиф,
Чиф, / Чигулин, / Мартин, / Дуптин, /
Прескочи, / Јапиљаф, Цуф, пуф, / Бела
вошка, / Црна вошка.

(Изморени легнуваат и заспираат)

[ЈЗ: 42]

Ц а р и ц а : Ну а теперь скажите нам что-
нибудь, вы – деточки, розанчики мамини,
василечки мамини, былиночки мамини.

С е к у л а , Я н к у л а , П е т р у л а (поют
и танцуют): Балаболка, / Перепелка, /
Растамула, / Паратула, / Гоп-гоп, /
Гопкалин, / Мартин, / Нафталин, /
Перескочка, / Тумбаточка, / Пих-пах, /
Барабах, Гоп-гоп, / Белый клоп, / Черный
клоп.

(Утомленные, валятся и засыпают)

[ЯБ: 48–49]

Процитированный отрывок представляет собой детскую считалку «Елељум, белељум», сопровождающую игру [СБНУ XII: 255–256; МНУ, IX: 365–367]. В нее играли дети, чаще всего девочки. Сущность игры в следующем. Участники кладут по два пальца на колено одного из игроков, и он начинает «считать», т. е. воспроизводить текст «заумными» словами, обретающими, по сути, значение игрового счета. Тремя пальцами он водит по пальцам других игроков, и на чей палец падет слово *кантарче*, тот «выбывает», т. е. убирает свой палец. Счет длится до тех пор, пока не останется только два пальца, и тогда этот игрок поет другую песенку «Елерица, преперица...», и опять выбывает тот, на кого падет последнее слово (*црна вошка*). Оставшийся игрок становится водящим, все участники игры прячутся, а он жмурится, а потом их ищет. Кого он найдет и поймает (коснется, ударит рукой), тот и продолжит игру, т. е. и будет водить следующий раз.

Аналог этой игры – прятки или жмурки. Сам процесс игры, все описанные выше действия игроков, способ выбора водящего и т. п. сходным образом описываются Марко Цепенковым под названием «мижитатарка по-штипски», за исключением самого текста считалки, где в качестве слова, определяющего того, кто должен убрать палец с колена игрока, выступает миждупка [МНУ, IX: 316–317]. В Болгарском этимологическом словаре с распределением по географическим местностям приводятся следующие названия данной игры: *миж-дупка*, *мижи-плюнка*, *мижи-татарка*, *миженка*, *мижа*, *мижулка* (*детска игра криеница*, *игра на криеница*) и др. Ср. мак. *мижитатара*; серб. *жмура* 1. игра в жмурки, 2. игра в прятки.

Переводчик в своей статье, анализируя данный фрагмент, описывает его как «бессмысленную пустобайку» и, интерпретируя таким образом, воссоздает ее «стилистически аналогичными скороговорками». Поскольку психологическая характеристика персонажей пьесы заменяется функциональной, пишет Т. Попова, «отрицательные герои в языковом плане отличаются некоторой маркированностью речи по отношению к медиуму, который характеризует язык персонажей в целом. Маркированность проявляется в нарочитой грубости, вульгарности речи (Царица), в бессмысленной тарабарщине (сыновья Царицы)...» [Попова 2004: 281, 282]. Действительно, вербальный текст народной детской игры практически лишен референциального значения и не имеет семантического наполнения за ис-

ключением нескольких слов: *бела вошка, црна вошка* ‘белая вошь’, ‘черная вошь’. Текст почти полностью десемантизирован, ритмически организован и зарифмован, однако для носителей македонской культуры он имеет ассоциации (только что родившиеся царевичи поют детские считалки). В македонском языке глагол *игра* имеет два основных значения: «играть в какую-то игру» и «танцевать, плясать». Переводчиком на чисто функциональной основе устанавливаются отношения переводческой эквивалентности на уровне целого фрагмента исходного текста. Единицей перевода становится весь отрывок. Существенными оказываются только формальные характеристики: ритм, рифма, интонационно-голосовая выразительность речи, которые передаются в тексте перевода. Поскольку в данном контексте царевичи пляшут, в тексте перевода вводится междометие *гон* (поощрительный возглас при прыжке, скачке; *гонать* – прыгать), иногда используемый в речи в момент пляски. Таким образом, к переводу словесного текста игры переводчик подошел исходя из принципа функциональной эквивалентности и интерпретации речевых характеристик сыновей Царицы и их невербального поведения в данном фрагменте. В тексте перевода фрагмент видоизменяется и интерпретируется переводчиком с точки зрения драматургического текста.

Не меньший интерес представляет включение в текст пьесы элементов условных детских языков. В Македонии тайные (условные) языки как разновидность социальных диалектов были широко распространены среди ремесленников. Они представляли собой профессиональное обособленное, конспиративное, недоступное посторонним (например, работодателю) средство речевого общения. Помимо этого, были известны так называемые *пословечки јазици / говори* или *птичешки, пословечки зборови, ластојчки*, которыми пользовались в основном дети, но, по свидетельству самого Марко Цепенкова, прекрасно владеющего этим своего рода искусством, раньше на них говорили попы, монахи, учителя [МНУ, X: 364]. Этот условный язык отличался особыми способами словообразования (заменой слогов, их делением) и представлял собой своеобразную коллективную игру с языком. В нашем конкретном случае драматург цитирует текст «переименованной» песни: «Песни направени по пословечки (од Прилепско)» [МНУ, X: 214], разбивает ее на строки и в одной сцене ссоры включает в структуры диалога как реплики персонажей:

Р е м а р к а т а : (Тоде молчи, жените почнуваат да се караат викајки).

Д а ф и н а : Земјаза словотврдоа нашана људонло. Људеле тврдо нагоно слобосо нашциеце.

В а с к а : Словотврдо рцере добреде нашено букнобо.

М а г д а : Нашана покојљудала добро нагени нашана...

[ЈЗ: 38–39].

Р е м а р к а : Тоде молчит, женщины ссорятся и кричат, выкликая какие-то непонятные слова. Тоде не реагирует на их бессвязную речь

[ЯБ: 44].

В первоисточнике текст песни выглядит следующим образом: «Застанало летно сонце / стреле небо, на пладнина, / да ми гледа вельо чудо: / Стојан Стојана остава...» [МНУ, X: 214] – ‘Солнце летнее взошло, в полдень, среди неба ясного, подивиться чуду чудному – Стоян бросил Стояну...’ На условном языке в песне происходит замена слогов или своего рода разрыв слога (между первой и последней буквой

слога вставляются определенные сочетания букв): *застанадо*: слог «за» – *земјаза*; слог «ста» – *словотврдоа*; слог «на» – *нашана*; слог «ло» – *људонло* и т. д.

Как мы видим, переводчик опускает реплики персонажей (Дафины, Магды, Васки) и передает данный фрагмент описательно – как «непонятные слова» и «бес-связную речь». В оригинальном тексте фрагмент выполняет металингвистическую функцию (ориентация на код). Формальные характеристики диалога превалируют и подчиняют себе референциальное содержание, которое в оригинале также не имеет того значения, которое оно имеет вне данного драматургического текста. «Текст» в «тексте» содержит культурологическую информацию, однако выполняет здесь иную функцию. В процессе перевода внутрилингвистические значения, как правило, не сохраняются, поскольку каждый язык имеет свою специфическую систему внутрилингвистических значений. В драматургическом тексте, потенциально предназначенном для восприятия русскоязычной аудиторией в театре, передача игры слов, игры с языком, базирующейся на внутрилингвистических значениях, представляет еще бóльшую задачу. Двойное семантическое значение данного фрагмента, его локальные характеристики и внетекстовые значения в тексте перевода не актуализируются, не эксплицируются для русскоязычного реципиента переводного текста. Решение переводчика мотивировано трудностью использования элементов условного языка в тексте перевода и, на наш взгляд, функционально адекватно вторичной коммуникативной ситуации.

Проиллюстрированные цитаты из македонского фольклора, включаясь в структуру пьесы, расширяют горизонты ее прочтения и в то же время сами трансформируются, становясь ее частью, осмысливаются и интерпретируются уже с точки зрения драматургического текста. В результате анализа выясняются трудности адекватной передачи на русский язык культурно-исторического своеобразия, присущего пьесе македонского драматурга Горана Стефановского «Яне-балумут», которая характеризуется погруженностью в фольклор, этнографию, историю македонского народа, что укрепляет и расширяет национально-демократические основы македонской культуры.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Аникин В.П. Теория фольклора: Курс лекций. 2-е изд. М., 2004. 432 с. / Anikin V.P. (2004) The Theory of Folklore: Course of Lectures. 2nd ed. Moscow. 432 p.

Български етимологичен речник. Т. I: А–З. София, 1971. 679 с.; Т. II: И–Крепя. София, 1979. 740 с.; Т. III: Крес–Минго. София, 1986. 800 с.

Македонско-руски речник. Македонско-русский словарь: В 3 т. / Ред. Р. Усикова; сост. Р.П. Усикова., З.К. Шанова, М.А. Поварницина, Е.В. Верижникова. Скопје, 1997. Т. I: А–М. 559 с.; Т. II: Н–Р. 527 с.; Т. III: Р–Ш. 587 с.

Мојсиева-Гушева Ј. Митските мотиви во македонската драма // Лице и опачина. Скопје, 2000. С. 123–150.

Петровска-Кузманова К. Елементи на ритуал во драмата «Яне Задрогаз» // Македонски фолклор. Год XXIX. Бр. 58–59. Скопје, 2001. С. 59–68.

Попова Т.П. К проблеме функционального перевода: опыт рефлексии // Славянский вестник. Вып. 2: К 70-летию В.П. Гудкова. М., 2004. С. 279–291 / Popova T.P. To the Problem of Functional Translation: The Experience of Reflection. In: The Slavonic Bulletin. Vol. 2: To the 70th Anniversary of V.P. Gudkov. Moscow. 2004, pp. 279–291.

Старделов Г. Драмите на Горан Стефановски // Стефановски Горан. Одбрани драми. Скопје, 1987. С. 333–353.

МНУ – *Цепенков М.* Македонски народни умотворби во десет книги / Ред. К. Пенушлиски, Р. Ристовски и Т. Саздов; Институт за фолклор. Т. I–X. Скопје, 1972.

СБНУ – Сборник за народни умотворения, наука и книжнина (Сборник за народни умотворения и народопис). Т. I–XIV. София, 1889–1900.

Стефановски Г. Јане Задрогас // Стефановски Г. Диво месо. Скопје, 1981. С. 5–59.

Стефановский Г. Яне-баламут / Пер. с макед. Т. Поповой // Стефановский Г. Полет на месте и другие пьесы: Сборник . М., 1987. С. 18–63 / Stefanovsky G. Jane-balamut / Thansl. from Macedonian by T. Popova. In: Stefanovsky G. Flight without Flying and the Other Plays: The Collection. Moscow. 1987, pp. 18–63.

Сведения об авторе:

Елена Владимировна Степаненко,
канд. филол. наук
преподаватель
факультет иностранных языков и
регионоведения
МГУ имени М.В. Ломоносова

Elena V. Stepanenko,
PhD
Lecturer
Faculty of Foreign Languages and Area Studies
Lomonosov Moscow State University
el.vl.stepanenko@gmail.com

Александар Талески (Пермь, Россия)

Социальный дейксис личных местоимений в македонском языке

Аннотация: Цель данной статьи состоит в попытке показать социальные дейктические черты личных местоимений в македонском языке, а точнее, насколько социальный дейксис представлен личными местоимениями. В статье анализируется трактовка понятия «социальный дейксис» в лингвистике, рассматриваются причины появления социального дейксиса и влияния социальных факторов на выбор тех или иных личных местоимений, особое внимание уделяется сфере их использования.

Кроме того, рассматриваются способы реализации социального дейксиса в речевом акте и прагматические особенности использования личных местоимений в конкретной ситуации.

Ключевые слова: дейксис, социальный дейксис, личные местоимения, македонский язык, прагматика

Aleksandar Taleski (Perm, Russia)

Social Deixis of Personal Pronouns in the Macedonian Language

Abstract: This article is an attempt to demonstrate the social deictic features of personal pronouns in the Macedonian language, i.e. as far as social deixis is manifested by personal pronouns. Thus, the concept of “social deixis” in linguistics is treated, the reasons for the emergence of social deixis and the influence of social factors in the selection of certain personal pronouns are regarded, and special attention to the scope of their use is paid. Besides this the article comprises the way, we will depict how the social deixis is regulated in the speech act, as well the pragmatic features of using personal pronouns in a specific situation.

Key words: deixis, social deixis, personal pronouns, Macedonian language, pragmatics

Понятие «дейксис», известное с античных времен, происходит от древнегреческого глагола «указывать» и представляет собой указание как значение или функцию языковой единицы, выражаемые лексическими или грамматическими средствами [Виноградов 1990: 128]. Е.М. Вольф подчеркивает, что дейксис включает указание на компоненты речевого акта – на участников речевого акта, на предмет речи, на временную и пространственную локализацию сообщаемого факта, а вме-

сте с тем указание на все то, что может быть обозначено как непосредственно относящееся к акту речи [Вольф 1974: 6].

Несмотря на то что процесс изучения дейксиса длится долго, причем в его изучении сочетаются как традиционные идеи, так и новые концепции, дейксис представляет собой одно из многих языковых явлений, которые до сих пор остаются частично неразрешенными.

К числу нерешенных проблем относится вопрос о том, что включает в себя дейксис, каким образом он выражается, какие типы дейксиса существуют и т. п. В основном различаются три основных типа дейксиса: персональный (личный), пространственный и временной. А.А. Кибрик подчеркивает, что центральные языковые единицы этих трех типов дейксиса представляют местоимения 1 и 2 лица – Я и ТЫ, а вместе с тем локативные и временные выражения – ЗДЕСЬ и СЕЙЧАС. Они репрезентируют эгоцентрический дейктический центр, на который ориентируются участники коммуникативного акта [Кибрик: эл. ресурс].

Надо отметить, что сейчас лингвистическое представление о дейксисе расширено. Кроме местоимений, лингвисты относят к дейксису разные дейктические средства других частей речи, а вместе с тем ряд таких категорий, явлений и элементов, как категория вежливости, коммуникативная деятельность, невербальные элементы коммуникативного акта и т. п. Е.В. Падучева считает, что в языке мы встречаемся со многими дейктическими элементами, т. е. со словами и грамматическими категориями, которые отсылают к разным речевым ситуациям, к тем или иным компонентам или параметрам [Падучева 1996: 245, 259].

Лингвисты в зависимости от функций и параметров расширяют диапазон типов дейксиса. Так, на основе режимов интерпретации текста Е.В. Падучева, опираясь на теории К. Бюлера и Ю.Д. Апресяна, дает понятия первичного и вторичного дейксиса, причем первичный дейксис ориентирован на говорящего, а вторичный ориентирован на наблюдателя [Падучева 2011: 268]. П. Гриффитс к базисным типам дейксиса добавляет еще дискурсивный, категорию, которая указывает на части самого дискурса [Griffiths 2006]. Н.В. Боронникова, ссылаясь на А.А. Кибрика, Ч. Филлмора и др., кроме основных типов дейксиса, различает производные: вторичный (дейксис к воображаемому), анафорический, текстовый, а вместе с тем в качестве подтипов дейксиса выделяет социальный и эмоциональный дейксис, причем отмечает, что последние два вида находятся в прямой зависимости от прагматики [Боронникова 2014: 337–338]. С. Левинсон указывает, что существуют пять типов дейксиса: пространственный, временный, личный, социальный и дискурсивный. Первые три встречаются чаще, чем два последних [Levinson 1995: 39]. А. Крус соглашается с мнением С. Левинсона и выделяет три основных подтипа дейксиса: пространственный, временный и личный и два второстепенных подтипа: социальный и дискурсивный дейксис. Социальный дейксис, который рассматривается в этой работе, А. Крус описывает как выражение, функция которого заключается в указании на положение референта на шкале социального статуса и близость относительно говорящего [Cruise 2006: 45].

Ч. Филлмор и С. Левинсон указывают, что социальный дейксис имеет отношение к тем моментам в речи, которые предопределены какими-либо реалиями социальной ситуации, в которой совершается речевой акт. По их словам, социальный дейксис включает кодировку социальных различий, относящихся к ролям участника, особенно это касается аспектов социальных отношений между говорящим и адресатом(ами) или докладчиком и некоторыми референтами [Fillmore 1975, 1977; Levinson 1983].

Надо отметить, что некоторые ученые не признают дейктическую зафиксированность социальных норм речевого акта. А.А. Кибрик подчеркивает, что понятие «социальный дейксис» непосредственно не связано с дейксисом как таковым, а, вероятно, связано только с тем фактом, что категория вежливости часто маркируется дейктическими элементами, в особенности личными местоимениями. По его словам, термин «*социальный дейксис*» иногда используется в исследованиях категории вежливости в разных языках, причем в качестве примера он приводит ситуацию выбора между местоимениями 2 лица ед. и мн. числа ТЫ и ВЫ в русском языке. Этот выбор ограничен социальным статусом говорящего и адресата [Кибрик: эл. ресурс].

С другой стороны, как мы уже отмечали, большинство специалистов согласны с тем, что социальный дейксис, как дейксис текста или дискурса, сам по себе представляет компонент, дополняющий традиционное трио дейксиса. Это связано с тем, что отношения участников коммуникативного акта регулируются в речи, обозначая степени социальной разницы, социальные связи и характер общения [Levinson 1983; Rauch 1983; Leech 1983; Holmes 1992].

В понятие «социальный дейксис» Ч. Филмор включает такие лингвистические средства и явления, как способы обозначения личности; специфику высказываний различных типов, которые зависят от определенных свойств участников речевого акта; различные способы изменения имен, названий и терминов родства в соответствии с отношениями между говорящим, адресатом, аудиторией и упомянутым лицом; лингвистические характеристики, проявляющиеся в виде ряда социальных актов, таких как оскорбления, приветствия, выражения благодарности; лингвистические характеристики, которые могут сопровождать социальные акты, и наконец различные лингвистические устройства, которые помогают говорящему устанавливать и поддерживать дейктические связи с данным адресатом [Fillmore 1971: 76].

М.Л. Макаров, ссылаясь на некоторых ученых, подчеркивает, что под термином «социальный дейксис» подразумеваются грамматикализованные (до морфологического уровня) системы вежливости «*honorifics*» (русс. *гоноратив*). Система вежливости «гоноратив» является грамматической, или морфосинтактической, формой, которая кодирует относительный социальный статус участников разговора, т. е. это тип социального дейксиса, поскольку понимание контекста в этом случае – социальный статус докладчика по отношению к другим участникам или свидетелям – имеет решающее значение для его использования [Макаров 2003: 136]. Ученые утверждают, что существуют три основных вида гоноратива, которые классифицируются в соответствии с индивидуумом, статус которого выражается: адресат (или говорящий / слушатель); референт (или говорящий / референт); наблюдатель (или говорящий / наблюдатель) [Comrie 1976; Levinson 1983; Crystal 2008].

С. Левинсон предложил ограничить термин «гоноратив» в ситуациях, когда отношения между говорящим, адресатом и наблюдателем выражают относительный ранг или уважение, явление которого хорошо иллюстрируется в японском языке, отличающемся развитой категорией вежливости [Levinson 1983].

М.Л. Макаров добавляет, что другими причинами для появления социального дейксиса могут стать корреляции степени социальной разницы с отношениями солидарности, власти и подчинения, вызванные межличностным и эмоциональным влиянием, институциональной иерархией, разницей в образовании и в возрасте и т. п. Такие явления, по словам М.Л. Макарова, в первую очередь характерны для

языков Юго-Восточной Азии [Макаров 2003: 135–136]. Надо сказать, что встречаем их и в европейских языках (например, двойная форма личного местоимения второго лица мн. ч. в испанском, французском и румынском языках и т. д.), в том числе стараемся показать их существование и в македонском языке [Stapleton: эл. ресурс].

Относительно македонского языка можно подчеркнуть, что социальный дейксис, несомненно, выражен личными местоимениями. Таким образом, использование тех или иных форм личного местоимения иногда обусловлено социальными факторами и социальной дифференциацией участников коммуникативного акта в различных речевых ситуациях. Все это рассмотрим на примерах.

1. ЛИЧНЫЕ МЕСТОИМЕНΙΑ ПЕРВОГО ЛИЦА ЈАС И НИЕ

В дополнение к основным функциям и значениям личных местоимений в македонском языке также развиваются вторичные значения; причиной их появления и употребления в речевом акте является социальный фактор.

Что касается 1 лица ед. ч. личного местоимения ЈАС, следует отметить, что оно представляет центр дейктического поля. А.В. Бондарко подчеркивает, что отношение к лицу прежде всего определяется с точки зрения говорящего, который выступает в качестве центральной фигуры речевого акта [Бондарко 1991; 2002]. Личное местоимение ЈАС (я) в македонском языке не развило дополнительные дейктические функции, которые позволили бы относить его к социальному дуйксису.

В отличие от местоимения ЈАС, употребления его пары со значением множественности НИЕ (мы) иногда обусловлено социальным фактором. Одной из таких ситуаций, когда мы можем говорить о социальном дейксисе личного местоимения НИЕ, является его употребление в покровительственных отношениях между членами семьи. Надо отметить, что семья определяется как одна из первых и основных исторических форм социальной общности людей, имеющая определенную форму отношений между ее членами и другими родственниками, можно говорить о семье в качестве социального явления [Антонов 1996: 28, 31, 32, 36].

ПРИМЕР 1

а) Ние не сакаме да учиме; повеќе сакаме да шетаме или да гледаме телевизија. ‘Мы не хотим заниматься; больше хотим гулять или смотреть телевидение’ (Л. Минова-Ѓуркова);

б) Нам веќе ни пораснаа запчиња. ‘У нас уже выросли зубки’ (интернет-ресурс)¹.

Как видно из примеров (Пример 1: а, б), речь идет об отношениях родителей с детьми. Местоимения НИЕ, НАМ заменяют личные местоимения 3 лица ед. ч. ТОЈ (он) или ТАА (она). В данных предложениях местоимения НИЕ, НАМ указывают на ребенка и включают его в личную сферу говорящего, в этой ситуации – родителя. Итак, можно подчеркнуть, что употребление местоимения НИЕ в таких условиях зависит от социального фактора и указывает на социальные отношения между говорящим и (не)участником коммуникативного акта.

Следует отметить еще одну ситуацию, где используется местоимение НИЕ в покровительственном значении.

ПРИМЕР 2

Како сме ние денес? ‘Как у нас дела сегодня?’ (Из лекции К. Илиевской).

¹ roditeliideca.com.mk/index.php/forum/zdravje-na-bebinja-i-deca/8466-zabi?q=/index.php/forum&limit=15&start=30

Известно, что употребление личного местоимения НИЕ в таком значении характерно для сферы здравоохранения и услуг, т. е. для социальной сферы, зависимой от статуса участников речевого акта и преднамеренности говорящего. Здесь местоимение НИЕ заменяет личное местоимение 2 лица ед. ч. ТИ (ты) или мн. ч. ВИЕ (вы), указывая на адресата, причем, по словам Т.В. Булыгиной, выражает идею солидарности. Эта ситуация направлена для включения говорящего в сферу адресата с установлением контакта, осуществления эмпатии и политики позитивной subtilности [Булыгина 1992: 206]. Надо отметить, что в таких предложениях часто опускается личное местоимение, причем функция социального дейксиса выражается с помощью формы лица глагола.

ПРИМЕР 3

Како се чувствуваме? 'Как мы себя чувствуем?' (Л. Андреев).

ПРИМЕР 4

(Ние) утре ќе правиме тест. 'Завтра мы пишем контрольную' (интернет-ресурс)¹.

В **Примере 4** встречаемся с социальным указанием, зависящим от местонахождения участников коммуникативного акта на шкале социального статуса. В качестве говорящего в **Примере 4** выступает преподаватель, который сообщает информацию студентами. В данном случае личное местоимение НИЕ заменяет местоимение ВИЕ (вы). Здесь не идет речь о зафиксированной социальной норме речевого акта, напротив, говорящий намекает адресату на желательность выполнения этой работы соответствующим образом, а местоимение НИЕ смягчает директиву. Итак, при использовании личного местоимения НИЕ мы можем столкнуться с ситуациями, где любой говорящий, который занимает позицию руководящего, указывает на определенный способ совершения действия, причем собеседник, являющийся подчиненным по отношению к нему, должен поступить так же. Следует признать, что как в **Примере 4**, так и в **Примере 1** говорящий не участвует в совершении действия.

Можно говорить о социальном дейксисе и тогда, когда речь идет о редакторском, авторском или научном использовании личного местоимения НИЕ. Причину такого употребления, обусловленного также социальным положением говорящего, находим в нужности формирования у адресата позиции, сходящейся с мнением субъекта речи, в существовании основных совместных знаний у субъектов речевого акта, а также в ситуациях выражения скромности. Рассмотрим на примере.

ПРИМЕР 5

Како што ние веќе рековме... 'Как мы уже говорили...' (Васил Ивановски: интернет-ресурс)².

II. ЛИЧНЫЕ МЕСТОИМЕНА ВТОРОГО ЛИЦА ТИ И ВИЕ

О. Красноухова, ссылаясь на В. Фоли, указывает, что наиболее известным примером социального дейксиса является феномен ТЫ / ВЫ (Т / V), почти универсальный в европейских языках [Krasnoukhova 2007: 4].

Личное местоимение 2 лица ед. ч. ТИ в плане развития социальной функции идентично местоимению ЈАС, оно выполняет социально-регулятивный характер

¹ www.motika.com.mk/test-po-matematika-vic/

² www.mn.mk/aktuelno/2359

в этикетных обращениях на пару с местоимением ВИЕ. Много ученых в качестве основного примера социального дейксиса приводят дифференциальное употребление этих двух личных местоимений в процессе коммуникации:

ПРИМЕР 6

а) Ниту Вие не сте помалку досетлив. 'И вы не менее изобретательны' (В. Цекова, Т. Захов)

б) Вие сте последниот човек кој останал во тој оддел... 'Вы последний человек, который остался в этом отделе' (интернет-ресурс)¹.

в) ...*Како прво, јас не сум «ти»* Игор Илич, туку «**вие**» – не го заборавајте тоа; и не Фома, туку Фома Фомич. 'Во-первых, я тебе не «ты», Игорь Ильич, а «вы» – не забывайтесь; и не Фома, и Фома Фомич' (Ф.М. Достоевский).

Как видно из примеров, разница при использовании местоимения ТИ и ВИЕ всегда, прежде всего, зависит от социального статуса участников речевого акта, а в некоторых случаях зависит от их возраста и полученного образования. Так, например, Е.В. Резникова подчеркивает, что уважение к собеседнику передается с помощью мн. ч. Так, «естественный» человек часто ко всем обращается на «ты», образованный делает различие между «ты» и «вы», интеллигентный ко всем незнакомцам обращается только на «вы», потому что обращение на «ты» оскорбительно [Резникова 2009: 120].

В. Фоли, ссылаясь на некоторых ученых, описал использование местоимений ТЫ / ВЫ по двум измерениям: власти и солидарности. Установление мощности кодирует власть над другим человеком и способность контролировать или влиять на его поведение. Диапазон солидарности означает степень близости между собеседниками, наличие общих интересов и т. п. [Foley 1997: 314].

Е.В. Резникова указывает, что «в русской лингвокультуре социально значимо различие обращений на “ты” и на “вы”, каждое из которых варьируется в зависимости от условий общения (“ты” детское, “ты” отеческое”, “ты” начальственное, “ты” дружеское и “ты” хамское)» [Резникова 2009: 120]. Мы можем подтвердить, что эта дифференциация присутствует и в македонском языке в той же самой степени.

Надо подчеркнуть, что через соотношение этих двух местоимений более всего выражен «гоноратив», т. е. категория вежливости. Личное местоимение ТИ используется в обращении к близким друзьям и родственникам, а если оно используется при обращении к незнакомому или взрослому человеку, то содержит отрицательную, оскорбительную коннотацию. С другой стороны, когда речь идет о местоимении ВИЕ, первое и наиболее распространенное социальное указание – это вежливое обращение говорящего к собеседнику.

ПРИМЕР 7

И ѝ вела: колку Вие сте мили! И мислам: колку те сакам! 'И говорю ей: как Вы милы! И мыслю: как тебя люблю!' (А.С. Пушкин)².

Еще различие ТИ и вежливого ВИ может рассматриваться как пересечение семантической категории персональности с прагматической категорией вежливости.

Можно упомянуть еще одну ситуацию при употреблении местоимения ВИЕ в разговорном стиле, когда речь идет о семейном или дружеском, в шутку, обра-

¹ friday.mk/7-znaci-deka-kje-bidete-otpushteni/

² rvb.ru/pushkin/01text/01versus/0423_36/1828/0461.htm

щении либо к собеседнику, либо к третьему человеку. Прежде всего речь идет о обращении говорящего (взрослого человека) к ребенку в качестве собеседника или третьего лица, которое в данной ситуации всегда сопровождается одним из его родителей:

ПРИМЕР 8

Кого гледам јас!? Леле, колку сте пораснале. Па вие веќе одите во градинка и учите да боите, да броите... ‘Кого я вижу! Ничего себе, как вы выросли. Значит, вы уже ходите в детский сад и учитесь рисовать, считать’ (Из лекции К. Илиевской).

Из контекста понятно, что ВИЕ указывает не на родителя, а на ребенка, который уже начал ходить в детский сад. В этом случае ВИЕ, относящееся к ребенку, заменяет местоимения 2 лица ТИ, но также возможно, что говорящий обращается к родителю ребенка, причем местоимением ВИЕ указывает на 3 лицо ТОЈ, ТАА (ребенок в зависимости от пола). Эта ситуация напоминает использование местоимения НИЕ (Пример 1: а, б), но следует отметить, что здесь мы не сталкиваемся именно с социальным дейксисом. Использование личного местоимения ВИЕ в примере (Пример 8) не зависит от социального статуса, оно обусловлено возрастом собеседника или третьего лица. Вместе с тем данная коммуникативная ситуация содержит семантику насмешки или удивления – вопреки тому, что употребление местоимения 2 лица стало одним из важнейших требований нравственного отношения к личности.

Употребление личного местоимения ВИЕ содержит в себе социальный дейксис тогда, когда мы его встречаем в рекламных текстах.

ПРИМЕР 9

Станете и Вие дел од нашиот успешен тим!.. ‘Вы также можете стать частью нашей успешной команды!..’ (Огласник)¹.

Таким образом, известно, что заказчик рекламы всегда ориентируется на определенную целевую аудиторию, причем главная цель и задача в таких рекламных текстах – успешное создание партнерских отношений между продавцом и покупателем, кроме того, подчеркнутое уважение к клиенту.

ЛИЧНЫЕ МЕСТОИМЕНИЯ ТРЕТЬЕГО ЛИЦА ТОЈ, ТАА, ТОА И ТИЕ

Личные местоимения 3 лица в македонском языке являются самыми «ущербными» с точки зрения выражения социального дейксиса. Б. Конески, указывая, что одной из важнейших характеристик местоимений является то, что они выражают свое отношение к речевой ситуации, добавляет, что 1 лицо личного местоимения – это то, кто сообщает, 2 – это то, которому направлено сообщение, а 3 лицо упоминается только в речи, к нему не обращаются напрямую, поэтому оно не должно присутствовать в момент коммуникации [Конески 1999: 331].

Таким образом, следует отметить, что в македонском языке существуют ситуации, когда местоимения ТОЈ, ТАА употребляются в присутствии самого лица, которое называет это местоимение.

¹ www.vrabotuvanje.com.mk/job-advert/bidete-del-od-nashiot-menadzherski-tim/57515

ПРИМЕР 10

Тој знае како треба да го пополни формуларот? – Се разбира, постојано го надгледувам. ‘Он знает, как заполнить анкету?’ – Конечно, я постоянно его контролирую’.

В данном примере (**Пример 10**) можно сомневаться в существовании социальных причин для использования личного местоимения 3 лица. Таким образом, не исключено, что говорящий хочет дистанцироваться от третьего лица из-за его социального статуса, причем не обращается прямо к нему. Это можно встретить в ситуациях, где руководящий требует от подчиненного информацию, касающуюся третьего лица, которое присутствует во время диалога, но не участвует в нем. Известно, что местоимение 3 лица призвано указывать на того, кто не участвует в диалоге. Однако такое название, присутствующее при разговоре, как бы выводится за рамки общения. Таким образом, третье лицо удаляется за пределы видимости, хотя оно находится рядом.

Е.В. Резникова подчеркивает, что существуют некоторые ситуации при использовании местоимения 3 лица вместо местоимения 2 лица, которые появились в результате тенденции говорящего из скромности подчеркнуть расстояние, отделяющее его (говорящего) от собеседника. В таких случаях социальный фактор не играет большой роли [Резникова 2009: 123].

В разговорах с детьми часто используется местоимение 3 лица вместо формы личного местоимения 2 лица.

ПРИМЕР 11

Што ќе прави Иван? Тој сега ќе јаде? ‘Что будет делать Иван? Он будет есть сейчас?’ (Из лекции К. Илиевской).

Здесь использование личного местоимения ТОЈ вместо ТИ зависит от желания говорящего предложить адресату стать субъектом оценки своих действий и состояний. Надо отметить, что данная ситуация прежде всего встречается в семье, и этот факт относит личное местоимение ТОЈ к социальному дейксису. Но нужно сказать, что, кроме социального фактора (Семья), при использовании местоимения ТОЈ в этом примере важную роль играет и возраст адресата – обстоятельство, которое выбивается из социальной сферы языка.

Итак, можно подчеркнуть, что социальный дейксис часто встречается при употреблении личных местоимений в македонском языке. Прежде всего социальный признак дейксиса личных местоимений выражается при их использовании в семье, которая определяется как одна из основных исторических форм социальной общности людей. В македонском языке это манифестируется через семейные отношения между родителями и детьми (см. **Пример 1**: а, б; **Пример 11**). Как мы уже отметили, существуют похожие ситуации (**Пример 8**), когда применение личных местоимений в речи зависит не только от социального, но и от других факторов (например, возраст и пр.).

Личные местоимения, кроме как в семье, выражают социальный дейксис и тогда, когда используются в других общественных областях. Так, например, мы встретились с их использованием в сфере здравоохранения (**Пример 3**), образования (**Пример 4**) и в других социальных институтах (**Пример 6**: б; **Пример 10**).

Надо отметить, что социальный дейксис в данных ситуациях больше всего выражается с помощью личных местоимениях 1 и 2 лица мн. ч. НИЕ и ВИЕ. Место-

имения 3 лица ед. ч. используются при выражении социального дейксиса только в одной ситуации – когда говорящий хочет дистанцироваться от 3 лица из-за его социального статуса, причем не обращается прямо к нему (**Пример 10**). Можно сказать, что местоимения 1 лица ед. ч. ЈАС и 3 лица мн. ч. ТИЕ бедны в выражении социального дейксиса в македонском языке. С другой стороны, местоимение 2 лица ед. ч. ТИ содержит в себе социальное указание только в ситуациях взаимодействия с его множественным эквивалентом. Дифференциальное употребление этих двух личных местоимений в процессе коммуникации встречаем тогда, когда речь идет о системе вежливости, «гоноративе» – явлении, которое встречается и в македонском языке.

ЛИТЕРАТУРА

Апресян Ю.Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // *Апресян Ю.Д.* Интегральное описание языка и системная лексикография. Избранные труды. Т. II. М.: Языки русской культуры, 1995. С. 644–645.

Антонов А.И. Медков В.М. Социология семьи. М.: Изд-во МГУ, 1996. 304 с.

Бондарко А.В. Теория значения в системе функциональной грамматики: на материале русского языка / Рос. академия наук. Ин-т лингвистических исследований. М.: Языки славянской культуры, 2002. 736 с. (Studia Philologica)

Боронникова Н.В. Эмоционально-оценочная семантика дейктиков в македонском языке // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки.* 2014. № 2. С. 337–340.

Булыгина Т.В. Модальность // *Человеческий фактор в языке: Коммуникация, модальность, дейксис.* М.: Наука, 1992. 280 с.

Вольф Е.М. Грамматика и семантика местоимений. М.: Наука, 1974. 224 с.

Карасик В.И. Язык социального статуса. М.: Институт языкознания РАН; ВГПУ, 1992. 370 с.

Кибрик А.А. Дейксис. www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/DEKSIS.html?page=0,0 (дата обращения: 14.02.2018).

Колесов В.В. Язык и ментальность. СПб.: Петерб. востоковедение, 2004. 624 с.

Конески Б. Граматика на македонскиот литературен јазик. Скопје: Детска радост, 1999. 551 с.

Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М.: Гнозис, 2003. 280 с.

Минова-Ѓуркова Л. Стилистика на современиот македонски јазик. Скопје: Магор, 2003. 350 с.

Падучева Е.В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива). М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.

Падучева Е.В. В.В. Виноградов и наука о языке художественной прозы // *Известия РАН. Серия литературы и языка.* 1995. Т. 54. № 3. С. 39–48.

Резникова Е.В. Личные местоимения и этикет // *Вестник Челябинского государственного университета.* 2009. № 27. С. 119–125.

Ускова Р.П. Грамматика македонского литературного языка. М., 2003. 376 с.

Comrie B. Linguistic Politeness Axes: Speaker-addressee, Speaker-referent, Speaker-by-stander // *Pragmatics Microfiche 1.7: A3-B1.* Oxford: Oxford Microform. 1976.

Crystal D. A Dictionary of Linguistics and Phonetics. 6th ed. Blackwell Publishing Ltd. 2008. 560 p.

Cruse A. A Glossary of Semantics and Pragmatics. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2006. 205 p.

Fillmore C.J. Santa Cruz Lectures on Deixis. Bloomington, 1971. 87 p.

Foley W. Anthropological Linguistics: An Introduction. Oxford: Basil Blackwell. 1997. 495 p.

Griffiths P. An Introduction to English Semantics and Pragmatics Edinburgh: Edinburgh University Press, 2006. 193 p.

Krasnoukhova O. Social Deixis and Classifiers. Published MA's Thesis. Radboud University Nijmegen, 2007. 60 p.

Leech G.N. Principles of Pragmatics. London, 1983. 250 p.

Levinson S.C. Pragmatics. Cambridge, England: Cambridge University. 1983. 438 p.

Levinson S.C. Cognitive Anthropology // Handbook of Pragmatic. 1995. P. 100–105.

Hornblower S. The Oxford Classical Dictionary. Oxford: Oxford University Press, 2012. 1792 p.

Holmes J. An Introduction to Sociolinguistics. London; New York, 1992. 412 p.

Stapleton A. Deixis in Modern Linguistics. www.scribd.com/document/370736246/vol-9-no-12

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Цекова В., Захов Т. Херсилија. Lulu, 2012. 74 с.

Достоевски Ф.М. Селото Степанчиново. Скопје: Табернакул, 1993. 434 с.

Минова-Ѓуркова Л. Стилистика на современиот македонски јазик. Скопје: Магор, 2003. 350 с.

REFERENCES

Apresyan Yu.D. Deixis in Vocabulary and Grammar, and the Naive Model of the World. In: Apresyan Yu.D. Integral Description of Language and Systematic Lexicography. Selected Works. Vol. II. Moscow. Yazyki Russkoy Kultury Publ. 1995, pp. 644–645.

Antonov A.I. Medkov V.M. (1996) Sociology of the Family. Moscow. Moscow University Press. 304 p.

Bondarko A.V. (2002) Theory of Meaning in the System of Functional Grammar: As Applied to the Russian Language / RAS. Institute of Linguistic Research. Moscow. Yazyki Russkoy Kultury Publ. 736 p. (Studia Philologica)

Boronnikova N.V. Emotional-estimated Semantics of Deictics in the Macedonian Language. *Humanities, Socio-economic and Social Sciences*. 2014. No 2, pp. 337–340.

Bulygina T.V. Modality. In: Human Factor in the Language: Communication, Modality, Deixis. Moscow. NaukaPubl. 1992. 280 p.

Wolf E.M. (1974) Grammar and Semantics of Pronouns. Moscow. Nauka Publ. 224 p.

Karasik V.I. (1992) The Language of Social Status. Moscow. 370 p.

Kibrik A.A. Deixis. [E-resource]. www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/DEKSIS.html?page=0,0 (date of circulation: 14.02.2018).

Kolesov V.V. (2004) Language and Mentality. St.-Petersburg. Peterburgskoe Vostokovedenie Publ. 624 p.

Koneski B. (1999) Grammar of the Macedonian Literary Language. Skopje. Detska radost Publ. 551 p.

- Makarov M.L. (2003) *Fundamentals of the Theory of Discourse*. Moscow. Gnozis Publ. 280 p.
- Minova-Gurkova L. (2003) *Stylistics of the Contemporary Macedonian Language*. Skopje. Magor Publ. 350 p.
- Paducheva E.V. (1996) *Semantic Research: Semantics of Time and Aspect in the Russian Language; Semantics of Narrative*. Moscow. Yazyki Russkoy Kultury Publ. 464 p.
- Paducheva E.V. V.V. Vinogradov and Study of the Artistic Prose Language. *Izvestiya RAS. Seriya Literatury i Yazyka*. 1995. Vol. 54. No 3, pp. 39–48.
- Reznikova E.V. Personal Pronouns and Etiquette. *Chelyabinsk State University Bulletin*. 2009. No 27, pp. 119–125.
- Comrie B. Linguistic Politeness Axes: Speaker-addressee, Speaker-referent, Speaker-by-stander. In: *Pragmatics Microfiche 1.7: A3-B1*. Oxford: Oxford Microform. 1976.
- Crystal D. (2008) *A Dictionary of Linguistics and Phonetics*. 6th ed. Blackwell Publishing Ltd. 560 p.
- Cruse A. (2006) *A Glossary of Semantics and Pragmatics*. Edinburgh. Edinburgh University Press. 205 p.
- Fillmore C.J. (1971) *Santa Cruz Lectures on Deixis*. Bloomington. 87 p.
- Foley W. (1997) *Anthropological Linguistics: An Introduction*. Oxford. Basil Blackwell Publ. 495 p.
- Griffiths P. (2006) *An Introduction to English Semantics and Pragmatics*. Edinburgh. Edinburgh University Press. 193 p.
- Krasnoukhova O. (2007) *Social Deixis and Classifiers*. Published MA's Thesis. Radboud University Nijmegen. 60 p.
- Leech G.N. (1983) *Principles of Pragmatics*. London. 250 p.
- Levinson S.C. (1983) *Pragmatics*. Cambridge, England. Cambridge University Press. 438 p.
- Levinson S.C. Cognitive Anthropology. In: *Handbook of Pragmatics*, 10,12. 1995, pp. 100–105.
- Hornblower S. (2012) *The Oxford Classical Dictionary*. Oxford. Oxford University Press. 1792 p.
- Holmes J. (1992) *An Introduction to Sociolinguistics*. London; New York. 412 p.
- Stapleton A. Deixis in Modern Linguistics. www.scribd.com/document/370736246/vol-9-no-12

LIST OF SOURCES

- Dzekova V., Zakhov T. (2012) *Hersiliya*. Lulu. 74 p.
- Dostoevsky F.M. (1993) *The Village of Stepanchikovo*. Skopje. Tabernakul Publ. 434 p.
- Minova-Gurkova L. (2003) *Stylistics of the Contemporary Macedonian Language*. Skopje. Magor Publ. 350 p.

Сведения об авторе:

Александар Талески,	Aleksandar Taleski,
м-р филологических наук	Master of Philology
ассистент	Assistant
филологический факультет	Faculty of Philology
Пермский государственный национальный	Perm State University
исследовательский университет	

taleski87@yahoo.com

Материалы Международной научной конференции «XIII Поспеловские чтения.
Памяти В.Е. Хализева. Аксиологические проблемы в художественной литературе»

Л.В. Чернец (Москва, Россия)

О критериях и формах оценки таланта (из истории литературоведения)

Аннотация: Предмет исследования – критерии и формы оценки произведений разных жанров в истории литературоведения, в особенности в «поэтиках» Н. Буало и А.П. Сумарокова. Выделена прономинация как форма оценки таланта.

Ключевые слова: история литературоведения, «поэтики», талант и его оценка, Н. Буало, А.П. Сумароков, литературный жанр, прономинация

L.V. Chernec (Moscow, Russia)

Criteria for and Forms of Assessing Talent: From the History of Literary Criticism

Abstract: This article discusses criteria for and forms of evaluating literary works across different genres used throughout history of Literary Studies, particularly in “poetics” of N. Bualo and A.P. Sumarokov. One such criterion is pronomination.

Key words: history of literary studies, poetics, talent evaluation, N. Bualo, A.P. Sumarokov, literary genre, pronomination

Потребность судить и оценивать художественные произведения естественна и неустраима. Критерии оценки издавна обосновывались в «поэтиках», восходящих к античности, прежде всего в дошедшей до нас, хотя и не полностью, «Поэтике» Аристотеля. Откликаясь на ее первый русский перевод (1854), Н.Г. Чернышевский отметил как достоинство самого жанра системное изложение теории поэзии в определенный период. И хотя, по убеждению критика, «система – только временный переплет для науки», она очень важна: ведь «не приведенными в одно стройное целое истинами неудобно пользоваться: кто составил систему науки, тот один сделал науку общедоступною...»¹.

При реконструкции этапов развития теоретико-литературной мысли трудно переоценить роль «поэтик» либо близких к ним по цели и стилю сочинений, адре-

¹ Чернышевский Н.Г. О поэзии. Сочинение Аристотеля. Перевел, изложил и объяснил Б. Ордынский // Чернышевский Н.Г. Эстетика. М.: Гослитиздат, 1958. С. 319.

сованных прежде всего начинающим поэтам. Гораций изложил свое понимание поэзии в сочинении, названном «Послание к Пизонам» (заглавие «Наука поэзии» дал ему Квинтилиан); Н. Буало в своем «Поэтическом искусстве» (1674) обращался к тем, кто «тешатся мечтой взобраться на Парнас»¹; А.П. Сумароков на склоне лет объединил свои эпистолы о стихотворстве и русском языке в один текст под заглавием «Наставление хотящим быти писателями» (1774).

Подобные дидактические сочинения в стихах и в прозе (итальянские, французские, английские, немецкие, русские и др.) образуют цепь, растянувшуюся на много столетий. В них содержатся краткое, но системное изложение сущности и задач поэзии, требования к ее языку, перечень основных жанров, с указанием на образцы и неудачи, наставления критикам. Это одновременно *учебник* и *критический обзор* текущей литературы, с обязательными отсылками к античности. Назову лишь некоторые тексты XVI–XVIII вв., отражающие становление и расцвет классицизма: «Защита и прославление французского языка» Иоахима (в другом переводе – Жоашена) Дю Белле (1549), «Поэтика» Ю.Ц. Скалигера (на латыни, публ. 1561), «Защита поэзии» Ф. Сидни (1580, публ. 1590), «Книга о немецкой поэзии» М. Опица (1624), «Эссе о драматической поэзии» Дж. Драйдена (1668), вышеупомянутое «Поэтическое искусство» Н. Буало, «Эпистола II» (о стихотворстве) А.П. Сумарокова (1748). В названных сочинениях много перепевов, «общих мест»: «защита» поэзии, призыв к совершенствованию родного языка, постоянная оглядка на греко-римскую классику, перечни жанров, цитаты из «Науки поэзии» Горация («Поэтика» Аристотеля на греческом языке впервые вышла в 1508 г.).

Но очевидны и различия: на первый план выдвигаются задачи, *еще не решенные* в данной национальной литературе. Апогей классицизма как литературного направления (приходящегося на разное время в европейских странах) – это всегда подъем *национального* чувства. Так, для теоретика и поэта «Плеяды» Дю Белле главное – формирование нормированного, общенационального французского языка, «только еще пустившего корни», путем «подражания лучшим авторам греческим и латинским». Он призывает соотечественников «писать на своем языке, с восхвалением Франции» и в заключение восклицает: «Вперед, французы!»² Через 115 лет Буало уже спокойно, с удовлетворением констатирует:

Но вот пришел Малерб и показал французам
Простой и стройный стих, во всем угодный музам,
Велел гармонии к ногам рассудка пасть
И, разместив слова, удвоил тем их власть» (стр. 61).

И хотя Буало призывает поэтов к «ясности» речи, которой мешают «иноязычные слова» и «странные обороты» (стр. 62), хотя он даже Мольера упрекает за «скабрзные остроты» (стр. 94) в «Плутнях Скапена», – это уже замечания критика в адрес *отдельных* произведений. Образцы в разных жанрах созданы (оды Малерба, трагедии Расина, комедии Мольера, басни Лафонтена). В обзорах выделены жанры, которые великолепно представлены во французской литературе (трагедия, комедия, ода и др.), либо порицаемые по своей сути (прециозный роман), либо еще не освоенные (критик высоко ценит сонет, но с грустью признает: «Сонетов множество, а феникса все нет» (стр. 70).

¹ Буало Н. Поэтическое искусство. М: Гослитиздат, 1957. С. 55. (Пер. Э. Линецкой). Далее издание цитируется в тексте с указанием страницы.

² Дю Белле И. Защита и прославление французского языка // Поэты французского Возрождения: Антология. Л.: Гослитиздат, 1938. С. 255, 257, 284, 290. Далее страницы указываются в тексте.

Но поэзия – все-таки не жанры сами по себе, а поэты, их таланты. Интересно проследить, как в «поэтиках» к античному Пантеону постепенно прирастают новые имена. По мнению Дю Белле, «из всех старых французских поэтов едва ли не единственные Гильом де Лорис и Жан де Мен (авторы «Романа Розы») достойны чтения» (стр. 260), из новых он называет итальянцев Я. Саннадзаро, Л. Ариосто, Ф. Петрарку, Дж. Боккаччо, из французов – К. Маро и некоторых других предшественников «Плеяды». Ф. Сидни, восхищаясь наглядным изображением характеров и душевных состояний в поэзии, к примерам из античных произведений присоединяет «Кентерберийские рассказы» Джеффри Чосера: «...Разве угрызения совести у Эдипа, гордость Агагемнона, заставляющая его скоро раскаяться, самоубийственная жестокость его отца Атрея, неистовое честолюбие двух фиванских братьев, горькая сладость мести у Медеи и, если опуститься ниже, Гнафон Теренция и *Пандар нашего Чосера* (курсив мой. – Л.Ч.) не изображены с таким искусством, что теперь мы пользуемся их именами для обозначения соответствующих качеств?»¹

Удивительно едины авторы «поэтик» в признании таланта как *дара природы*. Начиная с «Науки поэзии» Горация в них утверждается, что истинному поэту свойствен особый врожденный дар (лат.: *natura atque ingenium*), который ничем нельзя заменить. В отличие от людей, занятых обычными делами, где желательно, но все же не обязательно «совершенство» выполнения работы, «поэзия, быв рождена к наслаждению духа, / Чуть с совершенства сойдет, упадет на низкую степень!»²

В то же время все солидарны в том, что природный дар нуждается в пестовании, развитии, поэту нужна *учеба*:

Что совершенству поэмы способствует больше: природа
Или искусство? – Станный вопрос! – Я не вижу, к чему бы
Наше учение было без дара и дар без науки?
Гений с природой должны быть в согласье взаимном (стр. 352).

Гораций советовал поэтам сочиненный текст «лет девять хранить без показу» (стр. 352), исправляя его и совершенствуя.

О сочетании гения с трудолюбием как залого успеха напоминают, цитируя или перефразируя Горация, авторы многих «поэтик». Дю Белле пишет: «Пусть не ссылаются... на то, что поэтом надо родиться – это очевидно по естественному пылу и живости духа, возбуждающих поэта, без чего всякая доктрина была бы для него недостаточна и бесполезна. Но стало бы слишком легко увековечивать себя славой, если бы достаточно было только счастливой природы, даруемой даже самым неученым, чтобы создавать вещи, достойные бессмертия» (стр. 265). Ему вторит Ф. Сидни в своей «Защите поэзии»: «...все прочие знания открыты любому, кто владеет своим разумом, поэт же ничего не может создать, не вложив в него своего дара, вот почему старая поговорка гласит: “Ораторами становятся, поэтами рождаются”. Однако я должен признать, что если самая благородная почва требует обработки, то и ум, устремленный ввысь, должен быть ведом Дедалом. У Дедала... всегда три крыла, которые его возносят к заслуженной славе: Искусство, Подражание и Упражнение»³.

¹ Литературные манифесты западноевропейских классицистов / Собр. текстов, вступ. ст., общая ред. Н.П. Козловой. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. С. 144.

² Гораций (Квинт Гораций Флакк). Собр. соч. СПб.: Биографический институт, 1993. С. 352. (Пер. М. Дмитриева). Далее это издание цитируется с указанием страниц.

³ Сидни Филип. Астрофил и Стелла. Защита поэзии. М.: Наука, 1982. С. 201.

Это «общее место» повторяется и в самой знаменитой поэтике классицизма – «Поэтическом искусстве» (1674) Никола Буало:

Тем, кто умеет печь, иль строить дом, иль шить,
Не обязательно на первом месте быть,
И лишь в поэзии – мы к этому и клоним –
Посредственность всегда бездарности синоним (стр. 97).

Но Буало вводит и другой критерий оценки творчества, лишь намечаемый его предшественниками. Он советует поэту «проверить свой талант и трезво и сурово» (стр. 55), чтобы найти подвластный ему *жанр*:

Природа щедрая, заботливая мать
Умеет каждому талант особый дать:
Тот может всех затмить в колючей эпиграмме,
А этот – описать любви взаимной пламя.
Ракан своих Филид и пастушков поет,
Малерб – высоких дел и подвигов полет.
Но иногда поэт, к себе не слишком строгий,
Предел свой перейдя, сбивается с дороги... (стр. 55–56).

Таким образом, Буало различает, во-первых, образцовых поэтов (слово «писатель» – из более позднего времени) и «посредственных»; во-вторых, ограничивает область сравнения *жанром*, в котором талант нашел свое яркое выражение. Иначе говоря, у него есть градация «по вертикали», состоящая из двух рядов (классики и «посредственности») и «по горизонтали» (где сравниваются авторы, пишущие в одном жанре: трагики, одописцы и т. д.). Он высоко оценивает, в частности, жанр сатиры, в котором писал сам: «Не злобу, а добро стремясь посеять в мире, / Являет истина свой чистый лик в Сатире» (стр. 72), отстаивает право сатирика на *гиперболу*: «В разящих, словно меч, сатирах Ювенала, / Гипербола, ярясь, узды не признавала» (стр. 72). Сравнение поэтов, пишущих в *одном* жанре, – например Ювенала и М. Ренье, «острые сатиры» которого все же отдают «душком тех злых мест, где наш поэт бывал» (стр. 73), – в пользу римского классика.

Но не все жанры для Буало равнодостойны: прециозный роман и христианскую эпопею он явно не жалуется. Так предвосхищается его будущий спор, начатый в 1687 г. на заседании Академии, с Шарлем Перро о «древних и новых»¹. Жанр романа для Буало заведомо «ниже», чем трагедия:

Несообразности с романом неразлучны,
И мы приемлем их – лишь были бы нескучны!
Здесь показался бы смешным суровый суд.
Но строгой логики от вас в театре ждут... (стр. 81).

Критика Буало не голословна: он приводит весомые аргументы и метит, как правило, не в лица, но в недопустимую, с его точки зрения, вольность обращения автора с материалом. Не называя имени автора, Буало умело использует *перифраз* (окольную речь), демонстрируя недостатки сочинения. Например, десяти томный роман «Артамен, или Великий Кир», где действие происходит в древней Персии, по его мнению, изображает Кира (грозного царя VI в. до н. э.) как «жеманного пастушка» с галантными манерами, и это возмущает критика: «Вовсе не был Кир похож на Артамена!» (стр. 80). И в «Клелии», другом десяти томном романе, где читатель перенесен в древний Рим, Буало не находит никакой «печати» страны и

¹ См.: Спор о древних и новых / Сост., вступ. ст. В.Я. Бахмутского; коммент. В.Я. Бахмутского и Н.В. Наумова. М.: Искусство, 1984. 472 с.

века. Не согласен критик и с авторами христианских поэм (эпопей), которые «гонят из стихов / Мифологических героев и богов, / Считаю правильным, разумным и приличным, / Чтоб уподобился господь богам античным» (стр. 85).

Перифрастический стиль критика, умалчивающего об авторе, но выявляющего *типические* недостатки прециозного романа или христианской эпопеи, предостерегал молодых авторов, стремящихся «взобраться на Парнас» (стр. 55), от подобных ошибок:

Примеру «Клелии» вам следовать не гоже:
Париж и древний Рим между собой не схожи.
Герои древности пусть облик свой хранят:
Не волокита Брут, Катон не мелкий фат (стр. 81).

Благодаря *перифразу*, которым пользуется Буало, внимание начинающих поэтов занимают недостатки самих романов, а не личность их автора – Мадлены Скюдери. Написав еще в 1665 г. остроумную пародию на ее сочинения – «Герои из романов. Диалог в манере Лукиана», галантный, при всей своей язвительности, Буало лишь в 1701 г., после смерти романистки, опубликовал этот остроумный, веселый текст. Для себя же как поэта он считал полезной даже брань своих врагов, о чем писал в «VII Послании к Расину» (1677):

...От злобной критики, где доля правды есть,
Я лучше становлюсь – изысканная месть (стр. 114).

В «Поэтическом искусстве» Буало названы по имени многие писатели, и не только французские, сочинения которых его восхищают или, напротив, печалят. «Каждый тезис Буало подкрепляется конкретными примерами из современной поэзии, в редких случаях – образцами, достойными подражания», – отмечает Н.А. Жирмунская¹.

Завершающим национальным вариантом общеевропейского направления был *русский классицизм* (1740–1770-е гг.). Русская литература в XVIII в. проходила, в терминах Г.Н. Пospelова, стадию «догоняющего ускорения»². «Эпистола II» (о стихотворстве)» А.П. Сумарокова (1748) имела подзаголовок: *подражание «Поэтическому искусству» Буало*. Это принципиально: в отличие от последующих *переводов* знаменитого трактата В.К. Тредиаковским (1752), а также более поздних переводов Д.И. Хвостова (1808) и А.П. Буниной (1819)³, текст Сумарокова претендовал на оригинальность.

Эпистола отразила реалии русской литературы. При этом призыв к писателям найти *свой* жанр у Сумарокова, по сравнению с Буало, приглушен (об этом говорится лишь в конце эпistolы, и он редко приводит примеры), – возможно, потому что сам он писал во многих жанрах (9 трагедий и 12 комедий, эклоги и элегии, оды и пасторали, песни и притчи). В описании жанровых инвариантов Сумароков в основном следует за Буало:

Знай в стихотворстве ты различие родов,
И что начнешь, ищи к тому приличных слов,
Не раздражая муз худым своим успехом:
Слезам Талию, а Мельпомену смехом⁴.

¹ История зарубежной литературы XVII века / Под ред. З.И. Плавскина. М.: Высшая школа, 1987. С. 138.

² Пospelов Г.Н. Стадиальное развитие европейских литератур. М., 1980. С. 196.

³ Перечень переводов и подражаний трактату Н. Буало см.: Песков А.М. Буало в русской литературе XVIII – первой трети XIX века. М., 1989. С. 134–143.

⁴ Сумароков А.П. Эпистола II // Сумароков А.П. Стихотворения. М., 1953. С. 136. Далее текст эпistolы цитируется по этому изданию с указанием в скобках страницы.

«Слезной комедии», как и «мещанской трагедии» (в духе Д. Дидро и Г.Э. Лессинга), Сумароков не принял, о чем писал Вольтеру, и был глубоко удовлетворен тем, что фернейский мудрец с ним согласился. В то же время, как полагает Г.А. Гуковский, морализаторство и резонерство героев в трагедиях Сумарокова – черта стиля, возникшая «именно в учительной буржуазной драме на Западе и впоследствии перешедшая оттуда в русскую комедию – и у Лукина, и у Фонвизина»¹.

Трагедии Сумарокова (кроме «Хорева», «Синава и Трувора») не соответствовали жанровому канону, это были странные трагедии: в их финале маячила желанная для героя и героини свадьба, что разительно отличало их от трагедий Корнеля (за исключением «Сида») и Расина. Ю.В. Стенник видит основную причину нетрагичных развязок у Сумарокова в том, что русским просветителям «были чужды те представления о свободе человеческой личности и самоценности индивидуума, которые для Запада, пережившего бурную эпоху Возрождения, были естественны и органичны»². Главным достоинством положительных героев в трагедиях Сумарокова было их «подчинение интересам государства»³.

На фоне предшествующих «поэтик» (не исключая трактата Буало) эпистола Сумарокова выделяется обширным списком «образцовых» писателей, где лишь половину занимают античные авторы. Приведу этот перечень, в котором интересен выбор и имен, и сопутствующих им эпитетов:

Взойдем на Геликон, взойдем, увидим тамо
Творцов, которые достойны славы прямо.
Там царствует Гомер, там Сафо, Феокрит,
Ешилл, Анакреон, Софокл и Еврипид,
Менандр, Аристофан, и Пиндар восхищенный,
Овидий сладостный, Вергилий несравненный,
Терентий, Персий, Плавт, Гораций, Ювенал,
Лукреций, и Лукан, Тибулл, Проперций, Галл,
Мальгерб, Русо, Кино, французов хор реченный,
Мильтон и Шекспир хотя непросвещенный,
Там Тасс и Ариост, там Камюэнс и Лоп,
Там Фондель, Гинтер там, там остроумный Поп (стр. 135–136).

Названы 34 имени, к которым следует присовокупить «французов хор реченный», куда входят упоминаемые в других местах текста Корнель, Расин, Вольтер, Мольер, Детуш, Генриетта де ла Сюз, Лафонтен и Буало. Из русских с похвалой упомянуты в начале текста «разумный Кантемир» как последователь Депрео Буало (стр. 134) и красноречивый Феофан (Прокопович), которого «природа произвела красой словенского народа» (стр. 135). В конце эпistolы в почетный ряд введен М.В. Ломоносов. Развивая мысль Буало о важности для поэта найти свой жанр, Сумароков сопоставляет Ломоносова с Пиндаром:

Когда имеешь ты дух гордый, ум летущ,
И вдруг из мысли в мысль стремительно бегущ,
Оставь идиллию, элегию, сатиру
И драмы для других: возьми гремещу лиру
И с пышным Пиндаром взлтай до небеси,
Иль с Ломоносовым глас громкий вознеси:
Он наших стран Мальгерб, он Пиндару подобен;
А ты, Штивелиус, лишь только врать способен (стр. 146–147).

¹ Гуковский Г.А. Русская литература XVIII века. М.: Аспект Пресс, 1998. С. 135.

² Стенник Ю.В. Жанр трагедии в русской литературе. Эпоха классицизма. Л., 1982. С. 39.

³ Там же.

Под Штивелиусом (от фамилии Stiefel, на латыни Stiefelius) Сумароков имел в виду В.К. Тредиаковского; между писателями, как доказывают М.С. Гринберг и Б.А. Успенский, «по-видимому, уже в начале 1840-х годов <...> возникает личный и творческий антагонизм»¹. В комедиях датского драматурга Л. Хольберга (Л. Гольберга) имя немецкого математика Штифеля стало нарицательным и обозначало педанта, чьи расчеты и предсказания были всегда неудачными. Сумароков в своих комедиях «Тресотиниус» и «Чудовищи» создал отнюдь не дружеский шарж на Тредиаковского. Впрочем, и похвала Ломоносову, по мнению упомянутых исследователей, была не вполне искренней; впоследствии его высокий слог станет мишенью сатиры Сумарокова в его «Одах вздорных», в эпиграмме «Под камнем сим лежит Фирс Фирсович Гомер».

У Буало общего перечня классиков нет, но поучительных примеров много. Песни вторая и третья его «Поэтического искусства» суть описания жанровых канонов, сопровождаемые указаниями на образцовые и – реже, но все же регулярно – неудачные или менее удачные сочинения; названы их авторы (правда, иногда, как в случае с Мадленой Скюдери, имена опускаются по тактическим соображениям). Он строже, чем Сумароков, выдерживает принцип сопоставления талантов авторов – в рамках одного жанра.

В истории литературоведения прочно утвердилось положение, что в традиционалистской поэтике «на первый план выдвигаются нормативные категории стиля и жанра, подчиняющие себе субъективную волю автора»². Это совершенно верно, но не следует забывать, что все-таки *первым* критерием оценки авторов выступает не мера совершенства, достигнутая в освоении того или иного жанра, но само наличие или отсутствие таланта (гения) у взявшегося за перо. Ведь в одном и том же жанре и даже стиле пишут многие. Несопоставимы для Буало как авторы трагедий Расин и Н. Падон (которому он к тому же не мог простить участия в заговоре против расиновской «Федры»). Свое примирительное письмо 1700 г. к Ш. Перро, подводившее итог спору между «Депрео архиантичным» и «Перро непиндариным», Буало завершает риторическим вопросом: «Как поладят бедный зритель и Падон, его мучитель?» (стр. 178).

Наряду с сопоставлением произведений одного жанра критик различает талант (гений), т. е. врожденную способность к творчеству, и «посредственность», которая «всегда бездарности синоним» (стр. 97). Падону, а также перечисляемым (названы десять имен) в четвертой главе «холодным стихоплетам» (стр. 97), вообще не следовало бы браться за перо.

У Сумарокова различия между талантом и бездарностью, с одной стороны, и эстетической градацией произведений одного жанра, с другой, четко не разграничены, хотя в начале эпистолы он поминает недобрым словом имена, ставшие нарицательными:

Падон и Шапелен не тамо ли писали,
Где в их же времена стихи свои слагали
Корнелий и Расин, Депро и Молиер,
Делафонтен и где им следует Мольер (стр. 134).

¹ Гринберг М.С., Успенский Б.А. Литературная война Тредиаковского и А.П. Сумарокова в 1740-х – начале 1750-х годов. М.: Рос гос. гуманитар. ун-т, 2001. С. 7.

² Аверинцев С.С., Андреев М.Л., Гаспаров М.Л., Гринцер П.А., Михайлов А.В. Категории поэтики в смене литературных эпох // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. М.: Наследие, 1994. С. 15.

С распадом классицизма жанр, в его традиционалистском понимании, восходящем к «колесу Вергилия», перестает быть ведущей категорией, чему очень помогли эстетические манифесты романтиков. Однако *родовые* признаки произведений (эпика, драма, лирика), их ведущий *нафос* (трагический, комический, элегический и т. д.) и другие неустраимые, при всей романтической вседозволенности, типологические различия (стих или проза? малая или большая форма?) сохраняли свою классифицирующую функцию. Кроме того, работала, по выражению М.М. Бахтина, и «память жанра». Как напомнил ученый, «жанр живет настоящим, но всегда помнит свое прошлое, свое начало. Жанр – представитель творческой памяти в процессе литературного развития»¹.

Иными словами, основания для типологии произведений менялись, но сама *типология* продолжала существовать. Возникали принципиально новые жанровые системы – и уходило безвозвратно время «поэтик».

Но и в эпоху, отмеченную доминантой «индивидуально-творческого художественного сознания»², прослеживается «избирательное сродство» (по выражению И.В. Гете) между талантом писателя и типами произведений (жанрами – в широком их понимании), а также вкусами читателей.

В отличие от авторов «поэтик», *литературоведческие* школы XIX в. в целом гораздо меньше интересовались *личностью* писателя и тем более его почитателей. Главным в быстро развивающейся науке о литературе было изучение *исторических закономерностей*: генезиса и развития национальной литературы (теория «трех факторов» Ипполита Тэна, роль «предания» в творчестве в исторической поэтике А.Н. Веселовского и др.).

Однако проводились и исследования, в центре которых были личность писателя и его почитатели, поклонники. В этом плане интересны в особенности работы Шарля Сент-Бёва (1804–1869), применявшего *биографический* метод, «эстопсихология» Эмиля Геннекена (1858–1888). Подчеркну лишь некоторые их положения.

Сближая талантливого писателя и его «духовных наследников, учеников и подлинных почитателей», Сент-Бёв исходил из гипотезы, что они принадлежат к одному «семейству умов». Ведь, по его словам, «гений – это владыка, собирающий вокруг себя своих подданных». Ученый также судил о таланте писателя «по его врагам, которых он, сам того не желая, восстановил и вооружил против себя; по его противникам и недоброжелателям, по всем тем, кто инстинктивно не может его переносить»³. Эмиль Геннекен, развивая подход Сент-Бёва, также доказывал – на основе эстетического, психологического и социологического анализа произведений – *внутреннюю близость* между автором и его поклонниками. При этом, откликаясь на популярную в 1880-е гг. теорию героя и толпы (развиваемую Габриэлем Тардом, Ле Боном), он уподоблял писателя, сумевшего увлечь читателей, общественному деятелю (герою, полководцу). Используя эстопсихологический метод, он рассматривал произведение «как выражение тех, кому оно нравится», и сближал «свойства душевной организации автора» со свойствами «его почитателей»⁴.

¹ Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Советская Россия, 1979. С. 122.

² Аверинцев С.С., Андреев М.Л., Гаспаров М.Л., Гринцер П.А., Михайлов А.В. Категории поэтики в смене литературных эпох. С. 32.

³ Сент-Бёв Ш. Шатобриан в оценке одного из близких друзей в 1803 году // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв.: Трактаты, статьи, эссе / Сост., общая ред. Г.К. Косикова. Изд-во Моск. ун-та, 1987. С. 47–48.

⁴ Геннекен Э. Опыт построения научной критики. Эстопсихология. М.: Книжный дом «Либроком», 2011. С. 119.

Развитие и одновременно уточнение названных концепций Сент-Бёва и Геннекена можно обнаружить в более поздней концепции общего «психологического фундамента», на котором стоят читатели, предпочитающие определенный тип произведений. С этой концепцией выступил в 1938 г. на съезде в Лионе, посвященном категории жанра, известный французский литературовед Поль ван Тигем. Ограничившись жанровыми признаками, т. е. не рассматривая произведение в его целостности, он, по сравнению с предшественниками, подчеркнул относительную самостоятельность поклонников писателя. Акцентируя в его творчестве эмоциональную доминанту, ван Тигем указал на сходство психологических особенностей автора и читателей, которое проявляется в создании или чтении произведений, вызывающих определенные переживания. Ведь часто сочинения, разные по своей структуре, по своей конкретной жанровой родословной, удовлетворяют сходную психологическую потребность читателей: можно установить «между жанрами, очень отдаленными по месту и времени, близкое родство, основанное на глубоких аналогиях в талантах писателей и в расположении публики. Как бы разнообразны ни были те или другие, они группируются вокруг нескольких основных тенденций. Эпопея гомеровская и роман исторический а ла Вальтер Скотт, куртуазный роман в стихах и светский психологический роман ближайших эпох, французская классическая трагедия и современная драма в прозе – все они представляют примеры жанров не формальных, но психологических, которые демонстрируют те же самые способности авторов, те же самые вкусы публики»¹.

Классификация писателей и, соответственно, их поклонников по «психологическим жанрам» (или типам творчества), т. е. «по горизонтали», находит четкое отражение в приеме *прономинации*. В особенности часто и успешно этот прием используется при сопоставлении разных национальных литератур, т. е. в сравнительном литературоведении. В русской литературе, быстро осваивающей в XVIII – начале XIX в. опыт иностранных, прежде всего западных литератур, прономинация использовалась особенно часто в жанре посланий к друзьям-поэтам (или к литературным врагам), а также в литературной критике.

Под *прономинацией* (лат. *proponinatio* – переименование, *pro nomine* – вместо имени, это калька греческого термина «антономасия») имеется в виду «экспрессивное использование имени собственного в значении имени нарицательного»². Так, русского поэта (либо французского, английского и т. д.) можно назвать любимцем Аполлона, поэтессу – новой Сафо, комедиографа – воскресшим Аристофаном или Менандром и т. д. По наблюдениям Е.В. Свиясова, «“литературная” прономинация, построенная на античных антропонимах, стала прерогативой в поэзии уже с 30-х гг. XVIII в.; подобный троп просматривается как закономерность на протяжении более ста лет развития русской поэзии»³.

¹ Tieghem P. van. La question des genres littéraires // Helicon. T.1. Amsterdam; Naage, 1938. P. 99.

² Москвин В.П. Прономинация // Москвин В.П. Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры. Терминологический словарь. Ростов-на-Дону: Феникс, 2007. С. 592. В толковании этого стилистического приема между учеными нет полного единства, что подробно рассмотрено в указанной статье (стр. 592–597), положения которой представляются убедительными. В основном тексте цитируется исходное определение, не вызывающее разногласий.

³ Свиясов Е.В. Прономинация как вид метонимии (на материале античных антропонимов) // Россия, Запад, Восток: встречные течения. К 100-летию со дня рождения академика М.П. Алексеева. СПб.: Наука, 1996. С. 112. Об использовании античной ономастики в XVII – начале XIX в. см. также: Салова С.А. Утро русской анакреонтики. М.: МАКС Пресс, 2005. 264 с.; Абрамзон Т.Е. По-

Однако теонимы и даже антропонимы, отсылающие к античности (господствующие в «поэтиках» классицизма), создавали слишком общее представление о поэте, не передавали его своеобразия и, кочуя из стихотворения в стихотворение, превращались в клише. Е.В. Свиясов, которого можно считать пионером в изучении данной темы применительно к русской литературе, приводит прономинативные, соотносящие Е.А. Баратынского с Овидием и Горацием, К.Н. Батюшкова – с Анакреоном, Горацием, Тибуллом и Тиртеем, П.А. Вяземского – с Аристиппом и Катуллом, Г.Р. Державина – с Анакреоном, Горацием и Пиндаром, В.А. Жуковского – с Тиртеем, М.В. Ломоносова – с Пиндаром. Исследователь отмечает превращение многих (но не всех, конечно) таких сопоставлений «с легкой руки второстепенных поэтов и просто графоманов в паточный штамп»¹.

На этом фоне выделяются своей свежестью и конкретностью сравнения русских писателей с их западноевропейскими *ближайшими* предшественниками и современниками, чьи имена успели стать нарицательными, т. е. эти поэты уже были признаны *классиками*. Такие прономинативные, во-первых, возвещали о пополнении поэтического Пантеона; во-вторых, часто они метко, с высокой степенью точности определяли своеобразие нового таланта, фигурально выражаясь, его «жанр» (в широком смысле слова).

Так, юный Пушкин в послании «К Батюшкову» (1814) сблизил своего старшего друга (Батюшков родился в 1787 г.), мечтателя, поклонника Вл. Озерова, с французским поэтом Эваристом Парни (1753–1814). Парни был автором элегий и поэм, проникнутых живым чувством, тоже увлекался Оссианом (мотивами знаменитой мистификации «Поэмы Оссиана» проникнута его поэма «Иснель и Аслега»). Пушкин любил Парни; как и Батюшков, переводил его². Удивительно точная прономинативная «наш Парни российский» в послании юного Пушкина «К Батюшкову» (1814) контрастирует с традиционной, даже трафаретной концовкой стихотворения: «...Мирские забывай печали, / Играй: тебя молодой Назон, / Эрот и грации венчали, / А лиру строил Аполлон»³.

Приведу еще три аналогии, предложенные русскими поэтами в первой трети XIX в. и вошедшими в литературный оборот. Это параллель между Жуковским и Томасом Греем, проведенная Батюшковым в «Надписи к портрету Жуковского» (1816):

Под знаменем Москвы пред падшею столицей
Он храбрым гимны пел, как пламенный Тиртей;
В дни мира, новый Грей,
Пленяет нас задумчивой цевницей⁴.

Стала хрестоматийной самооценка Лермонтова (1832):

Нет, я не Байрон, я другой,
Еще неведомый избранник,
Как он, гонимый миром странник,
Но только с русскою душой⁵.

этические мифологии XVIII века (Ломоносов. Сумароков. Херасков. Державин). Магнитогорск: МаГУ, 2006. 480 с.

¹ Абрамзон Т.Е. Поэтические мифологии XVIII века. С. 122.

² См.: Вольперт Л.И. Пушкинская Франция. СПб.: Алетейя, 2007. С. 493–497.

³ Пушкин А.С. Собр. соч.: В 10 т. Т. 1. М., 1959. С. 253.

⁴ Батюшков К.Н. Соч. М., 1955. С. 257.

⁵ Лермонтов М.Ю. Собр. соч.: В 4 т. Т. 1. М., 1958. С. 351.

И в заключение напомним о параллели между Пушкиным и западноевропейскими гениями, проведенной Н.И. Гнедичем в стихотворении «А.С. Пушкину, по прочтении сказки его о царе Салтане и проч.» (23 апреля 1832). Можно сказать, что Гнедич предвосхитил крылатые слова А.А. Григорьева: «Пушкин – наше всё: Пушкин – представитель всего нашего душевного, особенного, такого, что остается нашим душевным, особенным после столкновений с чужим, с другими мирами»¹:

Байрона гений, иль Гете, Шекспира –
Гений их неба, их нравов, их стран,
Ты же, постигнувший таинство русского духа и мира,
Пой нам по-своему, русский Баян!
Небом родным вдохновенный,
Будь на Руси ты певец несравненный!²

Два последних сопоставления подчеркивают одновременно и конгениальность русского поэта западноевропейским кумирам, и в то же время его национальную оригинальность. Широкое применение подобные прономинативы получили в русской литературной критике.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамзон Т.Е. Поэтические мифологии XVIII века (Ломоносов. Сумароков. Херасков. Державин). Магнитогорск: МаГУ, 2006. 480 с.

Аверинцев С.С., Андреев М.Л., Гаспаров М.Л., Гринцер П.А., Михайлов А.В. Категории поэтики в смене литературных эпох // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. М.: Наследие, 1994. С. 39–104.

Батюшков К.Н. Соч. М.: Гослитиздат, 1955. 452 с.

Буало Н. Поэтическое искусство. М.: Гослитиздат, 1957. 232 с.

Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Советская Россия, 1979. 320 с.

Вольперт Л.И. Пушкинская Франция. СПб.: Алетейя, 2007. 576 с.

Геннекен Э. Опыт построения научной критики. Этопсихология. М.: Книжный дом «Либроком», 2011. 128 с.

Гнедич Н.И. Стихотворения. М.; Л.: Советский писатель, 1963. 488 с.

Гораций (Квинт Гораций Флакк). Собр. соч. СПб.: Биографический институт, 1993. 448 с.

Гринберг М.С., Успенский Б.А. Литературная война Тредиаковского и Сумарокова в 1740-х – начале 1750-х годов. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2001. 144 с.

Гуковский Г.А. Русская литература XVIII века. М.: Аспект Пресс, 1988. 454 с.

Дю Белле И. Защита и прославление французского языка // Поэты французского Возрождения: Антология / Ред. и вступ. ст. В.М. Блюменфельда. Л., 1938. С. 249–295.

История зарубежной литературы XVII века / Под ред. З.И. Плавскиной. М.: Высшая школа, 1987. 248 с.

Лермонтов М.Ю. Полн. собр. соч.: В 4 т. Т. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. 756 с.

Литературные манифесты западноевропейских классицистов // Собр. текстов, общая ред. и вступ. ст. Н.П. Козловой. М.: Изд-во Моск. ун-та. 1980. 622 с.

Москвин В.П. Прониминация // Москвин В.П. Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры. Терминологический словарь. Ростов-на-Дону: Феникс, 2007. С. 7.

¹ *Григорьев А.А.* Искусство и нравственность. М., 1986. С. 78.

² *Гнедич Н.И.* Стихотворения. М.; Л., 1963. С. 164.

Песков А.М. Буало в русской литературе XVIII – первой трети XIX века. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1989. 176 с.

Поспелов Г.Н. Стадиальное развитие европейских литератур. М.: Худож. лит., 1988. 208 с.

Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. 1. М.: Гослитиздат, 1959. 644 с.

Салова С.А. Утро русской анакреонтики. М.: МАКС Пресс, 2005. 264 с.

Сент-Бёв Ш. Шатобриан в оценке одного из близких друзей в 1803 году // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв.: Трактаты, статьи, эссе / Сост.,общая ред. Г.К. Косикова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987. С. 39–48.

Свиясов Е.В. Прономинация как вид метонимии (на материале античных антропонимов) // Россия, Запад, Восток: встречные течения. СПб.: Наука, 1996. С. 109–153.

Спор о древних и новых / Сост., вступ. ст. В.Я. Бахмутского. М.: Искусство, 1984. 472 с.

Стенник Ю.В. Жанр трагедии в русской литературе. Эпоха классицизма. Л.: Наука, 1982. 168 с.

Сумароков А.П. Стихотворения. Л.: Советский писатель, 1953. 344 с.

Чернышевский Н.Г. Эстетика. М.: Гослитиздат, 1958. 376 с.

Tiegem P. van. La question des genres littéraires // Helicon. Vol. 1. Amsterdam; Haage, 1938.

REFERENCES

Abramzon T.E. (2006) Poetic Mythologies of the 18th century (Lomonosov. Sumarokov. Heraskov. Derzhavin). Magnitogorsk. 480 p.

Averintsev S.S., Andreev M.L., Gasparov M.L., Grinzer P.A. Poetic Categories are Changing from One Literary Epoch to Another. In: Historic Epochs and Types of Artistic Consciousness. Moscow. Nasledie Publ. 1994, pp. 39–104.

Batiuchkov K.N. (1955) Poems. Moscow. Goslitizdat Publ. 452 p.

Bualo N. (1957) Poetic Art. Moscow. Goslitizdat Publ. 232 p.

Bachtin M.M. (1979) Problems of Dostoevsky's Poetics. Moscow. Sovetskaya Rossiya Publ. 320 p.

Chernyshevskii N.G. (1958) Aesthetics. Moscow. Goslitizdat Publ. 376 p.

Henneken E. (2011) The Experience of Science Criticism's Construction. Moscow. Librokom Publ. 128 p.

History of Foreign Literature of the 18th century / Ed. by Z.I. Plavskin. Moscow. Vyschaya Shkola Publ. 1987. 248 p.

Horatius. (1993) The Complete Works. St.-Petersburg. Biography Institute Press. 448 p.

Gnedich N.I. (1963) Verses. Moscow; Leningrad. Sovetsky Pisatel Publ. 488 p.

Grinberg M.S., Uspensky B.A. (2001) The Literary War of Trediakovsky and Sumarokov in the 1740s and early 1750s. Moscow. 144 p.

Gukovsky G.A. (1988) Russian Literature of the 18th century. Moscow. Aspect Press Publ. 454 p.

Du Belle I. Defence and Glory of the French Language. In: Poets of French Renaissance: An Anthologie. Leningrad. Goslitizdat Publ. 1938, pp. 249–295.

Lermontov M. Yu. The Complete Works: In 4 vols. Vol. 1. Moscow; Leningrad. 1958. 756 p.

Literary Manifestos of West-Europeans Classicists / Ed. by N.P. Kozlova. Moscow. Lomonosov Moscow University Press. 1980. 622 p.

Moskvin V.P. Pronomination. In: Moskvin V.P. The Expressive Means of Contemporary Russian Speech: Terminological Dictionary. Rostov-na-Donu. Feniks Publ. 2007. p. 7.

Peskov A.M. (1989) Bualo in Russian Literature of the 18th and the First Third of the of 19th century. Moscow. Moscow University Press. 176 p.

Pospelov G.N. (1988) Stages of European Literature Development. Moscow. Khudozhestvennaya Literatura Publ. 208 p.

Pushtkin A.S. The Complete Works: In 10 vols. Vol. 1. Moscow. Goslitizdat Publ. 1959. 644 p.

Salova S.A. (2005) The Dawn of Russian Anacreontics. Moscow. MAKSS Press. 264 p.

Saint-Boeve Sch. On Shatobrian's Appreciation by One of His Friends in 1803. In: Foreign Aesthetic and Literary Theory of the 20–21 centuries: Treatises, Articles, Essays / Ed. by G.K. Kosikov. Moscow. Lomonosov Moscow State University Press. 1987, pp. 39–48.

Sviyasov E.V. Pronomination as a Form of Metonymy. In: Russia, the West, the East: Opposite Currents. St.-Petersburg. Nauka Publ. 1996, pp. 109–153.

Discussion about the Ancient and Modern / Ed. by V.Ya. Bachmutsky. Moscow. Iskusstvo Publ. 1984. 472 p.

Stennik Yu.V. (1982) Genre of Tragedy in Russian Literature: The Epoch of Classicism. Leningrad. Nauka Publ. 168 p.

Sumarokov A.P. (1953) Poems. Leningrad. Sovetsky Pisatel Publ. 344 p.

Tiegem P. van. (1983) On the Problem of Literary Genres. In: Helicon. Vol. 1. Amsterdam; Naage.

Volpert L.I. (2007) Pushkin's France. St.-Petersburg. Aleteja Publ. 576 p.

Сведения об авторе:

Чернец Лилия Валентиновна,
доктор филол. наук
профессор
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Chernec Lilia Valentinovna,
Doctor of Philology
Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
cherli65@yandex.ru

Е.И. Белая (Барановичи, Беларусь)

Профессия персонажа в белорусской прозе первой трети XX века: социальная значимость и эстетико-философская ценность

Аннотация: В художественной литературе профессия персонажа обычно не только обозначает его социальный статус – она имеет и символическо-метафорический смысл. Автор статьи обращается к распространенным с начала XX в. в социокультурном пространстве Беларуси профессиям учителя, врача, землеустроителя, почтальона, селькора. Герои, имеющие ту или иную профессию, рассматриваются в аспекте проблемы самореализации личности, ее участия в социальном творчестве. Цель проведенного исследования – показать, что при типологии персонажей в прозе изучаемого периода важно учитывать как их профессию, так и систему ценностей, а сама профессия имеет не только конкретно-исторический, но и общечеловеческий, вневременной смысл, и на этой основе можно установить системные связи. К анализу привлекается творчество Я. Коласа, К. Чорного, М. Горецкого и других известных белорусских прозаиков.

Ключевые слова: персонаж, профессия, социальная роль, концепция личности, художественный тип, черты индивидуальности, символичность, метафорический смысл

E.I. Belaya (Baranovich, Belarus)

A character's Profession in the Belarusian Prose of the First Third of the 20th century: Social and Aesthetic Philosophical Value

Abstract: In fiction, a character's profession is indicative of a character's social role, and it has a symbolic and metaphorical meaning. This article explores the professions that were widespread in the social and cultural space of Belarus since the early 20th century – a teacher, doctor, postman, village correspondent. Some professions are considered from the perspective of a person's self-realization, their participation in social creativity. The research aims to prove that it is important to take into account both the system of values and the professional background of the heroes while forming a typology as profession itself has a historical, universal, or timeless meaning. The article serves to establish systemic links between the Belarusian novelists Ya. Kolas, K. Chorny, M. Garetsky, to name just a few.

Key words: character, profession, social role, concept of personality, artistic type, personality traits, symbolism, metaphorical meaning

Человек вообще, отмечал Алесь Адамович, это абстракция. А реальность – люди, «социально и морально “окрашенные” в цвета своего класса, своего общества, своего времени»¹. В переходные эпохи, к каким относится первая треть XX в. в Беларуси, персонажи обычно представлены в их социально определенных ролях, при том что они наделены индивидуальными, часто противоречивыми, чертами характера. Как отмечает Л.Я. Гинзбург, если социальная личность – это набор функций, психологическая роль – единство, то литературная роль – это «тождество концепции человека и формы, которая ее выявляет»².

Для белорусских писателей первой трети XX в. характерно внимание к *профессии* создаваемых ими персонажей. Часто изображается *учитель*. Он представлен галереей ярких образов-характеров в трилогии Якуба Коласа «На росстанях». Два основных типа учителя метафорически определены как «болотная вода» и «родниковая струя». Довольно распространен и тип «неразумного» учителя, которому в белорусском фольклоре соответствуют студиозус – персонаж народного театра и школяр, проигрывающий в споре с крестьянином. В высмеивании профессии отразилось недоверие крестьянства к «ученым» людям и пассионарным личностям, что на себе испытали многие герои-интеллигенты. Якуба Кубраковича, «неразумного» учителя из одноименного рассказа Максима Горьцкого, сделала таковым людская молва. Говорили и то, что он сам притворился дураком, испугавшись кары за вольнодумство, а в итоге и стал таким, пропал человек...

Учитель был тотально подконтрольным и зависимым от разных инстанций, и большинство учителей дорожили своим статусом, делаясь опорой консервативной идеологии, превращаясь в «болотную воду». Таков учитель-монархист в романе Михася Зарецкого «Стежки-дорожки», призывающий молодежь к антисемитским выступлениям. Но, конечно, классиками белорусской литературы создавался и художественный тип человека с передовыми социально-политическими и педагогическими взглядами.

Часто в произведениях подчеркивается однообразие учительского труда, которое влияет на личностные качества персонажей. Дореволюционный учитель Зубрицкий в повести Лукаша Калюги «Недоля Заблоцких» – это «детский страх»³, человек злой и большой мастер «лапу» давать, бить деревянной линейкой по ладоням. Этот «пожилой хлопец», раздумывая над своей жизнью, пришел к выводу, что живет только в нудном, неинтересном предисловии, и загорелся мечтой открыть новую главу жизни, в которой возможны события, достойные удивить мир. По своему духовному содержанию этот тип персонажа можно условно назвать переходным между теми, которые выделил Якуб Колас. В амбивалентном образе Зубрицкого воплощена драма человека, лишенного участия в социальном творчестве.

Неоднозначно изображается учительство в период «тройственной» войны, которая создает угрозу гуманистической сущности профессии. Некоторые представители учительства занимают место в рядах «милитаризованного», по выражению Н. Бердяева, антропологического типа, который нашел себя в стихии революции и/или гражданской войны. В «Белой гвардии» М. Булгакова таков Козырь.

¹ Адамович А. Кузьма Чорный // Адамович А. Собр. соч.: В 4 т. Т. 2. Минск: Худож. лит., 1982. С. 203.

² Гинзбург Л.Я. О литературном герое. М.: Сов. писатель, 1979. С. 56.

³ Калюга Л. Произведения: роман, повести, рассказы, письма. Минск: Худож. лит., 1992. С. 250.

До войны он был плохим учителем, «жестоким и нудным», к 1917 г. дослужился до офицера, а в 45 лет наконец попал на «свое» место, надев френч полковника петлюровской армии. А произошло так потому, что война для него была призванием, а учительство – «долгой и крупной ошибкой»¹. Совершенно иными мотивами движим пастернаковский Антипов-Стрельников («Доктор Живаго»).

В белорусской прозе целостный образ «милитаризованного» учителя отсутствует. Здесь можно встретиться, скорее, с замаскированным врагом: так, под личиной отца Димитрия в романе З. Бядули «Язеп Крушинский» (1929–1931) скрывается поручик, который до войны был учителем. В повести М. Горецкого «Тихое течение», наоборот, бывший унтер-офицер по окончании службы становится учителем. Белорус по происхождению, он, однако, жестоко наказывал детей за использование двенадцати «самых нелюбимых для него здешних»² слов. И всё же, провожая на войну своих бывших учеников, целовал их, глядя, как и все, в сторону...

В художественной литературе отразилась официальная тенденция преувеличивать революционность учительства. В. Набоков иронично констатирует в эссе «Торжество добродетели», что сельский учитель часто старательно ищет истину и находит ее в коммунизме. Подобным путем проводит своего героя, молодого учителя Андрея Лобановича, Якуб Колас. Лобанович «и сам знает, что рано или поздно, а стать ближе к какой-либо революционной организации ему придется. Он чувствует, что надо сделать некий новый шаг в жизни, шаг важный и опасный»³. Слова «придется» и «надо» маркируют не свободный выбор персонажа, а его вынужденную идентичность.

«Обрыдлые с ненавистными детьми»⁴ проходят годы Никифора Высоковича (роман Л. Калюги «Пустодомки»). До революции учитель так и не осуществил своей мечты об университете, а в начале 1920-х на прежней должности волостного «совслужа» оформлял браки и разводы, выдавал свидетельства о смерти. В романе они названы «паспорта на тот свет», а это одна из метафор расстрела – по формулировке того времени, «вышей меры социальной защиты». Учитель участвует в раскулачивании, в том числе семей бывших учеников, и в разговоре с одним из них философствует: «Надо подчиниться. Всё великое возводилось руками невольников». Он советует отречься от родни и стараться «достать справку»⁵. Высокович – человек во френче, которого он не снял и перейдя из чиновников в учителя. Дальнейшая судьба персонажа неизвестна по причине незавершенности романа, но некоторые детали позволяют предположить, каким именно образом он станет самоутверждаться в антигуманную эпоху.

Вместе с тем авторы акцентируют и общечеловеческое, вневременное в профессии учителя. Цокур («Зона молчания» С. Граховского) служил в армии во внутренних войсках, но за какое-то нарушение сам был осужден и в наказание назначен начальником лагеря, что для честного человека с доброй душой было трагедией.

К созданию образа профессионального ученого белорусская проза только подступалась. Студент-медик Архип Линкевич («Родные корни» М. Горецкого) сомневается, что наука может дать ответ на все «проклятые» вопросы: ведь, зная всё о человеке, создать его она не способна! В образе «профессора»-ворона («На всё есть причина») Я. Колас воплощает растерянность сторонников эволюции перед

¹ Булгаков М. Белая гвардия; Мастер и Маргарита: Романы. Минск: Худож. лит., 1988. С. 116.

² Горецкий М. Тихое течение // Горецкий М. Собр. соч.: В 4 т. Т. 2. Минск: Худож. лит., 1984. С. 140.

³ Колас Я. Собр. соч.: В 20 т. Т. 14. Минск: Беларус. наука, 2011. С. 365.

⁴ Калюга Л. Произведения: роман, повести, рассказы, письма. С. 452.

⁵ Калюга Л. Произведения: роман, повести, рассказы, письма. С. 454.

слепой силой стихийного бунта. Персонаж М. Горецкого, «многоученный» пан Беляевский из Петербурга (рассказ «Родные корни»), не пренебрегает простым народом. Профессор Старобыльский (рассказ «Неразгаданные люди»), в отличие от комиссара, сочувствует нищему. В прозе З. Бядули и К. Чорного есть аллюзии на личности некоторых выдающихся, как принято было говорить, марксистских ученых. Концепцию образа ученого существенно уточнил Платон Головач в романе «Сквозь годы», показав научную среду дореволюционного времени и периода социалистического строительства. Инженер Протасов в романе М. Осоргина «Сивцев Вражек» замечает: наука – великая вещь, в которой нет мелочей, в отличие от политики – «дела наносного, случайного...»¹. П. Головач не только одним из первых в белорусской прозе показал назревающее противостояние науки и политики, но и значительно углубил психологизм в изображении ученого. Характер поднятых в романе проблем, в том числе острая для 1920-х проблема «интеллигенция и эмиграция», делают роман «Сквозь годы» созвучным прозе русского зарубежья.

«Научный человек» в изображении А. Платонова (рассказ «Усомнившийся Макар») – весьма ёмкий и выдающийся по эмоционально-критической силе символ абстрактного знания, в жертву которому приносятся интуиция, фантазия, чувство, необходимые для полноты восприятия мира. М. Горецкий также отмечает, что у его заглавного героя (рассказ «Старый профессор») холодный ум и каменное сердце: он поставил на карту жизнь молодой жены, не желая прислушаться к доводам народной медицины. И всё же в финале рассказа побеждает сердечное чувство, а значит, жизненная гармония достижима. Ученый в рассказе Д. Хармса «Судьба жены профессора» служит не в научном учреждении, а в какой-то конторе и так же беспомощен перед бюрократами, как и всякий «маленький» человек. В подтексте романа З. Бядули «Язеп Крушинский» заложена мысль об угрозе для науки, судьбу которой решают представители одной из актуальных «свободных» профессий революционных и послереволюционных лет – активисты-ораторы, в равной мере искренние труженики на любой ниве, будь она колхозная либо культурная. Их стараниями на смену «бывшим» профессорам приходит «красная профессура» – люди, по словам М. Осоргина, большой воли и малой грамотности.

В отдельных произведениях белорусской прозы изображен *врач*; эта профессия также получает символическое истолкование. В христианстве Бог, заботящийся о людях, сравнивается с умелым врачом, который для всякой человеческой немощи предполагает индивидуальное лечение. Введение в сюжет персонажей-докторов обусловлено в прозе «эпохи рубежа» мотивами болезни и безумия как метафорическими состояниями личности кризисного времени. М. Волошин призывал помнить, что «знамена, партии и программы / То же, что скорбный лист для врача сумасшедшего дома»². В прозе М. Горецкого присутствие персонажа-доктора маркирует проблему национальной идентичности. Студент-медик Архип Линкевич («Родные корни») решает трудиться на Беларуси и собирать материалы о духовной жизни своего народа. В рассказе «Русский» действие происходит в Первую мировую войну. Незадачливый вояка-белорус повредился рассудком, застрелив австрияка (на самом деле, украинца из Галиции). Бедолага неустанно повторяет: «Я русский! Русский!» Но его «недуг» непонятен врачу, лишенному чувства национального самосознания.

¹ Осоргин М.А. Времена: Автобиографическое повествование. Романы. М.: Современник, 1989. С. 551.

² Волошин М. Избранное: Стихотворения, воспоминания, переписка. Минск: Худож. лит., 1993. С. 158.

В романе К. Чорного «Сестра» изображен бывший комиссар, а ныне *парикмахер* (*цирюльник*) Абрам Ватасон. Цирюльники в Средние века имели право заниматься малой хирургией, делать кровопускания. Для комиссара-цирюльника Ватасона в человеке важна «обостренная твердость», а это качество хорошего ланцета. Хирург, «человек с ланцетом», – символический субъект исправления несовершенной действительности. Однако еще М. Монтень предупреждал об опасности желания одним махом вылечить расшатанную большими переменами державу. Неистовым Хирургом» назвал М. Волошин Петра Первого в поэтическом цикле «Пути России». Ватасон у К. Чорного – вариант типа «человека с ланцетом», заслуживающий номинации «человек с ланцетом во френче». Как говорит он приятелю-врачу Казимеру, «кого куда поведет потребность наша: ты пойдешь лечить, а я пойду брить и стричь»¹. По сюжету, от бритья лиц бывший комиссар возвращается к социально-преобразовательной практике – «над перестройкой города ломает голову»².

События «тройственной войны» и периода репрессий придали значимости профессии *почтальона*. Индивидуально-личностное и социально-типическое сочетаются в образе чрезмерно любопытного «почтаря» Гаврущика (роман Л. Калюги «Пустодомки»), который грел чужие письма над сваренной картошкой и, распечатав, читал. Часто он не понимал написанного, но очень уж хотел дойти до сути. Сильно пахли вареной картошкой и письма, что приходили из ссылки («видимо, был в Минске – да и один ли! – Гаврущик»³). Детали намекают на перлюстрацию писем: как известно, с царских времен в качестве «вспомогательных агентов», «стукачей» использовались почтальоны, а также дворники, швейцары, конторщики.

Имеют дополнительный смысл и профессии, связанные со службой на *железной дороге*. Она воспринимается не только как знак цивилизации. В характере «одержимого» машиниста Андрея Летуна Михась Лыньков воплотил извечное стремление человека заглянуть за горизонт, узнать предел своих возможностей, подобно тому, как это сделал Л. Андреев в рассказе «Полет». Машинная тематика не отменяет гуманизма в мировоззрении белорусского прозаика, что выявляется и в характере машиниста, и в приемах его обрисовки. В отдельных произведениях М. Лынькова, Я. Коласа, Л. Калюги уделено внимание будочнику на железной дороге. Эту профессию «примеряет» на себя чужак-мечтатель у Л. Калюги, видя в ней одну из ипостасей «человека свободного», который добровольно отрекся от людской суеты и спокойно созерцает ее со стороны. Однако такой идеал свободы для общественного человека недостижим вообще, а особенно в 30-е гг. прошлого века.

Закон 1911 года о землеустройстве актуализировал профессию *землемера* (*каморніка*). Часто каморники представлены как собирательный образ. Хотя крестьяне стремятся угождать каморникам, обычно проходят проекты, выгодные землевладельцам. Каморник в рассказе Я. Коласа «Нёманов дар» – пан старой закалки, строгий на вид, в шляпе с пером. И хотя он действует не в интересах селян, в авторском повествовании отражается уважение к профессиональным принципам героя и его достойному поведению, что не могло конструктивно не повлиять и на разгневанную толпу. В повести М. Горецкого «Меланхолия» характер землемера-наставника более многогранный, психологически глубокий. Он стремится сделать практиканта настоящим человеком и специалистом, но в своем понимании, где нет места национальной самоидентификации. Неслучайно М. Горецкий

¹ Чорный К. Сестра // Чорный К. Собр. соч.: В 8 т. Т. 3. Минск : Худож. лит., 1973. С. 20.

² Чорный К. Сестра. С. 267.

³ Калюга Л. Произведения: роман, повести, рассказы, письма. С. 455.

высказывает мысль, что в «нашем освободительном движении учителя и литераторы еще долго будут более востребованы, чем землемеры и агрономы»¹.

Каморник намечен как один из ключевых образов в романе К. Чорного «Земля», к сожалению, недописанном. Крестьяне надеются, что молодому землемеру, уехавшему в город, опять доведется мерить их землю, да и сам он пишет любимой: «Когда-нибудь приеду, где я землю мерил»². Она же сообщает ему слухи о новом землеустройстве на будущий год, в связи с основанием коммуны. Рисуя привлекательный облик молодого каморника, К. Чорный подчеркивает его аккуратность, ум, самостоятельность. Они дают герою право на самую высокую оценку: «Это человек» – хоть и «не такой большой пан, сам, видимо, из мужиков»³. Импонируют стремление героя к образованию, личностной и профессиональной самореализации. Он не только намерен выйти из бедности и вывести из нее своих родителей, но и полон романтического рвения уничтожить бедность. М. Пришвин в записи от 1909 г. связывает образ землемера с пантеистическим началом творчества как способом гармонизации хаотичного мира, в котором сотни наблюдений «складываются в определенный порядок, подобно тому, как землемер одной протянутой линией отмеряет много отдельных измерений...»⁴. Лесным каморником назван герой романа К. Чорного «Сестра» Ватя Брониславец, который выбрал профессию таксатора – специалиста по учету и оценке леса. В одном из диалогов произведения звучит любимое сталинское выражение «Лес рубят – щепки летят». В данном контексте выбор профессии персонажа неслучаен, а его фразу «Леса меряю» можно оценить как манифест авторского гуманизма.

Особое место среди профессий нового времени занимает *селькор*, причем в роли не просто фиксатора событий, а «социального диагноста». В романе К. Чорного «Иди, иди» отмечается, что его работа очень нужна советской власти. Стать селькором предлагает грамотному подростку кулацкий сын Нахлябич, чтобы оболгать неугодного ему человека. Мальчишка сначала обрадовался доверию, но потом понял, что рискует стать орудием в нечистых руках. Профессия селькора в период Великого перелома была сопряжена с опасностью для жизни. Поэтому Никита в повести Я. Коласа «Отщепенец» написал в газете про кулака Чикилевича, не называя его по имени, придав ему общий характер классового врага. А. Мрый в сатирическом романе «Записки Самсона Самосуя» акцентирует внимание на том, что «адресанты» были неграмотными и задиристыми. Штатным селькором хочет быть «редакционный гость» в одноименном очерке К. Чорного. Вначале он принес корреспонденцию о самогонке и несоветских элементах, а по сути – поклёп на председателя сельсовета, который будто бы затаил на него злобу (это был нередкий мотив в освещении данной темы). Иным представлен юный редактор стенгазеты Зэнка в повести Л. Калюги «Одержимость». Его авторитет – Данила Неведомский, сотрудник одной из столичных редакций. Деревенские события начала 1930-х гг. оцениваются с точки зрения их моральной пригодности для корреспонденций: а вдруг «перед кем-то автору будет неловко»⁵. Сначала тем было мало, они появились с началом коллективизации, «но какие же тяжелые...»⁶. И Зэнка передает газету другому комсомольцу. Савка Солох, персонаж романа «Язеп Крушинский», бьется над

¹ Горецкий М. Меланхолия // Горецкий М. Собр. соч.: В 4 т. Т. 2. Минск: Худож. лит., 1984. С. 53.

² Чорный К. Земля // Чорный К. Собр. соч.: В 8 т. Т. 3. Минск: Худож. лит., 1973. С. 524.

³ Чорный К. Земля. С. 323.

⁴ Пришвин М.М. Дневники. М.: Правда, 1990. С. 35.

⁵ Калюга Л. Произведения: роман, повести, рассказы, письма. С. 518.

⁶ Калюга Л. Произведения: роман, повести, рассказы, письма. С. 523.

проблемой, о чем и как писать. Его стихи и рассказы, посылаемые во все редакции, нигде не печатают, и он начинает думать, не дороже ли творчества «голая правда» статьи либо очерка? В финале романа Савка находит нужную «платформу», активно пишет и печатается.

Подведем некоторые итоги. В прозе первой трети XX века представлен в разнообразии индивидуализированных образов целый ряд профессий. Прежде всего это *учитель*, а также *ученый*. Выбор профессии персонажей мотивирован и реалиями времени, и идейно-эстетически. Сопоставление персонажей, сходных по профессии, но руководствующихся разными ценностями, дает основание для их типологии. Особое символично-метафорическое наполнение имеет тип *хирурга*, черты которого приписываются радикальным преобразователям общества. Реальность «эпохи рубежа» обусловила актуализацию таких профессий, как *почтальон*, *землеустроитель*, *машинист*, *селькор*. В переломное время между характерами, системами ценностей персонажа и его функциями или поступками возникают различные соотношения. Гуманистическая концепция героя предполагает наличие в нем черт *творческой личности*, противостоящей хаосу, вне зависимости от профессии, носителем которой он является.

ЛИТЕРАТУРА

Адамович А. Кузьма Чорный // Адамович А. Собр. соч.: В 4 т. Т. 2. Минск: Худож. лит., 1982. С. 161–302.

Булгаков М. Белая гвардия; Мастер и Маргарита: Романы. Минск: Худож. лит., 1988. 670 с.

Волошин М. Избранное: Стихотворения, воспоминания, переписка. Минск: Худож. лит., 1993. 479 с.

Гинзбург Л.Я. О литературном герое. М.: Сов. писатель, 1979. 222 с.

Горецкий М. Собр. соч.: В 4 т. Т. 2. Минск: Худож. лит., 1984. 416 с.

Калюга Л. Произведения: роман, повести, рассказы, письма. Минск: Худож. лит., 1992. 607 с.

Колас Я. На росянах // Колас Я. Собр. соч.: В 20 т. Т. 14. Минск: Беларус. навука, 2011. 429 с.

Осоргин М.А. Времена: Автобиографическое повествование. Романы. М.: Современник, 1989. 622 с.

Пришвин М.М. Дневники. М.: Правда, 1990. 480 с.

Чорный К. Романы // Чорный К. Собр. соч.: В 8 т. Т. 3. Минск: Худож. лит., 1973. 544 с.

REFERENCES

Adamovich A. Kuzma Chorny. In: Adamovich A. Collected Works: In 4 vols. Vol. 2. Minsk. 1982, pp.161–302.

Bulgakov M. (1988) The White Guard; The Master and Margarita: Novels. Minsk. 670 p.

Voloshin M. (1993) Selected Works: Poems, Memories, Letters. Minsk. 479 p.

Ginzburg L.Ya. (1979) On the Literary Hero. Moscow. 222 p.

Goretski M. Collected Works: In 4 vols. Vol. 2. Minsk. 1984. 416 p.

Kaljugha L. (1992) Works: A Novel, Stories, Short Stories, Letters. Mins. 607 p.

Kolas Jakub. At a Crossroads. In: Kolas Jakub. Collected Works: In 20 vols. Vol. 14. Minsk. 2011. 429 p.

Osorgin M. (1989) Time: Autobiographical Narrative. Novels. Moscow. 622 p.

Prishvin M. (1990) Diaries. Moscow. 480 p.

Chorny K. The Earth. In: Chorny K. Collected Works: In 8 vols. Vol. 3. Minsk. 1973. 544 p.

Chorny K. The Sister. In: Chorny K. Collected Works: In 8 vols. Vol. 3. Minsk. 1973. 544 p.

Сведения об авторе:

Елена Ивановна Белая,
канд. пед. наук, доцент

профессор кафедры филологии
БарГУ

Elena I. Belaya,
Candidate of Pedagogic Sciences,
Assistant Professor,
Professor of the Department of Philology
Baranovich State University (BarSU)

alba.57@mail.ru

И.В. Мотеюнайте (Псков, Россия)

Репрезентация системы ценностей в рассказе В.П. Астафьева «Людочка»: повествование, сюжет, композиция

Аннотация: Автор отталкивается от исследований проблемы насилия и рассматривает понимание силы, выраженное в рассказе В.П. Астафьева «Людочка», сюжет которого изображает прямые формы насилия: изнасилование и убийство.

Анализ композиции рассказа и характеристики персонажей показывают, что социальное и стихийно-животное начала являются, по Астафьеву, внешними по отношению к человеку разрушительными формами силы, а противостоять им могла бы духовная сила внутри человека.

Автор транслирует в рассказе устойчивые национальные представления о терпении как о единственно возможной стратегии выживания, что связано с исторически сложившимися условиями социального угнетения. Подобные представления отражены в пословицах, поговорках, духовных стихах, а также в сочувствии русской литературы человеку, который обычно воспринимается жертвой репрессивной государственной машины.

Гендерные стереотипы, относящие к «мужскому» защиту, а к «женскому» – созидание жизни, играют существенную роль в воспроизведенной картине мира на уровне повествования, но развенчиваются сюжетом.

Пессимистическое в целом восприятие жизни повышает ценность жертвенного сострадания. Главной его формой у Астафьева становится литературное творчество, воплощающее протест против угнетающего человека социального устройства. «Слово» приравнивается к «делу», и «виртуальная» реальность творческого сознания становится единственным пространством идеалов и ценностей.

Ключевые слова: В.П. Астафьев, «Людочка», проблема насилия, национальная система ценностей, способы воплощения

I.V. Motejunajte (Pskov, Russia)

The Value System in V.P. Astafyev's Short Story 'Lyudochka': Narrative, Plot, Composition

Abstract: Drawing on research into violence, this paper discusses the understanding of power in the short story 'Lyudochka' by Viktor Astafiev. The story, to be more precise, raises the problems of rape and murder as most atrocious forms of violence. The

composition of the story and characteristics of the characters show that a human's social and biological natures, according to Astafiev, are secondary destructive forces and these can be tamed by the moral – inner – force. Through his story Astafiev translates the concept of patience as a deeply-rooted national concept and argues that being patient is the only viable strategy of survival, which is conditioned by a history of social suppression. The idea of being patient is encountered in many Russian proverbs and sayings, poems, stories, and novels. It is common practice that a Russian person is portrayed as a victim of the state repression machine. The gender stereotypes which ascribe protection and defense to a man and life sustenance to a woman, however essential they may be in the narrative, are broken by the plot. The pessimistic perception of life through literature enhances the value of compassion and self-sacrifice. The word is equated with the deed, and virtual reality of artistic consciousness becomes an only space of ideals and values.

Key words: V.P. Astafiev, 'Lyudochka', problem of violence, national system of values

В.П. Астафьев воспринимается как защитник традиционных ценностей, трудолюбия, любви к природе, смекалки, незлобивости, связанных с крестьянским мировоззрением, цельность которого пошатнулась в описываемую им эпоху в связи с урбанизацией и формированием новой государственной системы. Творчество Астафьева рассматривается в контексте двух тем русской литературы второй половины прошлого века: войны и деревни; обе отмечены остротой социальной проблематики. Социальные взаимодействия современности в отечественной науке, вслед за западной, часто рассматриваются сквозь призму властных отношений и применения насилия в его разных проявлениях начиная с 1990-х гг¹. Свидетельством непреходящей актуальности темы и в нашем столетии стала книга В.И. Красикова «Насилие в эволюции, истории и современном обществе. Очерки» (М.: Водолей, 2009) и перевод в 2010 г. работы С. Жижика «О насилии».

Обратившись к теме социального насилия в творчестве Астафьева, И.Л. Новокрещенова вписала военные произведения писателя в контекст размышлений русских мыслителей о формировании советским государством безвольного согласия с насилием². Подобное представление о национальной культуре распространено в социологических исследованиях и обычно связывается с принадлежностью русской культуры к типу традиционных³. Так, В.И. Красиков в своих очерках «Насилие в эволюции, истории и современном обществе» анализирует материал пословиц и поговорок из словаря В. Даля и отмечает такие качества русского народного сознания, как оправдывание и *опривычивание* насилия, однако он заключает, что подобные черты «выражают не особенности менталитета, а скорее социально-исторические особенности традиционного общества»⁴.

¹ См.: Губин В.Д. Русская культура и феномен насилия // Вопросы философии. 1995. № 3. С. 3–5; Гусейнов А.А. Понятия насилия и ненасиления // Вопросы философии. 1994. № 4. С. 35–41; Румянцева Т.Г. Агрессия и контроль // Вопросы психологии, 1992. № 5/6. С. 35–40; Тарасов К.А. От насилия в кино к насилию «как в кино»? // Социологические исследования. 1996. № 2. С. 35–41; Шихирев П. Психика и мораль в конфликте // Общественные науки и современность. 1992. № 3. С. 27–37; подборка материалов в журнале «Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения» (вып. 8. М. 1995);

² Новокрещенова И.Л. Типология социального насилия в творчестве В.П. Астафьева о великой отечественной войне // Вестник Тамбовского университета. Серия: гуманитарные науки. 2012. Вып. 5(109). С. 84–89.

³ Красиков В.И. Насилие в эволюции, истории и современном обществе. Очерки. М.: Водолей, 2009.

⁴ Красиков В.И. Насилие в эволюции, истории и современном обществе. С. 180–181.

В связи с обозначенной проблемой возникает вопрос о традициях и возможностях сопротивления насилию. Возвращаясь к Астафьеву и продолжая наблюдения над проблематикой насилия в его творчестве, небесполезно обратить внимание на то, что он понимает под силой. В этом отношении показателен рассказ «Людочка», написанный в 1987 г. и опубликованный в № 9 «Нового мира» за 1989 г. Сюжет рассказа включает изнасилование, самоубийство и убийство, что выдвигает на первый план проблему насилия. Его концентрация в сюжете сочетается с авторскими объяснениями характеров. В русле реалистической концепции человека автор акцентирует разные факторы, определяющие склад личности, на примере разных героев. В повествовании указывается, что на характеры героев повлияли разные факторы: нехорошие гены (Людочка), социальные условия в стране (Гавриловна), история русской деревни (мать), случайные обстоятельства (Артемка Мыло), природа (Стрекач). Анализ сюжетно-композиционных приемов и особенностей повествования позволяет увидеть за прямым изображением насилия авторское понимание разных граней силы, в том числе и связанных с национальной аксиологией.

В этом рассказе Астафьева социальный фон дан штрихами и однозначно оценен как деформирующий личность. Отрицательное влияние социальных условий на человека в Советском Союзе демонстрируется прежде всего примером Гавриловны. Стареющая парикмахерша, мучающаяся профессиональной болезнью ног, обещает главной героине Людочке отписать ей свой дом в благодарность за заботу и ведение хозяйства. Характерно, что жизнь Гавриловны описана автором наиболее подробно; в иных случаях он ограничивается выразительным эпизодом или общей характеристикой, а здесь рассказ о прошлом содержит множество деталей и основное внимание сосредоточено на колоссальных усилиях героини обрести жилье. Базовая человеческая потребность в крыше над головой удовлетворяется в Советском Союзе ценой тяжелого многолетнего труда, без отпусков, с постоянным самоограничением. Будучи доброй помощницей героини, приютив девушку и поддерживая ее, в соответствии со своими, вполне традиционными, представлениями о благополучии, Гавриловна, однако, в решающий момент отступает от избранной роли. Автор постарался объяснить ее выбор сложившимися условиями: социальный фон в целом и жилищная проблема в частности, остро стоявшая в СССР¹, объясняет и оправдывает для читателя поступок Гавриловны, когда она, выбирая между сохранностью собственного дома и благополучием Людочки, отдает предпочтение первому. Так формируется представление о воздействии социальных условий на личность: тяжелые условия объясняют отступления от традиционной морали.

Саркастический эпилог рассказа становится пуантом осуждения социальной системы: «На четвертой полосе местной газеты в конце квартала появлялась заметка о состоянии морали в городе и было сообщено, что за отчетный период в городе совершилось три убийства, сто пять квартирных краж, пятнадцать налетов на прохожих с целью снятия одежды, была попытка ограбить районную кассу, но тут же ее пресекли бдительные силы милиции, крупных краж и преступлений с особо тяжкими последствиями не наблюдалось, насилий было всего восемь, угонов транспорта — тридцать два, налетов на дачи одиннадцать. Конечно, о полном покое граждан и моральном благополучии в городе говорить еще рано, одна-

¹ Подробней об истоках жилищной проблеме в СССР см.: Хоффман Дэвид Л. Взращивание масс. Модерное государство и советский социализм. 1914–1939 / Пер. А. Терещенко. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 87–90.

ко, благодаря профилактической работе и усилению внимания местных властей к оздоровлению общества посредством спортивной деятельности, в частности, за счет открытия плавательного бассейна на базе локомотивного депо, где подогретая вода давно уже течет попусту, преступность по сравнению с тем же периодом прошлого года сократилась на один и семь сотых процента.

Людочка и Стрекач в этот отчет не угодили. Начальнику областного управления УВД оставалось два года до пенсии, и он не хотел портить положительный процент сомнительными данными. Людочка и Стрекач, не оставившие после себя никаких записок, имущества, ценностей и свидетелей, прошли в регистрационном журнале УВД по линии самоубийц, беспричинно, попросту говоря – сдуру, наложивших на себя руки»¹.

Этот эпилог выводит читателя за пределы достаточно замкнутого мира героини и выражает авторскую оценку системы в целом. Астафьев выстраивает сюжет таким образом, чтобы в собственно криминальных событиях милиция участия не принимала. Образ этого социального института он формирует прежде всего в приведенном эпилоге, но в начале текста упоминает и конкретного представителя милиции, акцентируя в нем стремление к демонстрации силы: «...молоденький милиционер в нарядном картузе, ходивший вокруг танцплощадки со связкой ключей, подействовал на Людочку успокаивающе. Ключами милиционер поигрывал, позванивал так, чтоб наглядно было: **сила** есть против всяких страстей и бурь. Время от времени эта **сила** вступала в действие. Милиционер приостанавливался, кивал картузом, и на его кивок тут же из кустов бузины являлось четверо парней с красными повязками дружинников. Милиционер повелительно тыкал пальцем в загон и бросал парням звенящие ключи» (стр. 8). Сосредоточенность правоохранительных (карательных) органов лишь на собственном имидже подчеркивает их тотальную отчужденность от реальных человеческих нужд. Выводя из криминального сюжета милицию, автор объясняет, почему функция соблюдения социального и бытийного порядка в позднесоветском обществе выполняется самими гражданами. В отличие от массовой литературы, в которой подобный мотив часто используется для развития полноценного детективного сюжета, Астафьев его делает фоновым элементом композиции (разворачивает лишь в эпилоге), переводя конфликт из социальной сферы в нравственно-психологическую и бытийную. Это позволяет ему продолжить традицию русской литературы, с ее состраданием человеку в его неравной борьбе с государством.

Страшный сюжет (изнасилование) имеет развязкой наказание виновного Стрекача: отчим Людочки его убивает, и читатель чувствует облегчение. Кажется, что не имеющий имени герой выполняет архетипическое назначение отца, защищая девушку. Акт мести воспринимается как восстановление справедливости. Однако характерно описание отчима в момент убийства: «Вэпэвэрзэшное кодро – шестерки Стрекача заступили дорогу мужику, он уперся в них взглядом. Парни-вэпэвэрзэшники почувствовали себя под этим взглядом мелкой приканавной зарослью, которую, не расступись, мужик этот запросто стопчет! Настоящего, непридуманного пахана почувствовали парни. Этот не пачкал штаны грязью, этот давно уже ни перед кем, даже перед самым грозным конвоем на колени не становился. Он шел на полусогнутых ногах, чуть пружинистой, как бы даже поигрывающей, по-звериному упругой походкой, готовый к прыжку, к действию. Раздавшийся в

¹ Астафьев В.П. Людочка // Новый мир. 1989. № 9. С. 7. Далее страницы указываются в тексте в круглых скобках по этому изданию.

груди оттого, что плечи его отвалило назад, весь он как бы разворотился навстречу опасности. Беспощадным временем сотворенное двуногое существо с вываренными до белизны глазами, со дна которых торчало остро заточенное зернышко. Вспыхивали искры на гранях. Возникали те искры, тот металлический огонь из темной глубины, клубящейся не в сознании, а за пределами его в том месте, где, от пещерных людей доставшееся, сквозь дремучие века прошедшее, клочкотало всесокрушающее, жалости но знающее бешенство.

У-у-уы-ы-ых! У-у-уы-ы-ых! – доносилось из утробы, из-под набрякших неандертальских бугров лба, из-под сдвинутых бровей, а из глаз все сверкали и не гасли, сверкали и не гасли те искры, тот пламень, что расплавил и сделал глаза пустыми, ничего и никого не видящими» (стр. 25).

Именования героя выявляют природу той силы, которая в данном обществе творит суд: «мужик» – «пахан» – «существо». Лексически и ритмически автор создает образ первобытной, дикой, животной силы, направленной на разрушение / уничтожение окружающего. Измена человечности в данном случае поддерживается и замечанием матери Людочки: «Мать Людочки всегда чужая в “самом” затаенную, ей неведомую страхищу, какую-то чудовищную мощь, которую он ни разу, слава Богу, не оказал при ней, да, может, и не окажет». Эта «чудовищная мощь» в авторском комментарии о состоянии отчима после убийства получает и иное именование, схожее с пушкинской оценкой бунта Евгения в «Медном всаднике»: «Какая-то прежняя, до конца им самим не познанная злая **сила** высоко его подбросила, он поймался за сук, тот скрипнул и отвалился от ствола, обнажив под собой на глаз коня похожее йодистого цвета пятно. Подержав сук в руках, почему-то понюхав его, отчим Людочки тихо, для себя молвил:

– Что же ты не обломился, когда надо? – и с внезапным неистовством, со все еще неостывшим бешенством искрошил сук в щепки» (стр. 26)¹.

Тема дикой, стихийной, природной силы как разрушительного начала в социуме формируется в тексте и описанием парка, зарастающего дурнолесьем и загаженного людьми, «демонстрирующими силу»². Вершинным воплощением такой силы становится образ Стрекача, в портрете которого акцентированы «насекомые» элементы, обездушивающие героя. И авторская характеристика («Порочный, с раннего детства задроченный», стр. 10), и изображение его действий, и рассказ о прошлом направлены на то, чтобы отделить его от человеческого мира и приблизить к животному-природному. Действия его – блатной кураж и изнасилование – приводят к нарушению жизненного порядка.

Само слово «сила» в «Людочке» используется с иронией, когда речь идет о милиции, и сопровождается отрицательной коннотацией по отношению к отчиму. Активные действия человека в рассказе Астафьева имеют отрицательную оценку и,

¹ Выделено мною. – И.М. Ср.: «И обуянный силой черной».

² «Вдоль канавы, вламываясь в сорные заросли, стояли скамейки, отлитые из бетона, потому что деревянные скамейки, как и всё деревянное, дети и внуки славных тружеников депо сокрушали, демонстрируя **силу** и готовность к делам более серьезным. Все заросли над канавой и по канаве были в собачьей, кошачьей, козьей и еще чьей-то шерсти. Из грязной канавы и пены торчали и гудели горлами бутылки разных мастей и форм: пузатые, плоские, длинные, короткие, зеленые, белые, черные; прели в канаве колесные шины, комья бумаги и оберток; горела на солнце и под лунной фольга, трепыхалось рванье целлофана; иногда проносило аж до самой реки, в которую резво втекал зловонный поток канавы, какую-нибудь диковину: испутившего резиновый дух крокодила Гену; красный круг из больницы; жалко сплившийся презерватив; остатки древней деревянной кровати и много-много всякого добра» (стр. 6).

как правило, вызваны желанием самоутверждения («демонстрируют силу»). Даже защита принимает форму выплеска эмоций, а не установление порядка. В результате «биологическая», стихийная, сила не менее разрушительна, чем насилие государственной власти.

Оценка силы меняется в контекстах «деревня» (точнее, яблоня в деревне¹), «Людочка» и «мать»². Женское начало у Астафьева ассоциируется с жизнепорождением, в соответствии с фольклорной традицией. Положительная семантика силы связана с актом, направленным на поддержку другого человека, помощь ему. (Немаловажно, что сама жизнь в таком случае воспринимается тяжелым испытанием, бременем, непосильным для многих) Авторское понимание транслируется в эпизоде с умирающим в больнице молодым лесорубом через развернутое размышление героини.

Этот эпизод расположен в центре рассказа, тем самым выделен композиционно. Он очень важен, поскольку вводит тему силы в контекст жизни и смерти. «Поднявшись с кровати, переждав головокружение, Людочка заглянула за печь и, прижав кулаки к груди, долго смотрела на мучающегося человека. Движимая инстинктом сострадания, не совсем еще отмершего в роде человеческого, она приложила ладонь к лицу парня – голова его в бинтах пугала ее. Парень постепенно стих, насос перестал в нем качать воздух, разлепил ресницы, открыл плавающие в жидкой слизи глаза и, возвращаясь из небытия, сделал еще одно **усилие** – различил слабый свет и человека в нем» (стр. 18). Этот контекст проясняет мысль о необходимости силы для жизни, которая возможна лишь как героическое сопротивление смерти и требует активных усилий, причем обязательно совместных: «Встряхнулась она от слабого стога, похожего на щенячье поскуливание.

Парень последним, непримиримым **усилием** выпростал свои пальцы из рук Людочки и отвернулся – он ждал от нее не слабого утешения, он жертвы от нее ждал, согласия быть с ним до конца, может, и умереть вместе с ним. Вот тогда свершилось бы чудо: вдвоем они сделались бы **сильнее** смерти, восстали бы к жизни, в нем, почти умершем, появился бы такой могучий порыв, что он смел бы все на своем пути к воскресению» (стр. 19).

Мысль о Другом как об источнике силы для человека автор тоже передает героине: «Ведь если бы и вправду была в ней готовность до конца остаться с умершим, принять за него муку, как в старину, может, и в самом деле появились бы в нем неведомые **силы**. Ну даже и не свершись чуда, не воскресни умирающий, все равно сознание того, что она способна на самопожертвование во имя ближнего своего, способна отдать ему всю себя, до последнего вздоха, сделало бы, прежде всего, ее **сильной**, уверенной в себе, готовой на отпор злым **силам**.

О-о, она теперь понимала совсем вживе, совсем натурально то, о чем когда-то читала и равнодушно зубрила по учебникам, как выживали в тюрьмах-одиночках в цепи закованные герои. Конечно же, они были сами творцами своего могущественного духа, но сотворялся этот дух с помощью таких же **сильных** духом, способных разделить сострадание...» (стр. 20)

¹ «Яблоня эта, казалось, сама собой ободралась, облезла, как нищенка, одна только ветвь была у нее в коре и цвела каждую весну, из чего и **сил** набиралась?» (стр. 13).

² «Она в голодные, холодные годы, с мужиком-пьяницей, худо-бедно подняла, вырастила дитя, надо и на другого где-то и как-то **сил** набраться. Или последние **силы**, что в ней, да и не в ней уже, в корнях ее рода бывших, сохранить» (стр. 14).

В своих размышлениях о смерти и человеческой силе Людочка апеллирует к истории (вспоминает жен декабристов) и транслирует христианскую идеологию самопожертвования и сострадания как основной источник силы для человека. Характерно, что в этом же эпизоде впервые в рассказе звучит молитва: «Боже праведный! Боже преславный... Раба твоего прости и согрешенья вольные и невольные... огневицу угаси, врачебную Твою **силу** с небеси пошли...» (стр. 19). Причем только этот фрагмент оформлен как традиционный молитвенный текст, в котором соединены части заупокойной молитвы и молитвы за болящего. В размышлениях героини вызревают темы жертвы и сострадания, и из этого комплекса христианских мотивов рождается ее понимание силы. В отличие от иных, такое ее значение подается автором как трудно и самостоятельно постигаемое человеком, однако лишь на уровне понимания, как мысль, но не как действие.

Автор акцентирует в Людочке слабость, причем физическая слабость объясняет ее неспособность постоять за себя: «...девочка была ушиблена нездоровой плотью отца и родилась слабенькой, болезной и плаксивой» (стр. 3), – пишет он в начале рассказа, а затем комментирует ее поведение: «Гавриловна, почуяв слабинку в характере постоялицы, сбывла на девочку все домашние дела, весь хозяйственный обиход» (стр. 5). Вывод, к которому приходит сама Людочка, не способствует продолжению жизни: «Людочка неожиданно подумала об отчине: вот он небось из таких, из **сильных**? Да как, с какого места к нему подступиться-то? Было время, их, деревенских школьниц-шмакодявок, подвыпившие парни молодецки-весело спихивали в клубе со скамеек на грязный пол, а сами сидели просторно, одни, и не поднимали с пола девчонок до тех пор, пока они не обзаводились телом, которое уже можно мять и тискать.

А те, городские, на танцплощадке?

Разве они не столкнуты со скамейки под ноги, на грязный пол? И зачем она вместе с Гавриловной осуждала их? Чем она-то их лучше? Чем они хуже ее? В беде, в одиночестве люди все одинаковы. И нечего...» (стр. 21).

Самооценка героини как слабой и потому недостойной жизни, по сюжету, приводит ее к мысли о самоубийстве. В унисон с таким сюжетным поворотом звучит и молитва ее матери, оценивающей ее самоубийство как вызванное «неполноценностью» девушки: «Господи, помоги хоть эту дитю полноценную родить и сохранить. Дитя не в тягость нам будет, хоть мы и старые, дитя нам будет уж как сын и как дочка, и как внук, и как внучка, оно скрепит нас, на плаву жизни удержит... А за тую доченьку, кровиночку алую, жертву жизни невинную, прости меня, Господи, если можешь... Я зла никому не делала и ее погубила не со зла... Прости, прости, прости...» (стр. 26).

Образ матери, не имеющей, как и отчим, имени и исчерпывающийся функциональностью, Астафьев выстраивает как сформированный историческими обстоятельствами: «Поскольку со всеми своими бедами-напастями и с жизнью своей мать Людочки привыкла справляться одна, так и думать привыкла: на роду бабьем даже как бы записано – терпи. Мать не от суровости характера, а от стародавней привычки быть самостоятельной во всем, не поспешила навстречу дочери, не стала облегчать ее ношу, – пусть сама со своей ношей, со своей долей управляется, пусть горем и бедами испытывается, закаляется, а с нее, с бабы русской, и своего добра достаточно, донести бы и не растрясти себя до тех пределов, которые судьбой иль Богом определены» (стр. 14).

Века тяжелого труда и социального угнетения сформировали представление о покорности и терпении как о единственно возможных стратегиях выживания. Астафьев изображает героев, наследующих традицию такого восприятия жизни: у Людочки «издревле доставшееся женское чутье», у отчима – «от пещерных людей доставшееся» бешенство, у матери – представления о насилии как о привычной «беде – не беде», потому что она «баба русская». Гендерные стереотипы, относящиеся к «мужскому» защите, а к «женскому» – созидание жизни, играют существенную роль в воспроизведенной картине мира на уровне повествования, но развенчиваются сюжетом. Автор показывает, как Людочке последовательно отказывают в поддержке близкие люди; отчим мстит, но не защищает, мать и Гавриловна не способны помочь девушке из-за объективно сложившихся условий жизни.

Таким образом, автор в рассказе показывает систему человеческих отношений, в которых активные физические действия вызывают разрушения и оцениваются негативно; им может противостоять внутренняя (духовная) сила человека. Эта мысль, воплощенная в тексте, так сказать, пунктиром, дана в модусе пожелания и при жесткости сюжета и натуралистичности описаний выглядит воплем отчаяния. От безысходности происходящего автор старается смоделировать возможный положительный фундамент, находя его в традиционной культуре. Между тем история и человек, по логике повествования, свидетельствуют о деградации: спивается и опустошается деревня; зарастает парк; люди вырождаются¹; Людочка не смогла прижиться в городе, остановившись в привокзальной зоне, и покончила с собой.

В силу сложившихся социальных и исторических обстоятельств люди лишены внутренней (духовной) силы, поэтому не могут противостоять ни дикой стихии, ни исторически сформированным социальным условиям. Положительные герои рассказа транслируют понимание жизни как чего-то непосильного для себя, трудного; они, по логике автора, нуждаются в сочувствии, в помощи со стороны. Один из самых безысходных рассказов Астафьева обнажает глубокие пласты национального сознания, созвучные состоянию, выраженному, например, в русских духовных стихах, по выводам Г. Федотова: «...жизнь тяжка и беспросветна; она слагается из непрерывных страданий. Отсюда эти слезы, которые застилают глаза певца даже тогда, когда он говорит о чистой красоте. Его оценка человеческой жизни категорична и исполнена глубокого пессимизма»².

Астафьев утверждает способность к состраданию главной ценностью человека. При этом сострадание свойственно только автору; оно выражено в эпиграфе: «Ты камнем упала. / Я умер под ним» (Вл. Соколов) – и в авторском «предисловии»: «Зачем же история эта, тихо и отдельно ото всего, живет во мне и жжет мое сердце?» (стр. 3). Оно в литературном творчестве, которое превращается в форму протеста против угнетающего человека социального устройства. Этот протест выражен прежде всего стилистическими средствами: натуралистичностью описаний, раздражающих читателя, авторской иронией и сарказмом. Пространством идеалов и ценностей утверждается «виртуальная» реальность творческого

¹ «С испугу же, не иначе, Артемка-мыло скоро женился, и у него по-стахановски, быстрее всех в поселке через четыре всего месяца после свадьбы народилось кучерявое дите, улыбчивое и веселое. На крестинах отец Артемки-мыло, заслуженный пенсионер, смеялся, говорил, что этот малый с плоской головой, потому что на свет белый его вынимали щипцами, уже и с папино мозговать не сумеет, с какого конца на столб влезть – не сообразит» (стр. 27)

² Федотов Г.П. Стихи духовные (русская народная вера по духовным стихам) М.: Прогресс; Гнозис», 1991. С. 79.

сознания; слово приравнивается к делу, со всеми вытекающими последствиями национально самобытной картины мира.

ЛИТЕРАТУРА

- Астафьев В.П. Людочка // Новый мир. 1989. № 9. С. 3–28.
- Губин В.Д. Русская культура и феномен насилия // Вопросы философии. 1995. № 3. С. 3–5.
- Гусейнов А.А. Понятия насилия и ненасилия // Вопросы философии. 1994. № 4. С. 35–41.
- Хоффманн Дэвид Л. Вращивание масс. Модерное государство и советский социализм. 1914–1939 / Пер. А. Терещенко. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 424 с.
- Красиков В.И. Насилие в эволюции, истории и современном обществе. Очерки. М.: Водолей, 2009. [200] с.
- Новокрещенова И.Л. Типология социального насилия в творчестве В.П. Астафьева о Великой Отечественной войне // Вестник Тамбовского университета. Серия: гуманитарные науки. 2012. Вып. 5(109). С. 84–89.
- Румянцева Т.Г. Агрессия и контроль // Вопросы психологии. 1992. № 5/6. С. 35–40.
- Сафуанов Ф.С. Психологическая типология криминальной агрессии // Психологический журнал. 1999. Т. 20. № 6. С. 24–35.
- Тарасов К.А. От насилия в кино к насилию «как в кино»? // Социологические исследования. 1996. № 2. С. 35–41.
- Шихирев П. Психика и мораль в конфликте // Общественные науки и современность. 1992. № 3. С. 27–37.

REFERENCES

- Astafyev V.P. Lyudochka. *Novy Mir*. 1989. No 9, pp. 3–28.
- Gubin V.D. Russian Culture and Phenomenon of Violence. *Voprosy Filosofii (Russian Studies in Philosophy)*. 1995. No 3, pp. 3–5.
- Guseinov A.A. Concepts of Violence and Unviolence. *Voprosy Filosofii (Russian Studies in Philosophy)*. 1994. No 4, pp. 35–41.;
- Hoffmann David L. (2011) Cultivating the Masses. Modern State Practices and Soviet Socialism, 1914–1939. Cornell University Press, 2011. 344 p.
- Krasikov V.I. (2009) Violence in an Evolution, History and Modern Society. Essays. Moscow. Vodolej Publ. 200 p.
- Novokreschenova I.L. Typology of Social Violence in the Works of V.P. Astafyev about the Great Patriotic War. *Tambov State University Bulletin. Series: Humanities*. 2012. Vol. 5(109). pp. 84–89.
- Rumyantseva T.G. Aggression and Control. *Voprosy Psichologii*. 1992. No 5/6, pp. 35–40.
- Shihirev P. Psychic and Morality in the Conflict. *Social Sciences and Contemporary World*. 1992. No 3, pp. 27–37.
- Tarasov K.A. From Violence in the Movies to Violence “like in the Movies”? *Sotsiologicheskie Issledovaniya (Sociological Studies)*. 1996. No 2, pp. 35–41.

Сведения об авторе:

Илона Витаутасовна Мотеюнайте,
доктор филол. наук, доцент
профессор
факультет русской филологии и иностранных
языков
ПсковГУ

Ilona V. Motejunajte,
Doctor of Philology, Assistant Professor
Professor
Faculty of Russian Philology and Foreign
Languages
Pskov State University

ilona_motya@mail.ru

Е.Е. Соловьева (Череповец, Россия)

Аксиология и перевод (на материале переводов С.Я. Маршака из Р. Бёрнса)

Аннотация: В статье рассматривается трансформация ценностной системы литературного произведения в процессе художественного перевода. Аксиологический компонент представляется определяющим в структуре перевода и последующего усвоения литературой-реципиентом иноязычного текста. Переводное произведение трансформирует или адаптирует авторскую картину мира и пытается встроить ее в измененном виде в картину мира литературы-реципиента, которая, в свою очередь, принимает или отвергает эту попытку. В статье предпринята попытка проанализировать успешный опыт С.Я. Маршака по переводу произведений Р. Бёрнса, которые стали фактом русской литературы и культуры. В частности, учтены такие факторы, как социальная и психологическая близость поэта и переводчика, ориентация на читательскую аудиторию, выбор стиля-посредника, адаптация шотландского фольклорного жанра баллады, его мелодики к русской песенно-поэтической традиции, музыкальность перевода.

Ключевые слова: художественный перевод, аксиология, рецепция, система ценностей художественного произведения

E.E. Solovyeva (Cherepovets, Russia)

Axiology and Translation: S. Marshak's Translations of R. Burns' Poems

Abstract: The article discusses how values are transformed when a piece of poetry is translated. It is argued that the axiological component is all-important in the process of translation. The translator of poetry transforms or adapts the author's picture of the world, seeking to incorporate it into the recipient's picture of the world, in a modified form though. The latter in his or her turn accepts or rejects this attempt. The article seeks to analyze Samuil Marshak's successful experience of translating Robert Burns, which, as is known, has become a fact of Russian literature and culture. Special emphasis is laid on several aspects – social and psychological proximity of the poet and the translator, orientation toward the readership, confines of the mediator style, adaptation of the Scottish folk ballad, poetic traditions of conveying songs, and musicality of the translation.

Key words: literary translation, axiology, reception, value system of poetry

Художественный перевод – это создание новых культурных ценностей, и закономерности его лежат, в конечном счете, в сфере искусства.

(П.М. Топер)

Литературный текст – всегда «вещь-в-себе». Все то, что вложено в него автором: мысли и чувства, воспоминания и намерения, – всё это сокрыто до момента встречи произведения с читателем. Явление происходит только в сознании читателя, актуализирующего ценностную систему произведения в соответствии со своими потребностями, индивидуальными, гендерными, социальными, национальными особенностями, с учетом исторического контекста – в диалоге с автором. Аксиология произведения, отражая систему ценностей художника и культуры, к которой оно принадлежит, не постоянная величина, но меняющаяся в исторической перспективе и, конечно, при переводе, т. е. трансмиссии от одной национальной культуры к другой.

Теперь представим, что между автором и читателем – языковой барьер. В этом случае между произведением и читателем возникает фигура переводчика. Переводчик в данном случае и читатель по отношению к оригинальному тексту, и автор по отношению к читателю. Но автор особый, сияющий отраженным светом оригинала. Читатель, не владеющий иностранным языком, знакомится с зарубежным писателем по переводу. Эта условность восприятия переводного текста существует в сознании читателя, но практически, как правило, игнорируется им. Об этом писал А.Т. Твардовский в статье «Роберт Бёрнс в переводах С. Маршака»: «Я, читатель, <...> принимаю это как полное соответствие с оригиналом и отношу мою признательность и восхищение к автору оригинала наравне с автором перевода, – они для меня как бы *одно лицо*»¹ (курсив мой. – Е.С.).

Личность переводчика вступает в диалог с личностью автора, переводчик не просто выбирает слова и понятия родного языка для адекватной передачи слов и понятий чужого языка, но вбирает в себя чужую память, чужие эмоции и мысли, присваивает их, находит им поддержку в своей памяти, в своих чувствах – и заново творит текст, вписывая его в совершенно другой культурный контекст. При этом ценности, – отобранные, усвоенные, трансформированные на другом языке (не только естественном, но, в первую очередь, культурном), переданные переводчиком, – могут быть приняты или отвергнуты читателем. Как писал П.М. Топер, «истинно переводческое творчество всегда противоречиво по своей природе, ибо оно должно сделать иноязычное произведение фактом родной литературы, оставив его творением другого народа»².

Переводное произведение литературы подобно кентавру: оно объединяет два языка, две литературы, две культуры, два мира. И так же, как трудно поверить в мифологическое существо, трудно поверить в возможность адекватного перевода, особенно поэтического произведения. Ведь помимо ассоциативного поля, вполне непереводаемого, стихотворение прежде всего пленяет сознание ритмом, музыкой, созвучиями. И эти ритмы, воздействуя на подсознание читателя, совершенно точно и определенно вводят произведение в национальную песенную традицию.

История перевода поэзии в основном – история потерь, но отдельные удачи особенно заметны именно потому, что оказывают огромное воздействие на чита-

¹ Твардовский А.Т. Роберт Бёрнс в переводах С. Маршака // Твардовский А.Т. Статьи и заметки о литературе. М., 1961. С. 68–82. См. также: Недописанная страница. Самуил Маршак. s-marshak.ru/articles/tvardovsky02.htm (дата обращения: 04.01.2018).

² Топер П.М. Перевод в системе сравнительного литературоведения. М.: Наследие, 2000. С. 31–32.

теля. Обратимся к одному из удачных фактов усвоения переводных произведений русской культурой. Переводы Маршаком лирики Р. Бёрнса получили самую высокую оценку как в России, так и на родине поэта¹.

Бенедикт Сарнов отмечал «органически присущее Маршаку ощущение шкалы человеческих ценностей» и вытекающий отсюда «главный пафос поэзии – сберечь все духовные ценности, накопленные человечеством»². В своих статьях о Бёрнсе Маршак четко сформулировал, что ему было особенно важно в поэзии шотландского барда: верность Родине, смелость и отвага, честный (и часто тяжелый) труд, веселье и жизнелюбие, независимость, буйный задор, умение любить и дружить, вера в человека и надежда на счастье, сопротивление невзгодам, мир между народами и братство. «Веселая и простая мудрость Бёрнса, – сказал Маршак в своей речи на юбилейной сессии в Шотландии (1959), – его гордая независимость, его сыновняя верность своей стране, уважение к честному труду, наконец, умение любить, быть другом и находить счастье даже в несчастье – всё это сделало шотландского поэта родным и близким для миллионов наших читателей»³.

Рассмотрим трансформацию ценностной системы произведения в процессе перевода на примере одного стихотворения. Стихотворение «Yon wild mossy mountains...» Р. Бёрнс написал в 1786 г. Тем летом он встречался с крестьянской девушкой Мэри Кэмбл, вынашивая планы покинуть любимую Шотландию и отправиться в Вест-Индию⁴.

Yon wild mossy mountains sae lofty and wide,
That nurse in their bosom the youth o' the Clyde,
Where the grouse lead their coveys thro' the heather to feed,
And the shepherd tends his flock as he pipes on his reed.
Not Gowrie's rich valley, nor Forth's sunny shores,
To me hae the charms o' yon wild, mossy moors;
For there, by a lanely, sequestered stream,
Besides a sweet lassie, my thought and my dream.
Amang thae wild mountains shall still be my path,
Ilk stream foaming down its ain green, narrow strath;
For there, wi' my lassie, the day lang I rove,
While o'er us unheeded flie the swift hours o' love.
She is not the fairest, altho' she is fair;
O' nice education but sma' is her share;
Her parentage humble as humble can be;
But I lo'e the dear lassie because she lo'es me.
To Beauty what man but maun yield him a prize,
In her armour of glances, and blushes, and sighs?
And when wit and refinement hae polish'd her darts,
They dazzle our een, as they flie to our hearts.

¹ См.: Аникст А.А. Высокое искусство С. Маршака // Маршак С. Избранные переводы. М.: ГИДЛ, 1959 (s-marshak.ru/articles/anikst.htm); Хьюз Э. В стране Бёрнса // Жизнь и творчество Самуила Яковлевича Маршака. М.: Детская литература, 1975. С. 222–228 (s-marshak.ru/articles/hughes1.htm; дата обращения: 04.01.2018).

² Сарнов Б. Самуил Маршак. Очерк поэзии. М.: Художественная литература, 1968. С. 47, 49.

³ Маршак С.Я. Роберту Бёрнсу 200 лет // Маршак С.Я. Собр. соч.: В 8 т. Т. 6. М.: Художественная литература, 1971. С. 343–345. См. также: Недописанная страница. Самуил Маршак. s-marshak.ru/works/prose/prose26.htm (дата обращения: 30.11.2017).

⁴ Райт-Ковалева Р. Роберт Бёрнс. М.: Молодая гвардия, 1965. С. 105.

But kindness, sweet kindness, in the fond-sparkling e'e,
Has lustre outshining the diamond to me;
And the heart beating love as I'm clasp'd in her arms,
O, these are my lassie's all-conquering charms!¹

В стихотворении можно выделить две части. Оно открывается описанием красивого и сурового пейзажа горной Шотландии. Образы диких гор, поросших мхом и жестким вереском, соединяются с мотивами материнской и отеческой заботы и ласки: пологие холмы напоминают материнскую грудь, на которой покоится младенец (горный поток), птица ведет своих птенцов за кормом, пастух созывает овец.

Во второй строфе поэт противопоставляет горную Шотландию с ее болотами солнечным берегам и плодородным долинам низинной части, появляется прямая авторская оценка, привязанная к субъекту речи: «To me hae the charms» («для меня полны прелести»). Образ родной природы соединен с образом любимой («a sweet lassie»), потому что там, на берегах горного ручья, она ждет его. В третьей строфе образ потока, стремительно пробивающего себе путь среди зеленых холмов, создает развернутую метафору чувственной любви. Незаметно пролетающие часы любви вторят мотиву быстрого ручья.

Вторая часть посвящена описанию возлюбленной и размышлению о любви. Образ простой девушки, не самой красивой, но милой, не слишком образованной, но доброй, противопоставлен образу признанной красавицы, покоряющей сердца. Любовный поединок Бёрнс представляет с помощью военной лексики: «In her armour of glances, and blushes, and sighs»; «her darts <...> flie to our hearts». По контрасту с этим абстрактным и неэмоциональным описанием, решенным в рамках риторического канона, заключительная строфа звучит очень искренно. Горячая любовь простой девушки описана с помощью мотивов светящейся, нежной доброты («kindness, sweet kindness <...> Has lustre») и сердца, бьющегося от любви («the heart beating love»). Риторичность мотивов в заключительной строфе сильно ослаблена. По контрасту с традиционным мотивом ослепляющей красоты возникает мотив света любви-доброты: достоинства красавицы ослепляют – доброта любимой светится, сверкает, затмевает блеск бриллианта. Как эхо мотива любви-поединка выглядит мотив всепобеждающей прелести возлюбленной. Само слово «charms» в стихотворении встречается дважды: в первый раз по отношению к природе – «the charms o'yon wild, mossy moors», во второй раз характеризует любимую – «my lassie's all-conquering charms». Любовь, которая пленяет сердце лирического героя, – искренняя, чистая, добрая, милосердная, самоотверженная, забывающая о себе. Она связана с образом родной природы, с ее неброской красотой.

В статье «Бессмертной памяти», посвященной 200-летию со дня рождения Бёрнса, Маршак писал: «Бёрнс – поэт народный в самом подлинном и глубоком значении этого слова. В его стихах живет и дышит сама природа Шотландии»², – и приводил начальные строки из стихотворения «Скалистые горы, где спят облака...». В «щедрых, скромных и великодушных» стихах Бёрнса Маршак особенно ценил искренность и силу чувств. Простые, естественные чувства – любовь к Родине, матери, женщине, детям, природе – близки и самому Маршаку. Например, в стихотворении

¹ Complete Works by R. Burns. Robert Burns Country. www.robertburns.org/works/145.shtml (дата обращения: 21.11.2018).

² Маршак С.Я. «Бессмертной памяти». К 200-летию со дня рождения Роберта Бёрнса // Маршак С.Я. Собр. соч.: В 8 т. Т. 6. М.: Художественная литература, 1971. См. также: Недописанная страница. Самуил Маршак. s-marshak.ru/works/prose/prose27.htm (дата обращения: 03.12.2017).

1911 г. «На север», написанном после путешествия по Ближнему Востоку и Средиземноморью, образ сурового севера наполнен радостью от встречи с любимой:

Ледяная, здравствуй, нега!
В снежном крае ждет мой друг,
И легко, как в день побега,
Покидаю светлый юг.

В своих оригинальных стихах Маршак создает запоминающиеся образы природы – «однокрылая сосна», ночная гроза, зимний лес, пушкинская дубрава, березы, ландыш, белка... Как будто всё недосказанное о самом себе, воплотилось в этих ясных и простых образах, – по принципу, сформулированному поэтом: «Всё то, чего коснется человек, / Приобретает нечто человеческое»¹.

Поэтому, наверно, так важно было Маршаку побывать на родине Бёрнса, увидеть своими глазами луга и горы, скромный дом поэта и таверну, где он любил бывать: «Я увидел крытый соломой дом, где он родился, поля, по которым он ходил за плугом, полноводную реку Нит, на зеленом берегу которой сочинял он своего бессмертного «Тэма О'Шентера»².

Стихотворение «Скалистые горы, где спят облака...»³ появилось в 1950 г., еще до поездки в Шотландию. Но какие-то воспоминания о длительных пеших прогулках по Англии в 1912–1914 гг., возможно, нашли свое отражение в этих стихах.

Скалистые горы, где спят облака,
Где в юности ранней резвится река,
Где в поисках корма сквозь вереск густой
Птенцов перепелка ведет за собой.
Милее мне склоны и трещины гор,
Чем берег морской и зеленый простор,
Милей оттого, что в горах у ручья
Живет моя радость, забота моя.
Люблю я прозрачный и гулкий ручей,
Бегущий тропинкой зеленой своей.
Под говор воды, не считая часов,
С любимой подругой бродить я готов.
Она не прекрасна, но многих милей.
Я знаю, приданого мало за ней,
Но я полюбил ее с первого дня
За то, что она полюбила меня!
Встречая красавицу, кто устоит
Пред блеском очей и румянцем ланит?
А если ума ей прибавить чуть-чуть,
Она, ослепляя, пронзает нам грудь.
Но добрая прелесть внимательных глаз
Стократ мне дороже, чем лучший алмаз.
И в крепких объятьях волнует мне кровь
Открытая, с бьющимся сердцем, любовь!⁴

¹ Маршак С.Я. Стихотворения и поэмы. Л.: Советский писатель, 1973. С. 47.

² Маршак С.Я. Роберту Бёрнсу 200 лет // Маршак С.Я. Собр. соч.: В 8 т. Т. 6. М.: Художественная литература, 1971. С. 343–345. См. также: Недописанная страница. Самуил Маршак. s-marshak.ru/works/prose/prose26.htm (дата обращения: 03.12.2017).

³ Впервые под названием «В горах» опубликовано в журнале «Знамя» (1950, кн. 8).

⁴ Бёрнс Р. Стихотворения. Поэмы. Шотландские баллады. М.: Художественная литература, 1976. С. 68.

Маршак сохраняет общую мелодику стиха, в основе которой четырехстопный амфибрахий с мужской клаузулой. Но, в отличие от оригинала, ритмико-мелодический узор которого более прихотлив, Маршак создает очень стройный и строгий ритм. Несмотря на относительную длину русских слов по сравнению с английскими, переводчик вмещает всю полноту содержания в заданный размер.

Маршак не следует рабски по пятам Бёрнса, но передает при этом основные образы и мотивы, гамму чувств и эмоций. Первая строка подкупает звукописью ([ска], [сп'а], [абла], [ка]), хотя «скалистые горы» Маршака не те «высокие и широкие», достаточно пологие, покрытые зеленью, которые описывает Бёрнс. Темы материнской заботы и нежности переданы через мотив сна, резвящегося ручья, перепелки с птенцами, что навеивает воспоминания о детстве.

Во второй строфе Маршак при сопоставлении горной и прибрежной Шотландии использует оценочное «милей» и повторяет его. «My thought and my dream» переводчик заменяет кратким «забота моя», выявляя характер своей любви (у Бёрнса любовь как забота выражена через образы птицы и пастуха). Маршак затушевывает эротизм третьей строфы, предпочитая целомудренную прогулку с любимой по берегу ручья. Во второй части Маршак подчеркивает противопоставление любимой и красавицы афористичным синтаксисом: «Не прекрасна, но многих милей»; «Я полюбил ее <...> за то, что она полюбила меня!»

Риторические (и несколько архаические) военные сравнения и метафоры Маршак опускает, оставив лишь нейтральное «пронзает <...> грудь». В последней строфе Маршаку удалось передать основную мысль, но за счет эмоциональной точности оригинала: банально звучит «волнует мне кровь», исчезает важный мотив светящейся любви-доброты. Прекрасное выражение «добрая прелесть внимательных глаз» не совсем подходит к страстной и преданной крестьянке, но удивительным образом напоминает взгляд жены Маршака Софьи Михайловны. И всё же стихи Бёрнса дали возможность Маршаку выразить свое представление о любви, сдерживаемую страстность.

Так называемый адекватный перевод не стремится к буквальной точности. П.М. Топер по этому поводу отмечал: «Языковая граница, или, точнее, область их соприкосновения, представляет собой всегда территорию неопределенности, переменчивости, разноголосицы. Здесь все относительно, привязано к двум системам координат, зависит от восприятия каждого из читателей (слушателей) и от восприятия самого переводчика, и потому подвижно и индивидуально окрашено»¹. Маршак, как переводчик, принадлежит двум культурам, двум поэтическим традициям, и определяющей в этом диалоге является русская. Добиваясь наиболее близкого к оригиналу смысла и звучания, Маршак отказался от попыток передать диалект, нейтрализовал просторечную лексику, приглушил эротизм оригинала. Стихи Бёрнса в интерпретации Маршака приобрели налет пушкинской стройности и прозрачности. Основой трансформации текста при переводе стала система ценностей русской поэзии, которую Маршак защищал и которой преданно служил своим творчеством.

Именно о таком переводе, сохраняющем подлинник творчески, писал А.В. Михайлов: «Не истолковывать текст переводчик не может, однако текст перевода должен являть свою творческую первичность»; «непосредственно разумея текст, переводчик думал бы только над тем, как это же скажется по-русски, и надо только дожидаться, пока это скажется»².

¹ Топер П.М. Перевод в системе сравнительного литературоведения. М.: Наследие, 2000. С. 31.

² Михайлов А.В. А.А. Фет и Боги Греции // Михайлов А.В. Обратный перевод. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 442.

Стихи Бёрнса переводили и до и после Маршака, но именно он, влюбленный в творчество шотландского барда, воспринявший его как близкого и родного человека, сочувствовавший ему в бедности, в страданиях, в любовных увлечениях, в заботе о семье, в борьбе за национальную поэзию, в жажде независимости и свободы, – именно Маршак создал тот образ Бёрнса, который полюбили русскому читателю, вошел в русскую поэзию и культуру, вызвал к жизни множество песен и романсов. А.Т. Твардовский в статье, посвященной переводам Маршака из Бёрнса, отметил: «Эти переводы обладают таким очарованием свободной поэтической речи, будто бы Бёрнс сам писал по-русски да так и явился без всякого посредничества перед нашим читателем»¹.

ЛИТЕРАТУРА

Аникст А.А. Высокое искусство С. Маршака // Маршак С. Избранные переводы. М.: Детская литература, 1959. s-marshak.ru/articles/anikst.htm (дата обращения 04.01.2018).

Бёрнс Р. Стихотворения. Поэмы. Шотландские баллады. М.: Художественная литература, 1976. 447 с.

Маршак С.Я. «Бессмертной памяти». К 200-летию со дня рождения Роберта Бёрнса // Маршак С.Я. Собр. соч.: В 8 т. Т. 6. М.: Художественная литература, 1971. s-marshak.ru/works/prose/prose27.htm (дата обращения: 03.12.2017).

Маршак С.Я. Роберту Бёрнсу 200 лет // Собр. соч.: В 8 т. Т. 6. М.: Художественная литература, 1971. С. 343–345. s-marshak.ru/works/prose/prose26.htm (дата обращения 30.11.2017).

Маршак С.Я. Стихотворения и поэмы. Л.: Советский писатель, 1973. 907 с.

Михайлов А.В. А.А. Фет и Боги Греции // Михайлов А.В. Обратный перевод. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 422–443.

Райт-Ковалева Р. Роберт Бёрнс. М.: Молодая гвардия, 1965. 350 с.

Сарнов Б. Самуил Маршак. Очерк поэзии. М.: Художественная литература, 1968. 190 с.

Твардовский А.Т. Роберт Бёрнс в переводах С. Маршака // Твардовский А.Т. Статьи и заметки о литературе. М., 1961. С. 68–82. s-marshak.ru/articles/tvardovsky02.htm (дата обращения: 04.01.2018).

Тонер П.М. Перевод в системе сравнительного литературоведения. М.: Наследие, 2000. 253 с.

Хьюз Э. В стране Бёрнса // Жизнь и творчество Самуила Яковлевича Маршака. М.: Детская литература, 1975. С. 222–228. s-marshak.ru/articles/hughes1.htm (дата обращения: 04.01.2018).

Complete Works by R. Burns. www.robertburns.org/works/145.shtml (дата обращения: 21.11.2018).

REFERENCES

Anikst A.A. The High Art of S. Marshak. In: Marshak S. Selected Translations. Moscow. Detskaya Linetratura Publ. 1959. s-marshak.ru/articles/anikst.htm (date accessed: 04.01.2018).

Burns R. (1976) Poems. Scottish Ballads. M.: Khudozhestvennaya Literatura Publ. 447 p.

Complete Works by R. Burns. www.robertburns.org/works/145.shtml (date accessed: 21.11.2018).

Hughes E. In the Land of Burns. In: Life and Work of Samuil Yakovlevich Marshak. Moscow. Detskaya Linetratura Publ. 1975, pp. 222–228. s-marshak.ru/articles/hughes1.htm (date accessed: 04.01.2018).

¹ *Твардовский А.Т.* Роберт Бёрнс в переводах С. Маршака // Твардовский А.Т. Статьи и заметки о литературе. М., 1961. С. 68–82. См. также: Недописанная страница. Самуил Маршак. s-marshak.ru/articles/tvardovsky02.htm (дата обращения: 30.11.2017).

Marshak S.Ya. "Immortal Memory." To the 200th Anniversary of the Birth of Robert Burns. In: Marshak S.Ya. Collected Works: In 8 vols. Vol. 6. Moscow. Khudozhestvennaya Literatura Publ. 1971. s-marshak.ru/works/prose/prose27.htm (date accessed: 03.12.2017).

Marshak S.Ya. (1973) Poems. Leningrad. Sovetsky Pisatel Publ. 907 p.

Marshak S.Ya. The 200th Anniversary of the Birth of Robert Burns. In: Marshak S.Ya. Collected Works: In 8 vols. Vol. 6. Moscow. Khudozhestvennaya Literatura Publ. 1971, pp. 343–345. s-marshak.ru/works/prose/prose26.htm (date accessed: 30.11.2017).

Mikhailov A.V. A.A. Fet and the Gods of Greece. In: Mikhailov A.V. Reverse Translation. Moscow. Yazyki Russkoy Kultury Publ. 1999, pp. 422–443.

Right-Kovaleva R. (1965) Robert Burns. Moscow. Molodaya Gvardiya Publ. 350 p.

Sarnov B. (1968) Samuel Marshak. Essays on Poetry. Moscow. Khudozhestvennaya Literatura Publ. 190 p.

Toper P.M. (2000) Translation in the System of Comparative Literature. Moscow. Nasledie Publ. 253 p.

Tvardovsky A.T. Robert Burns in Translations of S. Marshak. In: Tvardovsky A.T. Articles and Notes on Literature. Moscow. 1961, pp. 68–82. s-marshak.ru/articles/tvardovsky02.htm (date accessed: 04.01.2018).

Сведения об авторе:

Елена Евгеньевна Соловьева,

канд. филол. наук

доцент

Гуманитарный институт

Череповецкий государственный университет

Elena E. Solovjeva,

PhD

Associate Professor

Institute of Humanities

Cherepovets State University

esk63@mail.ru

Материалы IX международной научной конференции
«Романские языки и культуры: от античности до современности»

Д.А. Шевлякова (Москва, Россия)

Образ Италии в авторской песне

Аннотация: В статье рассматривается авторская эстрадная песня – впервые как материал репрезентативный с точки зрения национальной идентичности. Анализируются основные характеристики авторской песни: единство поэтического слова и музыки, фольклорный или парафольклорный характер, возможность выражать коллективные представления народа. В качестве предмета исследования представлены песни самых известных исполнителей: Адриано Челентано, Джанни Моранди, Тото Кутуньо. Образ Италии в авторской песне характеризуется преобладанием пейзажного восприятия страны, любовью к «малой родине», а также пристальным вниманием к компонентам материальной культуры: в коллективном бессознательном образ единой страны, при отсутствии единого государства, веками складывался на основании общности нравов и обычаев, ритуалов, привычек и предметного мира, что явственно проступает в авторской песне.

Ключевые слова: образ Италии, авторская песня, культура Италии, итальянский национальный характер, итальянский менталитет, национальная идентичность

D.A. Shevlyakova (Moscow, Russia)

Depicting Italy in Singers-songwriters' Songs

Abstract: This article analyzes singers-songwriters' songs, laying special emphasis on the characteristics of the songs by Adriano Celentano, Gianni Morandi, and Toto Cutugno – the unity of the poetic word and music, their folk and/or parafolk character, and the ability to express national identity. Italy in their songs is largely portrayed through the landscape of the country, it is loved as 'a small homeland', and is made up of a myriad of material culture elements. It is argued that in the collective unconscious, the image of the united country has been for centuries shaped on the basis of common customs and traditions, habits and objective world items, rituals and cults.

Key words: image of Italy, singers-songwriters' songs, culture of Italy, Italian national character, Italian mentality, national identity

Авторская песня в культуре любого народа чрезвычайно показательна при исследовании феномена коллективных представлений того или иного сообщества (нации). Во-первых, потому, что она обладает двойной силой воздействия на адресата: поэтическим словом и музыкой, которые представляют собой исключительное единство, так как написаны одним человеком. Вторая причина – фольклорный или парафольклорный характер авторской песни, ведь автором-исполнителем может стать и непрофессиональный музыкант, дилетант, совмещающий занятия музыкой с другими видами трудовой деятельности. К тому же авторская песня адресована каждому представителю нации, а не избранному кругу, в этом смысле она является носителем коллективных представлений¹. Отличительными чертами авторской песни, благодаря которым жанр снискал огромную популярность, являются смысловая и качественная нагрузка на поэтический текст, напевность, естественность, мелодичность и гармоническая функциональность музыкального материала; настроение доверительного общения; камерность исполнения. Певец и автор здесь сочетаются в одном лице, позволяя исполнителю выражать определенные взгляды в песне, настраивая слушателей на определенный лад².

В Италии эстрадная авторская песня имеет полувековую историю³, она была и остается чрезвычайно популярной. Свидетельством тому могут служить и объемы продаж дисков, и лидирующие места в хит-парадах, и значительное количество научных исследований, посвященных данному феномену⁴. Итальянская авторская песня становится объектом научного изучения, что подтверждается проведением тематической конференции «Поэзия и авторская песня в Италии. Современная эволюция и возможности объединения» в Сьенском университете в 2007 г. Гипотезой настоящей статьи является предположение, что авторская песня может служить ценным материалом для изучения национального менталитета, а в более широком смысле – материалом для автостереотипов, коллективных представлений итальянцев о самих себе.

Одной из самых известных итальянских песен, символизирующих Италию в глазах самих итальянцев, является песня «Azzurro» А. Челентано, написанная им в соавторстве с П. Конте и вышедшая в одноименном альбоме в 1960 г. Певец не ожидал большого успеха, поэтому поместил песню на вторую сторону пластинки, но она побила все рекорды популярности. Итальянцы увидели в ней, по выражению самого Челентано, «звуковую дорожку одного итальянского лета и всех за ним последующих»⁵:

¹ Стернин И.А. Авторская песня и русское общение // Акаткин В.М., Пухова Т.Ф., Стернин И.А. Городской романс и авторская песня. Воронеж: Истоки, 2002.

² Santoro M. Effetto Tenco. Genealogia della canzone d'autore. Bologna: Il Mulino, 2010.

³ Первая критическая статья, засвидетельствовавшая рождение феномена авторской песни, появилась в Италии в 1960 г.: Chi sono i cantautori? (anonimo) // Il Musichiere. 1960. № 90. 17 settembre.

⁴ Bonanno M. Con rabbia e con amore. Dizionario dei cantautori italiani. Foggia: Bastogi editrice italiana, 2003; Bonanno M. Anni affollati. L'Italia e i cantautori 1973–1983. Foggia: Bastogi editrice italiana, 2009; Borgna G. Storia della canzone italiana. Milano: Mondadori, 1995–2004; Borgna G., Serianni L. La lingua cantata. L'italiano nella canzone d'autore dagli anni '30 a oggi. Roma: Garamond, 1995; Castaldo G. Dizionario della canzone italiana. Roma: Curcio, 1990; Deregibus E. Dizionario completo della canzone italiana. Firenze: Giunti, 2006; Gentile E. Guida critica ai cantautori italiani. Milano: Gammalibri, 1979.

⁵ Troiano F. La canzone d'autore italiana // Italica. 2010. 4 aprile.

Cerco l'estate tutto l'anno
 e all'improvviso eccola qua.
 Lei è partita per le spiagge
 e sono solo quassù in città
 Azzurro,
 il pomeriggio è troppo azzurro
 e lungo per me...
 e allora
 io quasi quasi prendo il treno
 e vengo, vengo da te,
 ma il treno dei desideri
 nei miei pensieri all'incontrario va.
 Sembra quand'ero all'oratorio,
 con tanto sole, tanti anni fa.
 Quelle domeniche da solo
 in un cortile, a passeggiar...
 Cerco un po' d'Africa in giardino, tra l'oleandro e il baobab,
 come facevo da bambino,
 ma qui c'è gente, non si può più,
 stanno innaffiando le tue rose,
 non c'è il leone, chissà dov'è...

Весь год я жду лето
 И внезапно вот оно!
 Она уехала на пляж,
 а я здесь в городе...
 Голубой
 полдень, слишком голубой
 и длинный для меня...
 и в таком случае
 я, пожалуй, сяду на поезд
 и приеду, приеду к тебе...
 но поезд моих желаний
 в моих мыслях
 едет наоборот.
 Мне кажется, что я попал в те давние
 времена, когда посещал молодежный
 приходской клуб,
 залитый солнцем.
 Те воскресенья один я проводил,
 слонялся во дворе...
 Ищу я Африку в саду,
 меж олеандром и баобабом,
 как в детстве делал,
 но теперь тут люди, и так больше
 нельзя,
 они поливают твои розы,
 где же лев, куда девался*.

* Здесь и далее перевод текстов песен мой. — Д.Ш.

Уже в названии этой песни находится первая ссылка на определенный ориентир в коллективных представлениях итальянцев: голубой — это цвет, символизирующий небо южной страны, глубокое и чистое, с ослепительным ярким солнцем. Голубой является цветовой доминантой восприятия итальянцев, недаром и национальная сборная по футболу одета в форму этого же цвета и называется «Squadra azzurra».

В простых строках песни описывается будничная жизнь, такой же незатейливой, как и песня, но полная поэзии. Многие итальянцы летом ездят отдыхать на пляж, как и девушка лирического героя песни. Он остался без нее, один в городе и чувствует себя, как в подростковом возрасте, когда время проходило безмятежно, но однообразно и традиционно (образ молодежного приходского клуба, залитого солнцем), и он скрашивал его мечтами об Африке. Как только внешний атрибут относительно зрелой жизни (девушка) исчезает, герой сразу же «обнаруживает» себя подростком, который готов предаться мечтам, но изменившийся мир не дает ему этого сделать. Поезд желаний «едет наоборот»: вместо того, чтобы везти героя к девушке (план будущего), поезд едет в прошлое героя, он смакует меланхолическое бездействие на фоне неподвижного голубого неба.

Преобладание определенных цветов присутствует и в песне автора-исполнителя Джанни Моранди «Vado a lavorare» — «Иду на работу» (1972 г., альбом «Il Mondo cambierà»). В ней красочно представлен аграрный цикл страны, зависящий от времен года, которые характеризуются определенными чертами в природе и типичными сельскохозяйственными продуктами, созревающими в свое время:

...Ricordo che ero ancora un ragazzino,
ma come un uomo lavoravo già,
La mia canzone era questa qua:
certo la terra
costa fatica,
sempre di più, sempre di più
Certo la terra è come una donna,
ogni stagione cambia la gonna.
Gialla d'estate,
grano maturo,
rossa d'autunno,
vino sicuro,
se verde oliva
viene l'inverno,
la primavera si veste da sè...

...Я помню, что я был еще мальчишкой,
но уже работал,
как взрослый мужчина,
Моя песня
была такой:
конечно, земля требует труда,
все больше и больше.
Конечно, земля, она,
как женщина,
каждый сезон меняет
юбку.
Желтая летом —
созрело зерно,
красная осенью
— верное вино,
если в зелень олива —
приходит зима,
весна же оденет себя и сама...

Образ страны, который рисует Моранди, похож на картину, в его песне преобладает зрительное, живописное восприятие Италии, но данное в динамике.

В живописной палитре Италии, которую представляет итальянская авторская песня, важнейшим цветом, обладающим символическим значением, является зеленый, цвет сельской Италии, противопоставленный надвигающейся «серости» урбанизации. В песне А. Челентано «Il Ragazzo della via Gluck», одноименной альбому 1966 г., упоминаются ценности жизни в маленьких городах среди зелени, которые неизбежно начинают теряться, если заполнять страну стройками и автострадами:

...Là dove c'era l'erba ora c'è
una città
e quella casa in mezzo al verde ormai
dove sarà...
«Mio caro amico» disse «qui sono nato
e in questa strada ora lascio il mio cuore
ma come fai a non capire
che è una fortuna per voi che restate
a piedi nudi a giocare nei prati
mentre là in centro io respiro il cemento
ma verrà un giorno che ritornerò
ancora qui
e sentirò l'amico treno che
fischia così... ua ua»

...Там, где была трава, теперь
город,
и тот домик в зелени, теперь
где же он...
«Дорогой мой друг, – сказал он, – здесь
родился я,
и на этой дороге останется
мое сердце.
Как же ты не понимаешь,
что вам повезло, ведь вы остались
босиком играть на лугу.
В то время как я в центре дышу
цементом.
Но придет день, и я вернусь
снова сюда
и услышу друга-поезда, который
свистнет ту-ту!»

Речь идет о типичных итальянских пейзажах: дом на холме, окруженный виноградниками, кипарисами, среди засеянных полей. Царит тишина, и только издали слышится «ту-ту» поезда, который воспринимается как дорогой друг. Люди живут небогато, без особых удобств и развлечений, как в городе, и ребята босиком играют в футбол. Насколько песня нашла отклик у итальянцев, можно судить по тому факту, что она более четырех месяцев возглавляла итальянские хит-парады.

Песней-символом Италии по праву считается песня Тото Кутуньо «L'italiano» (1943), с которой он выступил на фестивале Сан-Ремо в 1983 г. и которая впоследствии разошлась миллионными тиражами. Песня была переведена на многие языки, за пределами Европы ее исполняли в таких странах, как Америка, Израиль, Иран, Корея. В 1986 г. Т. Кутуньо получил премию за одноименный диск «L'italiano» как за самый продаваемый в мире за последние 5 лет. Песня необыкновенно полно отражает итальянские будни, очарование «итальянского мира»:

...Buongiorno Italia, gli spaghetti al dente
e un partigiano come Presidente,
con l'autoradio sempre nella mano destra
e un canarino sopra la finestra...

....Привет, Италия,
спагетти вкрутую,
с партизаном в роли президента,
с вечной автомагнитолой в
правой руке
и канарейкой на окне.

В этих нехитрых строках Кутуньо создает мозаику из объектов и явлений самых разных областей итальянской жизни: кухни, политики, социальных привычек, домашнего уклада, выбирая художественные детали, которые метко характеризуют целые семиотические пласты. Во-первых, это одно из основных блюд итальянской кухни – спагетти, или просто паста, но приготовленная по всем правилам – «al dente», не слишком сырая, но и не переваренная. Под фразой «с партизаном в роли президента» подразумевается С. Пертини, избранный в 1978 г. премьер-министром Итальянской Республики; в молодости он участвовал в партизанском движении против фашизма. «С вечной автомагнитолой в правой руке» – любопытная реальность итальянской действительности тех лет. Итальянцы всегда трепетно относились к автомобилям и аксессуарам, особенно к автомагнитоле, в которой сошлись воедино два итальянских пристрастия – к машинам и к музыке. Но в 1980-е гг. процветало воровство автомагнитол, поэтому автовладелец был вынужден при выходе из машины брать магнитофон с собой. С другой стороны, прогуливаться с автомагнитолой в руке было способом продемонстрировать этот символ социального статуса и указать окружающим на наличие личного транспортного средства (в дальнейшем, в 1990-е гг., подобным символом благосостояния стал сотовый телефон). Канарейка же – нередкий питомец во многих итальянских домах в 1980-е гг., свидетельствующая о домашнем уюте и определенном укладе, когда огромное значение придается наличию и качеству вещей:

...Buongiorno Italia,
buongiorno Maria
con gli occhi pieni di malinconia,
buongiorno Dio,
lo sai che ci sono anch'io...
Buongiorno Italia, che non si spaventa
e con la crema da barba alla menta
con un vestito gessato sul blu
e la moviola la domenica in TV.

...Здравствуй, Италия,
здравствуй, Мария,
с глазами, полными меланхолией,
здравствуй, Бог,
Ты же знаешь, что я тоже во всем этом...
Здравствуй, Италия, которая
не сдается,
с кремом для бритья
мятного вкуса,
с синим костюмом в полоску
и повторным футбольным матчем
в воскресенье по телевизору.

Buongiorno Italia, col caffè ristretto
le calze nuove nel primo cassetto
con la bandiera in tintoria
e una Seicento giù di carrozzeria...

Здравствуй, Италия, с
двойным эспрессо,
с новыми колготками
в первом ящике,
с флагом в красильне
и машиной ФИАТ-600
с потрепанным кузовом.

Здесь упомянуты многие реалии итальянского быта: Дева Мария с вечно печальным взглядом, изображение которой присутствует везде и свидетельствует о сильной позиции католической церкви в жизни населения, а также о набожности итальянцев. Фраза «Здравствуй, Бог» говорит о личном ощущении присутствия Бога и о дружеских, почти родственных с ним отношениях. Бог так близок к Италии, что с ним можно поздороваться так же легко, как и с дядей. Об этом же свидетельствует обращение к Мадонне (Деве Марии) просто по имени, что создает нарочитую двойственность – образ Богоматери накладывается на образ реально существующей итальянской женщины.

Далее Кутуньо переходит к предметам-реалиям итальянской действительности 1980-х гг., образы приобретают все более конкретную референцию: невероятно модный в то время полосатый мужской костюм, считавшийся верхом элегантности; «moviola» – повтор футбольного матча, который итальянцы могут смотреть бесконечно, будучи истинными фанатами этой игры; кофе ристретто – терпкий, очень горький, типичный итальянский кофе, без которого не обходится практически ни один день; простая, распространенная и недорогая модель ФИАТ 600, производящаяся непосредственно в Италии и постоянно требующая ремонта; национальный флаг, то ли настолько затасканный, что его пришлось отдать в стирку, то ли просто спрятанный с глаз долой.

«С кремом для бритья мятного запаха <...> с новыми колготками в первом ящике» – эти строки говорят о значимости внешнего облика для итальянцев. Колготки в первом ящике – забота итальянской женщины о своем облике: они часто рвались, их надо было менять, поэтому их хранили в первом, самом ходовом ящике. Очевидно, что если это упомянуто в песне, то служило предметом обсуждения не только со стороны итальянок, но и со стороны итальянцев. К тому же это напоминает рекламные слоганы тех лет, что свидетельствует о том, насколько реклама влияла на сознание итальянцев: все они, как один, хотели бриться только кремом с мятным запахом. В некотором смысле это говорит о наивности и незащищенности нации перед лицом начинающейся эпохи потребления, а также о любви и внимании к простым земным благам.

Подводя итоги, хотелось бы выделить несколько моментов. Когнитивный аспект национальной идентичности характеризуется визуальной перцепцией действительности, в которой, в свою очередь, преобладает пейзажное восприятие Италии в ярких, насыщенных цветах, меняющихся в зависимости от аграрного цикла страны. Элементы градостроительной структуры также являются «картой» идентичности итальянцев, можно говорить о положительной трансформации локальной (городской) идентичности в общенациональную, что является проявлением одной из доминант идентичности итальянцев – культурно-исторического принятия двойственностей. Благодаря ритуалам католической церкви, проводимым в городе, топонимическая национальная карта становится и экзистенциальной. Данный образ,

тождественный малой родине, является архетипическим для коллективного бессознательного нации¹.

Пристальное внимание к компонентам материальной культуры свидетельствует о том, что итальянцы культуру и цивилизацию рассматривают не только в своих специализированных формах (наука, религия, философия), но прежде всего как культуру повседневности. Она представляет собой мозаику из нравов, обычаев, верований, привычек поведения, мировосприятия, ставших коллективным достоянием нации. Можно предположить, что преобладание структур повседневности в положительном имидже Италии детерминировано историческим фактором, обусловленным поздним формированием единого итальянского государства. В коллективном бессознательном образ единой нации складывался именно на основании общности нравов и обычаев, ритуалов, привычек. Они служили скрепляющим составом для создания «воображаемого сообщества» итальянцев благодаря их закреплённости в общественном, этническом и семейном опыте. В XX в. эта традиция получает еще более дробное и объективированное воплощение в виде предметной «мозаики».

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Акаткин В.М., Пухова Т.Ф., Стернин И.А. Городской романс и авторская песня. Воронеж: Истоки, 2002. 143 с. / Akatkin V.M., Puhova T.F., Sternin I.A. (2002) Urban Romance and Author's Song. Voronezh. Istoki Publ. 143 p.

Шевлякова Д.А. Доминанты национальной идентичности итальянцев: Автореферат дисс. ... доктора наук по культурологии. М., 2011. 46 с. / Shevlyakova D.A. (2011) Dominants of the National Identity of Italians: Thesis. Doctor of Sciences on Culturology. Moscow. 46 p.

Santoro M. (2010) Effetto Tenco. Genealogia della canzone d'autore. Bologna. Il Mulino 296 p.

Bonanno M. (2003) Con rabbia e con amore. Dizionario dei cantautori italiani. Foggia. Bastogi editrice italiana. 236 p.

Borgna G. Storia della canzone italiana. Milano. Mondadori. 1995–2004. 520 p.

Borgna G., Serianni L. (1995) La lingua cantata. L'italiano nella canzone d'autore dagli anni '30 a oggi. Roma. Garamond. 220 p.

Castaldo G. (1990) Dizionario della canzone italiana. Roma. Curcio. 578 p.

Deregibus E. (2006) Dizionario completo della canzone italiana. Firenze. Giunti. 479 p.

Gentile E. (1979) Guida critica ai cantautori italiani. Milano. Gammalibri. 272 p.

Сведения об авторе:

Дарья Александровна Шевлякова,
доктор культурологии
доцент

факультета иностранных языков и
регионоведения

МГУ имени М.В.Ломоносова

Daria A. Shevlyakova,

Doctor of Culturology

Assistant Professor

Faculty of Foreign Languages and Area Studies

Lomonosov Moscow State University

scevliakova@mail.ru

¹ Подробнее об этом см.: Шевлякова Д.А. Доминанты национальной идентичности итальянцев: Автореферат дисс. ... доктора наук по культурологии. М., 2011.

И.А. Цыбова (Москва, Россия)

Концепт «любовь / amour» в языковом сознании русских и французов

Аннотация: Современный антропоцентрический подход к языку, продолжающий идеи В. фон Гумбольдта, предполагает обращение к языковому сознанию, в котором языковыми средствами отображается картина мира, выраженная в ментальном языке концептами. В статье рассматриваются слова «любовь / amour», входящие в ядро языкового сознания русских и французов, представленные в русских и французском ассоциативных словарях¹ в качестве реакций и стимулов. Целью статьи является сопоставление слов «любовь / amour» в языковом сознании русских и французов. Сопоставительный анализ показал, что этот общечеловеческий концепт находит близкое к адекватному выражение у русских и французов. Однако количество реакций может быть различно. В реакциях находят отражение в основном парадигматические отношения, в меньшей степени – синтагматические. У французов количество стимулов в 4 раза больше, чем у русских. Реакции у русских и французов совпадают в большей степени, чем стимулы.

Ключевые слова: концепт, картина мира, языковое сознание, антропоцентрический подход, межкультурная коммуникация, реакции, стимулы, ассоциативные словари, концепт «любовь / amour»

I.A. Tsybova (Moscow, Russia)

Reflection of the Concept “lubov’ / amour” in Language Consciousness of Russians and Frenchmen (Based on the Analysis of Words of Associative Dictionaries)

Abstract: The present-day anthropological approach to language following the ideas of W. von Humboldt attracts attention to the language consciousness reflecting the worldview by linguistic means, while mental language is expressed by concepts. The paper considers the words “**lubov’ / amour**” entering into the nucleus of language consciousness of Russians and Frenchmen representing in associative dictionaries as reactions and stimuli. The aim of the article is to compare the words “**lubov’ / amour**” in the language consciousness of Russians and Frenchmen. The contrastive-comparative analysis shows that this human concept has almost adequate expression by Russians and Frenchmen. However the quantity of reactions may be different. As to the reactions we can see more

¹ [Уфимцева, Черкасова, Караулов, Тарасов 2004; Санчес Пуиг, Караулов, Черкасова 2001; Debrenne 2010].

paradigmatic relations then syntagmatic ones. Frenchmen have 4 times as many stimuli as Russians. And reactions of Russians and Frenchmen coincide more then their stimuli.

Key words: concept, world-view, language consciousness, anthropocentral approach, intercultural communication, reactions, stimuli, associative dictionaries, concept “lubov’ / amour”

«Концепт – термин, служащий объяснению единиц ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знания и опыт человека» [Кубрякова 1996: 90]. Картина мира, о которой писал еще В. фон Гумбольдт [Гумбольдт 1985: 378], изучается посредством языкового сознания [Уфимцева 2000: 208]. Языковое сознание – одно из основных понятий психолингвистики. Оно выражается внешними языковыми средствами. Современный антропоцентрический подход к языковым явлениям предполагает обращение к такому сложному феномену, как языковое сознание человека. Сложность эта заключается в соотношении идеального (сознание) и материального (звуки речи) [Ушакова 2000: 174; Цыбова 2005: 271]. Языковое сознание понимается «как совокупность образов сознания, формируемых и овнешняемых при помощи языковых средств – слов, свободных и устойчивых словосочетаний, предложений, текстов и ассоциативных полей» [Тарасов 2000: 26].

Московская психолингвистическая школа считает главной причиной непонимания при межкультурном общении различие национальных сознаний коммуникантов. «Для построения ассоциативного словаря существенно, что получаемые в эксперименте ассоциации в ответах испытуемых обозначаются с л о в о м» [Уфимцева 2004: 3]. Ассоциативный словарь – результат анализа и обобщения материалов свободного ассоциативного эксперимента, содержащий данные о прямых (от стимула к реакции) и обратных (от реакции к стимулу) связях между словами. О силе таких связей позволяют судить сопровождающие эти данные количественные показатели [Уфимцева 2004: 3].

В данной статье сопоставляются слова «любовь / amour», выражающие соответствующий концепт. Материалом послужили русские и французский ассоциативные словари [1; 2; 3].

Рассмотрим слова любовь и **amour** в качестве стимулов.

*Цифры означают: первые – количество испытуемых, вторые – количество разных реакций, третьи – количество отказов, четвертые – количество реакций с частотой 1.

ЛЮБОВЬ (594+238+18+159)		AMOUR (523+151+6+74)*	
1) счастье	63	1) bonheur	18
и счастье	1		
счастья	2		
чувство, счастье, радость, свет, тепло	1		
счастливая	1		
2) ненависть	23	2) haine	54
и ненависть	3	colère	1
зло	2		
злая это штука	1		
ДДГ	1		

это яд	1		
3) чувство	9	3) sentiment	19
чувства	3	sentiments	4
		sentiment (puissant!)	1
4) жизнь	13	4) vie	13
к жизни	1	vivre	1
5) вечная	11	5) éternel	4
вечность	4	éternité	2
на века	1		
навек	1		
на всю жизнь	2		
навсегда	2	toujours	22
всегда	2		
до гроба	6		
долгая	2	infini	1
крепкая	4		
6) нежность	10	6) tendresse	13
7) секс	10	7) sexe	6
постель	3	corps	2
женщины	1	amant	2
		baiser	2
		désir	1
		pâquerette	1
8) сердце	9	8) coeur	54
9) радость	7	9) joie	6
радость жизни	1		
радость, спокойствие души	1		
10) верность	9	10) fidélité	2
		fidèle	1
11) смерть	9	11) mort	2
и смерть	4		
и смерть едины	1		
12) семья	4	12) famille	3
в семье	1		
к родным	2		
13) женщина	5	13) femme	6
к женщине	1	elle	1
14) страсть	8	14) passion	55
страстная	3	extase	1
огонь	2		
огонь в моей душе	1		
пламенная	1		
пламя	1		
15) девушка	7	15) fille	2

к девушке	2		
16) прекрасно	5	16) beauté	4
прекрасная	4	beau	1
красивая	2		
красота	1		
самое прекрасное на Земле	1		
это прекрасно	1		
это замечательно	1		
хорошо	3	gloire et beauté	2
добро	2		
благо	1	bien-être	1
		douceur	1
17) любить	2	17) aimer	10
любовь	2	amour	1
любимый человек	2	amoureux	2
к любимому	1	amoureuse	1
		chéri	3
		chérie	1
		ma chérie	1
		chérir	1
		être aimé	1
		love	8
		embrasser	1
18) большая	7	18) grand	1
велика	1		
великая	1	puissant	1
огромная	1	force	1
сильная	7		
сильный	1		
19) дружба	2	19) amitié	35
поддержка	1	aide	1
		copine	1
20) вера, надежда	1	20) foi	1
вера	1		
надежда	1		
21) мечта	5	21) _____	
22) измена	4	22) _____	
предательство	1		
23) доверие	2	23) _____	
24) моя	7	24) _____	
25) греет	1	25) chaud	1
тепло	1		
чувство, счастье, радость, свет, тепло	1		
26) свет	1	26) _____	

светлая	1		
светлое чувство	1		
светлость	1		
27) свадьба	1	27) mariage	2
		mari	1
28) всё	2	28) universalité	4
вселенная	1		1
всепоглощающая	1		
ради чего живём	1		
29) понимание	2	29) _____	
30) чистая	4	30) propre	4
31) и голуби	3	31) _____	
голубь	1		
32) взаимная	4	32) partage	1
взаимность	2	partager	1
33) земная	4	33) _____	
34) боль	1	34) douleur	1
		souffrance	2
		peine	1
35) мать	1	35) _____	
матери	2		
к матери	1		
сына к матери	1		
36) с первого взгляда	3	36) _____	
37) весна	3	37) _____	
38) морковь	6	38) _____	
39) вместе	1	39) couple	6
двое	1	deux	3
он и она	1	partenaire	1
мальчик и девочка	1	union	1
		complicité	1
40) цветы	3	40) fleur	1
розы	1	rose	4
романтика	2	romantique	1
романы	1		
песня	1		
41) дети	1	41) bébé	3
		enfant	1
42) мужчина	1	42) homme	3
парень	2	garçon	1
юноша	1	un garçon	1
		lui	1
43) есть	3	43) être	1
бывает	1		

да	1		
44) глупость	2	44) connerie	1
45) важно	1	45) important	1
46) неизвестно	1	46) éphémère	2
не знаю	1	Impossible	2
		non	1
		Inexistant	1
47) несчастная	2	47) déception	1
безответная	1	difficile	2
невечно	1	complexe	1
не бывает вечной	1	difficulté	1
ненадолго	1		
неразделенная	1		
несбывшаяся	1		
48) Бог	1	48) dieu	1
к Богу	1	Dieu	1
49) богатство	1	49) argent	2
и деньги	1	trésor	1
50) одна	3	50) _____	
единственная	1		
51) блаженство	1	51) _____	
52) слепа	2	52) _____	
зла, полюбишь и козла	1		
зла, полюбишь козла	1		
53) безумная	1	53) fou	1
		folie	1
54) мир	1	54) paix	3
55) близкая	1	55) _____	
близкий	1		
56) _____		56) gloire	9
57) _____		57) libre	2

Из анализа **реакций** на **стимулы** «любовь / amour» следует, что они в основном **совпадают** в отображении таких общечеловеческих концептов, как жизнь, смерть, счастье, чувство, вечность, ненависть, страсть, дружба, радость и др. Однако количество реакций может быть различно: так, если реакции чувство / *sentiment* и жизнь / *vie* представлены почти одинаковым или одинаковым числом (22 / 24 и 14 / 14 соответственно, то количество таких реакций как сердце / *coeur*, счастье / *bonheur*, страсть / *passion*, ненависть / *haine*, *верность* / *fidélité* различно (9 / 54, 68 / 18, 16 / 56, 31 / 55, 9 / 3). Кроме того, у французов отсутствуют реакции: мечта, измена, доверие, свет, понимание, мать, весна и др., а у русских – *gloire*, *libre*, *paix*, *rouge*. В реакциях отражены прежде всего **парадигматические** отношения (в частности – антонимические), но также и синтагматика (например, в национально специфических реакциях: и голуби, морковь).

Рассмотрим слова **любовь** и **amour** в качестве реакций.

Количество разных стимулов у французов значительно (более чем в 4 раза) превосходит количество стимулов у русских. Совпадают стимулы, отражающие такие общечеловеческие концепты как «счастье / bonheur, мать / mère, папан, семья / famille, жизнь / vie, радость / joie», хотя количественно они могут различаться: счастье – 59, *bonheur* – 16 / *heureux* – 74 ; *haine* – 140, ненавидеть – 1; *passion* – 233 / *flamme* – 17 / *chaleur* – 3, огонь – 3; друг – 2, *ami* – 16. Однако наблюдаются и более адекватные соотношения: встреча – 11, *rencontrer* – 12; вместе – 11, *ensemble* – 11; радость – 6, *joie* – 5 / *sourire* – 3; ребенок – 4, *enfant* – 4. 59 стимулов, присутствующих у французов, отсутствуют у русских: *sentiment* (196), *coeur* (151), *embrasser* (66), *relation* (58), *émotion* (34) и др. Непонятно, почему нет соответствия *mariage* (44) / *marier* (24). У русских отсутствуют также и стимулы, обозначающие интимные отношения. У французов нет 8-ми стимулов, имеющих у русских: бабушка (8), родина (5), вспоминать (3), добро (2), мужчина (2), смерть (2).

Подводя итоги, отметим, что количество стимулов (86) значительно превышает количество реакций (57)¹. При этом реакции у русских и французов совпадают в большей степени, чем вызвавшие их стимулы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гумбольдт В. фон. Характер языка и характер народа (Ueber den Nationalcharakter der Sprachen. Bruchstück (1822) // Язык и философия культуры / Пер. с нем. языка. М.: Прогресс, 1985. 451 с.
2. Кубрякова Е.С. Концепт // Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов / Под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М., 1996. С. 90–93.
3. Тарасов Е.Ф. Актуальные проблемы анализа языкового сознания // Языковое сознание и образ мира: Сб. статей / Отв. ред. Н.В. Уфимцева. М.: РАН Ин-т языкознания, 2000. С. 24–32.
4. Уфимцева Н.В. Языковое сознание и образ мира славян // Языковое сознание и образ мира: Сб. статей. М.: РАН Ин-т языкознания, 2000. С. 207–219.
5. Ушакова Т.Н. Языковое сознание и принципы его исследования // Языковое сознание и образ мира: Сб. статей. М.: РАН Ин-т языкознания, 2000. С. 13–23.
6. Цыбова И.А. Об отражении внутреннего мира человека в языковом сознании русских и поляков (на основе анализа нескольких слов ассоциативных словарей) // Общение. Языковое сознание. Межкультурная коммуникация: К 70-летию доктора филологических наук, профессора Евгения Фёдоровича Тарасова / Ин-т языкознания, РАН. Калуга, 2005. С. 271–274.

СЛОВАРИ

1. Санчес Пуиг М., Караулов Ю.Н., Черкасова Г.А. Ассоциативные нормы испанского и русского языков. М.; Мадрид, 2001. 494 с.
2. Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А., Караулов Ю.Н., Тарасов Е.Ф. Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский. М., 2004. 791 с.
3. Debrenne M. Le dictionnaire des associations verbales du français. Новосибирск, 2010. Т. I. 229 p.; Т. II. 455 p.

¹ Стимулы, встречающиеся 1 и 2 раза, учитывались лишь в тех случаях, когда у них имеются соответствия в другом сравниваемом языке.

REFERENCES

1. Humboldt W. von. The Nature of Language and the Character of the People [Ueber den Nationalcharakter der Sprachen. Bruchstück (1822)]. In: Language and Philosophy of Culture / Transl. from the German Language. Moscow. Progress Publ. 1985. 451 p.
2. Kubryakova E.S. Concept. In: Kubryakova E.S., Demyankov V.Z., Pankráč J.G., Luzina L.G. Short Dictionary of Cognitive Terms / Ed. by E.S. Kubryakova. M., 1996, pp. 90–93.
3. Tarasov E.F. Actual Problems of the Analysis of Linguistic Consciousness. In: Linguistic Consciousness and the Image of the World: Collected Articles / Ed. by N.V. Ufimtseva. Moscow. 2000, pp. 24–32
4. Ufimtseva N.V. Language Consciousness and the Image of the World of the Slaves. In: Language Consciousness and the Image of the World: Collected Articles. Moscow. 2000, pp. 207–219.
5. Ushakova T.N. Linguistic Consciousness and Principles of Its Research. In: Linguistic Consciousness and the Image of the World: Collected Articles. Moscow. 2000, pp. 13–23.
6. Tsybova I.A. On the Reflection of the Inner World of Man in the Linguistic Consciousness of Russians and Poles (Based on the Analysis of Several Words of Associative Dictionaries). In: Language Consciousness. Intercultural Communication. To the 70th Anniversary of Doctor of Philology, Professor Ye.F. Tarasov. Kaluga. 2005, pp. 271–274.

DICTIONARIES

1. Sanchez M., Puig N., Cherkasova G.A. (2001) Associative Norms of Russian and Spanish Languages. From Moscow To Madrid. 494 p.
2. Ufimtseva N.V., Cherkasova G.A., Karaulov Yu.N., Tarasov E.F. (2004) Slavic Associative Dictionary: Russian, Belarusian, Bulgarian, Ukrainian. Moscow. 791 p.
3. Debrenne M. (2010) Le dictionnaire des associations verbales du français. Novosibirsk. T. I. 229 p.; T. II. 455 p.

Сведения об авторе:

Ирина Александровна Цыбова,
доктор филол. наук
профессор
кафедры французского языка
Московский государственный институт
международных отношений (университет)
МИД России

Irina A. Tsybova,
Doctor of Philology
Professor
Department of French
Moscow State Institute of International Relations
(University), Russian Ministry of Foreign Affairs

ia.tsybova@gmail.com

В.В. Куртов (Москва, Россия)

Энциклопедия «Сокровище» Брунетто Латини и «Этика» Аристотеля

Аннотация: В XIII веке, золотом веке средневекового энциклопедизма, в Европе самые подробные и обширные зеркала, компендиумы и суммы, содержащие разнообразные знания обо всем на свете, появляются не только на латыни, но и на национальных языках. Первой такой энциклопедией, разорвавшей с латинской традицией, была книга «Сокровище» («Li livres dou Tresor») флорентийского ученого, писателя и политического деятеля Брунетто Латини, написанная на французском языке. Во второй ее части содержится моральное учение, а именно – знание о пороках и добродетелях, по общему мнению, основанное на аристотелевской «Никомаховой этике». В задачи статьи входит рассмотрение вопросов, в какой мере Брунетто Латини опирался на трактат Аристотеля, существовали ли другие источники для этической части его энциклопедии и какое влияние оказал этот труд на последующую моральную философию.

Ключевые слова: Аристотель, Этика, философия, итальянская литература, Брунетто Латини, Summa Alexandrinorum

V.V. Kurtov (Moscow, Russia)

Brunetto Latini's 'Li livres dou tresor' and Aristotle's 'Nicomachean Ethics'

Abstract: In the 13th century, the most detailed and extensive European encyclopedias appeared not only in Latin, but also in national languages. The first such encyclopedia that broke with the Latin tradition was the book 'Li livres dou Tresor' written in French by the Florentine scholar, writer and politician Brunetto Latini. The second part of this writing contains the moral teaching, namely, knowledge of vices and virtues, according to general opinion, based on the Aristotelian 'Nicomachean ethics.' The article measures up the extent to which Brunetto Latini relied on Aristotle's treatise, whether there were other sources for the ethical part of his encyclopedia, and what impact this work had on the subsequent moral philosophy.

Key words: Aristotle, Ethics, Philosophy, Italian Literature, Brunetto Latini, Summa Alexandrinorum

Брунетто¹ Латини родился во Флоренции между 1220 и 1230 гг. в семье юриста, а умер в 1294 в том же городе. Его роль в истории Флоренции ярко отметил Giovanni Villani² в своей хронике за 1294 г.: «В названном году... во Флоренции умер доблестный гражданин, коего имя сир Брунетто Латини и который был великим философом и выдающимся ритором... а также был секретарем нашей республики (*dittatore del nostro Comune*)³. Он был человеком светским⁴ (*mondano*), но мы о нем упомянули, поскольку это был первый наставник в приобщении флорентинцев к культуре (*cominciatore e maestro in digrossare i Fiorentini*), а также в научении их хорошо говорить и управлять нашей республикой в соответствии с Политикой». Из данного некролога, составленного официальным государственным летописцем, мы видим, что Брунетто Латини во второй половине XIII в. во флорентийской коммуне представлял собой активного государственного деятеля самого первого эшелона городских магистратов, а также что он оказал своим согражданам какие-то важные стартовые образовательные, а главное – связанные с политикой услуги, или научения по философской и риторической части. История флорентийской республики представлена множеством сохранившихся документов, из которых о жизни Латини можно составить детальное представление, в частности, о том, что он был противником усиления власти императора Священной Римской империи в Италии и, значит, выступал за возрастание влияния римского папы. В 1258 г. партия Брунетто Латини, одержав победу, добилась того, что основные семейства их противников, гибеллинов, т. е. сторонников императора, были изгнаны из Флоренции. В поисках союзников в надвигающейся борьбе с сиенской республикой флорентийцы направили Брунетто Латини в качестве посланника к королю Кастилии Альфонсу X для того, чтобы побудить его побороться за титул императора. Не известно, состоялась ли эта встреча или нет, но по пути на родину, а именно в Наварре, он получил известие о полном разгроме своей партии гвельфов в битве при Монтаперти (4 сентября 1260 г.) и о том, что победившая партия объявила его изгнанником (13 сентября). Брунетто был вынужден остаться во Франции. Свидетельства о посещении им Арраса на севере Франции (15 сентября 1263 г.), Парижа (24 сентября 1263 г.), Барсюр-Об (1264 г.), Монпелье появляются в нотариально заверенных сделках флорентийских купцов, торговавших в этих местах.

Во время французской эмиграции Брунетто Латини пишет свои основные труды – «Риторику» и «Сокровище». По-видимому, он возвращается в Италию в 1265 г. вместе с войсками Карла Анжуйского. В 1280-е гг. могло происходить общение Данте с Брунетто Латини, как ученика с учителем⁵.

Джованни Виллани перечисляет в своей хронике книги Брунетто Латини: «...он создал хорошую и полезную книгу “Сокровище”, и “Малое Сокровище”, и “Ключ

¹ Brunetto Latini. Иногда встречается в форме Burnetto.

² Nel detto anno MCCLXXXVIII morì in Firenze uno valente cittadino il quale ebbe nome ser Brunetto Latini, il quale fu gran filosofo, e fue sommo maestro in rettorica, tanto in bene sapere dire come in bene dittare. E fu quegli che spuose la Rettorica di Tulio, e fece il buono e utile libro detto Tesoro, e il Tesoretto, e la Chiave del Tesoro, e più altri libri in filosofia, e de' vizi e di virtù, e fu dittatore del nostro Comune. Fu mondano uomo, ma di lui avemo fatta menzione però ch'egli fue cominciatore e maestro in digrossare i Fiorentini, e farli scorti in bene parlare, e in sapere guidare e reggere la nostra repubblica secondo la Politica [Villani 1845: 17].

³ Сам Брунетто в одной записи от 1273 г. заявляет о себе: «Ego Brunectus de Latinis notarius, nec non scriba consiliorum communis Florentiae» [Corcione 2011: 187]

⁴ Летописец употребляет здесь слово светский (*mondano*) не в смысле «нерелигиозный», «профанный», а изображая человека без строгих правил, флигельного, легкомысленного.

⁵ Так, во всяком случае, обычно понимают слова самого Данте, обращенные к Брунетто: «ad ora / m'insegnate come l'uom s'eterna» [Inf., XV: 85–87].

к Сокровищу»¹, и многие другие книги по философии, и о пороках и добродетелях...» [Villani 1845: 17]. Идет ли речь об одном или о нескольких произведениях (*de' vizi e di virtù*), упомянутых Виллани в самом конце перечня трудов Латини, тем не менее предполагается, что вторая часть энциклопедии «Сокровище» имела самостоятельное хождение в качестве отдельного произведения. Также возможно, что в указанном месте у хрониста закралась путаница с практически одноименным произведением Боно Джамбони (*Libro de' Vizi e delle virtudi*).

Книга «Сокровище», изначальное название которой «*Li livres dou Tresor*», была написана на французском языке (*lingua d'oïl*) и, вероятно, уже в конце XIII в. была переведена на испанский язык, потом, в конце XV в., – на каталанский, на латинский, с тосканского текста – на французский, на ломбардо-венетский (в начале XV в.) и на сицилийский (в XV в.). Первое печатное издание (*editio princeps*) появилось в 1474 г. на тосканском языке. В настоящее время книга «Сокровище» представляет собой самое известное творение Латини. Исследователь Альфонсо Д'Агостино насчитывает 61 полную рукопись данного труда, 11 неполных и 13 фрагментарных [D'Agostino 1995: 558]. То обстоятельство, что известному флорентийскому ритору пришлось писать на чужом языке, сам он в прологе своего труда объясняет так: «наречие [это] является самым приятным и самым распространенным среди всех [прочих] языков»².

«*Tresor*» стоит в ряду больших энциклопедий дученто, золотого века средневекового энциклопедизма, когда Европе появились на свет самые подробные и обширные зеркала (*specula*), компендиумы (*compedia*) и суммы (*summae*), содержащие разнообразные знания обо всем на свете³. Эти своды знания появляются не только на латыни, но и на народных языках, причем первой энциклопедией, разорвавшей с латинской традицией, было как раз произведение Брунетто Латини. Данная энциклопедия является компилятивным произведением. По словам самого автора, она составлена из тех достойных внимания сведений, оставленных нам авторами, которые до нас так много рассуждали о философии⁴. План всего замысла изложен в первой главе. Первая книга, содержит в себе «теорию, которая есть первое знание сердца философии» (*theorique, qui est la premiere science dou cors de phylosophie*)⁵. Во второй книге идет речь «О пороках и добродетелях», что относится ко второй и третьей частям философии, а именно – к практике и к логике⁶. Третья книга отведена риторике и искусству управления государством⁷.

¹ Упомянутая Виллани книга «Ключ к Сокровищу» не находит соответствий в дошедших до нашего времени текстах.

² *la parleure est plus delitable et plus comune a touz languaiges*

³ Примером может служить знаменитый труд доминиканского монаха Винченца из Бове (сер. XIII в.) «Великое зеркало» (лат. *Speculum majus*) в 80 томах и трех частях. До XIII в. все подобные издания выходили на латыни.

⁴ *cist livres est compilés seulement des merveilleus dis des autours ki devant nostre tans ont traité de philosophie.*

⁵ В первой книге описывается «начало времен» (*comencement du siècle*): I–V главы являются вступительными; VI–XVI главы описывают творение мира. Далее в XVII–XCVIII главах дается всеобщая история от первородного греха до смерти Коррадино, последнего из Гегенштауфенов, названная «*ancieneté des vielles istores*»; «*nature de toutes coses*» XCIX–CXX: элементы и небеса; CXXI–CXXIV: «*mapamonde*»; CXXV–CXXIX: различные правила из *Agricultura* Rutilio Palladio; CXXX–CXCIX: «*nature des animaus*»; заключение – глава CC.

⁶ I глава – вступительная, главы II–XLIX представляют собой этическое учение Аристотеля (*Etique, li livres d'Aristotle*), тогда как главы L–CXXI посвящены разбору моральных вопросов (*livres de moralités*), CC, двухсотая, глава является заключением.

⁷ «*retorique et coment li sires doit gouverner ses gens [...] selonc les us as ytalien*». Главы II–LXXII посвящены риторике, а главы LXXIII–CV посвящены тому, как управлять государством (*dou gouvernement de cites*).

Первые строки энциклопедии выглядят следующим образом:

«Здесь начинается книга “Сокровище”, которую маэстро Брунетто Латини из Флоренции перевел на французский язык и которая рассказывает кратко о происхождении всех вещей.

Эта книга называется “сокровище”, потому как если бы тот господин, который хочет в малом месте собрать предметы величайшей ценности не только ради своего собственного удовольствия, но для того, чтобы увеличить свое могущество и упрочить свое состояние на случай войны или мира, собрал бы самые дорогие вещи и самые ценные украшения в соответствии со своими благими намерениями, точно так же и тело этой книги состоит из такого знания (*sapience*), которое выведено из всех частей (*membres*) философии в виде краткого изложения (*en une some briefment*). ...Вторая часть, которая трактует о пороках и добродетелях, состоит из драгоценных камней, которые наделяют человека удовольствием и добродетелью, то есть говорит о том, какие вещи человеку надлежит делать, а какие нет, и показывает, по какой причине. И это относится ко второй и третьей частям философии, а именно к практике и логике...»

Зададимся вопросом, из каких источников составил Брунетто Латини свою объемную¹ компиляцию. С каких текстов он «перевел на французский язык» свое «Сокровище»? В настоящей статье нас интересует только вторая часть энциклопедии, ее этическая часть, по общему мнению являющаяся переложением аристотелевской «Никомаховой этики». Поскольку Брунетто Латини переводил не с древнегреческого языка, то следует разобраться, какие латинские переводы трактата Аристотеля имелись в его распоряжении.

Латинские переводы «Никомаховой этики» в Средневековье пользовались огромной популярностью². Они представлены в более чем трех сотнях рукописей³.

Ко второй половине XIII в. существовало несколько латинских переводов «Этики» Аристотеля: 1) «*Ethica nova*», которая содержала перевод только первой книги Этики и фрагменты из второй книги; 2) «*Ethica vetus (antiqua)*», которая содержала перевод второй и третьей; 3) первый полный перевод, созданный Германном Немецким, носил названия «*Translatio Arabica*», «*Liber Nicomachiae*», «*Liber minorum moralium*», а также «*Summa alexandrina ethicorum*» 4) «*Vetus translatio*» (*Liber Ethicorum, Translatio antiqua*), которая явилась первым полным переводом Этики, выполненным с греческого языка около 1245 г. Робертом Гроссетестом⁴.

Третий пункт требует особого рассмотрения, поскольку он явился, в конечном счете, источником для энциклопедии «Сокровище».

Краткое переложение *Никомаховой Этики*, составленное Николаем Дамасским в I в. н. э. и не сохранившееся до наших дней, было переведено ибн Зурахом (*ibn Zurah*⁵) на арабский язык под названием «Ихтисар аль-Искандаранийин» (*Ikhtisar*

¹ В последнем издании Brunetto Latini «*Tresor*» (Torino: Einaudi, 2007) текст энциклопедии с параллельным итальянским переводом размещается на 857 страницах.

² И для эпохи Брунетто Латини «Никомахова этика» была главным произведением Аристотеля. Это подтверждает, в частности, фреска Рафаэля «Афинская Школа», где Аристотель в качестве своего основного труда держит именно «Этику».

³ Перечислены в George Lacombe, ed., *Aristoteles latinus*, Pars prior (Rome, 1939) [Menut 1943: 316].

⁴ *Ethica Nicomachea. Translatio Antiquissima libr. II–III sive ‘Ethica Vetus’, Translationis Antiquioris quae supersunt sive ‘Ethica Nova’, ‘Hoferiana’, ‘Borghesiana’, Translatio Roberti Grosseteste Lincolniensis sive ‘Liber Ethicorum’* (Recensio Pura et Recensio Recognita), ed. R.A. Gauthier, Brill-Desclée De Brouwer, Leiden-Bruxelles 1972–1974, 5 vols.; [Barale 2016: 4].

⁵ Багдад, 943–1008 гг.

al-Iskandaraniyin)¹. В 1243–1244 гг. с этого арабского текста, представляющего собой перевод сокращенного переложения *Этики*, сделал свой латинский перевод Герман Немецкий². Перевод Германа, названный *Summa alexandrinorum*, дошел до нашего времени в тринадцати полных кодексах и одном фрагментированном [Marchesi 1904: 106]; [Gentili 2005: 33–34]. В конце XIII в. наблюдается бурный рост мирской литературы. Народный язык, *il volgare*, стремится отнять у латыни ведущую роль, в том числе и в философской области, что отражается в массовой вульгаризации классических произведений [Marchesi 1904: 114].

Так появляются двадцать семь рукописей на тосканском диалекте (перевод на язык «*si*») текста *Summa alexandrinorum*, сделанного Таддео Альдеротти (Taddeo Alderotti, Thaddaeus Florentinus)³. Именно перевод Таддео использовал Брунетто Латини для создания второй книги своего *Сокровища*⁴.

Таким образом, и вопрос «Какой текст переводил Брунетто Латини для второй книги своей энциклопедии?», а также вопрос «Кого следует считать автором первого перевода *Этики* А. на народный (итальянский) язык: Маэстро Таддео [Menut 1934: 316]; [Marchesi 1904: 116–124] или Маэстро Латини?» нашли свое решение. Осталось выяснить, не оказалась ли мысль Аристотеля, выраженная на языке «*oil*», ближе к оригиналу, нежели та, что была выражена на языке «*si*». Кто лучше передал непростые идеи древнегреческого мыслителя: Таддео Альдеротти, известный немногим как медик и преподаватель медицины в болонском университете, или знаменитый эрудит, писатель, философ и политик Брунетто Латини?

Хотя во время пребывания во Франции у Латини была, скорее всего, возможность пользоваться дополнительными источниками, помимо александрийской суммы, и переводом Альдеротти, например, переводом Гроссетеста, он этого не сделал [Zavattero 2012: 7]. Напротив, Латини в своем французском тексте изменил не только текст [Marchesi 1904: 117], но и этическое содержание труда Альдеротти в сторону упрощения [Gentili 2005: 42]. В своем переводе на вольгаре Таддео старается передать содержание латинского текста *Summa Alexandrinorum* таким образом, чтобы оно более соответствовало Аристотелю. Если обнаруживается конфликт аристотелевской и христианской антропологии, нашедшей отражение в латинском тексте переводчика из Толедо, в этом случае Таддео старается быть ближе к греческому тексту Аристотеля [Gentili 2012: 51]. Таддео ориентировался не только на читателя *letteratus*, но и на *illetteratus* [Zavattero 2012: 6]. Также и для Брунетто Латини целевой аудиторией был мир профанный и, в частности, те, кто занимал должности в системе итальянских коммун XIII в., и даже точнее – для глав администрации в итальянских городах-государствах (*podestà*).

В начале второй части «Сокровища» Латини говорит: «Brunet Latin [...] viaut il fonder son edifice sor le livre de Aristote, et il le tranlatera de latin en romans» (Tresor II, 1, 4). Нужно ли понимать слова автора как доказательство того, что его источ-

¹ Данное сочинение во фрагментах сохранилось и издано: A. Akasoy – A. Fidora (éd.) *The Arabic Version of the Nicomachean Ethics*. Leyde, 2005. P. 62–85.

² Hermannus Alemannus, Hermannus Teutonicus, Hermannus Germanicus (лат.), Ermanno il Tedesco (ит.), Herman l'Allemand (фр.).

³ Например, ms. Firenze, Biblioteca Nazionale Centrale, II. iv. 274, который рассматривается в статье [Gentili 2012].

⁴ Тот факт, что Брунетто Латини переводил не только с латинского текста *Summa Alexandrinorum*, но используя перевод Таддео Альдеротти, доказывается сравнением рукописей Альдеротти с текстом «Сокровища» Латини. Эта работа проделана исследовательницей Соней Джентили, в частности в [Gentili 2005: 41–49].

ником был все же латинский текст *Summa Alexandrinorum*, а не переложение на итальянском Таддео? Сравнение текстов Таддео и Латини свидетельствует в пользу того, что источником для «Сокровища» была вульгаризация Таддео, однако сравнение этих двух источников с текстом латинской *Суммы* показывает, что Брунетто обращался к последнему тексту в тех случаях, когда перевод Таддео был недостаточен [Zavattero 2012: 7]. Исследователь Соня Джентили, говоря о зависимости второй части энциклопедии Брунетто от текста Таддео, отмечает: «филигранный аристотелизм или томизм, из которого Альдеротти соткал материю своего сочинения, оказался частично утраченным у Брунетто» [Gentili 2005: 41–42].

Согласно итальянскому ученому *Этика* Брунетто оказалась «испещрена общими выражениями, которые заменили собой изначальные технические термины» и тем самым разрушили попытку, предпринятую у Таддео, создать осмысленный философский язык на волгаре. Несмотря на свой плавный и легкоусвояемый текст, имевший столь большой успех в позднем Средневековье, «Сокровище» представляет философские построения более поверхностные, более нивелированные и более общие по сравнению с текстом Таддео. Брунетто восстанавливает версию *Summa Alexandrinorum*, более подходящую для торговой и коммунальной реальности флорентийцев, и таким образом заставляет текст «Никомаховой Этики» служить прагматичным задачам по регламентации человеческого поведения в большей степени, нежели задачам философским.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Barale E. 2013 – Le «Prologue du traducteur» des Éthiques et des Politiques d’Aristote par Nicole Oresme (1370–1374). En: Corpus Eve [En ligne]. Éditions de textes ou présentations de documents liés au vernaculaire, mis en ligne le 18 octobre 2013, consulté le 02 octobre 2016. eve.revues.org/634

Brunetto Latini 2007 – Brunetto Latini. (2007) *Tresor* / A cura di Pietro G. Beltrami, Paolo Squillacioti, Plinio Torri e Sergio Vatteroni. Torino. Einaudi. LXIV + 894 p.

Corcione 2011 – Corcione N. (2011) Vittorio Imbriani. *Scritti danteschi*. Tesi di dottorato. Napoli. 1076 p.

D’Agostino 1995 – D’Agostino A. (1995) *Itinerari e forme della prosa*. Roma. Salerno Editrice. 630 p.

Gentili 2005 – Gentili S. (2005) *L’uomo aristotelico: alle origini della letteratura italiana* Roma. Carocci. 288 p.

Gentili 2012 – Gentili S. La vulgarisation de l’Éthique d’Aristote en Italie aux XIIIe et XIVe siècles : enjeux littéraires et philosophiques. En: *Médiévales* [En ligne] 63, automne 2012, mis en ligne le 15 janvier 2015, consulté le 30 septembre 2016. medievales.revues.org/6822

Marchesi 1904 — Marchesi C. (1904) *L’Etica Nicomachea nella tradizione latina medievale*. Messina: A. Trimarchi. 158, lxxxvi p.

Menut 1943 – Menut A. Castiglione and the Nicomachean Ethics. *PMLA (Publications of the Modern Language Association of America)*. 1943. Vol. 58. No 2 (Jun.), pp. 309–321.

Villani 1845 – *Cronica di Giovanni Villani a miglior lezione ridotta coll’aiuto de’ testi a penna con note filologiche di I. Moutier*. Firenze. 1845. 485 p.

Zavattero 2012 – Zavattero I. I volgarizzamenti duecenteschi della *Summa Alexandrinorum*. *Freiburger Zeitschrift für Philosophie und Theologie*. 2012. No 2(59), pp. 333–359.

Сведения об авторе:

Владимир Васильевич Куртов,
ст. преподаватель
философский факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Vladimir V. Kurtov,
Senior Lecturer
Faculty of Philosophy
Lomonosov Moscow State University
kurtov.vladimir@gmail.com

Т.В. Ключева (Москва, Россия)

Люксембургская кулинарная лексика: страноведческий и языковой аспекты

Аннотация: В статье затрагиваются проблемы отражения люксембургских национальных традиций в кулинарной терминологии, рассматривается ее происхождение, семантика и словообразовательная структура. Здесь также уделяется внимание переводу терминов на русский язык и освоению заимствованных лексем люксембургским языком.

Ключевые слова: освоение заимствований, словообразовательная структура, внутренняя форма, «ложные друзья переводчика», гибридные наименования

T.V. Klyueva (Moscow, Russia)

The Luxemburgish Culinary Terms: Historical, Cultural and Linguistic Aspects

Abstract: This article deals with the reflection of Luxemburgish national traditions in the culinary terms and the problems of their origin, semantics and word-formation-structure. The author gives the consideration for translations of these terms into Russian and for assimilation of French borrowings.

Key words: assimilation of French borrowings, word-formation-structure, inherent form of word, “false friends of translator”

Традиционная национальная кухня теснейшим образом связана с жизнью народа, его историей. Она может многое рассказать о стране, ее природе, растительном и животном мире, о завоевателях и соседях, ранних и поздних контактах с другими народами и их культурой, о религиозных и иных запретах, о традициях и ритуалах. Кухня – неотъемлемая часть национальной культуры. Наряду с кулинарами, этнографами, историками и культурологами ее изучают географы и языковеды, химики, биологи и медики. Она в разной степени отражена в национальных литературах – в люксембургской пока недостаточно широко. Правда, уже есть постоянная передача на телевидении, вышли в свет три книги, рассказывающие о ней. Две из них [Tibesart 2002; Lëtzebuurger Musel 2005], а также некоторые художественные произведения были использованы при написании данной статьи.

В стране, лежащей на границе романского и германского языковых и культурных миров, в стране, где три официальных языка (люксембургский, французский, немецкий), неизбежно пересечение и взаимодействие нескольких культурных

традиций. В XX в. свою лепту внесли также итальянские и португальские иммигранты. Конечно, сильнее всего это многообразие ощущается в столице, где много туристов и вообще иностранцев и можно встретить итальянские пиццерии, французские рестораны и кафе, где представлены португальская, турецкая и китайская кухни. Меню во всех заведениях напечатаны или написаны по-французски. Исконную же кухню надо скорее искать в люксембургских семьях, в деревнях и маленьких городках. В тех семьях, где были французские предки по женской линии, нередко преобладает французская кухня. В столице традиционные блюда можно отведать в ресторане «De gëlle Fra» (букв. «Золотая женщина», название монумента независимости).

Традиционная кухня всегда связана с климатом. В Люксембурге три основных климатических зоны: Гутланд (юг и юго-запад, равнина с мягким климатом и плодородной почвой), Мозельская область (слегка холмистая местность вдоль реки Мозель, где хорошо растет виноград) и Эслинг (северо-запад, Арденнские горы, где бедные лесные почвы и относительно холодные зимы). Если в Гутланде прекрасно растут все овощи, сахарная свекла, пшеница и выращивают розы, в Мозельской области много виноградников и садов, то в Эслинге основными культурами были рожь, картофель и корнеплоды. Климатические условия определяют характер региональной кухни. В Гутланде большое овощное разнообразие, в Мозельской области во многие блюда добавляют вино, а на севере больше едят мясных и мучных блюд.

Люксембургские крестьяне ели мясо по праздникам, питались речной рыбой, зерновыми и бобовыми культурами, корнеплодами. С XIX в. основной культурой становится картофель, блюдами из которого богата люксембургская кухня. До 1870-х гг. Люксембург был аграрной страной. Бурное развитие сталелитейной промышленности сделало его к началу XX в. страной индустриальной [Pauly 2011:77], внося свои изменения и в питание населения.

Основные продукты питания, используемые в люксембургской кухне, во многом определяют ее национальное своеобразие. Из мяса люксембуржцы чаще всего едят свинину, говядину, телятину, изредка баранину, дичь (мясо дикого кабана, косули, кролика, зайца). Из птицы в рецептах фигурируют курица, утка, индейка, фазан, голубь. Рыбных блюд больше всего в мозельской кухне (из щуки, судака, карпа, лосося, речной форели, а также из морской рыбы – сельди, трески, морского языка, сардины). Традиционны кушанья из раков. А вот запеченная сушеная треска – португальское блюдо, мидии и креветки заимствованы из итальянской и португальской кухни, улитки характерны для кухни французской, как и бифштекс из конины. В рецептах встречаются (как и в немецкой кухне) ветчина, колбаса, сало, свиной жир, а также масло, сыр, яйца. Несколько реже используется творог.

Как и в Германии, здесь не варят кашу. В качестве гарнира (помимо картофеля и овощей) упоминаются домашняя лапша, рис, макароны, бобы, чечевица и спельта (один из видов полбы, которую в России ели во время Пушкина; см. «Сказку о попе и его работнике Балде»).

Выпечка бывает из дрожжевого и бездрожжевого теста с начинкой из сыра, разных кремов, фруктов, ягод, щавеля, изюма. Мясо, рыба и овощи в качестве начинки в пирогах используются редко. Правда, есть очень своеобразный пирог с салом, луком и сыром (похожие пироги пекут во Франции и Нижней Саксонии). Здесь (по крайней мере, в двух упомянутых поваренных книгах) нет блюд из пшениной, пшеничной, манной и перловой крупы. Пожалуй, больше всего своеобразия в исполь-

зовании овощей. Что касается зелени, трав и приправ, то в рецептах упоминаются чабёр садовый, шнитлук, любисток, розмарин, тимьян, эстрагон (тархун), кервель, фенхель, базилик, петрушка, укроп, лавровый лист. Среднерусская кухня чаще всего ограничивается укропом, сельдереем и петрушкой. Базилик в Люксембурге кладут преимущественно в итальянские и французские блюда, тогда как шнитлук очень популярен в супах, салатах, вторых блюдах. Как и во Франции, здесь любят суп из спаржи. Ее также отваривают и поджаривают на сливочном масле. Чрезвычайно популярен в соусах и вторых блюдах лук шалот, мало известный у нас. В салатах и гарнирах широко применяется черенковый сельдерей. В супах обычно отваривают целые букеты зелени, которые затем удаляют. Во многих блюдах можно встретить бобы и зеленый горошек, а также зеленую фасоль, тогда как зрелая фасоль не столь популярна. Из грибов в рецептах назван только полевой шампиньон. Весной люксембуржцы, как и русские, варят суп из крапивы, а щавель у них служит для приготовления соусов или как начинка (ср. с немецкой кухней, где щавель почти не употребляется). В Люксембурге выращивают красную свеклу, но в рецептах она встретилась лишь раз в салате с репчатым луком под соусом «винегрет». В наших огородах растет козелец (черный корень), но вряд ли кто назовет блюда, приготовляемые из него. В Люксембурге же тушеный козелец служит гарниром к мясным блюдам. Его также запекают с сыром. В люксембургской кухне редко используются сладкий перец, баклажаны и кабачки – как, впрочем, и в немецкой. Хотя тыква здесь известна давно, со времен римского господства (I–V вв.), но блюда из нее, например суп-пюре, получают распространение только теперь.

Еще одна особенность: при тушении овощей или поджаривании лука для супов мы чаще всего пользуемся растительным маслом, реже сливочным. Люксембуржцы же предпочитают сливочное масло либо свиной жир (Schmalz), который также намазывают на хлеб.

В обеих кулинарных книгах часто встречается слово Fond (люкс. Fong) – название мясного сока или рыбного отвара (Fëschfong), на основе которого делают соусы. В целом люксембургскую кухню, довольно богатую приправами, нельзя назвать острой. Перец, чеснок, лук употребляются в умеренных количествах; то же касается и зелени. Вот некоторые блюда из более чем 300 названий, характерные для люксембургской кухни: 1) супы: Gehäck(s) – густой суп из свиных внутренностей (печени, сердца, легких), деревенское блюдо, которое готовили к праздникам; Bouneschlupp – суп из зеленой фасоли; Dullessenzopp – суп из зрелых бобов; Gromperenzopp – картофельный суп, крестьянское полевое блюдо с копченым салом; Lënsebulli – чечевичный суп, известный с XVII в. [Tibesart 2002:14]; Geméiszopp mat Hamenhéis – овощной суп с ветчиной на косточке (его нередко подавали с блинами или брюссельскими вафлями – Eisekuch) [Tibesart 2002:15]; Héngerbritt – куриный бульон с сельдереем, белым вином, луком; Porettenzopp – суп из зеленого лука; Ënnenzopp – луковый суп с сыром, блюдо французского происхождения; в праздники его ели после полуночи [Tibesart 2002:18]; 2) вторые блюда: gebootschte Gromperen – картофель по-люксембургски, отваренный и поджаренный на свином жире. Картофель – основная еда крестьян, поэтому у люксембургских солдат-добровольцев было прозвище «Gromperejhang» – «картофельный Жан» [LW, II: 83]; Gromperekichelcher – картофельные оладьи, которые, в отличие от аналогичного русского блюда, жарятся на сливочном масле или свином жире с петрушкой и луком-шалотом; Tierteg – букв. «смесь» – лепешки из картофеля, квашеной капусты и копченого мяса; Moselfriture – жареная мел-

кая речная рыба; Kriibsen – речные раки по-люксембургски (варятся с морковью, сельдереем и шалотом в белом вине, подаются с эстрагоном); Stäerzelen – вид клецек из смеси гречневой и пшеничной муки, которые едят со свиными шкварками или с супом; Wëllkarpangecher – бездрожжевые блины из смеси гречневой и пшеничной муки; Eeërtiwwel – яичница-болтунья по-люксембургски с салом и ветчиной; Kachkéis – сорт сыра с тмином, который расплавляют и намазывают на хлеб с горчицей [Tibesart 2002:63]; rout Rommelszalot – салат из красной свеклы с луком под соусом «винегрет»; panéierte Kuddelfleck – рубец по-люксембургски в панировке под соусом из чеснока, шалота и каперсов; блюдо распространено также в Италии, Франции, Испании [Tibesart 2002:90]; Judd mat Gaardebounen – копченая свинина с бобами; считается люксембургским национальным блюдом, хотя родом из Лотарингии [Tibesart 2002:105]; Träipen (Träip – «кишка», «внутренность») – кровяная колбаса с кровью, ливером и овощами; Choucroute – тушеная квашеная капуста с разными копченостями по-люксембургски; 3) выпечка и сладкие блюда: Verwurelter – пышки в форме узелка; Nonnefäscht – а) вид печенья, б) сладкие пышки [LW, III: 227]; Paangecher – блины, подаваемые к супу; Quetschekraut – сливовое повидло; Quetscheflued – сливовый пирог; Schuedi – пирог из дрожжевого теста со сметаной; Eisekuchen – брюссельские вафли; iwwerbaken Äppel – яблоки, фаршированные зеленым луком, сыром, орехами и запеченные в духовке [Lëtzebuerger Musel 2005: 43].

Мозельская кухня отличается тем, что почти во всех блюдах присутствует сухое белое вино, а иногда игристое вино. Здесь есть такие интересные блюда, как морской язык с шампанским, судак под щавелевым соусом, цыпленок в красном вине, куриное рагу с шампанским, куриный шницель с виноградом. Виноградари и виноделы на Мозеле издавна праздновали свой праздник (Wäinfest). С ним связан обычай den Hunn feiern – букв. «праздновать петуха» [Winkel-Konz 1929: 104]. Петуха, украшенного цветами, фруктами и виноградом, носили по деревне, потом жарили и ели, запивая молодым вином.

Необходимо сказать о люксембургских винах. Виноградарство и виноделие на берегах Мозеля возникло еще в римскую эпоху. В люксембургской деревне Энен есть музей виноделия, где демонстрируют римские винные прессы. Здешние мозельские вина превосходны и славятся во всем мире: креман – сухое шампанское; рислинг, риванер, траминер, оксерруа – белые сухие вина; пино, эльблинг (белые и красные). Помимо культуры виноделия, римляне принесли некоторые названия орудий, растений, продуктов, например: Kolter (лат. culter) «нож, разрезающий землю перед плугом», Kelter (лат. calcatura) «винный пресс», Ënn (лат. unio) «лук», Vierz (лат. *vice* vinum) «фруктовое вино», Kabes (лат. capitia) «капуста».

Поскольку страна изначально была двуязычной, состояла из германоязычной и романоязычной (валлонской) частей, а также потому, что французский долгие века был языком управления, здесь велико влияние французской культуры и французской кухни. Вот почему в летцебургиш много французских названий блюд и продуктов питания: Zopp (фр. soup) – суп, Bulli (фр. bouillon) – бульон, Choufleurzopp – суп из цветной капусты, Porettenzopp – суп из лука порея, Schalotte (фр. échalotte) – лук шалот, Gratin – блюдо в панировке, Zooss (фр. sauce) – соус, Remouladenzooss – густой пикантный соус из перца, растительного масла и пряностей; Quiche – запеканка или пирог с мелко нарезанными кусочками сала, Chiconen (фр. chicorée) – цикорийный салат, Kornischongzalot (фр. cornichon) – салат из огурцов, Vinaigrette – соус винегрет из горчицы, уксуса, растительного масла, соли и перца; Mirepoix – острый

овощной соус, Roulade – рулет, Blanquette – рагу из телятины под белым соусом, Jhelli (фр. gelée) – желе, студень, желе; Gigot – баранья задняя ножка, Soufflé – суфле, воздушный пирог; Bûche – рождественский пирог, «полено»; Glace – мороженое, Flan – сорт пирожного с кремом, Zoossiss (фр. saucisse «сосиска») – колбаса.

Среди французских заимствований имеются слова с разной структурой: корневые (Fong, Flan, Quiche), производные с суффиксом -ette (Blanquette, Vinaigrette, Porette), сложные слова (Choufleur, Choucroute), а также словосочетания, заимствованные как слова-цитаты, например: Cordon bleu (букв. «голубая лента»; символ высочайшего кулинарного искусства; название шницеля из телятины); Coq au Riesling – петух в рислинге, Bouquet garni – пучок зелени. Изредка французские словосочетания становятся деэтимологизированными лексемами, утратившими внутреннюю форму: Biwwellamoud – тушеная говядина (фр. bœuf à la mode) [LW, I: 15]. Лишь небольшая часть французских заимствований может считаться орфографически освоенной: Zopp, Fritten, Zalot, Bulli, Jhelli, Zoossiss, Zooss, Schalotte. Некоторые слова освоены лишь частично: Fong, Chikonen. Большинство наименований сохраняет французское написание и произношение: Choucroute, Quiche, Soufflé, Mirepoix, Vinaigrette.

В Люксембурге популярны некоторые блюда итальянской кухни, но итальянских заимствований немного, например: scampo (мн. ч. scampi – ит.): gebake Scampien – печеные креветки; Pizza; Pastaschutta (искаженное итальянское название сухих мучных изделий pasta asciutta [Tibesart 2002: 57]) – спагетти по-болонски с мясом и помидорами; Cannellonien – рулетики из теста с мясной начинкой, запеченные с сыром; Tutti-Frutti – фруктовый салат в сахарном сиропе; Makkaronien – макароны. Ряд слов грамматически освоен, имеет во множественном числе суффикс -en: Scampien, Cannellonien, Makkaronien.

Португальская кухня обогатила люксембургскую дарами моря, а также португальским национальным супом Caldo verde из особой капусты с картофелем, луком и пикантной колбасой.

Заслуживает внимания словообразовательная структура названий блюд люксембургской кухни. Большинство среди них составляют определяющие сложные слова, например: Héngerbritt – куриный бульон, Rëndsbrot – жаркое из говядины, Liewerkniddelen – клецки из печени, Hammelskotletten – отбивные из баранины; Fierkelskotletten – отбивные из поросёнка, Réihämmchen – жаркое из костреца косули, Rubarbstaart – пирог с ревенем. В одном слове оба компонента являются сложными основами: Wëllkarpanngecher (ср. с нем. Wildkornpfannkuchen) – гречневые блины.

Второй частотной словообразовательной структурой является сочетание существительных с предлогами: Hong mat Räis – курица с рисом, Frell am Riesling – форель в рислинге, Salem mat Sauerampelszooss – лосось под щавелевым соусом, Stoffi mat Ënnen a Bratzelen – творог с зеленым луком и чесноком, Ham am Deeg – ветчина в тесте, Dréischelen am Botter – шампиньоны, тушеные на сливочном масле; Ierbess mat Wuerzelen – горошек с морковью, Wäinzoossiss mat Moschterzooss – жареная колбаса в горчичном соусе. Названия, состоящие из существительных с предлогами, говорят о компонентах блюда, но не о технологии его приготовления, в отличие от определений – прилагательных или причастий: gefëllent Schnuddelhong – фаршированная индейка, panéiert Schwéngsféiss – свиные ножки, обжаренные в сухарях; gedëmpte Frell – тушеная форель, gebrode Dauwen – жареные голуби, gebake Scampien – печеные креветки, agemaach-

ten Hierken – маринованная сельдь, hausmaacher Nuddeln – домашняя лапша, Gesolpertes mat Lënsen – солонина с чечевицей (solperen – солить).

Некоторые наименования обладают выраженной внутренней формой: это производные аффиксальные образования и субстантивированные причастия. У слова Gehäck(s) внутренняя форма связана с глаголом hacken «мелко рубить». Ge- – префикс собирательных существительных. Буквальное значение слова – «рубленое» (свиной ливер для него нарезается кубиками, это густой суп).

В летцебургш много диминутивов с суффиксом -chen, есть они и среди наименований блюд, например: Grompererekichelcher – картофельные оладьи (букв. «оладушки»), Fleeschkichelcher – фрикадельки. Kichelchen – диминутив от Kuch «пирог» с двойным суффиксом -elchen. Paschtéitchen – пирожок с мясом или рыбой, диминутив от Paschtéit. Wäffelcher – десертные вафли, букв. «вафельки» – диминутив от Waffel; Boxemännercher – букв. «карапузы (человечки) в брюках» – выпечка в виде человечков; Verwurelter – от глагола verwurelen «запутывать», букв. «запутанные» – выпечка в форме узелка; Gesolpertes – букв. «соленое», субстантивированное причастие II от глагола solperen «солить».

Следует обратить внимание на случаи так называемых «ложных друзей переводчика». К ним относятся слова Vinaigrette, Kotlett, Zoossiss. Vinaigrette – не салат, как в русском языке, а соус из горчицы, уксуса, растительного масла, соли и черного перца; Kotlett – не котлета из мяса, пропущенного через мясорубку, а отбивная на косточке. Русскому понятию «котлета» больше всего в люксембургской кухне соответствует мясная фрикаделька – Fleeschkichelchen. Zoossiss – не сосиска, а любая колбаса, чаще всего копченая, в отличие от русского и французского языков.

В люксембургской кулинарной номенклатуре немало гибридных наименований – сложных слов со вторыми или первыми французскими компонентами (чаще со вторыми): Hämmlsragout – рагу из баранины, Kallefsragout – рагу из телятины, Fëschboulette – рыбная котлета, Mummentaart – яблочный пирог, Rëndsroulade – говяжий рулет, Kéis-Soufflé – сырное суфле, Fëschgratin – рыба, запеченная в сухарях, Bauerenomelett – омлет по-крестьянски. Французские первые компоненты композитов (неосвоенные) нередко сочетаются с давно освоенными основами -zoop, -zalot; Porpiers-Zopp – суп из портулака, Laitueszopp – суп из салата-латука, Zelleriszalot – салат из сельдерея.

В Люксембурге сохранились многие народные и религиозные традиции. С ними тесно связана и традиционная кухня: Kiirmes (день освящения церкви): Gehäck(s), Kranzkuch – пирог из дрожжевого теста с изюмом; Krëschtdag (Рождество): gefëllent Schnuddelhong, Bûche, Gehäck(s); Ouschteren (Пасха): Schwéngskotletten; Hämmlsgigot, Kallefsbrot – жаркое из телятины, gréng Hämmlchen – некопченая ветчина; Niklosdag (день св. Николая, 6 декабря): Boxemännercher; Fuesent (масленица, карнавал перед Великим постом): Verwurelter; Nonnepipercher, Meisercher – разновидности пышек [Fontaine, 1995:29]; Allerséilendag (День поминовения усопших, 2 ноября): кофе с орехами; Schuebermëss (разновидность кирмеса, ярмарка в г. Люксембурге и других городах): Moselfriture; Fritten – жареный картофель. Праздничной едой считается также луковый суп (Ënnenzopp).

В художественной литературе на немецком языке и в газетных статьях можно встретить кулинарные «люксембургизмы», например:

Wer keinen Platz in den Restaurants bekam, ließ sich einen Thüringer oder «Eisekuch» gut schmecken. (Luxemburger Wort, 16.05.1997)

Darüber hinaus war auch mit den traditionellen Spezialitäten vom Grill – Thüringer, Mettwürste, Koteletts, «Gromperekichelcher» und auch Champignons – dafür besorgt, dass dem Hunger effizient getrotzt werden konnte. (Luxemburger Wort, 9.10.2000)

Morgen gibt es bei euch keine Sterzeln zur Mittagssuppe. (N. Hein, «Der Verräter»)
...eine Krucke mit frischem Viez. (A. Elsen, «Die alte Turmuhr»)

Ich hatte zwei Elbling, den roten hast du getrunken. (P. Greisch, Schnitzel mit pommes frites)

... einen echten, waschechten, männerhaften, viel gepriesenen, von Ausländern gern und oft geschmuggelten Quetsch. (F. Muller-Hornick, «Der Seelenbaumler»)

Als kleiner Imbiss zwischendurch bot sich eine Scheibe «Nëssbrutt» belegt mit «Nësspâte» an. Wer es eher süß mochte, der konnte sich am «Nësskuch» probieren und auch die «Nëssknippelcher» fanden reißenden Absatz. (Luxemburger Wort, 9.10.2000)

Quetsch – сливовый ликер, Nëssbrutt – выпечка с орехами, Nësspâte – пирог с орехами, Nësskuch – булочки на ореховом масле, Nëssknippelcher – сладкие шарики с орехами.

Что можно сказать о люксембургской кухне в целом? В ней сытные и несколько тяжелые блюда соседствуют с более легкими и затейливыми французскими, но основу составляет германская по происхождению крестьянская еда. Люксембургские крестьяне, как и крестьяне других стран, были бережливыми, многие блюда делали из разнообразных остатков мяса, потрохов, теста, овощей; вместо свежего мяса нередко использовали солонину. Не пропадали и остатки рыбы и костей – они шли на приготовление бульонов и отваров для будущих соусов.

REFERENCES

Fontaine 1995 – Fontaine E.de la. (1995) Luxemburger Sitten und Bräuche. 5. Aufl. Luxembourg: Éditions Emile Borchette. 164 S.

Hess – Hess J. Retrospektive zur Schobermesse. Luxemburg: Bourg-Bourger.

Lëtzebuurger Musel 2005 – Lëtzebuurger Musel. Kochen mit Produkten von der Lëtzebuurger Musel. Rezepte von Marc Friederici u.a. Luxemburg: Éditions Guy Binsfeld. 143 S.

LW – Luxemburger Wörterbuch: In 5 Bd. Luxemburg: Buchdruckerei P. Linden, 1950–1977.

Pauly – Pauly M. (2011) Geschichte Luxemburgs. München: Verlag C.H. Beck oHG. 128 S.

Tibesart – Tibesart M. (2002) Die Luxemburger Küche heute. 3. Aufl. Luxemburg: Éditions Guy Binsfeld. 153 S.

Winkel-Konz – Winkel-Konz J. (Jahrbuch 1929) Das Weinfest an der Ober-Mosel («den Hunn feiern»). In: Berlin; Leipzig: Luxemburgische Sprachgesellschaft. S. 104–106.

Сведения об авторе:

Татьяна Васильевна Ключева,
канд. филол. наук
доцент
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Tatyana V. Klyueva,
PhD
Assistant Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
gerdep.msu@gmail.com

А.В. Боброва (Москва, Россия)

Суффиксы – иноязычный, освоенный, заимствованный (на примере истории группы слов на -инг, заимствованных из английского языка)

Аннотация: В данной работе рассматриваются слова с суффиксом -ing, пришедшие из английского языка. Прослеживаются этапы заимствования их начиная с допетровской эпохи (названия денежных единиц: *стерлинг*, *шиллинг*) и до конца XX в. и первых десятилетий XXI в., отмечается интенсивность их поступления в русский язык в разные временные периоды, определяются основные тематические группы заимствованных слов. Образовавшийся значительный по количеству лексико-структурный ряд заимствованных слов на -инг позволил квалифицировать данный иноязычный суффикс как освоенный, заимствованный, вошедший в словообразовательную систему русского языка. Об этом свидетельствуют слова, образованные от основ русских слов.

Ключевые слова: заимствование, суффиксы – иноязычный, освоенный, заимствованный, собственно русское слово (образование)

A.V. Bobrova (Moscow, Russia)

A History of -инг (-ing) Suffixation in Russian

Abstract: The article discusses the English derivational suffix -ing and borrowings and derivatives with -инг in Russian, tracing them back to the time before Peter I (e.g., *стерлинг* / *sterling*, *шиллинг* / *shilling*) up to the turn of the 21st century. Suffixation is regarded as a three-facet phenomenon: foreign-borrowed-adopted, suggesting that a foreign suffix can be borrowed by a language and later adopted by it. It is argued that at all times the derivational suffix worked intensively, producing a variety of thematically-bound words. The impressive number of derivatives shows that the -ing suffix has become an integral part of the Russian derivation system.

Key words: borrowings, borrowed suffixes, adopted suffixes, Russian word proper

Заимствование слов – одно из важнейших средств пополнения лексического запаса языка. Это явление всегда привлекало внимание как русских, так и иностранных исследователей. Особенно живой интерес наблюдался начиная с 1850–

1860-х гг. Появилось много работ, в которых прослеживались различные аспекты процесса заимствования и усвоения слов и даже морфем.

В ряде работ, посвященных заимствованным словам, говорится о необходимости учитывать производные модели и типы, так как описание словообразовательной системы языка может быть всесторонним и полным только при изучении всех – как продуктивных, так и непродуктивных – словообразовательных типов при тщательном анализе всех словообразовательных моделей. Были исследованы иноязычные слова, объединенные моделью, с суффиксами *-аж-*, *-ист-*, *-изм-*, *-ация*, *-изация* (в именах существительных), *-ировать*, *-изировать*, *-изовать* (в глаголах), с приставками *анти-* (рус. *противо-*), с морфемами *авто-* (рус. *само-*), *-дром* и др. Известны работы С.И. Ожегова, В.Г. Костомарова, Н.А. Авиловой, В.С. Гимпелевича и др., кандидатские диссертации аспирантов Н.М. Шанского.

Несмотря на разработанность многих проблем, связанных с процессом заимствования и освоения заимствованных слов, некоторые вопросы не подвергались рассмотрению, не описывались отдельные лексико-словообразовательные разряды слов (такие, например, как слова, пришедшие, главным образом, из английского языка, с суффиксом *-ing-*).

Появление в русском языке и освоение слов с иноязычным формантом *-инг* занимает довольно продолжительный период времени.

Образование в языке словесного ряда, объединяющего слова с общим формантом, ведет, при наличии родственных однокорневых слов, к выделению его, а затем, возможно, и заимствованию. Поэтому заимствование иноязычных морфем представляет не менее сложный процесс, чем заимствование слов. «Процесс заимствования суффиксов (как и служебных морфем в целом) не следует понимать как процесс перенимания самих суффиксов. Заимствуются слова, содержащие эти суффиксы»¹.

Можно выделить 3 этапа в заимствовании морфемы (так как работа основывается на материале слов с суффиксом *-ing*, то имеется в виду заимствование данного суффикса).

1-й этап – **накопление слов** с иноязычным суффиксом *-ing*, хотя слова могут восприниматься заимствующим языком как непроеизводные, немотивированные, морфологически нечленимые;

2-й этап – **выделение суффикса** *-ing* на русской почве в связи с наличием родственных слов, заимствованных позднее или уже имеющих в языке до заимствования данного слова;

3-й этап – **освоение суффикса** *-ing*, связанное с «осознанием» его значения и с образованием слов от русских основ с помощью этого иноязычного, но теперь уже заимствованного суффикса.

Появившись в заимствующем языке, многие слова с иноязычным суффиксом успевают прочно «укорениться» в нем. Однако выделение суффикса (2-й этап) происходит не обязательно даже при количественном росте слов данной структуры, и словообразовательный аффикс не может быть вычленен из заимствованных слов, если **не вычленена образующая основа**, причем не только формально, но и **семантически**. Осознание семантического значения иноязычного форманта ведет к превращению его в словообразовательный аффикс (3-й этап), с помощью которого образуются новые слова на почве заимствующего языка (от его основ).

¹ Шанский Н.М. Очерки по русскому словообразованию. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1968. С. 280.

Заимствующий формант должен получить свое семантическое значение, которое и определяет его словообразовательную активность, и это будет означать одновременно возникновение нового словообразовательного типа.

Следовательно, чтобы иноязычный суффикс можно было считать заимствованным, необходимо не только его выделение (или выделение не во всех словах), но и его освоение, т. е. участие в образовании новых слов от корней или основ заимствующего языка. Иначе он остается иноязычным, неосвоенным.

Всего в русском языке в системе имен около 160 суффиксов, из них иноязычных по происхождению около 15 (по подсчетам И.Ф. Протченко²), и лишь немногие из них приобрели подлинную словообразовательную активность (суффиксы *-ист*, *-изм*, *-ация*), получая возможность сочетаться с русскими корнями (основами).

Если проследить поступление слов на *-инг* в русский язык, то можно выделить несколько периодов, начиная с допетровской эпохи (*стерлинг*, *шиллинг* – денежные единицы):

Петровская эпоха (в основном специальная морская и корабельная терминология);
конец XVIII в. – середина XIX в. (*пудинг*, *митинг*);

конец XIX в. – начало XX в. (спортивная терминология – бокс, футбол, коньки: *допинг*, *дриблинг*, *кроссинг*, *ске(й)тинг*);

советский период, 1920–1930-е гг. (техническая – *блюминг*, *крекинг*, *кроссинг*, *фит(т)инг*, *слединг*, *стопинг*, *тюбинг*, экономическая – *свейтинг* и др., спортивная – *спарринг*, *инфайтинг*, *аутфайтинг*);

1950–1970-е гг. (спортивная терминология – *айсинг*, *аутотренинг*, *армрестлинг*, *бодибилдинг*, *джоггинг*, *картинг*, *лопинг*, *кик(с)боксинг*, *прессинг*, *рестлинг*, *сёрфинг*, *виндсёрфинг*, *слиппинг*, *спиннинг*, *тайминг*, *тренинг*, *кросс-чекинг*, *форчеккинг*, *форсинг*; научно-техническая – *кроссинг*, *лизинг*, *тюнинг*, *риформинг*, *феддинг*; экономическая (получают более широкое распространение в последующий период – *демпинг*, *инжиниринг*, *клиринг*, *маркетинг*); биологическая – *аутбридинг*, *бридинг*, *импринтинг*, *инбридинг*, *кроссбридинг*, *петтинг*, *скрининг*, *хоминг*; общественно-политическая – *брифинг*; «возрождены» предыдущие заимствования – *канцелинг*, *крекинг*, *допинг*, *инбридинг*; слова обиходные – *дансинг*, *кемпинг*, *кидне(а)ппинг*, *паркинг*, *слипинг*);

конец XX в. и первые два десятилетия XXI в. (*кастинг*, *мониторинг*, *рейтинг*, *хеппенинг*, *шопинг*; спортивная (виды спорта и спортивные игры, приемы) – *аквабайкинг*, *боулинг*, *дайвинг*, *фридайвинг*, *хайдайвинг*, *джампинг*, *бейсджампинг*, *роундджампинг*, *кайтинг*, *кёрлинг*, *кик(с)боксинг*, *пауэрлифтинг*, *прессинг*, *рафтинг*, *рейсинг*, *стритрейсинг*, *скейтбординг*, *скейтинг*, *сноубординг*, *слединг*, *треккинг*, *черлидинг*, *шейпинг*, *футинг*, *яхтинг*; медицинская, косметическая – *лифтинг*, *пилинг*, *пейнтинг*, *бодипейнтинг*, *пирсинг*, *бодипирсинг*, *фейсбилдинг*, *хилинг*, *шугаринг*; финансово-экономическая, коммерческая – *аутсорсинг*, *банкинг*, *бре(э)ндинг*, *ребрендинг*, *кариеринг*, *консалтинг*, *краудфантинг*, *лупинг*, *майнинг*, *медиа-баинг*, *мерч(а)ендайзинг*, *рекрутинг*, *спонсоринг*, *рейдинг*, *толлинг*, *трейдинг*, *факторинг*, *франчайзинг*, *хайринг*, *хендлинг*, *холдинг*; информационная – *геокэшинг*, *пейджинг*, *роуминг*, *фрикинг*, *листинг*, *хакинг*, *хостинг*; общественно-политическая – *имидж-мейкинг*, *спичрайтинг*; кроме того, психологическая – *буллинг*, *моббинг*, *троллинг*, *гоустинг*, *брэдкрамбинг*,

² См.: Протченко И.Ф. Лексика и словообразование русского языка Советской эпохи. М., Изд-во АН СССР, 1952. С. 90.

зомбинг и др.). Некоторые из вышеперечисленных слов могли встречаться уже в предшествующий период, но их появление было скорее эпизодическим и слабо отражалось в средствах массовой информации.

Тематическое распределение слов на *-инг* показывает, что слова следует разделять на терминологическую лексику (спортивная терминология, экономическая, коммерческая, научно-техническая, общественно-политическая, биологическая, медицинская и терминология психологии) и нетерминологическую (названия денежных единиц, не имеющих обращения в данной стране, предметно-бытовые слова, кулинарные слова).

Слова на *-инг*, представляющие собой, в основном, отглагольные образования, и в заимствующем языке сохраняют значение действия по глаголу, от которого они образованы:

действие как процесс – *бутлеггинг, джоггинг, скорчинг, форсинг*;

действие как способ или прием – *инбридинг, клиринг, крекинг, брифинг, прессинг, дайвинг, мониторинг, дриблинг*, хотя отдельные слова уже могли прийти с предметным значением (*паркинг, пудинг, тюбинг*). У некоторых из них развиваются конкретные значения в результате метафоризации на русской почве (*допинг, дансинг, пирсинг* перен., *спиннинг, картинг*).

Среди слов на *-инг*, проникших в русский язык, выделяется группа, которая попала в виде словосочетания 'инговая форма + имя существительное', из которого потом выделяется только первая часть сочетания с суффиксом *-ing* и «живет» как самостоятельное слово.

Например:

дансинг ← *дансинг-холл, дансинг-зал* ← англ. *dancing-hall*;

шепинг ← *шепинг-машина* ← англ. *shaping-machine*.

Промежуточное звено ('инговая форма + имя существительное') может отсутствовать в рус. языке:

блюминг ← англ. *blooming-mill*;

смокинг ← англ. *smoking-jacket*;

слипинг ← англ. *sleeping carriage*.

Язык, заимствующий слова из других языков, не ведет себя по отношению к ним пассивно. Слова на *-инг* все-таки в большинстве своем приходят в русский язык с обозначением отглагольного действия. Чужеродность суффикса *-инг* в русском языке слишком очевидна. А в системе словообразования русский язык имеет достаточное количество «своих» суффиксов, с помощью которых образуются отглагольные имена существительные (*-ниj-е, -ениj-е, -тиj-е, -к-а, -б-а, -овн-я, -отн-я* и др.). Поэтому при заимствовании слов на *-инг*, первоначально обозначающих действие по глаголу, быстрее осваиваются те, которые получили или имели предметно-вещественное значение в языке-источнике. По отношению к остальным словам русский язык занимает очень активную позицию. Обозначение процесса, действия, состояния (глагольные значения) при освоении слова может усиливаться и подчеркиваться средствами самого русского языка. Для этого используются (обычно в научно-технической, медицинской терминологии) такие приемы, как:

1) употребляются в словосочетании 'инговая форма + имена существительные' слова *процесс, явление, эффект* и др., которые подчеркивают глагольное значение, тем самым «освобождая» (нейтрализуя) суффикс *-инг* от обозначения действия или состояния по глаголу и переводя его значение на себя: *крекинг-процесс, допинг-контроль, скрининг-обследование, фединг-явление, лифтинг-эффект, спарринг-тренировка*, но могут употребляться после инговой формы слова, подчеркивающие предметное значение словом *продукт (крекинг-продукт)*, или название продукта конкретизируется (*крекинг-бензин, крекинг-мазут*),

2) заменяются в русском языке на суффиксальные образования от глаголов с суффиксом *-инг*, который сохраняется в именах существительных как показатель отглагольного действия, но усиливается своим, русским суффиксом, обозначающим отвлеченное действие по глаголу: *допингирование, хонингование, митингование, пудлингование* (от *пудлинговать*, ср. *пудлинговка*),

3) получают распространение отглагольные существительные без суффикса *-инг*, образованные от производных на русской почве глаголов без суффикса *-инг*, но с русскими суффиксами: *допировать – допирование*, хотя возможно было и существование *допингировать – допингирование, крекировать – крекирование*.

Заемствования же на *-инг* второй половины и конца XX в. и позже в основном приходят в русский язык уже с осознанием английского суффикса *-ing* как суффикса действия по глаголу. Многие из ранее заимствованных слов получают более широкое употребление.

Обычно производные от слов с суффиксом *-инг* – имена существительные с суффиксом *-ист, -истк-а*, имена прилагательные с суффиксом *-ов-ый*, глаголы с суффиксом *-овать, -ировать*, первая или вторая часть сложных слов:

демтинг – демтинговый, демтинговать; допинг – допинговый, допинг-контроль; митинг – митинговость, митинговщина, митинговый, митинговать, митингующий, мониторинг – мониторинговый; прессинг – прессинговый, прессинговать; рейтинг – рейтинговый, рейтинговать, рейтингово редк. наречие; *сноубординг – сноубордингист; холдинг – холдинговый; шейпинг – шейпинговый, шейпинг-зал, -клуб, -центр*.

Отражение слов на *-инг*, вошедших в русский язык, в лексикографических источниках, особенно в толковых, орфографических и словарях иностранных слов русского языка, крайне неравномерно, скупо и непоследовательно.

В последних изданиях их количество, несмотря на довольно большой приток слов на *-инг* за несколько последних десятилетий прошлого века и почти двух нынешнего, не слишком увеличилось по сравнению с прежними периодами, большая часть поступлений в русский язык из-за их специального, терминологического характера остается в изданиях СМИ (основная часть приведенных в данной работе слов – из еженедельников *«Аргументы и факты»*, *«Аргументы недели»*, *«Комсомольская правда»*, газ. *«Московский комсомолец»*, *«На Западе Москвы»* и др.).

Фиксируются подобные «заемствования» в словарях, отражающих изменения в лексическом составе русского языка какого-либо временного периода. Так, «Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика» (под ред. Г.Н. Скляревской; М.: Эксмо, 2006), содержащий около 8500 слов и устойчивых словосочетаний, включает и довольно значительное количество слов с суффиксом *-ing*, большая часть их относится к заимствованиям последних лет прошлого века и

началу текущего века, что подтверждается обширным цитатным материалом (многие из них имеют уже производные в русском языке) из источников 1997–2005 гг. В отличие от вышеуказанного словаря в «Толковом словаре русского языка конца XX века. Языковые изменения» (гл. ред. Г.Н. Складневская) заимствований с данным суффиксом дано значительно меньше (СПб.: Фолио-пресс, 1998).

Подводя итоги, можно сказать, что в словах на *-инг*, значительно пополнивших эту группу начиная со второй половины XX в. и за последние десятилетия текущего века и продолжающих приходить в наш язык, суффикс *-инг* выделяется, но, самое главное, появляются и **собственно русские слова** с этим суффиксом, хотя их и не очень много. Однако образование таких **собственно русских слов** (от русских основ) осуществляется **несколько своеобразно**. В основном это слова авторские, окказиональные, единичные, «возникшие» чаще всего в разговорной ситуации, и потому они обладают ярко выраженной эмоциональной окраской, например: *трёплинг* от глагола разг. *трепаться* «болтать пустяки», *смотринг* (в противоположность *шопингу*) от *смотреть* (на товары, вещи, но не иметь возможности купить), *зацепинг* (езда на крышах поездов метро) – от *зацепиться*, *пельменинг* (назв. закуской в Алтайском крае) – от существительного *пельмени*, *гадинг* от разг.-сниж. *гадить* «делать пакости, скрытно вредить», *сволочинг*, по-видимому, от разг. *сволочиться* груб. «называть кого-л. сволочью, грубо ругаться» (авторство обоих слов на *-инг* приписывается Вл. Соловьёву), *впендюринг* от разг. *впендюрить(ся)*, употреблено Б. Ноткиным в еженедельнике «Аргументы недели» (2017. № 3. 26 янв.), *псакинг* от имени существительного собственного *Псака* – пресс-секретарь президента Барака Обамы, и некоторые другие, появляющиеся в СМИ. Например, в связи с опасным вождением автомашин по тротуарам модное слово *стритрейсинг* породило придуманное слово *аэропортинг* – образование от имени существительного *аэропорт*, и автор статьи «Дождались», юморист, автор интермедий Евг. Галкин, считает³, что можно ожидать появления слов для обозначения новых развлечений подобного характера: *вокзалинг* от *вокзал*, *военнобазинг* от *военная база*, *космодроминг* от *космодром*, образованных от имен существительных. Все подобные «шутливые» слова, хотя и образованы от имен существительных, имеют значение, как и все вышеперечисленные, связанное со значением глагола (в данном случае подразумевается слово *гнать* – *гонка*, «бешенная» езда; ездить *по аэропорту*, *по вокзалу*, *по военной базе*, *по космодрому*), тем самым подтверждая, что англ. суффикс *-ing* стал заимствованным. Скорее всего, это слова-однодневки, появление которых вызывает неоднозначный интерес, но существование их в русском языке вряд ли будет долговечным.

Вот еще и шутливое стихотворение Андрея Усачёва, где тоже представлены образования с суффиксом *-инг* от русских основ:

ПУДИНГ

Англичане любят	Тот, кто любит <i>пудинг</i>
Есть на ужин <i>пудинг</i> ,	И часто ходит в <i>гостинг</i> ,
Потому что <i>пудинг</i> –	Не бывает <i>худинг</i> ,
Очень вкусный <i>блюдинг</i> .	А бывает <i>толстинг</i> !

Кстати, одно из первых слов на *-инг* было создано в XIX в. Н.С. Лесковым: рус. *студень* было преобразовано под влиянием англ. *пудинг* в *студинг*.

³ См.: Аргументы и факты. 2016. № 52.

Итак, подводя итоги, следует сказать, что суффикс *-инг* **заимствован**, слова с ним появились в русском языке. Но пока непонятно, к чему приведет «комичность» многих этих слов и какие дальше будут появляться слова с суф. *-инг*.

ИСТОЧНИКИ

Баш Л.М., Боброва А.В. и др. Школьный словарь иностранных слов. М.: Русский язык, 2006. 687 с.

Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. М.: Русский язык, 1998. 700 с.

Новое в русской лексике. Словарные материалы-77 / Под ред. Н.З. Котеловой. М.: Русский язык, 1980. 175 с.

Новое в русской лексике. Словарные материалы-78 / Под ред. Н.З. Котеловой. М.: Русский язык, 1981. 261 с.

Новое в русской лексике. Словарные материалы-79 / Под ред. Н.З. Котеловой. М.: Русский язык, 1982. 319 с.

Новое в русской лексике. Словарные материалы-82 / Под ред. Н.З. Котеловой. М.: Русский язык, 1985. 252 с.

Словарь новых слов русского языка (середина 50-х – середина 80-х годов) / Под ред. Н.З. Котеловой. СПб., 1995. 878 с.

Толковый словарь русского языка конца XX в. Языковые изменения / Под ред. Г.Н. Складчиковой; Институт лингвистических исследований, Российская Академия наук. СПб.: Фолио-Пресс, 1998. 700 с.

Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / Под ред. Г.Н. Складчиковой. Около 8 500 слов и устойчивых сочетаний. М.: Эксмо, 2006. 1131, [2] с.

ЛИТЕРАТУРА

Боброва А.В. Имена существительные на -инг в русском языке (происхождение и функционирование): Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982.

ORIGINS

Bash L.M., Bobrova A.V., et al. (2006) School Dictionary of Foreign Words. Moscow. Russky Yazyk Publ. 687 p.

Krysin L.P. (1998) An Explanatory Dictionary of Foreign Words. Moscow. Russky Yazyk Publ. 700 p.

New Russian Vocabulary. Vocabulary Materials-77 / Ed. by N.Z. Kotelova. Moscow. Russky Yazyk Publ. 1980. 175 p.

New Russian Vocabulary. Vocabulary Materials-78 / Ed. by N.Z. Kotelova. Moscow. Russky Yazyk Publ. 1981. 261 p.

New Russian Vocabulary. Vocabulary Materials-79 / Ed. by N.Z. Kotelova. Moscow. Russky Yazyk Publ. 1982. 319 p.

New Russian Vocabulary. Vocabulary Materials-82 / Ed. by N.Z. Kotelova. Moscow. Russky Yazyk Publ. 1985. 252 p.

A Dictionary of New Russian Words (mid-50's – mid-80's) / Ed. by N.Z. Kotelova. St.-Petersburg. 1995. 878 p.

An Explanatory Dictionary of the Russian Language in the Late 20th century. Language's Changes / Ed. by G.N. Sclayarevskaya; Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences. Sanct-Petersburg. Folio-Press Publ. 1998. 700 p.

An Explanatory Dictionary of the Russian Language in the Early 21st century. Active Vocabulary / Ed. by G.N. Scl'yarevskaya. About 8,500 words and stable phrases. Moscow. Eksmo Publ. 2006. 1131, [2] p.

LITERATURE

Bobrova A.V. (1982) Russian Nouns with -ing Suffix (Origin and Functioning): Synopsis. PhD. Moscow. Moscow University Press.

Сведения об авторе:

Алина Васильевна Боброва,
канд. филол. наук
научный сотрудник
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Alina V. Bobrova,
PhD
Research Associate
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University

А.Б. Сергеева (Москва, Россия)

Неология и дискурс (на материале французского языка)

Аннотация: В статье определяются факторы, влияющие на неологическую активность человека, и показано, каким образом присутствие неологизма задает структурно-семантические характеристики высказывания. При вводе в речь новой единицы создаются «напряженные» структуры, что является следствием повышенного внимания говорящего (пишущего) к форме выражения нового содержания. Высказывание строится в расчете на создание большей дискурсивной напряженности, стимулирующей активную позицию адресата и предполагающей определенные дискурсивные стратегии автора текста: стратегии «отстранения» от вводимой новой единицы, свидетельствующие о трудности преодоления неологического барьера (уведомление, выделение), и, напротив, стратегии, стимулирующие неологическую смелость автора – различные формы модализации высказывания, помещение неологизма в парадигматические ряды, объединенные либо по форме (слова аналогичных словообразовательных моделей), либо по смыслу (ряды слов, имеющих общий семантический компонент).

Ключевые слова: неологизмы, дискурс, неологическая смелость, напряженные структуры, модализация, парадигмы

A.B. Sergeeva (Moscow, Russia)

Neology and Discourse (On French Material)

Abstract: In the article the factors influencing neological activity of the person are defined and it is also considered how presence of a neologism sets structural-semantic characteristics of a statement. As the result of the use of a new unit in speech new «intense» structures are created that is a consequence of the special attention of speaking (writing) person to form of expression of new contents. The statement is being made with a view to create higher discursive tension stimulating an active position of the addressee and presupposing certain discursive strategies of the author: the strategy of dissosiation from the performing a new unit, demonstrating difficulty of breaking the neological barrier, and, on the contrary, the strategy stimulating neological courage of the author – various forms of modalization of a statement, placing of a neologism into the paradigmatic rows integrated either by form (the words of similar word-formation models), or by sense (groups of words having a common semantic component).

Keywords: neologisms, discourse, neological courage, intense structures, modalization, paradigms

При всем разнообразии подходов к изучению неологизмов один аспект остается, однако, наименее разработанным в современных лингвистических исследованиях. Речь идет о соотношении неологии и дискурса. Рассматривая неологизмы под этим углом зрения, настоящая статья имеет целью проследить за поведением новой единицы номинации в структуре текста и ответить на вопросы: существуют ли какие-либо особенности или закономерности в организации высказывания, связанные с появлением в нем неологизма, каковы способы его ввода в речь и, шире, какова роль новообразований в построении высказывания.

Как и любое слово, неологизм является языковым знаком. Знаковая природа неологизма, с теоретической точки зрения, определяет его понимание как единицы, передающей новое соотношение между означаемым и означающим. Новизна может касаться только означающего (изменение формы), только означаемого (изменение значения) или же обеих сторон знака одновременно (в этом случае речь идет о появлении новой единицы с новым значением). Итак, неологизм – это всегда отклонение, изменение существующей нормы. Зачастую его появление является следствием вольной или невольной ошибки либо вполне осознанным желанием нарушить языковой код, подчеркнуть и утвердить свою роль создателя яркой номинации. Логично предположить, что сама операция создания неологизма и его ввода в речь нарушает предсказуемое построение высказывания, в котором, как мы полагаем, должны отражаться определенные языковые усилия говорящего актуализировать новое понятие.

Наши наблюдения показали, что при вводе в речь новой единицы, создаваемой, или просто воспроизводимой, создаются так называемые «напряженные» структуры, что является следствием повышенного внимания говорящего (пишущего) к форме выражения нового содержания. Создание «напряженных» структур объясняется тем, что ввод неологизма стимулирует творческий импульс и языковую активность как употребляющего неологизм, так и воспринимающего его. «В момент первичного употребления нового слова, – отмечает Е.М. Вольф, – в модальной рамке его значения присутствует прагматический компонент, кодирующий модальность “неожиданность”, отражающую отношение модального субъекта к предполагаемому ходу событий»¹. Для достижения этого «эффекта неожиданности» человек, вводящий неологизм, строит высказывание в расчете на создание большей дискурсивной напряженности, стимулирующей активную позицию слушающего и предполагающей определенные **стратегии** говорящего (пишущего).

Первое, на что хотелось бы обратить внимание, это стратегия *уведомления и выделения* неологизма. Человек, употребивший неологизм, чаще всего испытывает потребность удостовериться, что новая единица правильно понята. Здесь существуют две основные возможности построения высказывания: либо истолковать, сопроводив неологизм разъяснительным комментарием, напр.: *La carte à puce devrait aussi permettre de payer les autoroutes «à la volée», c'est-à-dire sans s'arrêter au péage; La «casseille» en tige, une nouvelle variété de fruits «originaux», créée à partir d'une greffe de cassis et de groseille*²), либо, что случается чаще, используя

¹ Вольф Е.М. Оценка и норма в модальных структурах // Тезисы докладов Краевой научно-технической конференции. Красноярск, 1988. С. 52–53.

² Здесь и далее примеры, если не указано иного, из: Mots Nouveaux Contemporains 1 // Matériaux pour l'histoire du vocabulaire français publiés sous la direction de B. Quemada. Paris: Klincksieck, 1993; Gilbert P. Dictionnaire des Mots Contemporains. Paris: Les Usuels du Robert, 1980.

различные дискурсивные приемы, предупредить читателя о его появлении: *Encore un néologisme... Un premier colloque de **caféologie**, organisé à Tarbes, en France, a servi de cadre à une expérience sans précédent...* Принцип «уведомления» при вводе неологизма связан с вычленением последнего из структуры высказывания (в устной речи для этого иногда бывает достаточно выделить неологизм интонационно³ либо, в случае преодоления неологического барьера, небольшой паузой⁴). Сигналом подобного «катафорического» предупреждения могут служить комментарии типа «ce qu'on désigne par le mot de...», «ce que j'appelle...» и пр., напр.: Il y a aussi quelques hippies affamés en quête de nourriture, et puis des touristes qu'on appelle ici les «**Trekkeurs**».

Осторожность при вводе неологизма, «отчуждение» от него в высказывании связаны с так называемым «эффектом отстранения», с желанием снять с себя частично ответственность за использование новой необычной формы. Очевидно, что эффект отстранения связан с недостаточной «неологической смелостью»⁵ говорящего, т. е. с его опасением самостоятельно включить в высказывание «некорректную» или необычную единицу. В подавляющем большинстве случаев в качестве маркера вводимого новообразования используются различные типографские способы выделения – игра шрифтами, курсивом и пр., посредством чего пишущий «оповещает» читателя, что употребляется новое слово. Подобная практика отстранения от употребленного неологизма, типичная для журналистского стиля, выражается, в первую очередь, в повсеместном использовании кавычек. К кавычкам прибегают в двух случаях: либо при ссылках на чужую речь, либо при самостоятельном употреблении новой языковой формы. В обоих случаях очевидна позиция отстранения: в первом налицо нежелание взять ответственность за чужое нарушение языкового кода: Le président du conseil d'administration n'est autre qu'un trafiquant américain, un «**techno-bandit**», comme on l'a appelé; во втором присутствует продуманное желание его нарушить: ...une telle activité, j'ai envie de dire «**culinatoire**»...⁶ Дистанцируясь, используя кавычки, от употребленной «странной» языковой формы (прилагательное «culinatoire»), пишущий не скрывает тем не менее своего присутствия, а, напротив, подчеркивает свою роль как субъекта высказывания, привнося в него элемент субъективной оценки (в данном случае, исходя из более широкого контекста, негативной). Используя «кавычки отстранения», автор, не подвергая себя особому риску, намеренно нарушает языковой код. Подобное включение в высказывание «спонтанного», якобы только что пришедшего на ум неологизма часто сопровождается авторскими комментариями с «извинениями» за употребленную единицу: «les mots ont dépassé ma pensée...», «si je peux m'exprimer ainsi...», «vous me permettez l'expression...», «si j'ose dire...», «pardonnez-moi le mot», но эти кажущиеся «извинения» лишь привлекают внимание читателя к броской новизне формы, что, в конечном счете, и является искомой целью журналистской риторики.

«Отстранение» от нарушающей языковой код единицы может иметь и не столь явный характер. Среди форм выделения неологизма, в какой-то степени дистанцирующих его от говорящего, можно назвать конструкции типа *une sorte de + ne-*

³ Guilbert L. La créativité lexicale. Paris: Larousse, 1975. P. 49.

⁴ Sablayrolles J.-F. La néologie en français contemporain. Paris: Honoré Champion, 2000. P. 318.

⁵ Baggioni D., Fauveau B., Guespin L., Laurian A.M. Néologie et énonciation: analyse d'un corpus // Langages. № 36. La néologie lexicale. Paris: Didier-Larousse, 1974. P. 83–94.

⁶ Sablayrolles J.-F. La néologie en français contemporain. Paris: Honoré Champion, 2000. P. 186.

ологизм, ...*mais aussi* + неологизм, *un tel (une telle)* + неологизм: C'est le Directeur Général que nous recherchons. Un gestionnaire complet et avisé? Oui, certe, *mais aussi un «développeur»*. Qui sait établir des objectifs raisonnablement ambitieux et a la passion de les atteindre... ; Après 1802, *une telle «déshistorisation»* n'est plus possible... .

Описанный способ «отстранения», свидетельствующий об испытываемой трудности переступить неологический барьер, оказывается не единственной стратегией при вводе в текст неологизма. В гораздо большей степени неологическая смелость реализуется при *модализации высказывания*. Замечено, что в модализированных синтагмах количество маркеров неприятия неологизма, о которых шла речь выше, значительно уменьшается. В качестве модализаторов, стимулирующих ввод неологизма, французские лингвисты⁷ выделяют глаголы *pouvoir, vouloir, devoir*. Модализирующим эффектом обладают также глаголы мнения, суждения, оценки, такие, как *dire, penser, croire, sembler*: Sa caractéristique *semble une inflationniste* aigue... ; *On dit* les Français casaniers, pantouflards et devenus *nombrilistes*. Ввод нового слова при помощи модальных оборотов типа *comment dirais-je...* (с паузой в устном дискурсе), *qu'on peut appeler... ce qui doit signifier... ce qui veut dire...* во-первых, стимулирует поиск средств выражения, предоставляет возможность подобрать новую языковую форму и, во-вторых, способствует преодолению неологического барьера, всегда в той или иной мере присутствующего у человека, вводящего в речь неологизм: Vous croyez qu'on peut encore organiser d'autres liaisons, qu'on peut, *comment dirais-je, complexifier* encore ce réseau?

Нами отмечены многочисленные примеры модализации при помощи императива либо его лексикализированных субститутов типа *plus question de* + неологизм; *non à* + неологизм; стимулировать ввод новообразования могут также модальные презентативы *non... mais* + неологизм ; *ni...ni... mais* + неологизм : Dans la variété, faut être *ni dégueu, ni cheap, mais classieux*. C'est-à-dire élégant, pudique et dandy.

Особую роль в структуре высказывания, содержащего неологизм, играют элементы, передающие субъективную модальность, сопряженную с оценкой. В этой функции могут выступать указательные и притяжательные местоимения. Чем более субъективно-оценочный или образный характер имеет новое слово, тем более оно нуждается в опоре и поддержке со стороны анафорического местоимения⁸: ...*ce* merveilleux, *ce ravissantissime* conte de Salvador Roso...; *ces* innombrables *téléphonages*...; Incorrigible, *notre homme-sigle* saute sur l'occasion... . Наблюдения показывают, что употребленный с указательным местоимением неологизм, выступающий в анафорической функции (как краткое резюме сказанного), может способствовать переводу денотативной, не оценочной информации в информацию сигнификативную, содержащую определенную характеристику явления и сопряженную с ощутимой модализацией высказывания: La mer, les îles qu'il voit de la fenêtre, *cette «méditerranéité»* qui l'enracine dans la vie de Provence... . Эта модализация характерна для наиболее информативных, узловых элементов высказывания, связанных с оценочным осознанием того или иного факта действительности: Croient-ils vraiment, les pauvres, qu'ils ont réinventé l'amour, la mort, les mots, comme le claironnent les dos de couverture? Et ces «moi» qui dégoulinent, ces aveux glouglouteux! *Ce tout-à-l'ego!*

⁷ Baggioni D., Fauveau B., Guespin L., Laurian A.M. Néologie et énonciation : analyse d'un corpus. P. 83–94.

⁸ Арутюнова Н.Д. Номинация и текст // Языковая номинация. Виды наименований. М.: Наука, 1977. С. 312.

Помимо различных форм модализации высказывания, неологическая активность говорящего существенно возрастает в рамках еще одной синтаксической структуры, создающей сильную дискурсивную напряженность, необходимую для ввода в речь новой языковой единицы. Речь идет о помещении неологизма в ряд однородных членов предложения, объединенных либо по форме (слова аналогичных словообразовательных моделей), либо по смыслу (ряды слов, имеющих общий семантический компонент – ряд синонимов, слов одного тематического поля и пр.). Структура подобных высказываний тщательно продумана и строится на намеренном «сгущении», кумуляции общих семантических или формальных признаков, в результате чего создается насыщенный фон, существенно облегчающий момент ввода новообразования, поскольку последнее семантически или структурно «поддерживается» другими членами выстраиваемой лексической парадигмы: *Qu'est-ce qu'éduquer, civiliser, **adultiser** si ce n'est s'opposer, lutter, imposer?.. Si la France a des chercheurs (donc des trouveurs), elle manque de **développeurs**.*

Отношения сходства и подобия в парах и рядах контекстуальных синонимов наиболее часто реализуются по линии причинно-следственных связей: *La nature du domaine politique est d'être **polémique et conflictuelle**; Les radios locales privées... commencent à fidéliser leur public: un auditoire jeune, mélomane et **publiphobe**; ... une nouvelle **affabulatoire et absurde**...; Son film **blagueur et antiprécautionneux**...* В выстраиваемых парадигмах, включающих неологизм, реализуется «эффект нагнетания признака»: существующее, известное слово подготавливает почву для появления другого, более яркого и неожиданного, неологически смелого. Наиболее чувствительными к эффекту нагнетания признака оказываются единицы, находящиеся в контактной позиции: *Les enfants de B., ces «**anormaux**», ces **inscolarisables**...* ; *L'environnement sensoriel de l'être humain s'appauvrit, s'**algébrose** avec le développement de la civilisation industrielle.* На наш взгляд, ряды контекстуальных синонимов, в которые намеренно включается новая единица, не столько выявляют нюансы ее значения, сколько просто облегчают ее ввод в высказывание, постепенно повышая «градус» напряженности структуры фразы.

Таким образом, выявляется следующая структурная закономерность: неологизм, появляющийся на фоне ряда семантически связанных с ним слов, находится чаще всего в конце этого ряда. На факт возрастания неологической смелости в конце лексической парадигмы и по мере увеличения количества ее членов уже указывали французские лексикологи⁹. Именно в конечной позиции отмечается появление как наиболее модных и престижных слов, так и единиц, наиболее неожиданных по форме. При этом информативная емкость и семантическая «нагруженность» последних элементов парадигмы возрастает: *L'enseignant, au service du groupe, devenait alors **animateur, conseiller, interlocuteur, pourvoyeur de moyens, «facilitateur»** ; Qu'est ce qu'éduquer, civiliser, **adultiser** si ce n'est s'opposer, lutter, imposer?*

Последние приведенные примеры иллюстрируют еще одну возможность организации высказывания, о которой уже упоминалось ранее, – назовем ее «структурной поддержкой». Говорящий (пишущий) помещает неологизм в словообразовательные парадигмы в опоре на ряд одноструктурных образований, вскрывая таким образом словообразовательный механизм создания нового слова: *Ils sont tous rentrés, les routards, les motards, les **bagnolards** et même les maigres et pauvres **piétards**;* («усиление» вводимого неологизма предшествующим оценочным определением – «maigres et pauvres» – также является распространенным структур-

⁹ Baggioni D., Fauveau B., Guespin L., Laurian A.M. Néologie et énonciation : analyse d'un corpus. P. 83–94.

ным приемом). Показательным в этом смысле может быть и следующий контекст, вводящий неологизм «l'informativité»: *L'informativité est à l'information ce que la productivité est à la production, la compétitivité à la compétition, la créativité à la création...* . Здесь, помещая новое слово в начальную позицию, автор начинает «словесную игру», намеренно сгущая словообразовательную информацию и кумулируя в тексте ряды регулярных одноструктурных словообразовательных оппозиций: *information / informativité, production / productivité, compétition / compétitivité, création / créativité*, предоставляя возможность адресату включить новообразование в тот же словообразовательный ряд. Подобные парадигмы могут с легкостью пополняться новыми яркими неологизмами, рождаемыми на сгущенном фоне одноструктурных единиц: Il Exel, il Word, il e-mail, il MP3, il e-book, il Internet, il GPRS et en plus il téléphone! Стратегия автора данного рекламного текста построена на намеренном создании «напряженной» структуры, построенной исключительно на одном приеме – кумуляции непривычных отыменных конверсий на фоне одной известной «il téléphone». Морфологические характеристики образованных по конверсии глаголов здесь намеренно (визуально) стерты – броский прием, акцентирующий внимание на необычности формы вводимых новообразований и структурно предполагающий необходимость пояснения – помещения в конечную позицию ряда узуального глагола в личной форме «il téléphone».

Описанные стратегии ввода в речь и в текст нового слова позволяют говорить о том, что неологизм не остается «незамеченным», его появление предполагает особое построение высказывания. Выявление особенностей функционирования новых единиц дает возможность определить факторы, влияющие на неологическую активность человека, и показать, каким образом присутствие неологизма задает структурно-семантические характеристики высказывания, возможные формы его организации.

ЛИТЕРАТУРА

Арутюнова Н.Д. Номинация и текст // Языковая номинация. Виды наименований. М.: Наука, 1977. С. 340–344.

Вольф Е.М. Оценка и норма в модальных структурах // Тезисы докл. Краевой научно-технической конференции. Красноярск, 1988. С. 52–53.

Baggioni D., Fauveau B., Guespin L., Laurian A.M. Néologie et énonciation: analyse d'un corpus // Langages. № 36. La néologie lexicale. Paris, Didier; Larousse, 1974. P. 83–94.

Gilbert P. Dictionnaire des Mots Contemporains. Paris: Les usuels du Robert, 1980. 739 p.

Guilbert L. La créativité lexicale. Paris: Larousse, 1975. 285 p.

Mots Nouveaux Contemporains 1. Matériaux pour l'histoire du vocabulaire français publiés sous la direction de B. Quemada. Paris: Klincksieck, 1993. 307 p.

Sablayrolles J.-F. La néologie en français contemporain. Paris: Honoré Champion, 2000. 588 p.

REFERENCES

Arutyunova N.D. Naming and Text. In: Language Naming. Types of naming. Mscow. NaukaPubl. 1977, pp. 340–344.

Volf E.M. Assessment and norm in modal structures. In: Abstracts of the Regional Scientific Conference Reports. Krasnoyarsk. 1988, pp. 52–53.

Baggioni D., Fauveau B., Guespin L., Laurian A.M. Néologie et énonciation: analyse d'un corpus. Langages. No 36. La néologie lexicale. Paris. Didier; Larousse. 1974, pp. 83–94.

Gilbert P. (1980) Dictionnaire des Mots Contemporains. Paris. Les usuels du Robert. 739 p.

Guilbert L. (1975) La créativité lexicale. Paris. Larousse. 285 p.

Mots Nouveaux Contemporains 1. Matériaux pour l'histoire du vocabulaire français publiés sous la direction de B. Quemada. Paris. Klincksieck. 1993. 307 p.

Sablayrolles J.-F. (2000) La néologie en français contemporain. Paris. Honoré Champion. 588 p.

Сведения об авторе:

Александра Борисовна Сергеева,
канд. филол. наук
доцент
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Aleksandra B. Sergeeva
PhD
Assistant Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
ab-sergeeva@mail.ru

В.В. Перхин (Санкт-Петербург, Россия)

**Л.И. Толстая о мемориальном музее писателя
(по архивным материалам)**

Аннотация: В статье на документальном материале, впервые вводимом в научный оборот, показаны обстоятельства переезда А.Н. Толстого из Ленинграда на жительство в Москву и Подмосковье, история его завещания и действия вдовы, пытавшейся добиться создания мемориального музея писателя на базе его загородного дома.

Ключевые слова: А.Н. Толстой, Л.И. Толстая, В.М. Молотов, Н.С. Тихонов, А.А. Фадеев, Борвиха (Барвиха), мемориальный музей

V.V. Perkhin (St.-Petersburg, Russia)

**Lyudmila I. Tolstaya about the Tolstoy Memorial Museum
(Research into Archival Materials)**

Abstract: This article first introduces documentary evidence showing why Alexei Tolstoy had to move from Leningrad to Moscow. It then discusses the history of his will and what his widow did in an attempt to set up a memorial museum in the author's country house.

Key words: A.N. Tolstoy, L.I. Tolstaya, V.M. Molotov, N.S. Tikhonov, A.A. Fadeev, Borvikha (Barvikha), memorial museum

В мемуарной литературе Л.И. Толстая, последняя жена и секретарь А.Н. Толстого, предстает любительницей антиквариата¹, помощницей несправедливо репрессированных, посылавшей им деньги и вещи, хлопотавшей с помощью мужа об облегчении их участи². К одной из двух версий склоняются и исследователи³. Однако есть источники, которые позволяют предположить, что Толстой ценил ее не только за красоту, возвышенную душу, но и за деловые качества, которые в полной мере проявились после его смерти.

¹ Милашевский В.А. Вчера, позавчера... : Воспоминания художника. М.: Книга, 1989. С. 294–295.

² См.: Прянишников Б. А.Н. Толстой в Барвихе // Родина. 1991. № 4. С. 56–58.

³ См.: Оклянский Ю.М. «Бурбонская лилия» графа Алексея Толстого. Четвертая жена. М.: Золотой свиток, 2007.

А.Н. Толстой и Л.И. Толстая. 1936.
Музей-квартира А.Н. Толстого в Москве.
Публикуется впервые.

Как способный организатор она своевременно напоминала мужу о тех или иных шагах в поддержку осужденных¹, умело составляла деловые письма от имени мужа, когда он уже не мог писать², своевременно опубликовала воспоминания о работе писателя над третьим томом «Петра I» в журналах «Огонек» и «Новый мир»³. Тогда же она активно выступила за создание мемориального музея в его загородном доме.

Толстой, вероятно, стал чувствовать приближение смерти весной 1944 г. Иначе трудно объяснить, почему он, недавно отметивший свое шестидесятилетие и славившийся здоровьем, решил оформить завещание. Это произошло 24 мая 1944 г. в Первой Московской государственной нотариальной конторе. В завещании сделаны «следующие распоряжения:

Все мое имущество, какое только ко дню моей смерти окажется мне принадлежащим, в том числе библиотеку, рукописи, архив, все денежные вклады в сберкассах и банках на текущих счетах, легковые автомашины, предметы домашней обстановки, предметы роскоши и искусства, находящиеся в деревне Борвиха Усовской ветки на даче № 2 и в моей московской городской квартире в доме № 2 по Спиридоньевке⁴, я завещаю жене моей, ТОЛСТОЙ Людмиле Ильиничне. Авторские права на мои литературные труды я завещаю также моей жене ТОЛСТОЙ Людмиле Ильиничне...»⁵.

Вслед за подписью Толстого стоит фраза: «На исполнение воли по настоящему завещанию согласна. Людмила Ильинична Толстая». 30 мая завещание удостоверил старший нотариус К.А. Якубовский. Была взыскана госпошлина: десять рублей за составление проекта завещания и десять рублей за его удостоверение.

¹ См.: Перхин В.В. А.Н. Толстой и власть. СПб.: Алетейя, 2017. С. 108–111, 122–125.

² См.: Деятели русского искусства и М.Б. Храпченко, председатель Всесоюзного комитета по делам искусств (апрель 1939 – январь 1948): Свод писем / Изд. подготовил В.В. Перхин. М.: Наука, 2007. С. 218–219.

³ См.: Новый мир. 1945. № 2–3; Огонек. 1946. № 4.

⁴ Ныне ул. А.Н. Толстого.

⁵ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Ед. хр. 1461. Л. 108. Здесь и во всех других письмах А.Н. Толстого и Л.И. Толстой название деревни пишется *Борвиха*, что, вероятно, соответствует исторической топонимике (деревня в Бору, деревня около Бора).

27 ноября 1944 г. Толстой направил письмо в Совет народных комиссаров:

«Дорогие товарищи, я обращаюсь в Вам с моей посмертной просьбой: Я оставляю завещание, каким большую часть наследственной массы передаю моей жене Людмиле Ильиничне Толстой.

Ей я передаю мою библиотеку, рукописи, архивы, предметы домашней обстановки, картины, мебель, украшения, легковые машины – словом всё, что находится у меня на даче в Борвихе и на моей московской квартире. Ей же я завещаю и тот гонорар, который будет поступать от моего авторского права на мои произведения и на текущие постановки. <...>

Такое завещание я делаю, руководствуясь двумя соображениями. Первое: мои два сына и дочь – люди совершеннолетние, стоят на своих ногах и были достаточно обеспечены моими прежними дотациями. Второе: моя жена, Людмила Ильинична Толстая, была мне истинным другом в моей творческой работе и помощником в моей общественной жизни. Связав свою жизнь с моей, она отказалась от возможности устроить так или иначе свою личную жизнь помимо нашей общей жизни, и после моей смерти недостаточно обеспеченная мною, она оказалась бы в горестном и бедственном положении»¹.

25 февраля 1945 г. первый заместитель председателя Совета народных комиссаров В.М. Молотов поручил копии этого письма и завещания направить наркому внешней торговли А.И. Микояну, наркому внутренних дел Л.П. Берию, а также Г.М. Маленкову, исполнявшему в то время обязанности начальника Управления кадров, секретаря ЦК ВКП(б) и заместителя председателя Совнаркома. Таким образом исполнение завещания Толстого было обеспечено. Но в нем имелось уязвимое место: Толстой ничего не написал о праве вдовы на дачный дом в Борвихе. Чтобы понять эту «оплошность» писателя, надо вспомнить о времени его переезда из Ленинграда в Москву.

27 октября 1937 г. Толстой обратился к председателю Совета народных комиссаров В.М. Молотову:

«Дорогой Вячеслав Михайлович,
простите, что я Вас беспокою по личному поводу, но в данном случае личный повод выходит за рамки личного.

За последние несколько лет меня часто вызывают в Москву, где я связан иногда долговременной работой. Все эти переезды отражаются на моей творческой работе. К тому же я считаю, что моя творческая работа требует пребывания в центре нашей жизни.

Я решил переехать в Москву. К Вам я обращаюсь со следующей просьбой: в Хорошевском Серебряном бору есть свободная дача /№ 79/, принадлежащая Моссовету. Предоставление мне этой дачи в аренду на обычных условиях вполне бы меня устроило.

Если Вы считаете мою просьбу выполнимой, очень Вас прошу поручить Московскому Совету предоставить мне эту дачу.

Простите за беспокойство.

Ваш Алексей Толстой

Г. Пушкин

Пролетарская 4

27 окт. 1937»².

¹ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Ед. хр. 1461. Л. 107.

² ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 82. Д. 83. Л. 6.

На письме штемпель с датой поступления в СНК СССР – 31 октября 1937. И положительной резолюцией Молотова. Однако через две недели 13 ноября Молотову сообщили: «А. Толстой по телефону передал следующее:

Ввиду изменившихся обстоятельств он просит предоставить ему дачу под Москвой для постоянного жительства из числа освободившихся, а не дачу № 79 в Серебряном бору, как он просил раньше (т. к. эта дача не подходит и требует достройки).

Дача ему нужна в 11 комнат, т.к. у него большая семья, и обязательно, чтобы дача находилась на берегу Москва-реки.

Он намекнул при этом, что ему 54 года и для того, чтобы оставшиеся годы (10–12 лет) он мог посвятить творческой литературной работе, ему нужна спокойная обстановка.

Завтра он уезжает в Ленинград»¹.

И эту просьбу Молотов поддержал, только сократил количество комнат: «Надо устроить, 8–10 комнат». Внизу страницы стоит пометка об исполнении: «Выделена дача б. Чернова в 10 комнат».

Итак, Толстой от кого-то, возможно от В.Д. Бонч-Бруевича, жившего в Борвихе, узнал, что дачи репрессированных чиновников стоят пустые, попросил одну «из числа освободившихся», и ему досталась дача бывшего наркома земледелия СССР М.А. Чернова, арестованного 7 ноября 1937 г. и 13 марта 1938 г. приговоренного к смертной казни по делу «Антисоветского правотроцкистского блока»². Можно предположить, что Толстой ждал результатов этого суда, потому что на борвихинскую дачу стал переезжать только в июне 1938 г.³ Но не исключено также, что промедление с переездом было вызвано необходимостью закончить в Ленинграде избирательную кампанию по выборам в Верховный Совет СССР (она завершалась в декабре 1937 г.). Важное обстоятельство в этой истории с предоставлением дачи заключалось в том, что Толстой получил ее не в собственность, а в аренду. Этим, вероятно, и руководствовались работники аппарата Совета народных комиссаров, начав вытеснение вдовы из писательского дома.

Толстой умер от рака в феврале 1945 г. Через месяц Хозяйственное управление Совнаркома предложило Л.И. Толстой освободить дачу. Она написала Сталину:

Дорогой Иосиф Виссарионович.

После смерти моего мужа, А.Н. Толстого, единственная цель моей жизни – служить его памяти, это обстоятельство и побуждает меня обратиться к Вам за помощью.

Толстой по складу своего характера и годами выработанной привычке плодотворно мог работать и фактически работал только за городом. Последние семь лет жизни он провел на даче в Борвихе – это его постоянное и любимое место жительства, в устройство и поддержание которого он вложил много сил и личного труда (квартира в городе служила ему лишь для официальных приемов).

Толстой выражал себя ярко не только в творчестве, но и в жизни. Его дом в Борвихе (из семи⁴ комнат) отражает его привычки, вкусы и весь уклад его жизни. Дом обставлен вещами, которые Толстой сам выбирал и приобретал, каждая

¹ Там же. Л. 7.

² См.: Реабилитация. Политические процессы 30–50-х годов / Под общей редакцией А.Н. Яковлева. М.: Изд-во политической литературы, 1991. С. 235; Залесский К.А. Империя Сталин: Биографический энциклопедический словарь. М.: Вече, 2000. С. 480.

³ См.: Перхин В.В. А.Н. Толстой и власть. С. 111.

⁴ Вероятно, это число комнат более всего соответствует действительности.

вещь поставлена его руками, каждая картина повешена им самим, многие вещи неразрывно связаны с его историческими работами. Он страстно любил свой сад, ежедневно много работал в нем и это было органически связано с его творческой работой. Весь сад перекопан, посажен, разбит собственными руками Толстого.

В Борвихинском доме написаны последние книги «Хождение по мукам», «Иван Грозный», «Петр Первый», статьи и рассказы Отечественной войны. Эта дача связана с образом Толстого для всех, кто знал и бывал у нас, – писателей, ученых, артистов, музыкантов, героев Советского Союза, бойцов, партизан и многих людей со всех концов нашего Союза.

Этот дом известен как дом Толстого и за рубежом.

Мне казалось бы, что сохранение этого дома, каким он был при жизни Толстого, будет данью его памяти и культурным наследством для будущего.

С просьбой об этом я обратилась в Совнарком СССР. Сегодня я получила отказ. Тов. Чадаев сообщил мне, что я должна освободить дом в Борвихе для того, чтобы он мог быть, по его словам, “использован по назначению”, так как эта дача принадлежит Хозяйственному управлению Совнаркома СССР.

Я обращаюсь к Вам с горячей просьбой, если сейчас несвоевременно превращать эту дачу в мемориальную усадьбу, – дать мне возможность сохранить дачу Толстого в Борвихе. ЕСЛИ ЭТО НУЖНО, Я ГОТОВА ОТКАЗАТЬСЯ ОТ КВАРТИРЫ В МОСКВЕ, КОТОРАЯ СОХРАНЕНА МНЕ КАК ЗА ВДОВОЙ АКАДЕМИКА, и с радостью отдать все свои средства и силы на поддержание дачи в Борвихе, так как считаю это своим долгом перед памятью Толстого и нашей культурой. Я не говорю о том, что мне невыносимо тяжело покидать дом, где всё говорит о нем, где протекли последние годы нашей жизни и где до последнего момента, уже смертельно больной, Толстой продолжал работать, служа своему народу и своей родине.

Примите мое искренне глубочайшее уважение

Л. Толстая.

3 апреля 1945 г.»¹

До адресата письмо не дошло – личный секретарь Сталина А.Н. Поскребышев переправил его Молотову. Синий карандаш начертил: «Почему т. Чадаев это сделал, никого не спросив? В. Молотов. 4/IV».

Как видим, Молотов был в недоумении, но не решился отменить действие Я.Е. Чадаева, управляющего делами Совнаркома, и однозначно встать на сторону вдовы. Эта неопределенность сохранялась до весны 1946 г., когда притеснители Толстой вновь активизировались. Она опять обратилась к Сталину:

«Москва.

28 марта 1946 г.

Глубокоуважаемый Иосиф Виссарионович,

С глубоким волнением обращаюсь к Вам: Алексей Толстой, мой покойный муж, всегда жил и работал за городом. Единственное сохранившееся место, где он долго жил и написал свои последние произведения, это дача в Борвихе. Сейчас мне предложено срочно освободить эту дачу. Я горячо прошу Вашей помощи.

Примите мое искреннее уважение

Л. Толстая»².

¹ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Ед. хр. 1461. Л. 99–99об. Машинопись. Подпись – автограф. Печатается с сохранением орфографии и пунктуации подлинника.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Ед. хр. 463. Л. 1. Машинопись. Подпись – автограф.

На сей раз Поскребышев направил письмо Г.М. Маленкову. 29 марта письмо поступило в Особый отдел ЦК ВКП(б), 9 мая – в его Технический секретариат, 22 мая – к заведующему Отделом Управления пропаганды и агитации Г.И. Владыкину. Последний навел справки и узнал: «Этот вопрос рассматривался т. Молотовым. Дача в Борвихе сохранена за Л.И. Толстой»¹.

Получив это сообщение, Толстая обратилась в Союз советских писателей, где ее идея мемориального музея в Борвихе понравилась. Председатель Правления ССП СССР Н.С. Тихонов написал Молотову:

«А.Н. Толстой последние восемь² лет своей жизни жил и работал на даче в Борвихе. Эта дача является единственным местом, отражающим бытовые условия, в которых жил и творчески работал покойный писатель.

Дача под Ленинградом, в Пушкине, в которой А.Н. Толстой жил до переезда в Москву, уничтожена фашистами.

Дача в Борвихе, принадлежащая Хозяйственному Управлению Совета Министров СССР, обставлена вещами А.Н. Толстого и поддерживалась вдовой писателя в том виде, в каком эта дача была при жизни покойного писателя.

На днях Хозяйственное Управление предложило вдове А.Н. Толстого освободить дачу и вывезти всё находящееся там имущество, в том числе и материалы, относящиеся к литературному архиву А.Н. Толстого.

Правление Союза советских писателей СССР просит сохранить дачу А.Н. Толстого в том виде, в каком есть, со всей находящейся в ней обстановкой, для создания в этом помещении мемориального музея А.Н. Толстого.

Председатель Союза советских писателей СССР Н. Тихонов»³.

4 апреля письмо Тихонова поступило в секретариат Молотова. 5 июня 1946 г. секретарь Молотова сделал пометку на этом письме: «В архив. Вопрос отпал. Дача оставлена». «Дача оставлена» за Толстой, но вопрос о музее даже не обсуждался.

3 сентября 1946 г. Толстая обратилась к секретарю ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам А.А. Жданову: «Я написала тов. Сталину. Ответа не получила, но вопрос больше не поднимался до следующей весны. Нынешней весной Хозяйственное Управление стало настаивать на освобождении дачи, я написала Молотову. Мне сказали, что Молотов займется этим вопросом со временем, чтобы я жила спокойно». Вскоре выяснилось, как следует из письма Толстой, что нажим Хозяйственного управления вызван тем, что «дача нужна министру». «Я же, – заключала Толстая, – не чувствую себя вправе принимать личные решения, так как речь идет не о даче для меня, а о сохранении дома писателя, где он жил и работал»⁴.

Между тем Совет народных комиссаров был преобразован в Совет министров СССР, а на пост руководителя ССП СССР вернулся А.А. Фадеев, который решил реализовать идею мемориального музея. 5 октября 1946 г. он написал Жданову. Сначала сообщил, что в 1938 г. по распоряжению Молотова писатель с семьей получил дачу «в бессрочное пользование». Далее говорилось: «На днях Хозяйственное Управление СМ СССР предложило семье Толстого освободить дачу и занять другую меньшей площади». В заключение подчеркнул: «Правление Союза писателей просит сохранить дачу как мемориальную усадьбу»⁵.

¹ Там же. Л. 2.

² Точнее – шесть лет и восемь месяцев, с июня 1938 по февраль 1945 г.

³ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Ед. хр. 1016. Л. 49. Машинопись. Подпись – автограф.

⁴ РГАСПИ. Ф. 125. Оп. 125. Ед. хр. 463. Л. 40.

⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Ед. хр. 463. Л. 39.

У могил Л.И. Толстой и А.Н. Толстого. Новодевичье кладбище. Москва. 2010. Фото автора. Публикуется впервые.

8 октября Жданов сообщил своему подчиненному, начальнику Управления пропаганды и агитации Г.Ф. Александрову, что Секретариат ЦК создал комиссию в составе Г.Ф. Александрова, А.А. Фадеева, Я.Е. Чадаева для рассмотрения заявления Толстой. Эта «тройка» пришла к выводу, что Хозяйственное управление Совета министров «не учитывает литературно-мемориальное значение» тех вещей, которые находятся на даче. «Лишение семьи А.Н. Толстого этой дачи произведет крайне неблагоприятное впечатление на писательскую общественность и будет воспринято как неуважение к памяти выдающегося советского писателя». В конце звучал вывод о том, что дача должна стать «мемориальной усадьбой»¹. Комиссия подготовила соответствующий проект решения ЦК ВКП(б).

Г.Ф. Александров и ранее признавал авторитет Толстого², с мнением романиста считался А.А. Фадеев, в 1940 г. согласившийся с предложением Толстого присудить Сталинскую премию А.А. Ахматовой за сборник «Из шести книг» и принявший его же аргументацию в пользу романа М.А. Шолохова «Тихий Дон»³. Тогда люди Жданова не пропустили Ахматову⁴. Главный идеологический контролер

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Ед. хр. 463. Л. 42.

² См.: *Перхин В.В.* А.Н. Толстой и власть. С. 183–184.

³ См.: Там же. С. 126.

⁴ См.: «Литературный фронт». История политической цензуры 1932–1946 гг.: Сб. документов / Сост. Д.Л. Бабиченко. М.: Энциклопедия российских деревень, 1994. С. 72–73.

помнил, конечно, о симпатиях Толстого и своих расхождениях с ним¹. Одобрить создание музея памяти защитника Ахматовой, особенно после принятого в августе 1946 г. постановления Оргбюро ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград», где об Ахматовой говорилось, что ей надо прекратить «доступ в журналы»², он никак не мог. К тому же с мнением «писательской общественности», которое Фадеев призывал слушать, Жданов не считался. Отметим и такое совпадение: после этого постановления Толстая не печаталась в журналах.

Тогда же Толстая просила оказать материальную помощь на содержание дачи³. В этом ей, видимо, было отказано. Из-за материальных трудностей она вынуждена была оставить как борвихинский дом, так и идею мемориального музея.

Теперь все ее силы были направлены на подготовку и редактирование полного собрания сочинений А.Н. Толстого в 15 томах; она консультировала скульптора Г.И. Мотовилова, создателя надгробного памятника на Новодевичьем кладбище и памятника в Москве у Никитских ворот напротив Церкви Вознесения, в которой венчался А.С. Пушкин, установленного в 1958 г. недалеко от московского дома А.Н. Толстого. В этом доме Людмила Ильинична жила до 1982 г. (ее могила напротив через дорожку от могилы мужа). Спустя несколько лет был открыт мемориальный музей, за создание которого она боролась в послевоенные годы.

ЛИТЕРАТУРА

Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК ВКП(б) – ОГПУ – НКВД о культурной политике 1917–1953 гг. / Сост. А. Артизов и О. Наумов. М.: Международный фонд «Демократия», 1999. 872 с.

Деятели русского искусства и М.Б. Храпченко, председатель Всесоюзного комитета по делам искусств (апрель 1939 – январь 1948): Свод писем / Изд. подготовил В.В. Перхин. М.: Наука, 2007. 791 с.; ил.

Залесский К.А. Империя Сталин: Биографический энциклопедический словарь. М.: Вече, 2000. 605, [1] с.

«Литературный фронт». История политической цензуры 1932–1946 гг.: Сб. документов / Сост. Д.Л. Бабиченко. М.: Энциклопедия российских деревень, 1994. 272 с.

Милашевский В.А. Вчера, позавчера... : Воспоминания художника. 2-е изд., испр. и доп. М.: Книга, 1989. 399 с., ил.

Оклянский Ю.М. «Бурбонская лилия» графа Алексея Толстого. Четвертая жена. М.: Золотой свиток, 2007. 576 с.

Перхин В.В. А.Н. Толстой и власть. СПб.: Алетейя, 2017. 240 с.

Прянишников Б. А.Н. Толстой в Барвихе // Родина. 1991. № 4. С. 56–58.

Реабилитация. Политические процессы 30–50-х годов / Под общей редакцией А.Н. Яковлева. М.: Политиздат, 1991. 462 с., ил.

REFERENCES

¹ См.: Перхин В.В. А.Н. Толстой и власть. С. 92, 126.

² Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК ВКП(б) – ОГПУ – НКВД о культурной политике 1917–1953 гг. / Сост. А. Артизов и О. Наумов. М.: Международный фонд «Демократия», 1999. С. 590.

³ См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Ед. хр. 463. Л. 41.

Power and the Artistic Intelligentsia. Documents of CK VKP(B) – OGPU – NKVD on the Cultural Policy of 1917–1953 / Compil. A. Artizov and O. Naumov. Moscow. Mezhdunarodny Fond “Demolratiya” Publ. 1999. 872 p.

The Persons of Russian Art and M.B. Khrapchenko, Chairman of the All-Union Committee on Arts (April 1939 – January 1948): Collection of Letters / Prep. by V.V. Perkhin. Moscow. Nauka Publ. 2007. 791 p.; ill.

Zalessky K.A. (2000) Empire Stalin: Biographical Encyclopedic Dictionary. Moscow. Veche Publ. 605, [1] p.

“Literaturny Front”. The History of Political Censorship of 1932–1946: The Documents Collection / Compil. D.L. Babichenko. Moscow. Encyklopedia Rossiyskikh Dereven’. 1994. 272 p.

Milashevsky V.A. (1989) Yesterday, the Day before Yesterday... : The Artist’s Memories. 2nd ed., revised and additional. Moscow. Kniga Publ. 399 p.; ill.

Oklyansky Yu.M. (2007) “Bourbon Lily” of Count Alexei Tolstoy. The Fourth Wife. Moscow. Zolotoy Svitok Publ. 576 p.

Perkhin V.V. (2017) A.N. Tolstoy and Power. St.-Petersburg. Aletya Publ. 240 p.

Pryanishnikov B. A.N. Tolstoy in Barvikha. *Rodina*. 1991. No 4, pp. 56–58.

Rehabilitation. Political Processes of the 30–50-ies / Ed. by A.N. Yakovlev. Moscow. Politizdat Publ. 1991. 462 p.; ill.

Сведения об авторе:

Владимир Васильевич Перхин,
доктор филол. наук
профессор
Институт «ВШЖиМК»

Санкт-Петербургский государственный
университет

Perkhin Vladimir,
Doctor of Philology
Professor
School of Journalism
and Mass Communications
Saint-Petersburg State University

perhin-vlad@yandex.ru

С.А. Алыпova (Москва, Россия)

Особенности детского испано-русского двуязычия

Аннотация: В статье рассматривается явление детского испано-русского билингвизма, дается краткое теоретическое описание основных понятий, связанных с двуязычием. Центральным понятием данного исследования является «переключение кодов» – одна из форм взаимодействия языков в устной и письменной билингвальной речи. В качестве теоретической базы используется концепция Кэрол Майерс-Скоттон, так называемая «модель рамки матричного языка»; в качестве практической базы – записи идиолекта юного билингва, родители которого (мама – русская, папа – испанец) в общении с малышом стараются соблюдать принцип «один человек – один язык», т. е. каждый говорит с ребенком на своем языке. Благодаря такому общению ребенок, не задумываясь, создает оригинальные двуязычные высказывания, многие из которых в качестве примеров помещены в данную статью.

Ключевые слова: испано-русский билингвизм, детский билингвизм, переключение кодов, К. Майерс-Скоттон, модель рамки матричного языка

S.A. Aлыпova (Moscow, Russia)

Peculiarities of Children's Spanish-Russian Bilingualism

Abstract: This article deals with the problem of Spanish-Russian bilingualism among children, gives a brief theoretical description of the main notions connected with the bilingualism. The central notion is code-switching. It is one of the forms of language interaction in written and verbal bilingual speech. The Carol Myers-Scotton's conception, so-called Matrix Language Frame model, is used as the theoretical basis of this article. The recordings of one bilingual child's idiolect are used as a practical basis for this article. The bilingual's parents (Russian mother and Spanish father) talk to the child using the concept "One Person – One Language" which means that each parent talks to the child in their native language only. Due to this type of communication, the child automatically creates his own original bilingual phrases, most of which are included in this article.

Key words: Spanish-Russian bilingualism, simultaneous bilingualism, code-switching, C. Myers-Scotton, Matrix Language Frame model

По мнению лингвистов, билингвов в современном мире больше, чем монолингвов. Таким образом, двуязычие, без сомнения, следует признать нормой, а во все не исключением.

Но так называемый «территориальный билингвизм» – явление вполне понятное. В то время как *испано-русский* билингвизм (т. е. двуязычие на основе языков, относящихся к различным языковым группам, при этом не имеющих непосредственных исторических и географических контактов) – случай более экзотический, что и делает наблюдение данного языкового явления особенно интересным.

В современном мире значительное количество детей растет в билингвальном окружении. Проблема определения детского билингвизма осложняется необходимостью учитывать возрастные характеристики речи ребенка и динамику освоения им языков, также интерес представляет выявление доминирующего в коммуникации языка и условий формирования двуязычия.

Таким образом, детская билингвальность – динамическая характеристика, претерпевающая постоянные изменения в процессе речевого и возрастного развития ребенка.

Изучение подобного неуволимого явления возможно благодаря записям, предоставляемым самими родителями детей-билингвов. В нашем случае это записи идиолекта 5-летнего малыша, родившегося и проживающего всю жизнь в Мадриде. Мама у него русская, папа – испанец. Родители стараются говорить с ребенком каждый на своем языке (т. е. по возможности выполняется принцип «один человек – один язык»). До 6 лет ребенок не посещал никакие дошкольные учреждения, таким образом, влияние языка общества (т. е. испанского) в инпуте минимально.

Переключение кодов (ПК, центральное понятие данного исследования) – это одна из форм взаимодействия языков в устной и письменной билингвальной речи. Под кодовым переключением мы понимаем появление какой-либо структурной единицы *гостевого языка* в высказывании на *матричном языке*, использование которой в целом не нарушает грамматические правила матричного языка. **Матричный язык** (МЯ) – это язык, обеспечивающий морфосинтаксическую рамку высказывания с кодовыми переключениями, а **гостевой язык** (ГЯ) – это источник иноязычных единиц в высказывании. Так, например, в высказываниях «*Papá, nos hemos **g**ovorido con tatá*» или «*Papá, u te скользі u te caí en el фонтан!*» матричным языком является испанский, так как именно этот язык определяет грамматику, гостевой язык здесь – русский.

Одной из наиболее удачных концепций, описывающих структуру ПК, является *модель рамки матричного языка*, разработанная Кэрол Майерс-Скоттон. Согласно этой теории все морфемы билингвального высказывания делятся на *системные* и *содержательные*.

Системные морфемы – это такие морфемы, которые имеют только грамматическое значение и выражают дейктичность, количественность, выбор временной рамки, например: артикли, любые флексии, глагольные аффиксы, притяжательные прилагательные и др. Такие морфемы в билингвальном высказывании поставляются МЯ.

Содержательные морфемы – это *лексические* единицы, морфемы, способные *управлять семантическими ролями* или *получать семантические роли* в предложении. К содержательным морфемам относится большинство глаголов, существительных, прилагательных, местоимений и предлогов.

Например, в высказывании «*Papá, tu me **u**cnugaste!*» системной морфемой будет являться глагольный аффикс -aste-, взятый из испанского языка, он выражает *только* грамматическое значение, содержательной морфемой будет являться

корень -испуг-, взятый из русского языка. В примере «*Они живут на **mismoй** планете, куда я полечу*» русская флексия -ой- – системная морфема, испанский корень -mism- – морфема содержательная.

ПК неодинаковы по количеству и составу, например, все предложение может быть построено на одном языке, а какой-то его компонент выражен на другом языке, или несколько слов на одном языке комбинируются со словосочетанием на другом языке. Данный тип переключений подразделяется на два подвида: *вкрапления* и *островные переключения*.

Под **вкраплением** понимается одиночная лексическая единица (морфема или слово) ГЯ, которая подчиняется грамматическим правилам МЯ и не может содержать системные морфемы ГЯ. Например, в высказывании «*Papá, nos hemos divertido con mamá que voy a comer dos trocitos de **морковка***» присутствует типичное вкрапление: в слове «морковка» отсутствуют системные единицы ГЯ, оно оформлено по правилам МЯ.

Второй подвид внутрифразовых ПК – **островные переключения**. Они состоят из одной или нескольких лексических единиц ГЯ и сочетающихся с ними системных морфем того же ГЯ. Такие острова не подчиняются правилам МЯ. Сравним предыдущий пример с фразой «*Papá, tu has comido los otros **кусочки** de морковка*». В состав слова «кусочки» входит окончание множественного числа существительного -и, что является системной морфемой ГЯ, при этом системная морфема МЯ не присутствует. Это островное переключение.

В наших примерах представлены в основном так называемые **пиджинизированные переключения**. Такое переключение – процесс и результат сознательного использования лексической единицы одного языка в высказывании на другом языке. При этом слово обычно адаптируется к фономорфологическим нормам принимающего языка. В речи ребенка-билингва пиджинизация носит временный характер и не используется систематически. Появление таких переключений свидетельствует об осознании грамматической формы слов в МЯ, поскольку, присоединяя флексии МЯ (системные морфемы) к корням ГЯ (содержательные морфемы), ребенок создает инновации, которые он не мог наблюдать в речи взрослых ни на одном языке. Основными функциями подобных ПК являются: функция восполнения лакун в активном словарном запасе ребенка и функция декоративная, лингвокреативная – языковая игра.

В примерах типа «*Это очкерía, потому что очки продают. А это шапкерía, потому что шапки продают*» или «*Papá, mamá te ha **подстригádo** волосы ayer. Y a ti también ha **подстригádo***» мы можем наблюдать пиджинизацию русских содержательных морфем и испанских системных морфем. По знакомому образцу ребенок присоединяет к русским корням испанские аффиксы.

В примерах «*Cada vez más **трудно** subir los **калготкис***», «*Papá, tu puedes tirar estos банкас? Son **стеклянные***!», «*Papá, necesitamos **клейкая** лента para pegar mis **рисункис***» и «*Papí, estoy jugando con los **коврикис**, dónde está dibujada la **дорога***» можно наблюдать дублирование морфологии в аффиксе множественного числа (калготкис, стеклянные, рисункис, коврикис). Это самые частотные речевые ошибки – когда вместе с основой перемещается именно показатель множественного числа. Другие флексии связаны с основой менее тесно. Окончание множественного числа имеет меньше всего синтаксических ограничений и может сочетаться с существительными в любой позиции. Это не противоречит принципу системных морфем, так как вместе с системными морфемами ГЯ появляются и системные морфемы МЯ. Таким образом появляются *морфологические дублиеты*.

В примерах типа «Мама, я хочу потом этот чупа чупс *dochupar!*» или «Вот так *poscomodee* будет лежать!» наблюдается обратное явление – пиджинизация испанских содержательных морфем и русских системных морфем. Интересно, что в примерах «Собаки в мультиках разговаривают и *conducir*уют», «Мама, но я ни *not*ировал, что они вонючие!» и «Много звезд начинали *junt*ироваться и расти в галактику» ребенок использует сложный суффикс -ирова-. Видимо, это можно объяснить тем, что данный суффикс в русском языке чаще всего присоединяется именно к иноязычным корням и образует глаголы с общим значением действия, которое соотносится с тем, что названо производящей основой. Таким образом, получается, что этим суффиксом ребенку проще всего обозначить идею какого-либо действия.

Интересен пример «Один раз они ходили *poesquiar*», в котором ребенок, видимо, избирает стратегию облегчения произносительных усилий и использует вместо русского словосочетания «покататься на лыжах», которое невозможно заменить одной единицей, испанский глагол «*esquiar*», добавляя видовременной показатель – русскую приставку по-, так как МЯ в этом высказывании – русский.

В следующей группе примеров мы можем наблюдать, как в высказывания на МЯ, которым в данном случае является испанский, встраиваются вкрапления и острова ГЯ. Принцип системных морфем, на удивление, работает безотказно: во вкраплениях грамматику устанавливает МЯ, а островные переключения используют грамматику ГЯ, игнорируя правила МЯ.

Примеры **вкраплений**:

«*Tienes que, papá, завязать el шарфик de Мишка (игрушка)*».

«*Papá, yo quiero escuchar lo que va дальше en la сказка!*»

«*Papí, cuando uno está больной, el otro tiene que hacer todo para él*».

Примеры **островных переключений**:

– *Papá, no puedes leer a mamá. – ¿Porque? – Es que mamá me обещала pintar copitigo* – глагол «обещала» следует грамматическим правилам только ГЯ.

«*Papí, creo que lo mejor del colegio – это recreos для игры*» – сочетание предлога для с родительным падежом существительного, естественно, нехарактерно для языка, в котором имени вообще чужда категория падежа.

В следующих примерах МЯ является русский, ГЯ – испанский. Здесь опять же встречаются и вкрапления, и острова.

Примеры **вкраплений**:

«*En realidad, папа мне сказал, что надо было больше денег, чтобы купить слона*».

«*Завял цветочек. Ну когда он не завяливал, ты должна была ему дать много sol и много воды*».

Примеры **островных переключений**:

«*Мама, а правда existe буратино? У него колпачок с rayas*».

«*Ой, я сделал себе больно. Мама, puedes acariciar меня*».

«*О, как хорошо. Я хотел услышать guido de mi икота*».

Уникальны примеры вкраплений «*Чипы всегда с сале́м, а без са́ля картошка невкусная*» и «*Посмотри, какую ка́ру я сделал из оливо́к? Это ты!*». Слова «*sal*» и «*сага*» в высказываниях с русским МЯ встраиваются в русскую грамматику, ориентируясь на звуковую форму слова, т. е. *sal* склоняется по второму типу склонения, как существительные мужского рода, а *cara* – по первому типу склонения, как существительные женского рода.

Интересен пример островного переключения «*Мама, надо петь, все-все спят, не только люди, ты же не хочешь обидеть моих peluches?*», где ребенок, разговаривая с мамой по-русски, все-таки называет свои игрушки по-испански. С раннего возраста ориентированность на собеседника является самой важной функцией ПК. Особенностью реализации этой функции маленькими детьми является то, что адресатами для них могут быть не только реальные люди, но и игрушки. Возможно, наш маленький билингв общается со своими игрушками только по-испански, поэтому, называя их, использует испанское слово.

Как мы уже говорили, адресация – самая важная функция ПК. В наших примерах легко заметить, что в большинстве случаев, когда ребенок, воспитывающийся по принципу «один человек – один язык», обращается к папе, то МЯ для него является испанский, а когда он обращается к маме, МЯ – русский.

Таким образом, можно говорить о том, что, судя по представленным примерам, ПК наблюдается в обоих направлениях (исп. > рус. и рус. > исп.), МЯ выступают оба языка – это характеризует приблизительное равноправие лексических и грамматических систем в условиях раннего билингвизма. О реальном эквILINGВИЗМЕ пятилетнего ребенка говорить нецелесообразно, так как он еще не достигает совершенства ни в одном из языков. Однако с учетом поправок на возраст и соответствия его речи возрастным нормам и этапам развития можно ввести понятие «детский эквILINGВИЗМ», подразумевая под ним *временное* равновесие речевого развития на двух языках.

ЛИТЕРАТУРА

Чиршева Г.Н. Детский билингвизм: одновременное усвоение двух языков. СПб.: Златоуст, 2012. 488 с.

Myers-Scotton C. Duelling Languages: Grammatical Structure in Code-switching. Oxford, 1993. 285 p.

Myers-Scotton C. Duelling Languages: Grammatical Structure in Code-switching. 2nd ed. Oxford, 1997. 285 p.

Ronjat J. Le developpement du langage observé chez un enfant bilingue. Paris, 1913. 155 p.

REFERENCES

Myers-Scotton C. (1993) Duelling Languages: Grammatical Structure in Code-switching. Oxford. 285 p.

Myers-Scotton C. (1997) Duelling Languages: Grammatical Structure in Code-switching. 2nd ed. Oxford. 285 p.

Ronjat J. (1913) Le developpement du langage observé chez un enfant bilingue. Paris. 155 p.

Tchirsheva G.N. (2012) Childhood Bilingualism: The Simultaneous Acquisition of Two Languages. St.-Petersburg. Zlatoust Publ. 488 p.

Сведения об авторе:

Светлана Алексеевна Алыпova,
студент
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Svetlana A. Alypova,
Student
Faculty of Philology
Lomonosov Moscow State University
alypova_sveta@mail.ru

*Ю.А. Штонда
(Воронеж, Россия)*

Иноязычные вкрапления в письмах Дитриха Бонхёффера другу из Тегельской тюрьмы

Аннотация: В статье описывается функциональный потенциал вкраплений на латинском, греческом, французском языках в немецком тексте как средств реализации внутри- и внетекстовых связей. Функции иноязычных вкраплений раскрываются через содержательные и формальные характеристики соответствующих единиц. Обосновывается реализация функций иноязычных вкраплений в связи с их текстовым окружением в пространстве личного письма и с учетом условий порождения писем.

Ключевые слова: вкрапление, прецедентный феномен, функция

Julia A. Shtonda (Voronezh, Russia)

Inserts of Foreign Languages in Dietrich Bonhoeffer's Letters to His Friend – a Prisoner of Tegel

Abstract: The article is devoted to the functions of foreign language inclusions from the Latin, Greek, French languages in the German text as methods of realization of intra- and extratextual connections. Contextual and formal characteristics of foreign languages inclusions in the texts of private letters are analyzed in the light of conditions of text creation.

Key words: inclusion, precedent phenomena, function

Личные письма – очень интересный материал для лингвистического исследования, поскольку они в подлинном смысле слова отражают разнообразные особенности личности адресанта, порождающие соответствующие тексты. Понимание того, о чем и как говорит / пишет человек, насколько детально он раскрывает затронутую тему, что он умалчивает, на чем фиксирует свое внимание, что припоминает, позволяет уяснить личность автора, мотивы его деятельности, широту его взглядов, уровень его эрудиции, особенности мировоззрения – осмыслить особенности использования им языка как средства решения коммуникативных и когнитивных задач.

На этом фоне письма Дитриха Бонхёффера (1906–1945) – известного немецкого богослова, участника немецкого сопротивления и заговора против Гитлера – являются уникальным материалом. Это обусловлено, с одной стороны, тем, что личные письма Д. Бонхёффера в содержательном и формальном отношении

существенно отличаются от распространенных представлений о личном письме. Его письма являются удивительным примером стойкости, противостояния трудным внешним обстоятельствам жизни. Сборник «Widerstand und Ergebung», в котором опубликованы письма Бонхёффера во время заключения, переведен на многие языки мира, в том числе и на русский.

С другой стороны, особое значение имеют обстоятельства написания писем: Бонхёффер находился в Тегельской тюрьме в 1943–1945 гг. Эти письма представляют особый интерес, поскольку в данный период он ведет активную переписку со своим близким другом Эберхардом Бетге [Метаксас 2012: 302]. Автор собирался оформить свои богословские идеи в обобщающем труде, основное содержание которого содержится в письмах Э. Бетге, ставшего впоследствии его биографом. Бетге сохранил и опубликовал письменное наследие Бонхёффера, большую часть которого составляет переписка с друзьями и родными. Характерно, что иноязычные вкрапления свойственны, как правило, только письмам, адресованным Бетге.

Бонхёффер, получивший теологическое образование в лучших вузах Германии – Тюбингене и Берлине, был блестящим богословом. Его письма носят личный характер, но в них Бонхёффер затрагивает актуальные проблемы современности. Его богословские идеи вызвали широкую дискуссию в научном, прежде всего теологическом, сообществе (см. подробнее в [Feil 1977: 380–396]).

Письма Бонхёффера чрезвычайно содержательны и тематически весьма разнообразны, стилистически тщательно оформлены. Большая часть проанализированных личных писем содержит пассажи, тематику которых трудно отнести к личной сфере адресанта, поскольку в них он затрагивает проблемы, обычно характерные либо для научных, либо для литературно-критических или публицистических текстов. Кроме того, эти пассажи насыщены специальной (философской, теологической, исторической, искусствоведческой, литературоведческой и др.) терминологией, а также иноязычными вкраплениями, которые автор приводит на языке оригинала: на латинском, греческом, французском. Характерно, что эти вкрапления не воспринимаются как нечто инородное в письмах или же как средство намеренной демонстрации адресантом своей эрудиции. Напротив, способ включения в текст иноязычных языковых средств говорит о том, насколько свободно автор владеет классическими и современными европейскими языками, видит тонкие различия в семантике изофункциональных средств в разных языках и умеет их адекватно использовать при решении коммуникативных задач. Поэтому иноязычные вкрапления в личных письмах Бонхёффера предельно органичны и структурируют содержание, помогая адресату, Бетге, следить за ходом рассуждения адресанта. Целесообразно выявить функции иноязычных вкраплений в организации изучаемых текстов¹.

Можно предположить, что письма другу в экстремальной ситуации тюремного заключения могут быть наполнены исключительно личными переживаниями, если сравнивать эти письма с письмами других людей, находящихся в аналогичной ситуации. Вопреки подобным предположениям анализируемые письма принципиально иные: Бонхёффер практически не жалуется на трудную судьбу, так как он сознательно сделал свой жизненный выбор противостояния фашистскому режиму. Даже находясь в тюремном заключении, он не перестает интеллектуально трудиться и читать как фи-

¹ Изучение специальной литературы по этому вопросу показывает неслучайность использования иноязычных вкраплений в текстах разного типа. Имеются работы, которые раскрывают богатый функциональный потенциал иноязычных вкраплений при конструировании фиктивной реальности; см.: [Гришаева 2004], [Grischaewa 2016], [Гришаева 2016].

лософскую и богословскую, так и художественную литературу. Свои самые необычные и новаторские богословские идеи он впервые высказывает в этой переписке, не имея возможности лично встретиться со своим другом [Метаксас 2012: 524].

Одной из важных особенностей анализируемых писем является наличие в них вкраплений из латинского, греческого, французского языков. Обобщая, эпистолярное творчество Д. Бонхёффера можно представить в таблице 1.

Таблица 1. Количественная характеристика заимствований в письмах Э. Бетге

Период пребывания в тюрьме	Количество писем другу	Количество иноязычных вкраплений
Апрель – июль 1943	0	–
Август 1943 – апрель 1944	32	9
Апрель – июль 1944	19	19
Июль 1944 – февраль 1945	10	4

Срок пребывания Бонхёффера в Тегельской тюрьме условно разделен автором книги «Widerstand und Ergebung» на 4 этапа. Анализ показал, что в начале заключения Бонхёффер не писал писем другу, поскольку надеялся на скорое освобождение из тюрьмы. С июля 1944 г. по февраль 1945 г. он пересылает другу стихотворения собственного сочинения, и в этих письмах было зафиксировано четыре случая использования иноязычных вкраплений.

Самое большое количество заимствований приходится на 2-й и 3-й периоды заключения, когда Бонхёффер ведет активную переписку с Бетге. В эти периоды он верит в свое освобождение, но знает, что в ближайшее время не будет иметь возможности лично общаться с другом, поэтому довольно подробно излагает свои мысли. Он делится своими размышлениями относительно будущей книги, в письмах смело высказывает самые интересные идеи, еще не оформленные в богословский трактат.

Бонхёффер не злоупотребляет иноязычными вкраплениями при написании писем. Однако письма, в которых содержатся его теологические рассуждения, могут иметь значительное число иноязычных вкраплений. Так, в 61-м письме зафиксировано 19 случаев заимствования из латинского и 11 случаев заимствования из греческого языка, а также два случая заимствования из французского языка.

Таблица 2. Количественный и качественный анализ иноязычных вкраплений

Вкрапления	Кол-во	Формальная характеристика				Сферы употребления			
		Лексема	Группа слов	Предложение	Выдержка из текста	Теология	Философия	Музыка	Изобразительное искусство
на латинском	19	+	+	+	+	+	+	–	–
на греческом	11	+	+	+	+	+	+	+	–
на французском	2	–	+	–	–	–	+	–	+
Всего	32	+	+	+	+	+	+	+	+

Иноязычные вкрапления теологической тематики, как правило, бытуют в виде одной лексемы – *Adiaphora* или группы слов – *δὸς μοι πού στω*. Вкрапления из

философской сферы бытуют в форме группы слов разной структуры – *esti deus non daretur* или в виде одной лексемы – *Positivismus*. Вкрапления из музыкальной сферы представлены в качестве музыкальных терминов, состоящих из одной лексемы – *Polyphonie*, в одном случае в виде группы слов – *cantus firmus*.

Интересно обратить внимание на способы включения иноязычных вкраплений в текст письма. Выявляются два способа: во-первых, без ссылок на источник, во-вторых, с точным указанием ссылки на источник. Первый способ встречается чаще всего при цитировании из искусствоведческого, философского дискурса, второй – преимущественно при использовании иноязычных вкраплений из теологического дискурса. Объяснить эти различия можно глубокой образованностью автора писем в области теологии и приверженностью традициям теологического общения, где принято точно указывать источник цитат разного объема и характера. При этом некоторые вкрапления из теологической сферы Бонхёффер не поясняет, поскольку считает их употребительными в теологическом дискурсе и понятными для своего адресата, например: *Ich bin im Blick auf das Kommende fast geneigt, das biblische $\delta\epsilon\iota$ zu zitieren* [Bonhoeffer 2015: 401]. Интересно заметить, что Бетге в биографии Бонхёффера упоминает, что в камере у Бонхёффера был текст Нового завета на греческом языке, полиграфическое оформление которого предполагает точное указание конкретных глав и стихов из Нового завета и Конкордат, но без комментария или словаря [Bethge 1970: 946].

Греческие вкрапления представлены в письмах Бонхёффера по-разному: 1) цитаты из Библии на греческом языке: *Der Tod als $\epsilon\sigma\chi\alpha\tau\omicron\varsigma \epsilon\chi\theta\rho\omicron\varsigma$ (1Kor 15,26)*; 2) богословская / философская терминология в ее первичной функции: *Πνευμα gegen $\sigma\alpha\rho\zeta$* – термин используется в богословии К. Барта; 3) в качестве цитат и устойчивых выражений из наследия античных мыслителей: *Δος μοι που $\sigma\tau\omega$ και $\kappa\iota\nu\eta\sigma\omega$ την $\gamma\eta\nu$* (Архимед).

Способы включения вкраплений на латинском языке совпадают с греческим: богословская, философская терминология, устойчивые выражения известных философов.

Не все вкрапления очевидны для читателя сразу, поскольку в немецком, французском и латинском языках используются знаки одного и того же алфавита. Греческие же заимствования уже в силу формальных различий в алфавите бросаются в глаза.

Использование вкраплений в тексте связано с широкой эрудицией и интенсивной интеллектуальной деятельностью Бонхёффера, его высокой компетентностью в области богословия и философии. Кроме того, заимствования подчеркивают письменный характер текста, который порой походит на теологический трактат, и именно в этих частях писем их автор активно прибегает к заимствованиям, т. е., по сути, следует правилам порождения научного текста. Так, Бонхёффер размышлял о богословских проблемах, активно прибегая к тексту Нового завета на греческом языке, например: *Die paulinische Frage, ob die $\pi\epsilon\rho\iota\tau\omicron\mu\eta$ Bedingung der Rechtfertigung sei, heit m.E. heute, ob Religion Bedingung des Heils sei. Die Freiheit von der $\pi\epsilon\rho\iota\tau\omicron\mu\eta$ ist auch die Freiheit von der Religion* [Bonhoeffer 2015: 400].

В данном примере, размышляя о религии и религиозности, Бонхёффер использует греческий термин *$\pi\epsilon\rho\iota\tau\omicron\mu\eta$* (нем. *Beschneidung*), о котором много размышляет апостол Павел в посланиях к Римлянам и Галатам.

Некоторые богословские термины, например латинское высказывание *deus ex machina* [Bethge 1970: 982], а также высказывания философов, например Архимеда, используются в текстах писем несколько раз. Кроме того, Бонхёффер в

письмах обращается к терминологии известных западных богословов (например, Иринея Лионского, а также своих современников К. Барта, А. Гарнака и др.). Активная апелляция к богословской терминологии на греческом и латинском языках свидетельствует о заинтересованности автора писем в актуальных вопросах богословия, а также о глубоко укоренившихся привычках обсуждения специальных богословских и философских проблем.

Многие заимствования в текстах писем Бонхёффера являются по своей сути прецедентными феноменами (далее – ПФ). Последние в его письмах выполняют как общие, так и специфические функции¹. Сопоставление формы, в которой анализируемые вкрапления включены в текст, с одной стороны, и специализации того или иного вкрапления на сферы употребления, с другой стороны, убедительно свидетельствуют о различиях функционального потенциала вкраплений на разных языках.

Те понятия, которые вербализуются средствами греческого, латинского, французского языков, представляют собой разные явления: 1) цитаты из Нового завета на греческом и латинском языках, например: *consolatio fratrum*; 2) известные высказывания греческих и римских философов, например: *Epistula non erubescit* (Цицерон); 3) ПФ из богословской или философской литературы: *μετανοια*, *ανακεφαλαίωσις*.

Функции иноязычных вкраплений весьма разнообразны. Так, иноязычные вкрапления, будучи по своей сути ПФ, устанавливают внутри- и внетекстовые связи в пределах одного письма, например: *Ist nicht vielleicht die **Polyphonie** in der Musik uns darum so nah und wichtig ist, weil sie das musikalische Abbild dieser christologischen Tatsache und daher auch unsrer **vita christiana** ist?* Иноязычные вкрапления устанавливают связи между разными письмами Бонхёффера, например, термин *homo Religiosus* в письмах за 21.11.1943 и за 21.7.1944; иноязычные вкрапления могут соединять разные хронотопы: «здесь и сейчас – там и тогда», «тюрьма – семинария» и др., например, понятие *Imitatio Christi* Бонхёффер использует в более ранних своих работах «Die Nachfolge» и «Ethik» (см. также письма за 28.11.1943, 23.2.1944, в которых представлены воспоминания о жизни в семинарии в Финкенвальде).

Иноязычные вкрапления активизируют большие пласты значимой для обоих коммуникантов информации: *Noch vor 10 Jahren hätten wir es kaum verstanden, dass die Symbole des Bischofstabes und -ringes, die sowohl der Kaiser wie der Papst für sich in Anspruch nahmen, zu weltlichen Auseinandersetzungen führen können. Waren das wirklich **Adiaphora**?* [Bonhoeffer 2015: 527]. В таблице 2 представлены результаты количественного и качественного анализа иноязычных вкраплений; при этом очевидно, что и функциональная сфера описываемых единиц, и форма их бытования в текстах разного типа тесно связана с общими тенденциями их функционирования в текстах соответствующей тематики, как это сложилось в немецкой (шире – общеевропейской и международной) языковой культуре.

Очевидно, что в своих письмах Бонхёффер использует иноязычные вкрапления, чтобы решить разные коммуникативные задачи, и становится понятно, что такие единицы выполняют многочисленные функции в анализируемых текстах (см. таблицу 3).

¹ Под общими функциями вслед за Л.И. Гришаевой (1998) мы понимаем такие функции ПФ, как информирование о системе основополагающих ценностей, о мотивах деятельности личности в тех или иных условиях и др., под специфическими – функции, присущие ПФ в определенных типах дискурса, в данном случае в теологическом, философском, искусствоведческом, литературоведческом, элементы которых встречаются в личных письмах Д. Бонхёффера другу.

Таблица 3. Функции заимствований из греческого и латинского языков

Функции	Латинский		Греческий			Французский
	Филос.	Теолог.	Философ.	Теолог.	Муз.	Общекультурные
Конденсируют информацию	+	++	+	++	+	+
Припоминание	±	+	±	+	—	—
Иллюстрация собственного тезиса	+	++	+	++	+	—
Являются аргументом	+	+	+	+	—	—
Опровержение мысли	±	+	+	+	—	—
Переключение внимания	+	+	±	±	+	+
Фиксируют результаты долгих размышлений	+	++	+	++	+	—

Условные обозначения:

++ наиболее часто;

+ часто;

± вероятно;

— данная функция не выявлена.

Анализ показывает, что заимствования из греческого и латинского языков являются полифункциональными. Поскольку Бетге, адресат данных писем, был также хорошо образован в области богословия и философии, как и Бонхёффер, автор писем не поясняет заимствования для друга, зная, наверное, что тот сможет без труда понять их смысл и роль в тексте. Подтверждение правомерности подобной интерпретации можно найти в немецком издании писем Бонхёффера, в котором издатель переводит эти вкрапления на немецкий язык, поясняет термины для читателей и пишет, в каких теологических трудах они впервые появились у Бонхёффера и в каких еще трудах используются.

Анализ иноязычных вкраплений показывает, насколько они значимы с текстограмматических позиций: с их помощью можно определить, как разворачивается семантическая структура текста, какое место в личном письме занимают теологические, искусствоведческие, философские и другие довольно объемные тематические блоки, которые на первый взгляд могут восприниматься как инородные для личного письма.

Таким образом, анализ писем Бонхёффера другу показывает, насколько сложными в содержательном и текстограмматическом отношении являются эти тексты. Обилие иноязычных вкраплений, предназначенных для именования понятий и явлений из разных тематических сфер, богатство функционального потенциала этих вкраплений настоятельно требуют изучения принципов организации этих текстов с текстосемантических и текстосинтаксических позиций. На примере анализа текстов личных писем Д. Бонхёффера целесообразно также проследить возможности разнообразных трансформаций этого типа текста и определить, какие факторы и в какой степени оказывают влияние на изменение семантической и синтаксической структуры типа текста «личное письмо».

ЛИТЕРАТУРА

Гришаева Л.И. Арминий, Барбаросса, ведьмы с Броккена и другие (Немецкий язык и культура через призму немецких прецедентных текстов): Учебное пособие. Воронеж, 1998. 147 с.

Гришаева Л.И. Понимание «чужого» и «другого» как условие успешной аккультурации // Взаимопонимание в диалоге культур: условия успешности: Коллективная монография / Под общ. ред. Л.И. Гришаевой и М.К. Поповой. Ч. 2. Воронеж: ВГУ, 2004. С. 9–48.

Гришаева Л.И. Функциональный потенциал иноязычных единиц в художественном тексте // Художественное слово в пространстве культуры: контакты и взаимодействия: Коллективная монография / Отв. ред. А.Н. Таганов, Ю.Л. Цветков. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2016. С. 220–229.

Метаксас Э. Дитрих Бонхёффер. Праведник мира против Третьего Рейха / Пер. с англ. Л.Б. Сумм. М.: Эксмо, 2012. 672 с.

Bethge E. Dietrich Bonhoeffer. Theologie. Christ. Zeitgenosse. München: Chr. Kaiser Verlag, 1970. 1099 S.

Bonhoeffer D. Widerstand und Ergebung. Briefe und Aufzeichnungen aus der Haft // Dietrich Bonhoeffer Werke. Band 8. München: Gütersloher Verlagshaus, 2015. 796 S.

Feil E. Die Theologie Dietrich Bonhoeffers. Berlin: Evangelische Verlagsanstalt, 1977. 430 S.

Grischaewa L. Vom Mehrwert fremdsprachiger Inklusionen im deutschen Text // (Neu-)Kompositionen. Aspekte transkultureller Translationswissenschaft. Liber amicorum für Larisa Schippel. Julia Richter, Cornelia Zwischenberger, Stefanie Kremmel, Karlheinz Spitzl (Hg.). Berlin: Frank & Timme. Verlag für wissenschaftliche Literatur, 2016. S. 367–389.

REFERENCES

Bethge E. (1970) Dietrich Bonhoeffer. Theologie. Christ. Zeitgenosse. München. Chr. Kaiser Verlag. 1099 S.

Bonhoeffer D. Widerstand und Ergebung. Briefe und Aufzeichnungen aus der Haft. In: Dietrich Bonhoeffer Werke. Band 8. München. Gütersloher Verlagshaus. 2015. 796 S.

Feil E. (1977) Die Theologie Dietrich Bonhoeffers. Berlin. Evangelische Verlagsanstalt. 430 S.

Grishaeva L.I. (1998) Arminius, Barbarossa, Witches from the Brocken and Others (The German Language and Culture through the Prism of German Precedent Texts): A Schoolbook. Voronezh: Voronezh State University Press, 1998. 147 s.

Grishaeva L.I. Understanding of the “Alien” and the “Other” as the Condition of Successful Acculturation. In: Understanding in the Dialog of the Cultures: Conditions of Success: Collective monography / Eds.: L.I. Grishaeva and M.K. Popova. Part 2. Voronezh. Voronezh State University Press. 2004, S. 9–48.

Grishaeva L.I. The Functional Potential of Foreign Linguistic Units in the Literary Text . In: Literary Word in the Space of the Culture: Contacts and Cooperation: Collective Monography / Eds.: A.N. Taganov, J.L. Tsvetov. Ivanovo. Ivanovo State University Press. 2016, S. 220–229.

Grischaewa L. Vom Mehrwert fremdsprachiger Inklusionen im deutschen Text. In: (Neu-)Kompositionen. Aspekte transkultureller Translationswissenschaft. Liber amicorum für Larisa Schippel. Julia Richter, Cornelia Zwischenberger, Stefanie Kremmel, Karlheinz Spitzl (Hg.). Berlin. Frank & Timme. Verlag für wissenschaftliche Literatur. 2016, S. 367–389.

Metaxas E. (2012) Dietrich Bonhoeffer. A Righteous Gentile vs. the Third Reich / Transl. from English by L.B. Summ. Moscow. Eksmo Publ. 672 p.

Сведения об авторе:

Юлия Александровна Штонда,
аспирант
факультет РГФ
Воронежский государственный университет

Julia A. Shtonda,
Postgraduated
Faculty of RGPh
Voronezh State University

juljashtnda@gmail.com

Программы

Programs

**Программа учебной дисциплины
«Языковая картина мира в лексике и грамматике»
(для направления «Филология»,
квалификация / степень «бакалавр»)**

**The Program of the Academic Discipline
“The Language Picture of the World in Lexics and Grammar
(“Philology”, qualification / degree “bachelor”)**

1. Цели освоения дисциплины

Целями освоения дисциплины «Языковая картина мира в лексике и грамматике» являются:

- ознакомление слушателей с историей становления понятия «языковая картина мира»;
- знакомство с работами лингвистов, разработавших учение об отображении представлений о мире средствами конкретных языков;
- знакомство с лексикой и грамматической структурой конкретных языков с точки зрения отражения в языковых системах специфического национального взгляда на мир;
- развитие навыков сопоставительного анализа лексики и грамматики различных языков;
- осознание перспектив и направлений лингвистических исследований в рамках когнитивной лингвистики.

2. Место дисциплины в структуре ООП

Вариативная часть ООП. Общепрофессиональный блок

Курс «Языковая картина мира в лексике и грамматике», рассчитанный на один семестр (1 семестр), является курсом по выбору в программе подготовки бакалавров-языковедов второго или третьего годов обучения. Предполагается, что учащиеся в рамках программ первого года обучения прослушали курсы «Основы языкознания», «Русская фонетика» и «Лексикология», в результате чего у слушателей сложились общие представления об устройстве и функционировании языка.

Предлагаемый курс лекций «Языковая картина мира в лексике и грамматике» предполагает исследование зависимости мировоззрения разных народов от структуры родного языка. О языке как специфической форме отражения народного мировоззрения («духа народа») писал еще основатель теоретического языкознания Вильгельм фон Гумбольдт. Как воплощается представление об окружающем мире в структурах родного языка (в фонетике, словообразовательном типе, синтаксических моделях, грамматических категориях и т. п.)? Для ответа на этот вопрос Гумбольдт сравнивал европейские языки с экзотическим для европейцев языком кави на о. Ява, чтобы подчеркнуть различное видение мира, отраженное в этих языках. Через сто лет идея В. фон Гумбольда была развита американскими лингвистами Э. Сепиром и Б. Уорфом и легла в основу знаменитой гипотезы лингвистической относительности, согласно которой европейские языки и языки американских индейцев по-разному представляют окружающий мир.

В курсе лекций предлагается обсудить роль национального языка как средства познания и представления окружающей действительности. В частности, рассматривается проблема номинации (называния предметов и явлений в языках мира), когнитивная роль метафоры и т. п.

Особое место в курсе отведено анализу построения лексических систем и грамматических классификаций в национальных языках. Отдельные лекции курса будут посвящены сравнению лексическо-семантических систем разных языков (исследуется устройство терминов родства, названий животных, цветообозначений и т. п., а также специфика фразеологизмов, устойчивых эпитетов и сравнений). В лекциях будет предпринята попытка представления лексической и грамматической систем языков мира как своеобразных способов отражения представлений об окружающем мире и как структурирование (классификация) этих представлений. На примерах будут показаны разные принципы устройства лексических и грамматических систем в языках мира. Специфическое устройство фонетической системы языков, уникальные наборы грамматических категорий, своеобразные синтаксические конструкции будут отражать национальную картину мира, сформированную структурами родного языка.

Специальные лекции курса посвящены анализу проявления индивидуальной картины мира в художественных текстах.

Предлагаемый курс развивает навыки сопоставительного анализа различных языков мира, способность к обобщению и теоретическому осмыслению наблюдаемых языковых фактов и расширяет лингвистический кругозор слушателей.

3. Требования к результатам освоения дисциплины

Процесс изучения дисциплины направлен на формирование следующих компетенций:

Общенаучные:

- способность анализировать и оценивать философские проблемы при решении социальных и профессиональных задач (М-ОНК-1);
- способность самостоятельно формулировать научные проблемы на основе адекватного анализа научной традиции и современных тенденций (М-ОНК-2);
- способность к самостоятельному пополнению, критическому анализу и применению теоретических и практических знаний в сфере гуманитарных наук для собственных научных исследований и практической деятельности (М-ОНК-3).

Инструментальные:

- владение нормами русского литературного языка и функциональными стилями речи; способность демонстрировать в речевом общении личную и профессиональную культуру, духовно-нравственные убеждения; умение ставить и решать коммуникативные задачи во всех сферах общения, управлять процессами информационного обмена в различных коммуникативных средах (М-ИК-2);
- владение основными методами, способами и средствами получения, хранения, переработки информации; умение анализировать и совершенствовать методы, способы и средства работы с информацией в соответствии с поставленными задачами (М-ИК-3);
- владение навыками использования программных средств, умение работать в компьютерных сетях, в том числе Интернет, способность самостоятельно определять и осваивать необходимое для профессиональной деятельности аппаратное и программное обеспечение (М-ИК-4).

Системные:

- способность к творчеству, порождению инновационных идей, выдвижению самостоятельных гипотез (М-СК-1);
- способность к поиску, критическому анализу, обобщению и систематизации научной информации, к постановке целей исследования и выбору оптимальных путей и методов их достижения (М-СК-2);
- способность к самостоятельному обучению и разработке новых методов исследования, к изменению научного и научно-производственного профиля деятельности; к инновационной научно-образовательной деятельности (М-СК-3)

Общепрофессиональные:

- знание актуальных проблем, традиционных и современных методов филологической науки, понимание структуры и перспектив развития филологии как области знаний, междисциплинарных связей филологии (М-ПК-1);
- владение категориально-терминологическим аппаратом современной филологии; знание важнейших филологических отечественных и зарубежных научных школ (М-ПК-2);
- владение навыками самостоятельного филологического исследования и аргументированного представления его результатов (М-ПК-3);
- владение навыками квалифицированного анализа, комментирования, реферирования и обобщения результатов научных исследований с использованием современных методик и методологий, передового отечественного и зарубежного опыта (М-ПК-4);
- способность с филологической и общегуманитарной точки зрения осмыслять, описывать и анализировать разнообразные феномены языка, литературы, культуры, сознания, общественной жизни (тексты, произведения, ситуации, процессы и т. п.) (М-ПК-6).

В результате освоения дисциплины обучающийся должен:**Знать**

- понятийный аппарат одного из направлений современной когнитивной лингвистики, в рамках которого исследуется языковая картина мира, т. е. своеобразная категоризация представлений о мире средствами конкретных языков;
- разные подходы к исследованию лексической и грамматической системы языков, представленные в трудах выдающихся лингвистов;
- методику сопоставительного исследования лексики и грамматики языков.

Уметь

- анализировать и сопоставлять лексику и грамматику различных языков для выявления универсального и специфического компонента языковой системы, отображающего черты национального мировидения;
- активно использовать методику сопоставительных лингвистических исследований;
- использовать приобретенные знания в процессе самостоятельного научного исследования при написании итоговых квалификационных работ в рамках сопоставительной лингвистике.

Владеть

- навыками самостоятельного чтения современной лингвистической литературы по общему языкознанию;

- общелингвистической терминологией, которая используется в современных работах по языкознанию;
- различными лингвистическими методами работы с материалом в рамках сопоставительных лингвистических исследований.

4. Структура и содержание дисциплины

4.1. СТРУКТУРА ДИСЦИПЛИНЫ

Общая трудоемкость дисциплины составляет 2 зачетные единицы (72 часа).

№ п/п	Раздел дисциплины	СЕМЕСТР	Неделя семестра	Виды учебной работы, включая самостоятельную работу студентов (с.р.с.) и трудоемкость (в часах)			Формы текущего контроля успеваемости (по неделям семестра) Форма промежуточной аттестации (по семестрам)
				лекции	с.р.с.	семинары / практические занятия	
1.	Понятие языковой картины мира. Национальное мировоззрение и его отражение в языках в работах В. фон Гумбольдта	1	1	2			
2.	Понятие языковой картины мира в работах Л. Вайсгербера. Семантическое поле как способ представления языковой картины мира	1	2	2	2		
3.	Гипотеза лингвистической относительности в работах Э. Сепира и Б. Уорфа. Понятие языковой картины мира. Универсальное и специфическое в языковой картине мира разных народов	1	3	2	2		
4.	Язык и мышление. Проблема вербализации мышления – соотношение глубинных (мыслительных) и поверхностных (языковых) структур	1	4	2	2		

5.	Проблема ономазиологии в лингвистике, принципы номинации предметов в языках мира. Примеры номинации в древних языках и в речи ребенка	1	5	2	2		
6.	Когнитивные функции метафоры. Метафора как способ познания окружающего мира и его отражения в языке	1	6	2	2		
7.	Языковая форма как модель, определяющая специфику национального содержания конкретного языка. Фоносемантика и репрезентация видения мира посредством звуковой системы.	1	7	2	2		
8.	Морфемная структура слова в языках разных типов и ее роль в языковой картине мира. Словообразовательная модель как когнитивный механизм	1	8	2	4		
9.	Синтаксическая типология. Языки номинативного и эргативного типа как пример отражения представлений об окружающей действительности в синтаксической структуре	1	9	2	4		
10.	Лексико-семантические системы в языках мира как способ отражения национальной картины мира. Пример национально обусловленных лексических систем: термины родства, названия животных, погодных явлений и т.п.	1	10	2	2		
11.	Фразеология (идиомы, пословицы и поговорки) как отражение национального мировоззрения	1	11	2			
12.	Грамматические категории имени (род и число) как фрагмент языковой картины мира	1	12	2	4		

13.	Грамматические категории имени (падеж, именные классы и одушевленность) как фрагмент языковой картины мира	1	13	2	4		
14.	Грамматические категории глагола (вид и время) как способ языковой репрезентации представлений об окружающем мире	1	14	2	2		
15.	Грамматические категории глагола (наклонение и залог) как способ языковой репрезентации представлений об окружающем мире	1	15	2	2		
16.	Словарь-тезаурус как отражение национальной языковой картины мира	1	16	2	2		
17.	Способы выражения авторской позиции в художественных и научных текстах	1	17	2			
		1	18	4			<i>Зачет</i>
	<i>Итого</i>			38	34		

4.2. СОДЕРЖАНИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

ТЕМА 1. ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА

Когнитивная лингвистика и специфика отражения национального мировоззрения в разных языках.

Философия языка В. фон Гумбольдта. Соотношение языка и «духа народа» в концепции Гумбольдта. Язык как средство выражения национального мировоззрения.

Понятие языковой картины мира в работах Л. Вайсгербера. Семантическое поле как способ представления языковой картины мира.

Гипотеза лингвистической относительности в работах Э. Сепира и Б. Уорфа. Понятие языковой картины мира. Универсальное и специфическое в языковой картине мира разных народов.

ТЕМА 2. ЯЗЫК И МЫШЛЕНИЕ

Проблема вербализации мышления – соотношение глубинных (мыслительных) и поверхностных (языковых) структур. Лингвистика и логика.

Когнитивные механизмы в языках мира, основанные на тождестве человеческого мышления. Язык как средство познания окружающего мира. Соотношение слова и понятия, предложения и суждения.

Проблема ономазиологии в лингвистике, принципы номинации (называния) предметов и абстрактных понятий в языках мира. Примеры номинации в древних языках и в речи ребенка.

Когнитивные функции метафоры. Метафора как способ познания окружающего мира и его отражения в языке.

ТЕМА 3. ЯЗЫКОВАЯ ФОРМА КАК «КАРКАС» ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

Языковая форма (фонетика, словообразовательные модели и синтаксические структуры) как модели, определяющие специфику национального содержания конкретного языка.

Артикуляционно-акустические особенности звуков в языках мира. Сингармонизм и ударение как важнейшие механизмы объединения слова в индоевропейских и тюркских языках. Гармония гласных как средство языковой выразительности.

Морфемная структура слова в языках разных типов (индоевропейских и тюркских) и ее роль в языковой картине мира.

Словообразовательная модель как когнитивный механизм. Особенности словообразования в детской речи и в речи афатиков (людей с поражениями центральной нервной системы).

Языковая система как попытка классификации и интерпретации предметов и явлений окружающего мира. Принцип выделения частей речи в разноструктурных языках.

Синтаксическая типология. Языки номинативного и эргативного типа как пример отращения представлений об окружающей действительности в синтаксической структуре.

ТЕМА 4. ЛЕКСИЧЕСКАЯ СИСТЕМА КАК ОТРАЖЕНИЕ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

Лексическая и грамматическая системы (лексика и грамматика) в языках как отражение представлений об окружающем мире и как попытка структурирования (классификации) этих представлений. Разные принципы устройства лексических и грамматических систем в языках мира.

Лексико-семантические системы в языках мира как способ отражения национальной картины мира. Пример национально обусловленных лексических систем: термины родства, названия животных, погодных явлений и т. п.

Значимость отдельных лексических систем в культурологии и этнолингвистике (система цветообозначений, названия предметов национального костюма, украшений и т. п.).

Эпитеты и устойчивые сравнения, закрепленные в языке и нашедшие отражение в культуре (фольклоре, литературных текстах и т. п.). Фразеологические обороты, пословицы и поговорки как отражение национального мировоззрения.

ТЕМА 5. ГРАММАТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ ИМЕНИ И ИХ РОЛЬ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Грамматические категории имени как способ языковой репрезентации представлений об окружающем мире. Грамматическая категория рода, ее выражение в языках мира. Соотношение грамматической категории рода и биологического пола. Проблема отнесенности к определенному роду существительных, называющих предметы и явления. Примеры влияния грамматической категории рода на формирование картины мира носителей языка.

Грамматическая категория числа и ее роль в языковой картине мира.

Формирование грамматической категории одушевленности / неодушевленности в русском языке и ее влияние на языковое сознание говорящих.

Категория падежа и ее роль в грамматической системе языков. Формирование разветвленной системы падежей (до 40–50 падежей в дагестанских языках) и сокращение падежной системы в индоевропейских языках (например, в старофранцузском языке). Функции отдельных падежей в грамматических системах разных языков.

ТЕМА 6. ГРАММАТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ ГЛАГОЛА И ИХ РОЛЬ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Грамматические категории глагола как способ языковой репрезентации представлений об окружающем мире.

Роль грамматических категорий времени и вида в формировании языковой картины мира. Почему в русском языке всего три времени, а система глагола германских языков (например, английского) и романских (например, французского) представлена большим количеством видо-временных глагольных форм.

Категория наклонений глагола в языках мира. Языки с «бедной» и «богатой» системой наклонений – за счет чего может усложняться система наклонений в языках мира.

Категория залога, ее устройство и функционирование в языках мира.

ТЕМА 7. СЛОВАРЬ-ТЕЗАУРУС КАК ОТРАЖЕНИЕ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

Особенности построения словарей тезаурусов, отличие их структуры от алфавитного словаря. Иерархическое строение тезауруса, принципы рубрикации.

Словарь тезаурус как отображение языковой категоризации представлений об окружающем мире.

ТЕМА 8. ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КАРТИНЫ МИРА В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ И НАУЧНЫХ ТЕКСТАХ

Языковая картина мира в художественных текстах. Способы выражения авторской позиции фонетическими, лексическими и грамматическими средствами.

Особенности построения научного текста. Роль термина и метафоры в представлении авторской научной концепции.

5. Рекомендуемые образовательные технологии

Курс предполагает использование интерактивных форм обучения, в том числе с привлечением сетевых технологий для поиска и анализа информации, работы с базами данных.

6. Учебно-методическое обеспечение самостоятельной работы студентов. Оценочные средства для текущего контроля успеваемости, промежуточной аттестации по итогам освоения дисциплины

В качестве основного оценочного средства текущего контроля используются коллоквиумы по прочитанной литературе и рефераты.

ПРИМЕРНЫЕ ТЕМЫ РЕФЕРАТОВ

1. Язык и дух народа в концепции В. фон Гумбольдта.
2. Неогумбольдтианство в европейской и американской лингвистике XX века.
3. Роль лексической семантики в формировании языковой картины мира.
4. Принципы номинации предметов и абстрактных понятий в языках мира.
5. Словообразовательная модель как когнитивный механизм.

6. Когнитивная база классификации частей речи в языках мира.
7. Категория рода как отражение фрагмента языковой картины мира.
8. Категория одушевленности / неодушевленности в контексте языковой картины мира.
9. Категория вида и времени как фрагмент языковой картины мира.
10. Категория наклонения и функциональное поле модальности в контексте языковой картины мира.

ПРИМЕРНЫЕ ТЕМЫ ДЛЯ ОБСУЖДЕНИЯ НА КОЛЛОКВИУМАХ

1. «Языки – это иероглифы, в которые человек заключает мир и свое воображение» В. фон Гумбольдт.
2. Гипотеза лингвистической относительности Сепира-Уорфа: аргументы «за» и «против».
3. Семасиология и ономасиология как два направления исследования «слов» и «вещей».
4. Метафора как когнитивный механизм. Роль метафоры в научном тексте.
5. Роль фоносемантики в формировании языковой картины мира.
6. Эргативная структура предложения как репрезентация представлений об окружающем мире.
7. Система грамматических категорий как каркас языковой картины мира.
8. Словарь тезаурус как отображение языковой категоризации представлений об окружающем мире.
9. Попытка реконструкции языковой картины мира на материале исследования семантического словаря древних индоевропейских языков.
10. Попытка реконструкции языковой картины мира на материале исследования семантического словаря древних тюркских языков.
11. Способы воплощения языковой картины мира.
12. Внутренняя форма слова в русском и в изучаемом иностранном языке.
13. Различие семантической структуры слова в русском и изучаемом иностранном языке.
14. Ключевые слова русской культуры.

Аттестация по итогам освоения дисциплины – зачет (ответ на теоретические вопросы с учетом выполненных рефератов, а также участия в коллоквиумах).

ВОПРОСЫ К ЗАЧЕТУ

1. Современная когнитивная лингвистика и выявление отражения национального мировоззрения в языках мира. Универсальное и специфическое в языковой картине мира разных народов.
2. Мысль и язык. Проблема соотношения слова и понятия, предложения и суждения. Философия языка (теория языка) в работах В. фон Гумбольдта. Соотношение языка и «духа народа» в концепции Гумбольдта. Национальные языки как способ выражения мировоззрения народа.
3. Понятие языковой картины мира в работах Л. Вайсгербера. Семантическое поле как способ представления языковой картины мира.
4. Гипотеза лингвистической относительности Сепира-Уорфа. Разное видение мира, представленное европейскими языками и языками индейцев Америки.
5. Проблема ономасиологии в лингвистике. Принципы номинации предмета и абстрактного понятия. Примеры номинации в древних языках и в речи ребенка.

6. Когнитивные функции метафоры. Метафора как способ познания окружающего мира и его отражения в языке.
7. Лексико-семантические системы в языках мира как способ отражения национальной картины мира (система цветообозначений, терминов родства и т.п.).
8. Грамматические категории как способ языковой репрезентации представлений об окружающем мире (на примере грамматических категорий имени в языках мира).
9. Грамматические категории как способ языковой репрезентации представлений об окружающем мире (на примере грамматических категорий глагола в языках мира).
10. Языковая форма (фонетика, словообразовательные модели и синтаксические структуры) как каркас, определяющий специфику национального содержания конкретного языка.
11. Языковая система как попытка классификации и интерпретации предметов и явлений окружающего мира. Проблема классификации частей речи в языках разных типов. Когнитивная основа классификации частей речи.
12. Словарь-тезаурус как отражение национальной языковой картины мира. Привести пример словаря тезауруса, объяснить принцип его устройства.
13. Языковая картина мира в художественных текстах. Способы выражения авторской позиции фонетическими, лексическими и грамматическими средствами.
14. Особенности построения научного текста. Роль термина и метафоры в представлении авторской научной концепции.

7. Учебно-методическое и информационное обеспечение дисциплины

СПИСОК ОБЯЗАТЕЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Вежбицкая А.* Семантические универсалии и описание языков. М., 1999.
2. *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996.
3. *Гак В.Г.* Метафора: универсальное и специфическое // *Метафора в языке и тексте.* М.: Наука, 1988.
4. *Гумбольдт В.* О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // *Избранные труды по языкознанию.* 2-е изд. М.: Прогресс, 2001.
5. *Кубрякова Е.С.* Роль словообразования в формировании языковой картины мира // *Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира* / Отв. ред. Б.А. Серебренников. М.: Наука, 1988. С. 141–172.
6. *Кубрякова Е.С.* Язык и знание: На пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004.
7. *Попова З.Д., Стернин И.А.* Язык и национальная картина мира (www.twirpx.com/file/).
8. *Потебня А.А.* Мысль и язык // *Потебня А.А. Слово и миф.* М., 1989.
9. *Сепир Э.* Грамматист и его язык // *Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии.* М.: Прогресс, 1993. С. 248–258.
10. *Сепир Э.* Язык. Введение в изучение речи // *Избранные труды по языкознанию и культурологии.* М.: Прогресс, 1993.

11. *Уфимцева А.А.* Роль лексики в познании человеком действительности и в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Отв. ред. Б.А. Серебренников. М.: Наука, 1988. С. 108–140.

12. Языковая номинация (Общие вопросы) / Под ред. Б.А. Серебренникова. М.: Наука, 1977.

СПИСОК ДОПОЛНИТЕЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Апресян Ю.Д.* Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995. № 1. С. 37–67.

2. *Бенвенист Э.* Категории мысли и категории языка // Бенвенист Э. Общая лингвистика. Благовещенск. 1998. С. 104–114.

3. *Блинова О.И.* Внутренняя форма слова: мифы и реальность // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2012. № 4. С. 5–11.

4. *Богатырева И.И.* Что такое языковая картина мира и как она отражается в грамматическом строе языка // Русский язык. 2010. № 13(613).

5. *Бурас М., Кронгауз М.* Жизнь и судьба гипотезы лингвистической относительности // Наука и жизнь. М., 2011. № 8.

6. *Волошина О.А.* «Счастье и горе» в санскрите и древнеиндийской культуре (к проблеме описания сложных слов dvandva) // Карнавал в языке и коммуникации. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2016. С. 95–109.

7. *Волошина О.А.* Некоторые особенности языковой картины мира в санскрите // Вестник РГГУ. 2011. № 11. С. 222–240.

8. *Волошина О.А.* Роль сложных слов в формировании языковой картины мира (на материале санскрита) // Пятая Международная конференция по когнитивной науке. 18–24 июня 2012 г. Калининград. Тезисы докладов. Т. I. Калининград, 2012. С. 297–298.

9. *Волошина О.А.* Словарь Амаракоша как отражение индийского мировоззрения // Риторика. Семиотика. Языкознание: Сборник статей к 70-летию профессора А.А. Волкова. М.: Добросвет, 2016. С. 368–385.

10. *Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Часть II. 1. Благовещенск: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 1998. С. 457–462; 776–799.

11. *Гачев Г.Д.* Национальные образы мира. Общие вопросы. М., 1988. С. 44–45.

12. *Елизаренкова Т.Я.* Слова и вещи в Ригведе. М., 1999.

13. *Зализняк А.А.* Ключевые идеи русской языковой картины мира // Зализняк Анна А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М.: Языки славянской культуры, 2005 (www.mirknig.com/knigi/nauchno_popularnoe/).

14. Картина мира пратюркского этноса по данным языка // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков / Отв. ред. Э.Р. Тенишев, А.В. Дыбо. М.: Наука, 2006.

15. *Касевич В.Б.* Буддизм. Картина мира. Язык. СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1996.

16. *Кассирер Э.* Сила метафоры // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 33–43.

17. *Кацнельсон С.Д.* Семантика возможных миров и лексико-семантические законы // Филологические науки. 1992. № 2. С. 111–117.

18. *Кацнельсон С.Д.* Содержание слова, значение и обозначение. М., 2011.

19. Колишанский Г.В. Объективная картина мира в познании и языке. М., 1990.
20. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М., 2004.
21. Лобанова Л.П. Концепция языковой картины мира и ее истоки в трудах Вильгельма фон Гумбольдта. М.: ЛЕНАНД, 2015.
22. Морковкин В.В. Идеографические словари. М., 1970.
23. Пинкер С. Сущность мышления. Язык как окно в человеческую природу. М., 2013.
24. Плунгян В.А. Почему языки такие разные. Популярная лингвистика. М., 2012.
25. Постовалова В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Отв. ред. Б.А. Серебренников. М.: Наука, 1988. С. 8–69.
26. Руссо М.М. Неогумбольдтианская лингвистика и рамки «языковой картины мира» // Политическая лингвистика. 2014. № 1(47). С. 12–24.
27. Уорф Б. Отношение норм поведения и мышления к языку // Новое в лингвистике. Вып. 1. М.: Изд-во иностранной литературы, 1960.
28. Хусаинов К.Ш. Звукоизобразительность в казахском языке. Алма-Ата: Наука Казахской ССР, 1988. С. 128–161.
29. Цивьян Т.В. О лингвистических основах модели мира // Цивьян Т.В. Лингвистические основы балканской модели мира. М.: УРСС, 2005. С. 26–63.
30. Якобсон Р. В поисках сущности языка // Семиотика / Сост. Ю.С. Степанов. М.: Радуга, 1983.

ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСЫ

Энциклопедия Кругосвет: www.krugosvet.ru

Справочно-информационный портал ГРАМОТА.РУ: www.gramota.ru

8. Материально-техническое обеспечение дисциплины

Материально-техническое обеспечение дисциплины предполагает:

- доступ к Интернету во внеаудиторное время;
- доступность указанной литературы и словарей.

Программа составлена в соответствии с требованиями ОС МГУ по специальности «Филология».

Разработчик:

Оксана Анатольевна Волошина,
канд. филол. наук
доцент
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Oksana A. Voloshina,
PhD
Assistant Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
oxanav2005@mail.ru

События. Имена. Судьбы

Events. Names. Destiny

М.В. Михайлова (Москва, Россия)

Рядовой участник великих событий (по материалам семейного архива)¹

Аннотация: В работе приводятся документы из семейного архива профессора Марии Викторовны Михайловой – воспоминания ее бабушки Ксении Павловны Пышкиной, директора библиотеки Свердловского района г. Москвы (ныне Чеховка), которые рассказывают о детских и юношеских годах в г. Тифлисе, и о эпохе 1920–1930-х гг. Выдержки, посвященные этому последнему этапу, и составили основу настоящей публикации. Интересны они, несомненно, тем, что воссоздают уникальную атмосферу этого времени, рассказывают о ярких людях, деятелях культуры, с которыми довелось встречаться автору воспоминаний. Но главное – передают чувство тревоги и мучительных переживаний, связанных с атмосферой подозрительности и репрессий, которые буквально преследовали многих людей, хотя одновременно дают понять, что даже в этой страшной жизни были свои радости. Так вырисовывается пестрая лента времени, запечатленная приметливым свидетелем.

Ключевые слова: малая история, воспоминания, семейный архив, репрессии 1930-х годов, круг чтения советских людей, С.Д. Меркуров, А.Ф. Пышкин, К.П. Пышкина, экспедиция Нобеля

M.V. Mikhailova (Moscow, Russia)

An Attendee of Great Events: Insights into the Family Archive

Abstract: The article shares papers from the family archive of Prof. Maria Mikhailova, namely memoirs of her grandmother Ksenia Pavlovna Pyshkina, former head of the library at the Sverdlovsk district in Moscow (now Chekhovka), who talks about her childhood and adolescence in Georgia's Tiflis, and offers a commentary on the period between the 1920–1930-ies. The extracts from the memoirs discussing this last stage are of special interest as they recreate the unique atmosphere of this time through real life stories about outstanding people Ksenia Pyshkina had known. Most importantly, these papers convey a sense of anxiety and pain associated with the atmosphere of suspicion and repression which literally haunted many people at that time. Meanwhile, the reader

¹ Документ хранится у меня, Михайловой Марии Викторовны. Опубликовано: Literarus. Литературное слово. Хельсинки, 2016. № 2, 3, 4; 2017. № 3, 4.

should understand that even such a terror-stricken life was full of joy. And these memoirs are a good illustration of this.

Key words: a petit histoire, memories, memoirs, family archive, repressions of the 1930s, Soviet people's read, S.D. Merkurov, A.F. Pyshkin, K.P. Pyshkina, Nobel's expedition

Ксения Павловна Пышкина (1897–1981), моя бабушка, оставила после себя незавершенные воспоминания, охватывающие период с начала по 1930-х гг. Воспоминания не предназначались для печати и были ориентированы в основном на членов семьи, до которых она хотела донести неповторимые особенности эпохи. Для меня, но и объективно, она была незаурядной женщиной: одной из первых получила автомобильные права, стала первой женщиной-мотористкой в экспедиции Севстроя в Нарьян-Маре в 1930-х гг., работала в типографии Политуправления Тихоокеанского флота корректором и выпускающим редактором газеты «На боевой вахте», была директором сначала обычной библиотеки Свердловского района Москвы, благодаря ей позже получившей имя А.П. Чехова. Ей удалось передать духовную атмосферу 1920–1930-х гг., особенности мироощущения людей этого времени, ужас переживаемых репрессий.

Ксения Павловна Пышкина
(село Оксина на Печоре)

Она обладала поразительной памятью и сумела запомнить не только лица, описать характеры встреченных людей (тут можно почти любого мемуариста подловить на субъективности и разгоревшемся воображении, хотя фигуры КР – Великого князя Константина Романова, адъютанта Великого князя Георгия Михайловича Ф.В. Эшаппара, писателя Н. Гарина-Михайловского и даже доживающего свой век в Грузии дальнего родственника Наполеона встают как живые), но и запечатлеть фактуру, мелочи быта, которые можно найти только в справочных изданиях. Свидетельством этому уже опубликованная мною первая часть воспоминаний, где приводятся названия конфет, марки табака, который курили ее близкие, названия фирм, выпускающих духи и кремы, разнообразие блюд и фруктов, продававшихся на улочках старого Тифлиса, а именно там прошло ее детство и юность. Ее память сохранила массу мельчайших бытовых подробностей об обычаях Старого Тифлиса – вплоть до привычек местных жителей, способов отмечать праздники, особенностей взаимоотношений в военной среде (между офицерами и денщиками), круга чтения интеллигентной семьи, одежды жителей.

Но не менее интересна и вторая, неоконченная часть воспоминаний, посвященная уже 1920-м и 1930-м гг. И даже временами доведенная до начала 1950-х гг. К сожалению, она лишена той последовательности, которой отличается повествование о детских и отроческих годах. И этому есть объяснение: в 1937 г. был репрессирован ее муж, Алексей Федорович Пышкин (1883–1938), крупный инженер-путеец, строитель дорог Джульфа-Бакинская, Черноморской железной дороги от Туапсе до Сухума и на Дальнем Востоке, где служил уже помощником командира корпуса

по технической части при командире Особого корпуса Железнодорожных войск РККА Яне Лацисе, покончившем собой при начале чисток на Дальнем Востоке (а не умершем от разрыва сердца, как написано в Википедии), применительно к которому использованы эпитеты «милый, добрый, деликатный». Алексей Федорович также находился в Наркомате тяжелой промышленности под началом С.К. Орджоникидзе, о смерти которого с определенностью в семье говорили как о самоубийстве, а не естественной кончине...

Ксения Пышкина.
1920-е годы

Арест мужа стал незаживающей раной, которая кровоточила и 50 лет спустя. Ретроспективно вырывалось: «Лучше бы никогда не встретились.

Алексей Федорович Пышкин

По крайней мере, не теряла бы его!» Может быть, строки, посвященные мужу, – самые обжигающие в ее воспоминаниях. Лишенные какого-либо «художественного оформления», они говорят о том, чем наполнена была уже вроде бы устоявшаяся жизнь миллионов людей еще десятки лет после страшных годов. И даже в ее вроде бы нейтральные описания нет-нет да прорвется это состояние всеобщего ужаса, который овладевал людьми и почти вписался в их каждодневную жизнь. И вот спустя почти 45 лет она пишет: «Ужас, закравшийся в душу и почти убивший, никак не проходит окончательно. Потерять человека ужасно, но все сопряженное

с этим наносит такой урон, что окончательного излечения так и не наступает. Это как бы вырезанная часть тела – так глубоко, что не может зарубцеваться. Так и я все перебираю в памяти, но обхожу не только жизнь совместную, но даже и образ его. Если разбираю бумаги и попадается фото, то я его скорее закрываю, это как будто раскаленный кусок металла, буквально чувствую ожог, толчок в сердце и голову, и я уже в состоянии шока. Никогда ни с кем не говорю о нем: ведь внуки не знали, не видели, а зачем беречь душу Тани?» (это ее дочь, моя мать). Отсутствие многих документов она объясняет следующим образом: кроме одной книги о друге семьи, скульпторе С.Д. Меркурове, «у меня ничего не сохранилось. Да и мудро было сохранить, когда кругом все рушилось в 37 году, и я боялась иметь даже снимки сейсмических участков в Сочи и Туапсе. Люди исчезали со скоростью метеоров. Тут и академики дрожали, никто ничего не понимал». «Людей сажали целыми семьями, мебель конфисковали, детей отбирали, а маленьким даже меняли фамилии, отдавая в детдом, присваивали другие фамилии. Жила я в квартире с завдетдомом, и она мне это рассказывала. А потом, значительно позже, ко мне как-то в библиотеку пришел читатель, так у него в паспорте была просто запись: родился в Ленинграде. И он мне заявил, что у него другая фамилия, но он рос в детдоме, и год рождения указан: “до войны за 3–4 года”». «Гибли миллионы – и извозчики, и генералы, академики и лакеи, доктора и попы. Все летело ко всем чертям. И с 1939 года я уже не видела счастья в обычном понимании. Только <...> война несколько сглаживала горе, т.к. (так в тексте???) кругом было столько бедствий и ужасов, что просто отупели все от страха и тревоги. Ходила искать Леню, но никто ничего не говорил. Иду, а ноги подкашиваются. Протягиваю в окно, а мне в ответ: “По статье враг народ” – так и тянула эту лямку». Она все время корит себя, что отпустила мужа по вызову обратно на Дальний Восток, но потом как

бы осознает, что вряд ли его что-то могло спасти: «<...> если бы его не вызвали во Владивосток, возможно, он остался бы жив. Но вряд ли. Ведь к началу войны в Красной Армии весь комсостав почти был уничтожен. Остались командиры лишь с семилетним образованием. Да, это было очень страшно!» Или, говоря о своей внешности, признается: «Меня потом очень состарила гибель мужа. Если бы не это горе, я бы долго оставалась молодой».

Конечно, можно заподозрить, что потеря обостряет в памяти все хорошее, затеняя мрачное. Но о многом говорит следующая запись, свидетельствующая об общности интересов и доверительности отношений: «Всякий раз, когда он ездил в командировку, то всегда привозил что-либо удивительное. Другие мужья везут туфли, платья, всякую дребедень. Но это неинтересно мне было. Я все имела и этим не дорожила. Леня же везет то дикого кота (камышовый дикий котенок, но жил у нас недолго, т.к. Ростя (брат Ксении Павловны. – М.М.) напоил его цельным молоком, и он сдох от заворота кишок), то дикого кабанчика, полосатого маленького поросенка, чудно прижился, бегал по квартире, прыгал на диван, кресло, лез на руки. Но Леня о нем рассказал Кирову, и Сергей Миронович так им заинтересовался, что Леня его ему подарил. То привезет джейрана, то турача (дикая азербайджанская курочка, оперение черное с желтым, все мясо белое–белое, но теперь их всех перевели), то какую-либо чудную вещицу. Так, однажды привез иглу дикобраза. Как это все было прекрасно! И цветов привозил горы! Во Владивостоке азалии желтые, пунцовые, кусок пробкового дуба, ветку дикого винограда. И всегда если не вместе едем, то он, что ни увидит интересное, рвется привезти мне. И получается, что вместе переживаем радость нового и неизведанного. Помню, привез черепаху в Туапсе. Во Владивостоке – морскую звезду, морского конька. А возил меня куда только мог. И я всегда узнавала что-либо новое, изучала явления природы, а на стройках что-либо если не увижу, то услышу.

Так, например, я многое узнала о строительстве, даже нормы мне были интересны. Ведь раньше не было почти техники, все работали очень тяжело, всё делалось вручную. Например, я узнала, что земляные работы все еще ведутся по старинке, что до революции лучшими землекопами были юхновцы – норма их 8 кубических метров, что было в 2 раза больше остальных по всей Руси. А на Печоре лед почти 3 метра, что буровые работы еще ведутся вручную, что вечная мерзлота у нас под ногами на глубине 15–20 см». Прочтя такое, можно себе представить, сколь одиноким чувствовал себя человек, лишившись такого друга и собеседника... Именно лирический план этой части воспоминаний придает им особое своеобразие: они перестают быть только информативными и ценными фактической и исторической составляющей. Однако и нейтральная информация становится многоговорящей. Например, при рассказе об экспедиции, организованной за Полярный круг для исследования районов вечной мерзлоты, мимоходом упоминается, что костяк экспедиции составляли инженеры – «все высланные». Приводятся имена сослуживцев: Маломерков был выслан на 5 лет. Он «в период НЭПа ремонтировал вагонные тележки, имел мастерскую, а потом все отобрали, судили и дали этот срок». Также был сослан и другой инженер – Денисов. «А рабочие были или вольнонаемные, или подкулачники. Их давали из ГПУ, которому платили за каждого 20 руб. в месяц. А что рабочим – не знаю. Что такое подкулачники? Кулак – ясно. Но подкулачник? Не понимаю, как их отбирали... Но в большинстве это были несчастные, обездоленные, порядочные люди».

Вторая часть воспоминаний не обладает хронологической последовательностью. Память пишущего выхватывает из прошлого отдельные эпизоды, лица людей. Поэтому текст распадается на блоки. Из них особенно важными являются пребывание на строительстве Черноморской железной дороги в 1925, в экспедиции за Полярным кругом в Печорском крае в начале 1930-х и на Дальнем Востоке, куда семья отправилась в 1932 г. после Печоры. Также можно выделить эпизоды, касающиеся случайных встреч с выдающимися людьми: Тухачевского бабушка видела покупающим белый рояль в магазине в Столешниковом переулке, Сталина – выходящим из вагона: «Он приехал к себе на дачу. И в Сочи переходил из поезда в поезд. Я очень удивилась, увидев на нем черную накидку, которую носили еще до революции. Лица не видела, он быстро прошел метрах в 8–10 от меня из вагона на одном пути в другой на другом пути. Тогда еще не было ни большого вокзала, ни морского. Ни асфальта. Ни авто». У медика Мирона Соломоновича Вовси (двоюродного брата Соломона Михоэлса) она замечает над столом рисунки артиста МХАТа Бориса Ливанова, в Сухуми проживает в гостинице на одном этаже с Буденным и его женой.

С кем-то судьба сводила на более длительный срок: во время отдыха в Гаграх их навестил известный психиатр и психоаналитик Юрий Владимирович Каннабих, там же у них гостил «профессор Райский, что преподавал Лемешеву, со своей женой, дочерью Зимина, владельца театра (филиал Большого)», с которыми возникла длительная дружба: «...когда мы в 1929 г. приехали в Москву, а они жили в Консерватории (тогда там был кинотеатр “Гигант”), мы, пользуясь их отношением, чуть ли не ежедневно бывали в кино. И никогда мы так часто не бывали в кино, как в период особенной дружбы с Райскими. Но тогда они уже переживали затруднения: почему-то занимали помещение на середине лестницы, где сейчас дамская комната. Однако это было 1–2 комнаты». Очень интересна запись, касающаяся личности Гаджи Касумова, заместителя председателя Высшего Экономического совета АССР и члена Совнаркома (это современные сведения о нем из Интернета; к сожалению, большего установить не удалось), приехавшего в Туапсе с женой, как выяснилось, наркоманкой. Причем для людей, незнакомых с признаками такого рода мании, это открывалось постепенно и в итоге привело к крайнему замешательству. С Сергеем Яковлевичем Багдатыевым, видным партийным деятелем, играли в шахматы, а с Сергеем Мироновичем Кировым сблизилась во время его пребывания на Кавказе на почве охоты...

В плане встреч с выдающимися людьми особенно интересен и показателен блок, связанный с крупнейшим скульптором-монументалистом Сергеем Дмитриевичем Меркуровым (1881–1952), ближайшим другом моего деда, с которым они вместе учились в реальном училище в Тифлисе, но еще и масоном, и двоюродным братом оккультиста и мистика Георгия Гурджиева. При разговоре об этом человеке поневоле возникает мысль о теории шести рукопожатий, согласно которой любые два человека на Земле разделены не более чем пятью уровнями общих знакомых (и, соответственно, шестью уровнями связей). Но благодаря дружбе Меркурова с моими предками я оказалась в самой непосредственной близости с Л. Толстым, к которому скульптор был приглашен сделать посмертную маску. И тогда же ему в голову пришла идея делать слепки рук вместе с посмертными масками. Маска Л. Толстого считается одной из лучших в его наследии. «Первое, что привлекло мое внимание: полуоткрытый правый глаз и густая, сердито поднятая бровь. Суровое, нахмуренное лицо...» – делился скульптор впечатлениями об умершем писателе. Искусствоведы отмечают, что от созерцания маски Толстого «бросает в трепет. Кажется,

вот-вот откроются эти навеки сомкнутые уста». Ему посвящено немало страниц в воспоминаниях благодаря тому, что он, один из немногих, не побоялся продолжить общение с женой врага народа, на что требовалось немало мужества, ибо есть в воспоминаниях и такие строки: многие не только «отворачивались, но и говорили дерзости. Помню, жена художника Корецкого встретила меня и Таню в дверях метро Площадь Революции да так шарахнулась, что чуть не упала. Я даже поддержала ее. И еще сын проводницы нашего вагона-салона встретил меня с Таней в Туапсе (в 1938?) и наговорил кучу оскорблений. Еще наш шофер Владивостокский Попов на мою телеграмму ответил какой-то гадостью. А вот порученец мужа Нечаев в 42–43 году разыскал нас в Москве, пришел на работу, все рассказал, что знал, а жена его ответила на телеграмму довольно подробно и откровенно. Словом, каждый случившемуся давал свою оценку». То есть надо понимать, что катастрофически таял в эти годы круг друзей, человек подвергался остракизму, с ним переставали общаться, как с зачумленным...

Возвращаясь к Меркурову, надо сказать, что бабушка запечатлевает его поведение и в быту, и в моменты творческого вдохновения, что создает в итоге многомерный характер могучего, яростного во всех проявлениях человека, внешность которого впечатляла: «был высокий, плотный брюнет, крепкого телосложения, огромные ноги (жена говорила, что носит 45 размер) с правильными чертами лица (грек) (на самом деле, греко-армянского происхождения. – М.М.), карие глаза. Жена – красавица, Аста Григорьевна: никакой видимой косметики, прекрасно одевалась, изысканно, всегда со вкусом».

Их знакомство состоялось в 1923 г. в Баку. Что запомнилось? «Сергей Дмитриевич был весьма несдержан на язык и в выражениях не стеснялся. Помню, что уже во время Великой Отечественной войны как-то приехала к ним (уже было метро). За столом сидит Дима (внук), а Сергей Дмитриевич ходит огромными шагами по залу. Дима ест борщ, я села, но от еды отказалась. Тогда уже у них около стола обеденного стояла электрическая плита, и на ней грелось что-то. Около огромного стола с двух сторон стояли простые лавки. Это испокон веку было так. Дима молча ест, а Сергей Дмитриевич кричит: “Ах ты, г...о собачье, я тебе покажу – участковый. Да, знаешь ли ты, что такое участковый? Да как ты смеешь, г...о ты собачье, даже думать об этом? Я тебе покажу – участковый тоже нашелся...” Оказывается, пришел их участковый и предложил Диме (ему было лет 17–18) пойти в милицию работать участковым. Это буквально взорвало Меркурова. Но Дима сидел молча и сосредоточенно, с аппетитом ел. И вся эта ругань и крики как бы не касались его, и никто в комнате как бы ничего не замечал. Я одна была в ужасе...» Надо заметить, что такое презрительное отношение к органам проявлял скульптор, сделавший и посмертную маску Ленина и создавший самые большие скульптуры Ленина и Сталина в мире! «Еще в Баку я заметила, что Сергей Дмитриевич весьма вольно обращается со словами. Как-то проходили мы по Парапету (садик в центре Баку), и около киоска с водой мы приостановились, чтобы выпить воды – «нарзан» или «боржом». Но продавец, у которого были лишь Ессентуки № 4 вдруг сказал: «Пейте Ессентуки № 4, женский половой аппарат очень помогает». Эта фраза привела Сергея Дмитриевича просто в дикий восторг, он переспросил его и, услышав еще раз, несколько раз повторил фразу. И потом всякий раз, как только встречался с нами, без конца ее варьировал».

В Баку он приехал «выбирать место для скульптуры “Двадцати шести бакинским комиссарам” (монументальная композиция, снесенная в 1990-е гг. – М.М.).

Мы все вместе ходили выбирать место для этого памятника. Пришли на Петровскую площадь. Меркуров все ходил в конце площади и примерялся ко всем концам, видимо, представляя ту картину, которая рождалась в его воображении». «<...> Он при встрече со мной весьма охотно вел в свою мастерскую и очень подробно рассказывал о своей работе. Я теперь вспоминаю, что очень интересовалась его работами и считала его очень талантливым и интересным человеком. Когда он учился в реальном, то Леня мне рассказывал, что Сережа ему делал рисунки в альбом, а Леня ему решал задачи». Творил он в большом деревянном двухэтажном срубе, подаренном ему Лениным, где внизу помещались «метров 50 столовая-гостиная, спальня, кабинет, огромная комната с масками: Маяковского, Клары Цеткин, Горького и др.». «Много было у него надгробий. И вообще после него я не встречала в жизни ни одного столь образованного скульптора, я бы сказала, масштабного. Он был учеником Родена. У него была чудесная библиотека, редкие книги, он сам прекрасно писал. Помню, как-то, будучи в ударе, он мне и Лене читал свои рассказы. Тут были и автобиографические, разные по форме, и рассказы лирические, написанные с огромным чувством и фантазией. Был трогательный рассказ об отце, об Алагезе (гора в Армении).

Теперь я вспоминаю мои с ним отношения и удивляюсь тому, как много он мне всегда рассказывал о своей работе, показывал работы, делился планами. А работы показывал в период, когда они еще не были завершены. Например, Икар – надгробие, где урна и две руки, маска Горького, только что снятая. Меня тогда удивило, что в гипсе застряло огромное количество волос из усов. Наверное, его умиляло мое отношение к его работе. Я всегда откровенно говорила о ней, и он всегда дарил мне снимки со своих скульптур».

Благодаря Меркурову состоялись знакомства с интереснейшими людьми: пианисткой Розой Тамаркиной и балериной Мариной Семеновой, которые были гражданскими женами сына Меркурова Георгия. Об игре Тамаркиной бабушка всегда вспоминала с восхищением, хотя упоминала, что «рояль у них был неважный». Между делом дается и характеристика членов семьи – жены Асты Григорьевны, сына Георгия. «Семья весьма оригинальная, всегда много народа. Каждого, кто приходил, сначала за стол – кормить. В 1933 держали коров и имели чудный сад: малину подавали целыми огромными блюдами, со сливками».

Более-менее подробно удалось восстановить события на Дальнем Востоке. Здесь особенно примечательны зарисовки китайско-корейского быта, которые воспринимаются невероятно экзотично. Не менее поразительно выглядит и описание быта старообрядцев на Севере России, в районе Печоры, в селе Оксина. Подробно перечислена утварь, хозяйство, вид построек, обычаи, то, чем питались (прокисшая рыба, отсутствие отхожих мест, сырые почки и горячая кровь убитых оленей). Подробно зафиксированы сборы экспедиции для исследования района вечной мерзлоты (покупка ружей фирмы Льеж, предназначавшийся запас продуктов, приобретение полушубков). Важно и описание природного (теперь уже безвозвратно утраченного) ландшафта Черноморского побережья, красот сочинских парков и вилл. Точно воспроизведен распорядок дней, привычки, особенности времяпрепровождения среднестатистической интеллигентной семьи. Так, в праздник Октября на балконе в селе Оксина вывесили большую красную звезду и устроили иллюминацию, произошло знакомство с телевидением: «Экран размером с открытку. Изображение блеклое. Но он смотрел ежедневно. Показывал какую-то танцующую женщину в довольно длинном платье, не очень подвижный

танец (это я помню отлично, и она не была балериной). Во всяком случае, сам факт телепередачи был потрясающим, а вот изображение не произвело на меня такого впечатления...»

В 1920-е гг. еще изредка воспроизводились бытовые ритуалы прежнего времени. Так, свадьбу бабушкиного брата в 1924 г. «устроили как до революции: Ксения в белом платье, фата, флер д'оранж, золотой в туфельку, шафера и пр.». И еще было итальянское шампанское (дрянь, как выразилась автор воспоминаний). Надо сказать, что, как свойственно женщине, бабушка запомнила и фасоны платьев, и цветовую гамму одежды («у меня была каракулевая шубка на белке и соболий палантин из 24 шкур. Но платье я имела всегда лишь одно»; после Печоры «я очень хорошо оделась: белая шерстяная юбка, блузка с кружевами филе, красный суконный жакет на белой шелковой подкладке, венецианские бусы, берет белый из Торгсина (следовательно, западный) и хорошие туфли – кремовые, испанские чулки шелковые. Лучше не придумать» и т. п.). Но точность в воспроизведении одежды продиктована не только «женским», но и обстоятельствами: так, вспоминая о покупке в Торгсине синего кожаного пальто, она добавляет: «В войну оно меня с пледом спасло. Носила на работу в библиотеку». Вообще отношение к вещам во многом определялось скудостью существования. Поэтому помнили буквально каждую вещь – и сколько стоило. И как выглядела. Показательна следующая запись: «Наш сервант оказался неудачным, с червячком, и мы его вернули и взяли другой, за 800 руб., чудный, мореного дуба, с зеркалом, и большой трехстворчатый шкаф с хрустальными стеклами. Но все это потом пошло за гроши» (имеется в виду ситуация 1930-х гг., когда приходилось «заметать следы»).

Значительная часть времени в семье отводилась чтению. Вот характерное признание: «Мы в Туапсе много читали. Была там жена инженера, и ей кто-то из Ленинграда присылал книги для прочтения и брали по 10–20 коп. за книгу. Точно не помню. Но книги все были новинки. По большей части переводные. Словом, в полном смысле слова – сливки! Я наслаждалась». Книги играли столь значительную роль, что судьбоносные, можно сказать, решения принимались под их воздействием: «Сколько книг прочитала! Джек Лондон! Все это и жизнь мою по-другому направило. Всегда мы любили рассматривать карты, особенно часто у нас на стол клали огромную карту с железными дорогами. И масштаб был удобный. И мы с Леней буквально разглядывали сантиметр за сантиметром и все выбирали, куда нам поехать. Никогда не цеплялись за Москву, тянуло попутешествовать... После Баку поехали на Черноморское побережье, потом в Москву, где не получили квартиру, но, промучившись год у одной противной бабы, жили в доме со всеми кремлевскими профессорами, а потом, пересмотрев все на карте, перечитав Лондона, – двинулись на Печору». Она уточняет еще раз: «<...> особенно повлиял Джек Лондон, <...> я купила полное собрание его сочинений, тогда еще не все вышло, и его биография была неполной. Но все рассказы мы уже перечитали по несколько раз». Думается, что эти слова хорошо передают романтическую настроенность людей 1930-х гг., которых мог позвать в дальнюю дорогу Джек Лондон. Но романтика имела и научную подоплеку: «Север вошел в нашу жизнь задолго до поездки. Много читали о Чукотке, помню – была очень интересная книга Лебедева о чукчах. Когда в 1928 г. Багдатов, а еще и проф. Отто Юльевич Шмидт Лене рассказывали о Севере, то мы уже были заражены и северным сиянием, и морозами, и оленями». А перед поездкой внимательно была изучена и история Печоры от новгородца XI века Гюрата Роговича до возникновения в на-

чале XIX столетия населенных пунктов Шельягор и др.» (хочу заметить, что всю историю бабушка излагает по памяти, без подручных средств и, конечно же, без компьютера в 80 лет! – М.М.).

Сохранившееся документальное свидетельство из семейного архива говорит о необычайно насыщенной жизни автора. Многие, как уже говорилось вначале, окрашены в трагические тона. И все же не могу не привести один отрывок, пронизанный ощущением счастья. «Самый счастливый период моей жизни – это когда мы жили на 4-й Мещанской», – ответил на вопрос о счастливых годах ее муж. «Вот такого ответа я никак не могла предположить», – последовал ее комментарий. Но далее идет размышление, в котором и заключается скромный набор «компонентов» счастья: «Два окна выходили прямо на Сухаревскую башню, где располагался кинотеатр “Форум”. Тогда рядом с кино был рынок. Там мы прожили где-то полгода, и Леня не работал. <...>, не нуждались, много читали, много гуляли, ходили в кино, словом, ничего не довлекло, и перспективы были интересные. Была свободная жизнь. Никаких омрачающих ситуаций, никто не звонил, не вызывал, жили по своему семейному расписанию. Свобода была во всем, всегда вместе, всей семьей. И ничто не волновало. Только полет дирижабля “Италия” и возмущение гибелью Нобиля, Мальгрема, а также следили за полетами наших – Чухновского и др.»

Как видим, окрашенные эмоционально, страницы написанных уже старой женщиной воспоминаний доказывают неоспоримую ценность личных свидетельств, формирующих подлинную картину большой истории, складывающуюся из малых ручейков подлинных фактов.

Сведения об авторе:

Мария Викторовна Михайлова,
доктор филол. наук
профессор
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Maria V. Mikhailova,
Doctor of Philology
Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University

mary1701@mail.ru

Библиографии

Bibliography

**Аннотированная библиография работ чешских и словацких русистов.
Дополнение: 2000–2015 гг.¹**

**Annotated Bibliography of Works of Czech and Slovak Rusists.
Supplement: 2000–2015**

Dohnal J. a kol. Revitalizace hodnot: Umění a literatura I, II. Brno: Tribun Evropské Unie. I. 2013. 544 s.; II. 2015. 724 s.

Коллективная монография славистов и русистов из Чехии, Словакии, России, Польши, Болгарии и др. Возрождение ценностей в искусстве и литературе. В том числе на материале русской литературы XI–XX вв.

Dudinská I. Vladimír Solovjov a filozofia všejednoty. Prešov: Prešovská univerzita, 2005. 139 s. Монография. Владимир Соловьев и философия всеобщности и всеединства.

Grominová A. Systém obraznosti a umelecký model sveta v lyrike F.I. Tútčeva a A.A. Feta. Trnava: Univerzita sv. Cyrila a Metoda, 2015. 137 s.

Монография. Лирика Ф.И. Тютчева и А.А. Фета. Сходство и различие образных систем и поэтической модели мира, концепции времени. Рецепция Чехии и Словакии.

Jelínek I., Vorel J. a kol. Současná ruská a polská zpívaná poezie. Ostrava: Ostravská univerzita, 2015. 488 s.

Коллективная монография чешских и польских авторов. Современная русская и польская песенная поэзия: рок-поэзия и авторская песня. Интервью с исполнителями, специалистами в области этого жанра, артистами и режиссерами спектаклей с положенными на музыку поэтическими текстами.

Kupková I. Preklad ako boj so zmyslami. Prešov: Prešovská univerzita, 2010. 164 s.

Монография. Лингвистические аспекты перевода литературы русского авангарда на словацкий язык (на материале произведений Д. Хармса, А. Введенского и В. Казакова).

Makara S., Kysel'ová N. Výhonky triadickosti: Vchody romantického. Banská Bystrica: Univerzita Mateja Bela, 2002. 103 s.

Коллективная монография. Романтизм как доминантное явление в славянских литературах конца XVIII – начала XIX в. в его истоках и межславянских параллелях. Взаимодействие с реализмом, предвосхищение декаданса. В том числе на материале русской словесности («Слово о полку Игореве», Н.М. Карамзин, В.Ф. Одоевский, А.С. Пушкин и др.).

Opalková J. Preklad ako mediácia interkultúrnej komunikácie I. Prešov: Prešovská univerzita, 2006. 93 s.

Монография на словацком языке посвящена анализу перевода романа А. Солженицына «Один день Ивана Денисовича».

Sipko J. Teoretické a sociálno-komunikačné východiská lingvokultúrológie. Prešov: Prešovská univerzita. 2011. 320 s.

Монография. Лингвокультурология как новая филологическая дисциплина. На основе конкретных примеров из российских и словацких СМИ анализ понятий концепта и концептосферы, прецедентные феномены, этнокультурные метафоры, выражение этнокультурных ценностей и др.

Červeňák A., Pospíšil I. a kol. Slovanský romantizmus – v európskych súvislostiach. Banská Bystrica: Univerzita Mateja Bela, 2006. 175 s.

¹ См.: Злочевская А.В. Изучение русской литературы в Чехии и Словакии в 1990–2005 гг.: Аннотированная библиография // Stephanos. 2014. № 5(7). С. 135–150; Злочевская А.В. Изучение русской литературы в Чехии и Словакии (2006–2015 гг.): Аннотированная библиография // Stephanos. 2018. № 1(27). С. 264–273.

Сборник материалов международной конференции с участием ученых из Словакии, Чехии, России и др. Славянский романтизм в европейском литературном контексте. В том числе на материале русской литературы.

Valcerová A. Text ako inšpirácia. Prešov: Prešovská univerzita, 2000. 122 s.

Монография. Проблемы перевода: текст как источник вдохновения. В том числе на материале переводов русской литературы.

Valcerová A. V labyrinte vzťahov. Prešov: Prešovská univerzita, 2000. 104 s.

Монография. Роль перевода в межлитературных связях. В том числе на материале переводов русской литературы.

Vorel J. Od dekadence k teurgii. Esteticko-filozofická hľadání české a ruské literatury přelomu 19. a 20. století. Ostrava: Ostravská univerzita, 2012. 2012. 380 s.

Монография. Русская и чешская литература рубежа XIX–XX вв.: общность эстетико-философских исканий, движение от декаданса к высокому символизму. Искусство как теургии в творчестве Вл. Соловьева.

Автор-составитель:

Алла Владимировна Злочевская,
доктор филол. наук
ст. научный сотрудник
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Alla V. Zlochevskaya,
Doctor of Philology
Senior Researcher
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
zlocevskaya@mail.ru

Научная жизнь

Academic Life

Е. Стерьепулу, Т. Борисова (Афины, Греция)

Международная научная конференция «Русская литература и ее взаимосвязь с другими национальными литературами Европы» в Афинском национальном университете им. И. Каподистрии

H. Stergiopoulou, T. Borisova (Athens, Greece)

International Research Conference “Russian Literature and Its Relationship with Other National Literature in Europe” in the National and Kapodistrian University of Athens

В Афинах 22–23 февраля 2018 г. состоялась международная научная конференция «Русская литература и ее взаимосвязь с другими национальными литературами Европы», организованная факультетом русской филологии и славяноведения Афинского национального университета им. И. Каподистрии, возглавляемым профессором Еленой Стерьепулу. Конференция прошла под эгидой президента Греции Прокописа Павлопулоса. Участниками данного научного форума стали более пятидесяти ученых-филологов из двенадцати стран: Армении, Бельгии, Болгарии, Великобритании, Греции, Италии, Литвы, России, Сербии, США, Украины и Франции. Особенно широко были представлены на конференции Греция и Россия специалистами из ведущих вузов Афин (Афинский национальный университет им. И. Каподистрии, Греческий открытый университет, Военное училище Эвэлпидов), других городов Греции (Фракийский университет им. Демокрита, Университет им. Аристотеля в Салониках) и разных городов России (Московский государственный университет, Московский педагогический государственный университет, Санкт-Петербургский государственный университет, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, Южный федеральный университет). Самая крупная делегация представляла филологический факультет МГУ. В ее число входили не только преподаватели (заведующая кафедрой славянской филологии профессор Наталья Евгеньевна Ананьева, профессор Алла Геннадьевна Шешкен и доцент Ольга Михайловна Савельева), но и аспиранты и студенты (Анетта Багаева и Ростислав Ярцев). На открытии и заседаниях конференции присутствовали атташе по культуре Посольства Болгарии в Греции Пантелей Стасов, представители посольств Польши, Сербии и Украины.

Год проведения конференции совпал с двумя юбилейными датами: 180-летием со дня основания Афинского национального университета и первым десятилет-

ним юбилеем молодого факультета русской филологии и славяноведения. В ответственных словах, прозвучавших на торжественном открытии конференции, состоявшемся 22 февраля в главном зале Центрального здания университета, проректор Наполеон Маравегас и директор Института философии Афинского университета Елени Карамолегу отметили ведущую роль факультета в укреплении научных и культурных связей между Грецией и Россией, в распространении русского языка и культуры в Греции. В своем выступлении декан факультета Елени Стерьепулу кратко рассказала об основных достижениях факультета за прошедшие десять лет, подчеркнув, что они пришлись на самый трудный для экономики страны и высшего образования период. Несмотря на это факультет может с гордостью констатировать, что ему удалось не только укрепить свои позиции в сфере греческого университетского образования, но и добиться международного признания. Об этом свидетельствует, в частности, успешное сотрудничество факультета с ведущими вузами России, Болгарии, Польши, Украины, Белоруссии, Словакии, Грузии, Германии, Армении и Азербайджана, а также с Фондом Александра Солженицина и Благотворительным фондом Ивана Саввидиса, участие в международных программах Erasmus Mundus, Hermes, проведение международных научных и студенческих конференций и т. д.

На состоявшемся после открытия конференции пленарном заседании прозвучали три выступления филологов-неоэллинистов, профессоров Элени Политу-Мармарину, Эразмии Луизы Ставропулу и Ставроулы Цупру, посвященные влиянию трех великих русских писателей XIX в.: Л. Толстого, Ф. Достоевского и А. Чехова – на греческую литературу конца XIX – начала XX в., в частности на творчество Александроса Пападиамандиса, Янниса Бератиса и Тасоса Афанасиадиса. Первый день работы конференции завершился мини-спектаклем студенческого театра. Вниманию участников конференции была представлена одноактная пьеса А. Блока «Балаганчик» в греческом переводе преподавателя факультета Афанасиоса Нациса.

23 февраля работа конференции была продолжена в двух секциях, посвященных влиянию русской литературы на другие европейские литературы и европейскому влиянию на русскую литературу соответственно. На четырех заседаниях, прошедших в каждой из секций, было заслушано 46 выступлений, в совокупности охватывающих всю многовековую историю русской литературы от ее истоков до современной эпохи и выявляющих различные аспекты ее взаимовлияний с другими европейскими литературами: греческой, немецкой, французской, итальянской, английской, польской, болгарской, сербской и др. Особое внимание было уделено роли писателей-гигантов русской литературы – Ф. Достоевского и А. Чехова – в формировании новой европейской ментальности, а также западно-европейскому культурному контексту в произведениях писателей Серебряного века. Подробно было освещено влияние античной греческой и византийской культуры на русскую литературную традицию, во многих выступлениях были подчеркнуты и проанализированы глубокие духовные и культурные узы, связывающие наши народы. Интерес вызвали и доклады, посвященные греческо-русским культурным связям в XIX–XX вв. (о влиянии Ф. Достоевского на творчество Пападиамандиса, о путешествиях Н. Казандзакиса в послереволюционную Россию и русских художников Л. Бакста и В. Серова в Грецию, о Греции в творчестве Марины Цветаевой). В ряде выступлений говорилось о взаимовлияниях русской литературы и литератур других славянских народов (о влиянии русской поэзии на южнославянскую систему стихосложения, о польском интертексте в русской литературе XIX–

XX вв. и др.), было прослежено, как изменялось на протяжении XVIII–XXI вв. отношение к русской литературе, а также образ России в сознании и культуре других славянских народов. Особо хотелось бы отметить доклады, посвященные переводам русских писателей на другие европейские языки, об их творческой интерпретации в культуре других народов (в частности, о постановке пьес А. Чехова выдающимся греческим режиссером Яннисом Хувардасом). Наконец, о влиянии русской литературы за границами европейского континента говорилось в докладе, посвященном воздействию творчества Владимира Маяковского на турецкого поэта Назыма Хикмета.

Подводя итоги конференции, декан факультета русской филологии и славистики Елена Стергьёпулу подчеркнула особую роль литературы для понимания национального самосознания народа и для успешного межкультурного диалога. Не подлежит сомнению, что данная конференция, на которой прозвучало много интересных и оригинальных выступлений и прошли плодотворные дискуссии и обмены мнениями, знаменует новый этап в развитии сопоставительного литературоведения и будет способствовать дальнейшему изучению связей русской литературы с другими литературами Европы. С радостью и гордостью можно констатировать огромный интерес к русской литературе в греческом обществе, о чем свидетельствовали постоянно заполненные залы конференции. Особенно отрадно для всех участников было активное участие в работе конференции студентов факультета русской филологии и славяноведения, их помощь в организации мероприятия, присутствие на заседаниях и заинтересованные вопросы. Оргкомитет и участники конференции выразили надежду, что данное событие положит начало периодически проводимым конференциям по сравнительному литературоведению и будет способствовать укреплению научных контактов между специалистами-филологами европейских стран.

Сведения об авторах:

Елена Стергьёпулу, доктор филол. наук, профессор декан факультет русской филологии и славяноведения Афинский национальный университет им. И. Каподистрии	Helen Stergiopoulou, Doctor of Philology, Professor Dean Faculty of Russian Philology and Slavic Studies National and Kapodistrian University of Athens
Татьяна Борисова, канд. филол. наук научный сотрудник факультет русской филологии и славяноведения Афинский национальный университет им. И. Каподистрии	Tatiana Borisova, PhD Research Associate Faculty of Russian Philology and Slavic Studies National and Kapodistrian University of Athens tatianaborissova@gmail.com

Заметки. Впечатления

Notes. Impressions

Е.И. Головина (Москва, Россия)

**«Противостоящий берег», или Трудности перевода:
Параллельная программа 7-й Московской биеннале современного искусства**

Аннотация: В статье описывается и анализируется выставка, входящая в состав Параллельной программы 7-й Московской биеннале современного искусства, под названием «Противостоящий берег», которая посвящена проблемам физических границ. Фокус исследования направлен на проблему концептуального соответствия каждого отдельного экспоната с заданной тематикой выставки. Вследствие того, что выставка экспонировалась на двух демонстрационных площадках: ЦТИ «Фабрика» и Новое пространство Театра наций, также стояла задача проследить взаимосвязи между данными частями выставки. В ходе последовательного анализа выявляются способы воплощения художественных идей, основные сюжетные мотивы произведений, а также раскрывается эстетический аспект содержания проекта. Дополнительно рассматриваются особенности современного экспонирования мультимедийных, скульптурных, фотографических проектов и инсталляций и некоторые тенденции развития современного искусства. В заключение делается общий вывод о состоятельности выставки «Противостоящий берег» с точки зрения смысловых художественных посылов.

Ключевые слова: Противостоящий берег, 7-я Московская биеннале современного искусства, современное искусство, экспозиция, выставка

E.I. Golovina (Moscow, Russia)

**“The Opposing Shore” or Difficulties of Translation:
Parallel Program of the 7th Moscow Biennale of Contemporary Art**

Abstract: This article describes and analyzes the exhibition, a part of the parallel program of the 7th Moscow Biennale of contemporary art, which is called “The Opposing Shore”. It is dedicated to the problem of physical borders. The focus of the research aims at the problem of conceptual accordance of every single showpiece with the given theme of the exhibition. Owing to the fact that the exhibition was held at two demonstration platforms – CCI Fabrika and New Space Theatre of Nations, there was a goal to see an interconnection between the given parts of the exhibition. Methods of the embodiment of artistic ideas, general plot motives of the compositions are revealed during the consecutive analysis as well as the aesthetic aspect of the project’s content. In addition, the

features of modern exhibition of multimedia, sculpture, photo projects and installations and also some development trends of modern art are examined. In conclusion, the general illation is made about the consistency of the exhibition “The Opposing Shore” from the point of view of semantic artistic messages.

Key words: The Opposing Shore, the 7th Moscow Biennale of contemporary art, modern art, exposition, exhibit

В ЦТИ «Фабрика» и в Новом пространстве Театра Наций в рамках параллельной программы 7-й Московской международной биеннале современного искусства прошла выставка «Противостоящий берег», выразившая творческие искания художников Вансана Вуала, Мари Вуанье, Реми Дюпра, Никиты Кадан, Шанталь Пеньялоса и многих других посредством скульптуры, фотографии, коллажа, инсталляции, кино и видео.

Для того чтобы разобраться в сущности генезиса Параллельной программы, необходимо обратиться к истории возникновения Московской биеннале современного искусства как таковой. Впервые идея данного формата выставки современного искусства была реализована в 2005 г., с тех пор культурное мероприятие канонично организовывалось каждые два года, исключением не стал и 2017; единственным отличием от предыдущих биеннале явилась продолжительность – выставка проходила в течение четырех месяцев с 19 сентября 2017 по 18 января 2018 г.

Процесс организации биеннале выглядит следующим образом: кураторской группой выбирается тема *Основной программы*, которая впоследствии находит выражение в различных художественных, скульптурных, инсталляционных и кинематографических проектах художников. Демонстрация данного творческого конгломерата осуществляется в одном из крупных выставочных пространств Москвы. Кроме *Основной программы*, существует программа *Параллельная*, тематика которой может вообще не совпадать с тематикой *Основной программы*. *Параллельная программа* задействует несколько демонстрационных площадок, где также экспонируются произведения современного искусства.

Тема 7-й Московской биеннале «Заоблачные леса» (куратором Биеннале выступила Юко Хасэгава, арт-директор Токийского музея современного искусства) раскрывает проблемы взаимоотношений индивидуумов в современном мире, где коммуникативное взаимодействие все чаще осуществляется при помощи различных средств технического прогресса, будь то социальные сети или облачные сервисы. Помимо этого художники исследовали влияние новых технологий на природные процессы.

В Параллельную же программу вошли 73 выставки, одной из которых стала экспозиция «Противостоящий берег», позаимствовавшая название опубликованного в 1951 г. романа французского писателя Жюльена Грака. В основе романа история молодого аристократа Альдо, отправившегося служить наблюдателем на пограничную крепость государства Орсенна. Прибыв на место службы, герой находит расположенную на береговой линии и защищающую границы Орсенны от Фаргестана крепость в запустении. Несмотря на то что «война» между двумя вымышленными государствами продолжается вот уже триста лет и мир давно установился сам собой, параноидальный страх перед пришельцами с противоположного берега, а также желание вернуть Орсенне былое могущество, кажется, приводят страны к новому открытому конфликту.

Ключевой темой данной выставки становятся физические границы. Художники раскрывают проблемы искусственно созданных границ, абсурдного разделения территорий, а также затрагивают вопрос, какое влияние оказывают принятые политические решения на жизнь отдельного человека.

Пространство выставки

Итак, что же представляет собой основная часть выставки, проходящая в ЦТИ «Фабрика». Начнем с описания самого интерьера: темное помещение большой площади, с высокими потолками, где по всему периметру располагаются проекторы с экранами, коллажи с фотографиями, а в самом центре находится «скульптура» (так именует конструкцию сам художник Реми Дюпра). Пространство несколько напоминает декорации малобюджетного триллера, однако для наиболее полного погружения в процесс осмысления произведений необходимо абстрагироваться от каких бы то ни было ассоциативных образов, возникающих в сознании. Современное искусство не терпит предрассудков, оно бросает вызов обществу, отвергает ретроградные ценности и направляет фокус на нерегулируемое самовыражение, поэтому прежде чем отправиться созерцать произведения художников-новаторов, стоит отбросить фиксированные установки памяти, направленные на восприятие исключительно классического, ясного и открытого в смысловом содержании искусства. Однако нужно признать, что это задача крайне непростая: в данном случае на помощь может прийти экскурсовод, который облегчит понимание некоторых неочевидных и скрытых мотивов того или иного произведения.

Первым куратор представил видео «Над авеню Мексики»; отражающее растущее напряжение между США и Мексикой. Что же происходит на видео в действительности? Художница сидит на стуле на крыше дома в мексиканском городе Текате, за ее спиной американский патруль. Вся динамика выражается в периодическом

Над авеню Мексики, 2013 (Шанталь Пеньялоса)

перемещении стула, как и во временном зрительном контакте, который циклично сменяется безразличным поворотом художницы спиной к Америке. Как объяснил куратор, это, скорее, не действие и не протест – это безмолвный комментарий к текущему положению дел. В данном случае идея медиапроекта в том, что, несмотря на границу, США и Мексика могут бесконфликтно взаимодействовать, од-

нако рано или поздно примирение неизбежно трансформируется в некое политическое столкновение, и не исключено, что в роли инициатора однажды не выступит Мексика. Но, даже зная контекст, в основе которого лежит намеренное исключение какого-либо протеста, неизбежно задаешься вопросом: насколько информативно и полезно, с точки зрения влияния на политические дела, это видео. Проблема заключается в том, что представленная работа абсолютно не побуждает к действию, она откровенно бесполезна, как со стороны практического, так и со стороны эстетического замысла.

Напротив экрана, где демонстрируется фильм мексиканской художницы, в центре зала располагается произведение, на первый взгляд напоминающее носилки для строительного мусора, случайного забытые в процессе монтажа выставки; однако куратор настаивает, что данный предмет является скульптурой под названием «Бюргет». На самом же деле бюргет – это переносная лачуга пастухов из Атлантических Пиреней. Обычно она изготавливалась из дерева и сена, не имела колес – пастухи тащили ее за собой, как на оглоблях. Такие конструкции использовались до начала XX в., именно поэтому сегодня нельзя говорить о *бюргете* как о предмете, имеющем функциональное значение, он может выступать только как символ европейской кочевой жизни в XVI–XIX вв.

Бюргет, 2017 (Реми Дюпра)

Скульптурная композиция была создана художником специально для русских зрителей, он использовал материалы, найденные в Москве: основание сделал из местных пород дерева, сено заменил колосьями пшеницы, а верхнюю панель обшил полотном, используемым для ограждения уличных ремонтных работ в центре Москвы. Как рассказал сам художник, изначально его привлекло цветовое сочетание зеленого и белого, и только потом через эстетическое осмысление он пришел к пониманию символического значения данной ткани как знака границ.

Реми Дюпра путем ретроспективы обращается к вопросу номадизма в момент, когда современный человек вступает в эру Новых Кочевников (*New Nomads* – течение, связанное с пешими путешествиями в дикой природе).

Совершенно очевидно, что без прямого пояснения куратора воспринимать данную композицию как скульптуру невозможно, ведь русский зритель в принципе незнаком с предметами бытового обихода европейских кочевников, и все-таки объяснение в полной мере не решает вопрос неоспоримой идентификации *бюргета* как скульптуры. Тем не менее нужно отдать должное автору: применение ограждающего полотна является интересной находкой, а символическая трактовка исторического объекта целиком встраивается в контекст выставки.

Де Факто, 2017 (Йонас Фишер)

Де Факто, 2017 (Йонас Фишер)

Проект выставки под названием «Де Факто» представляет собой серию фотографий, посвященных Абхазии – республике, отсутствующей на картах в 90% стран. Абхазия заявила о своей независимости от Грузии после гражданской войны 1993 г. Независимость не была признана ни руководством Грузии, которое считает Абхазию частью грузинской территории, ни – в то время – другими государствами – членами ООН. Начиная с 2008 г. молодое государство было признано Россией и несколькими другими государствами, то дало определенную степень стабильности и защиты.

Как заявляет автор, его работа призвана рассказать о конструировании государства и его национальной идентичности. Как выражается национальная идентичность, каким образом портрет чиновника на фоне стульев отражает процесс конструирования – остается загадкой. Автор не утруждает себя поисками более информативных сюжетов, вследствие чего складывается впечатление, что в кадр попали абсолютно случайные люди и эпизоды, и объединяет все работы исключительно их географическая принадлежность. К тому же фотографии нельзя назвать высокохудожественными, пронзительными или повествовательными; отсутствует связь с концептуальной тематикой экспозиции.

Эмоциональный отклик вызывает единственная фотография серии с пустым рекламным щитом. В ней усматривается некая метафора, повествующая о будущем Абхазии. Что же ждет государство: упадок, пустота, неизвестность – или же пустой щит – это символ позитивной перспективы? В данном случае зритель сам прогнозирует, сам отвечает на вопрос, какой путь развития в этой ситуации наиболее вероятен.

Де Факто, 2017 (Йонас Фишер)

Следующее произведение – «Флаговая гора» – повествует о единственной в мире столице Никосии, разделенной на две части: турецкую на севере и греческую на юге. Камера установлена на крыше южной, греческой части Кипра и направлена на горы Турецкой республики, где в дневное время видны цвета турецкого флага, в ночное время флаг подсвечивается. В постоянно сменяющиеся друг друга виды дневной и ночной Никосии встраивается кадр со словами Мустафы Кемела Ататюрка: «Как счастлив тот, кто говорит: Я – турок!»

Флаговая гора, 2010 (Джон Смит)

Художник рассказывает о национализме, проявляющемся в нарочитой демонстрации турками своего величия. Сами по себе виды гор с флагом впечатления не производят – в большей степени воздействие оказывает динамичная смена кадров, сопровождающаяся звучанием турецкого гимна. В композиционном плане «Флаговая гора» – целостное, полное произведение, единственным спорным моментом является вопрос о точности попадания в тематику «Противостоящего берега»: автор скорее рисует портрет турецкой нации, выявляя особенности менталитета этого народа, а не ведет рассказ о проблеме конкретных границ. Сам факт разделения города интересен с точки зрения истории, но он эстетически не обыгран, не пропущен через призму творческого сознания.

Деревенский праздник, 2017 (Йонна Неофиту)

Пожалуй, единственным очевидно ясным произведением было видео «Деревенский праздник», которое берет за основу парадоксальную историю, разворачивающуюся с начала XX в. на границе между Грецией и Албанией. В прошлом одна деревня, сегодня она разделена два отдельных поселения: Ая Марина и Косовица – по результатам Флорентийского договора 1913 г. При этом оба поселения по-прежнему близки благодаря единым традициям и обычаям, а также общему для жителей греческому языку. Видео показывает встречу двух поселений, проходящую ежегодно 15 августа, когда границу пересекают нелегально. Объединительная функция музыки и танца подчеркивает существующие вне зависимости от территориальных границ связи. Всеобщая динамика, атмосфера праздника и веселья отвлекают от предыдущих унылых и безмолвных произведений выставки. Фильм воспринимается легко, он лишен неуместной для данной темы патетики, кроме того, значительно упрощают процесс осмысления сюжета субтитры на английском языке.

Помимо уже названных работ, на выставке были представлены видео крайне сомнительного содержания: будь то кадры со сценами охоты или съемка видеорегистратора. Инсталляция со столом, картой и карандашом; скульптурные рога из алебаstra – работы, граничащие с абсурдом. Это больше походит на новую волну дегенеративного искусства, чем на ультраоригинальное течение постмодернизма.

Итак, разобраться во всех тонкостях замысла без куратора не получится даже самому образованному и сведущему в делах современного искусства профессионалу, да и отсутствие каких-либо «опознавательных» табличек с названиями объектов этому явно не способствует. Посыл крайне прост, но выставка нечитабельна, она сложна для понимания, и вопрос в том, какова была необходимость строить искусственные барьеры. Хотя не исключено, что зритель просто вовлечен в игру художника, который намеренно создал иллюзию границ. Но в итоге будоражат сознание как раз вопросы, оставшиеся без ответа, тогда как экспонаты выставки исчезают из памяти почти мгновенно.

Логическое мультимедийное продолжение ждало зрителя в Новом пространстве Театра наций; можно заранее предположить, что определение «логическое» применимо к объектам второй части выставки только в контексте маршрутного следования. К большому сожалению, данное экстраполяционное предположение оказалось верным. Но обо всем по порядку.

Вторая часть выставки именовалась публичной программой «ZOOM». В рамки данной программы входила презентация и показ фильмов с последующей дискуссионной беседой зрителей и куратора. Всего были представлены 4 фильма на языке оригинала с субтитрами на английском языке: «Международный туризм», режиссер Мари Вуанье, (2014); «Белютин», режиссер Клеман Кожитор (2011); «Прорыв» и «Возьми меня на руки», режиссер Бади Даллул (2017). Мы поговорим о фильмах «Прорыв» и «Возьми меня на руки». Фильмы созданы одним режиссером, демонстрировались последовательно, но, несмотря на это, сюжетного пересечения между ними нет, поэтому каждый фильм будет рассмотрен как отдельный самостоятельный медиапроект.

Первым куратор представил фильм «Прорыв», в основе сюжета которого лежит история государственного деятеля африканской страны – Гамбии, прославившегося благодаря необычному дару: он излечивает сограждан от всевозможных болезней. Домыслы о его истинных возможностях множатся, в том время как интрига фильма достигает кульминации, когда зритель узнает, что он планирует вывести свое государство в ранг супердержав.

По своей сути «Прорыв» – это документальное кино, где главными героями являются не профессиональные актеры, а непосредственно жители Гамбии, обращающиеся к президенту за помощью. В кадре журналист выстраивает диалог с людьми уже прошедшими лечение. Вот пациентка повествует о чудесном исцелении:

«Я больше чем просто счастлива. Я не могу найти слов, чтобы выразить свое счастье. Ощущение, как будто с моего тела сняли грязные одежды. Я благодарю Бога. Президент дает мне лекарство. Вот почему я счастлива».

Самое интересное в этом, на первый взгляд, чувственном откровении то, что на лице женщины никаких признаков радости и счастья нет. Складывается ощущение, что страх – это единственное чувство, испытываемое гамбийкой в момент рассказа. Подобная эмоциональная отстраненность читается на лице еще одной жительницы Гамбии, которая была чудесным образом исцелена от заболеваний костной системы.

Всё встает на свои места в тот момент, когда в кадре демонстрируется процесс лечения, длящийся всего несколько минут: в простых случаях президент предлагает выпить пациенту чашку травяной микстуры, в то время как в сложных случаях помимо микстуры используется мазь, которую наносят на все тело. Каждый такой сеанс проводится от одного до десяти раз. Количество исцеленных людей, по словам президента, приближается к отметке в 90%.

Ко всему прочему в повествовательную канву встроены патетические речи первого лица Гамбии, полные патриотических призывов и обещаний:

«Мы продолжим строить эту нацию, утверждать свою точку зрения и делать всё, для того чтобы наши сограждане жили лучше, чем когда-либо, наслаждались миром и гармонией, как братья и сестры, без страха смотря в будущее. Мое правительство будет стремиться бороться с преступностью, бороться за благочестивое поведение и против всех пороков, сдерживающих прогресс».

Но если внимательно посмотреть на несчастные лица граждан, на примитивную процедуру лечения и на грозный вид главы Гамбии, то напрашивается вывод, что единственным фактором, сдерживающим развитие страны, является сам президент, так как его слова в корне противоречат действиям: происходит намеренное сопротивление прогрессу и явное запугивание гамбийцев.

После финальных кадров куратор пояснил, что режиссер намеренно не давал каких-либо комментариев, предлагая зрителю самостоятельно разобраться в его изначальном замысле. Итак, что же хотел сказать и показать Бади Даллул? Предположительно, первостепенный замысел кроется в обличении политической диктатуры и культа личности правителя.

Тесная связь между искусством и политикой прослеживается на протяжении почти всей истории искусства, однако со времен Великой французской революции характер данных взаимоотношений меняет вектор развития: в произведениях изобразительного искусства встраивается открытый критический подтекст, раскрывающий реальное положение дел. Так, французский художник Жак Луи-Давид откровенно иллюстрирует революционные исторические события, конечно, не без доли утрированного драматизма. В XIX в. Оноре Домье создает серию политических карикатур. В XX в. тема политики в искусстве получила дальнейшее развитие: появляется целое направление постмодернистского искусства – *соц-арт*, сложившееся в СССР в 1970-х гг. в рамках так называемой альтернативной культуры, противостоящей государственной идеологии того периода. Идеологами соц-арта называют московских художников Виталия Комара и Александра Меламида. Наконец XXI век – время, когда политика является одной из главных сюжетных основ для художников. Конечно, это беглая справка, тема взаимоотношений политики и искусства требует отдельного исследования, главное здесь другое – понимание того, что, несмотря на главенство политической линии, художники всегда уделяли внимание и эстетическому аспекту подачи материала. Но в XXI в. платоновское понимание красоты в новаторском искусстве уходит – остается только обнаженный *скелет*, именуемый сюжетом.

Возвращаясь к анализу «Прорыва», стоит отметить, что в контексте документальности фильм всецело соответствует требованиям жанра: он отражает менталитет одного из африканских народов, знакомит зрителя с культурой и правдиво повествует о нынешнем политическом положении страны. Но в то же время демонстрируется этот фильм не на фестивале документального кино, где имеет значение исключительно момент правдивости и ценится минимальное вмешательство режиссера, – а на выставке современного искусства, куда зрители приходят для созерцания той самой классической красоты. Факт отсутствия эстетической составляющей в первом фильме невольно заставляет зрителя усомниться в способностях художника-режиссера, что приводит к предвзятому отношению ко второй части кинематографического проекта, о котором пойдет речь далее.

Фильм «Возьми меня на руки» повествует о массовом убийстве королевской семьи Непала, произошедшем 1 июня 2001 г. в королевском дворце Нараянхити, резиденции непальских монархов. По официальной версии принц Дипендра расстрелял из винтовки и пистолета пятерых членов своей семьи, после чего выстрелил в себя и скончался спустя три дня. Среди погибших были родители Дипендры – король Бирендра и королева Айшвария. После смерти принца королем Непала стал Гьянендра, брат покойного короля Бирендры, который отсутствовал во дворце во время происшествия.

Структурирован «Возьми меня на руки» несколько иначе, чем предыдущий фильм: здесь в основе формообразования лежит «метод нарезок», пришедший в кинематограф из литературы. Всего в арсенале художника три видео: репортаж британского журналиста, документальные кадры из повседневной жизни непальцев, а также французский телевизионный фильм о японском театре марионеток.

Бади Даллул выбирает необычный метод компиляции: он накладывает на документальные кадры сцены из фильма о театре марионеток. Композиционная схема выглядит следующим образом: сначала показывается часть репортажа, являющегося основным источником информации о происшествии, который дается без какой-либо художественной обработки, далее происходит резкая смена кадра – и на экране появляется вышеупомянутое симбиотическое сочетание. Такая последовательная смена происходит пять раз.

Возьми меня на руки, 2017 (Бади Даллул)

С журналисткой частью все предельно ясно – идет исключительно прямое цитирование:

«Спустя тридцать часов после убийства власти попытались объяснить ситуацию как несчастный случай или, точнее говоря, как “внезапное срабатывание автоматического оружия”. Никто не верил в это. И меньше всего разъяренные молодые люди, которые вышли на улицы после коронации нового короля – Гьянендры – в понедельник. Это событие должно было стать началом возврата к нормальной жизни, причиной скорби, но мирной».

Второй составляющей фильма необходимо уделить особое внимание, в ней заключается квинтэссенция художественного замысла: художник примеряет на себя роль детектива и смело строит догадки относительно случившего убийства; делает он это, выстраивая параллели с японским театром кукол. Бади Даллул предполагает, что всем этим страшным процессом руководил Гьянедра, дядя принца. То есть зрителя ставят перед фактом: принц – марионетка, его дядя – кукловод; больше никакой дополнительной информации автор не дает, прямых и косвенных отсылок, указывающих на способ осуществления плана прихода к власти, также нет, – только голос на экране вещает о сути жизни человека:

«Кукла – это человек, связанный со вселенной тремя манипуляторами. Вся жизненная сила головного кукловода переходит в тело марионетки. Два помощника, агенты судьбы, без сомнения, подобны двум теням... дающим марионетке жизнь».

Совмещение трех видеороликов, каждый из которых является целостным информационным объектом, не только не дало новых смыслов, но и лишило логики имеющиеся документальные сюжеты. Кроме того, показ кадров из жизни непальцев сопровождался звуками неясного генезиса: это не назовешь музыкой – ско-

рее это оглушающий звон ударов гонга. Таким образом, вследствие отсутствия аргументации, подтверждающей выдвинутую гипотезу убийства, отсутствия режиссерской работы как таковой, в результате наложения отвлекающих шумовых эффектов видео Бади Даллула воспринимается как дилетантская попытка создать сюрреалистичный короткометражный фильм.

Во второй части выставки, так же как и в первой, немало спорных моментов и абсурдной недосказанности. Плюс ко всему нет перекличек с экспозицией в ЦТИ «Фабрика», будто часть выставки в Новом пространстве Театра наций является параллельной программой Параллельной программы, – это к вопросу о логике, не раз нами затронутому. В первой части выставки смысловым контекстом является разделение территорий, во второй – борьба за власть. Конечно, объединяющей темой становится *политика*, но концепция не предполагает глобальной иллюстрации политических дел – она изначально базируется на отображении конкретной проблемы границ, которая не находит выражения в работах, составляющих вторую часть выставки.

Безусловно, критерии оценки современного искусства находятся на начальном этапе формирования, и зритель в большей степени ориентируется на эмоциональный аспект восприятия. В таких условиях творческой вседозволенности особенно важно уметь отличать действительно новаторские творческие идеи от псевдоинтеллектуального претенциозного подобию таковых. И после подробного разбора каждого экспоната выставки «Противостоящий берег» приходит осознание, что за всей оболочкой загадочности, возможно, кроется отсутствие художественной мысли и смысловая пустота.

Сведения об авторе:

Екатерина Игоревна Головина,
магистр
факультет искусства реставрации
МГХПА им. С.Г. Строганова

Ekaterina I. Golovina,
Master
Faculty of Art Restoration
Stroganov Moscow State University
of Arts and Industry

anon.selbst@yandex.ru

Критика. Библиография

Critique. Bibliography

А.В. Злочевская (Москва, Россия)

Новое уникальное издание о М.А. Булгакове

A.V. Zlochevskaya (Moscow, Russia)

A New Unique Edition on M.A. Bulgakov

Всех любителей творчества М.А. Булгакова, а булгаковедов в особенности можно поздравить: вышел в свет 1-й из предполагаемых четырех томов «Аннотированного библиографического указателя» жизни и творчества М.А. Булгакова¹. Материалы для него сотрудники Отдела научной библиотеки Российской государственной библиотеки искусств начали собирать еще в 1996 г.

Презентация книги состоялась в Музее М.А. Булгакова в рамках VIII Международной конференции «Михаил Булгаков в потоке российской истории XX–XXI веков» (21–22 ноября 2017).

Надо, правда, заметить, что, анонсированное авторами как «первая персональная библиография» автора «Мастера и Маргариты», это издание «первым» в точном смысле слова не является, так как в 2006 г. Справочно-библиографический отдел Библиотеки искусств им. А.П. Боголепова совместно с Управлением культуры ЦАО г. Москва выпустил в свет библиографический указатель «Рыцарь литературы XX века»². Однако эта публикация, конечно, не идет ни в какое сравнение с новым изданием ни по объему (небольшая брошюра в 12 страниц), ни по количеству и качеству информации (всего 102 позиции). И главное принципиальное отличие: Библиографический указатель 2006 г. лишен аннотаций. А между тем не только огромный объем собранного материала, но и информативные и аналитические аннотации к нему составляют одно из принципиальных достоинств Библиографического указателя 2017 г.

Настоящее издание, бесспорно, является событием в современном булгаковедении, его научную ценность трудно переоценить.

В ходе подготовки этого уникального четырехтомника специалисты РГБИ проделали колоссальный труд. Базой для начального этапа послужили рабочие картотеки, собранные в 1990-е гг. специалистами Российской национальной би-

¹ М.А. Булгаков: Аннотированный библиографический указатель. Т. 1: 1919–1940 / Науч. консультант М.О. Чудакова; сост.: М.В. Мишурина, Е.И. Алексеенкова, И.С. Ефимова, Ю.Т. Слизун; ред. С.П. Бавин, М.В. Мишурина; библиогр. ред. А.В. Акименко. М.: РГБИ, 2017. 704 с.

² Рыцарь литературы XX века (115 лет со дня рождения М.А. Булгакова): Библиографический указатель / Подгот. к изд. Е.С. Забабурина М.: Управление культуры ЦАО г. Москва, Справочно-библиографический отдел Библиотеки искусств им. А.П. Боголепова, 2006. 12 с

блиотеки Д.Б. Азиатцевым и М.А. Бениной. Затем к этому добавились корпуса и списки карточек, оставленных в библиотеках РГБИ в процессе исследований видными российскими булгаковцами: А.А. Ниновым, Б.С. Мягковым, М.О. Чудаковой, Е.А. Яблоковым, Л.М. Яновской и др., а также публикации зарубежных авторов (Э. Проффера, М.К. Отан-Матье, Л. Милн и др.), материалы личных фондов писателя, хранящиеся в Отеле рукописей ГРБ и в Рукописном отделе ИМЛИ, в архивах театров и др. Одной из важных задач издателей Библиографического указателя стала ликвидация множества существующих пробелов в информации о распространении произведений М.А. Булгакова как на родине, так и за границей, и прежде всего о театральных постановках его пьес.

В 1-й том вошли все прижизненные тексты М.А. Булгакова, известные в рукописи или опубликованные, а также театральные постановки и отклики на публикации его произведений в печати (1919–1940 гг.). Всего 3 820 позиций. Издание снабжено Указателем имен (стр. 611–643), Указателем заглавий произведений (стр. 644–666), Указателем спектаклей (стр. 667–682) и Списком просмотренных периодических изданий (стр. 683–701). Обнаружена и систематизирована практически исчерпывающая на сегодняшний день информация не только о жизни и творчестве М.А. Булгакова, но и о театральных постановках его произведений, о спектаклях и фильмах. Впервые введены в научный оборот многие библиографические сведения. Работа по сбору информации, ее обработке и систематизации продолжается.

В первой части – «Тексты М.А. Булгакова» – информация обо всем, что рукой М.А. Булгакова было написано и опубликовано при жизни писателя в российской, метропольной или эмигрантской, прессе – не только о художественных произведениях (рассказах, повестях, романах, очерках и фельетонах, заметках, сценариях к театральным постановкам и кинофильмам, либретто опер и др.), но и интервью (с Н.В. Досталем по окончании сценария «Похождения Чичикова, или Мертвые души» // За большевистский фильм. М., 1934. № 22 (25 авг.). С. 3; «Он был велик и неудачлив» – в связи с премьерой «Мольера» на сцене МХАТ // Горьковец. М., 1936. № 3. 15 февр. С. 2 и др.), а также о переводе комедии Ж.Б. Мольера «Скупой» (*Мольер Ж.Б. Собр. соч.: В 4 т. Т. 3. Л.: Гослитиздат, 1939. С. 371–497*) – начиная статьей «Грядущие перспективы» в газете «Грозный» (1919. № 47. 13/26 нояб. С. 2) и заканчивая последним прижизненным изданием – сценарием театральной постановки «Дон Кихота» для театра им. Вахтангова (М.: Отдел распространения ВУОАП, 1940. 81 с.).

Материал, представленный в этом разделе, позволяет осознать масштаб и интенсивность креативной энергии писателя, а еще более изумиться тому, как в разгар изнурительной поденщины ради хлеба насущного в газетах «Гудок», «Рабочий», «Рупор» и др. могли рождаться такие поистине бриллианты художественной словесности, как «Неделя просвещения», «Записки на манжетах», «Ханский огонь», «Дьяволиада» и даже такой шедевр, как «Белая гвардия». При этом нетрудно заметить, что лучшее поначалу выходило в свет по большей части за рубежом – в Берлине, Париже, Риге, Софии, Нью-Йорке и др. Читатели моего поколения помнят: со многими булгаковскими произведениями – «Собачье сердце», «Дьяволиада», «Бег» и др. – мы познакомились в «самиздате» – репринтах зарубежных изданий.

Вторая часть – «Публикации о жизни и творчестве М.А. Булгакова» – не только отклики на публикации писателя в СССР и за рубежом, но также и документы,

связанные с общественной жизнью писателя: разрешения / запреты публикаций произведений или постановок пьес и др.

В целом 2-й раздел 1-го тома воссоздает весьма полную картину жизни М.А. Булгакова, со всеми ее коллизиями и перипетиями.

Удивительно, как далеко разошлись мнения публики и критиков о пьесах М.А. Булгакова. «Почин» был положен уже первым известным критическим отзывом – статьей П.П. Голодолинского «На развалинах социальной революции. Ответ на статью М.Б. “Грядущие перспективы”» (Грозный. 1919. №49. 15/28 нояб. С. 2). Так что Елене Сергеевне, обладай она возможностями Маргариты, пришлось бы разгромить слишком много квартир на просторах Советской России.

Положительные отклики крайне немногочисленны: отзыв В.Ф. Переверзева о «Дьяволиаде» (Печать и революция. 1924. Кн. 5. С. 134–39), рецензия А.К. Воронского на первые две части «Белой гвардии» и на «Роковые яйца» (Красная новь. М.; Л., 1925. Кн. 10. С. 254–265), отзыв Ю.В. Соболева о «Роковых яйцах» и «Дьяволиаде» (Заря Востока. 1925. 13 марта. С. 6) и немногие др.

Разумеется, оценки эмигрантской критики были более доброжелательны, но, надо признаться, не на много (*Берберова Н.* Литературная летопись // Возрождение. 1929. 16 мая; 6, 13 и 25 июня; *Осоргин М.А.* «Дни Турбиных»: Мих. Булгакова // Последние новости. 1927. 20 окт. С. 3 и др.).

Информация о мало знакомых российскому читателю зарубежных критических отзывах о произведениях писателя и постановках его пьес на сценах Европы и США (Г. Адамовича, Ю. Айхенвальда, В. Амфитеатрова, В.И. Горянского, М.А. Осоргина, В. Ходасевича и др.) особенно ценна. Замечательна по своей проницательности догадка В.А. Амфитеатрова: в рецензии на «Роковые яйца» (Возрождение. 1925. 13 июля. С. 3) он пишет, что «нелепый финал» повести был, вероятно, написан по требованию советской цензуры.

Полноценное представление получит читатель Библиографического указателя о полемике вокруг «Белой гвардии» и знаменитого мхатовского спектакля «Дни Турбиных». В советской прессе роман, а спектакль в особенности, получил, как известно, оценку исключительно «ругательную». Весьма симптоматична информация, приведенная в аннотации к монографии В.И. Блюма «“Любовь Яровая” на сцене Московского Малого театра» (М.; Л., 1940). Автор книги повторил вслед за А.В. Луначарским (Два спектакля // Заря Востока. 1927. 6 марта. С. 5) ставшее у советских критиков традиционным противопоставление «Любови Яровой» «Дням Турбиных»: первая – ответ на «зловещую контрагитацию» булгаковской пьесы. И вот интересный эпизод из театральной жизни 1920-х гг.: «Отсутствие в окончательной редакции пьесы К. Тренева роли мужа Пановой – из-за сходства с Алексеем Турбиным, персонажем с “подмоченной репутацией”» (стр. 592).

Неприятие у советских критиков вызывало всегда одно – не «наша» идеология автора «Белой гвардии». И здесь они были абсолютно правы: Булгаков, как один из его любимых героев профессор Преображенский, «не любил пролетариат». Хотя и был, как ни удивительно, лоялен Советской власти. Последнее обстоятельство особенно раздражало критиков эмиграции (*Ходасевич В.* Смысл и судьба «Белой гвардии» // Возрождение. 1931, 17 дек. С. 3). Они тоже хотели четкой, но только противоположной советской критике, идеологической позиции: чтобы большевики были показаны ужасными, а белые прекрасными. Булгаков не мог удовлетворить ни тех, ни других. Надо, впрочем, признать, что в прессе со-

ветской, как и в эмигрантской, неизменно отдавали должное таланту писателя и художественным достоинствам его произведений.

И здесь напрашивается замечание структурного характера: желательно четкое разделение советской и эмигрантской критики. Так читателю было бы удобнее ориентироваться и сопоставлять зарубежную и метропольную прессу.

Безусловный интерес представляют собранные в Указателе сведения о рассказах актеров театра и кино, участвовавших в пьесах М.А. Булгакова, в спектаклях и фильмах по его сценариям (О.Н. Андровская, В.Г. Сахновский, Н.П. Хмелев, Н.К. Черкасов и др.), а также режиссеров и композиторов, писавших музыку к спектаклям и фильмам, – О.Ф. Глазунова, П.А. Маркова, И.М. Рапопорта, Р.Н. Сиимонова, К.С. Станиславского, Т.Н. Хренникова и др.

Издание адресовано исследователям не только творческого наследия М.А. Булгакова, но и истории литературы и театра, а также преподавателям вузов, аспирантам, студентам, специалистам архивов, библиотек и музеев – всем интересующимся творчеством писателя.

Для всех булгакофилов эта книга, погружающая нас в мир великого русского писателя, безусловно, станет увлекательнейшим чтением.

Сведения об авторе:

Алла Владимировна Злочевская,
доктор филол. наук
ст. научный сотрудник
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Alla V. Zlochevskaya,
Doctor of Philology
Senior Researcher
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
zlocevskaia@mail.ru

В.А. Воропаев

Православный Гоголь в Сербии

V.A. Voropaev

Orthodox Gogol in Serbia

**Православни витез Николај Васиљевич Гогољ /
Приредио и превео Ранко Гојковић. Стари Бановци;
Београд: Бернар, 2017. 163 с. (Библиотека Тихи глас)**

Издательство «Бернар» в Белграде выпустило в свет книгу «Православный рыцарь Николай Васильевич Гоголь». Подготовил издание известный сербский переводчик, писатель и публицист Ранко Гойкович. Им же написано предисловие: «Николай Васильевич Гоголь как великий апологет Святой Руси». В сборник вошли статьи, посвященные великому русскому писателю, отрывки из его духовно-нравственных сочинений, молитвы, духовное завещание, предсмертные записи. В книгу включены также переписка современников Гоголя и некоторые его письма к разным лицам, в частности к В.Г. Белинскому. В издании помещены работы священномученика Серафима (Чичагова), протопресвитера Василия Зеньковского, деятелей русской эмиграции: философа Ивана Ильина, историка литературы, славяноведа Александра Погодина, писателя и критика Константина Мочульского, а также статьи современных авторов: протоиерея Анатолия Затовского, литературоведов Владимира Воропаева, Игоря Золотусского, социолога и историка русской философии Вадима Сапова.

На состоявшейся недавно 62-й международной книжной ярмарке в Белграде книга о Гоголе вызвала большой интерес; она была представлена на трех стендах (издательства «Бернар», Сербской Православной Церкви и Хиландарского монастыря) и стала одной из самых продаваемых книг. И потому, по словам директора издательства Николи Дробняковича, в скором времени можно ожидать второе издание. В ходе ярмарки издатель подарил книгу «Православный витез Николай Гоголь» Святейшему Патриарху Иринею, нескольким епископам Сербской Православной Церкви (Далматинской, Крушевацкой, Нишской епархий), митрополиту Амфилохию, настоятелю храма св. Саввы и ряду видных церковных и общественных деятелей.

Во время книжной ярмарки издательство «Бернар» было представлено на государственном телевидении и церковном телевидении Белградского Патриархата. Книга о Гоголе – далеко не первый подобный проект издательства, выпустивше-

го за последние десять лет более 100 книг русских авторов и ставшего крупнейшим издателем русской литературы в Сербии. В его активе такие известные русские писатели, как Чехов, Бунин, Лесков, Паустовский, Шмелев, Зайцев, Куприн и многие другие. Издания «Бернара» на сербском языке вошли в книжный фонд ряда российских библиотек, включая Российскую государственную библиотеку. В ближайших планах издательства выход книги Владимира Воропаева «Однажды Гоголь...», с которой сербские читатели познакомятся уже весной нынешнего года.

Сведения об авторе:

Владимир Алексеевич Воропаев,
доктор филол. наук
профессор
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Vladimir A. Voropaev,
Doctor of Philology
Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
voropaevvl@bk.ru

Мухортов Д.С. Idioms Time!
Пособие по идиоматике
английского языка.
М.: ЛЕНАНД, 2018. 200 с.

Mukhortov D.S. Idioms Time!
A Handbook of English Idioms.
Moscow. LENAND Publ. 2018. 200 p.

С.Б. Уланова (Москва, Россия)

S.B. Ulanova (Moscow, Russia)

Овладение иностранным языком как средством общения предполагает формирование навыков идиоматичной речи. Идиоматичность синонимична грамотности, естественности и аутентичности речи и является сложным языковым явлением. Не случайно существует прямая взаимосвязь между идиоматичностью иноязычной речи обучающихся и их уровнем владения языком: чем лучше сформированы навыки, тем выше уровень.

Идиомы представляют собой специфические для данной лингвокультуры языковые единицы, имеющие ряд фонетических, лексических, грамматических и стилистических особенностей, кроме того употребление их в речи всегда дискурсивно и прагматически обусловлено. Семантическая сложность идиом влечет за собой сложность в плане обучения данному аспекту иноязычной речи. Поэтому потребность в учебно-методической литературе по данной тематике существует всегда как среди студентов, так и преподавателей. В свете вышесказанного актуальность и практическая ценность рецензируемого пособия не подлежит сомнению.

Подход Д.С. Мухортова к отбору материала книги абсолютно оправдан: он использует аутентичный материал, вошедший в узус современного английского, и избегает тем самым сленга и новой лексики, еще не успевшей войти в разряд общеупотребительной. Основную часть фразеологизмов, рассматриваемых в учебном пособии, составляют лексические единицы, представленные в книге П. Вотцина-Джоунса «Test Your Idioms».

Структура учебного пособия Д.С. Мухортова последовательна и логична. Автору удалось собрать и систематизировать внушительный материал, что является несомненным достоинством работы. Книга состоит из тридцати шести разделов. Фразеологизмы группируются вокруг лексических тем (например: еда, тело человека, животные и др.); в раздел объединяются идиомы по принципу морфологического сходства – идиомы с предлогами, с глаголами (например: be, pull и др.),

с союзами (flesh and blood, skin and bone и др.), идиомы, представляющие собой сочетание прилагательного с существительным и др.

К достоинствам учебного пособия следует отнести тот факт, что все идиоматические выражения автор снабдил русскими соответствиями, а это является профилактикой ошибок учащихся, экономит их время и делает работу с книгой приятной и удобной. Кроме того автор знакомит учащихся с историей происхождения отдельных идиоматических единиц, снабжая их этимологическим комментарием. В книге также учитывается диатопическое варьирование фразеологизмов.

Рецензируемое пособие обладает большим учебно-методическим потенциалом, поскольку оно способствует развитию как межкультурной коммуникативной компетенции, так и переводческой компетенции и предлагает целый комплекс разнообразных упражнений, объединенных единой концепцией.

Пособие можно использовать для отдельного спецкурса, нацеленного на овладение студентами идиоматикой английского языка. С книгой также можно работать как с источником дополнительного материала к основной дисциплине, например, к английскому языку, к практическому курсу перевода или к занятиям по сопоставительной лингвокультурологии. Данное пособие также удобно для самостоятельной работы студентов. Хотелось бы отметить, что книга может представлять особый интерес и для зарубежных студентов, изучающих русский язык как иностранный.

Сведения об авторе:

Светлана Борисовна Уланова,
канд. филол. наук, доцент
преподаватель
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Svetlana B. Ulanova,
PhD in Philology, Assistant Professor
Lecturer
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University

В.А. Богородицкая (Москва, Россия)

V.A. Bogoroditskaya (Moscow, Russia)

Пособие Д.С. Мухортова «Idioms Time!» посвящено наиболее часто употребляемым в современном английском языке идиомам и направлено на расширение активного словарного запаса старшеклассников и студентов ВУЗов, изучающих английский язык на продвинутом уровне.

Как указывает автор, в основу пособия лег материал, представленный в книге П. Вотцина-Джоунса (P. Watcyn-Jones) «Test Your Idioms», однако список идиом был им переработан и дополнен. Автором также было разработано значительное количество упражнений, призванных облегчить процесс усвоения нового материала.

Пособие состоит из 36 разделов, каждый из которых включает в себя, как правило, около 10–14 идиом (иногда более 14). Такой объем материала в разделе представляется оптимальным, поскольку способствует более эффективному усвоению фразеологических единиц. Каждая представленная единица сопровождается русскоязычным переводом и при необходимости – подробным этимологическим комментарием, что не может не способствовать сближению русскоязычной и англоязычной картин мира.

Д.С. Мухортов использует разные принципы организации материала: тематический, алфавитный, на основе одного ключевого слова. Данный подход представляется вполне оправданным ввиду многообразия и разнообразия представленного материала.

Следует подчеркнуть, что рецензируемое пособие решает важную методологическую задачу, предлагая изучающим язык конкретные способы и приемы освоения лексико-фразеологической и морфосинтаксической сочетаемости в английском языке.

Пособие «Idioms Time!» наглядно и легко в использовании, оно отличается логичной структурой, а также единством стиля и оформления. Плановая аудиторная и самостоятельная работа с пособием позволит развиваться не только лингвистически, но и концептуально. Выполнение разработанных автором упражнений будет способствовать как расширению словарного запаса, так и развитию коммуникативных навыков.

Рецензируемое издание отвечает требованиям, предъявляемым к данному виду пособиям, и может быть рекомендовано к использованию на практических занятиях по английскому языку, а также в целях самообучения.

Сведения об авторе:

Виктория Александровна Богородицкая,
канд. филол. наук
доцент
Высшая школа перевода
МГУ имени М.В. Ломоносова

Victoria A. Bogoroditskaya,
PhD in Philology
Assistant Professor
Higher School of Translation and Interpretation
Lomonosov Moscow State University

Ю.И. Щербинина (Москва, Россия)

Yu.I. Shcherbinina (Moscow, Russia)

Рецензируемое учебное пособие адресовано старшеклассникам и студентам, стремящимся пополнить свой словарный запас и приблизиться к уровню мышления носителя языка за счет освоения английской идиоматики. Пособие предназначено для работы с идиомами на первом уровне – ознакомления и распознавания фразеологических сочетаний, единств и сращений. При этом идиомы автор трактует широко, следуя западной традиции.

За основу взят аутентичный материал из популярного в России пособия П. Вотчина-Джоунса «Test Your Idioms». Общеупотребимые выражения, предлагаемые британским лингвистом, сгруппированы Д.С. Мухортовым в удобные поурочные списки и снабжены русским переводом, что, безусловно, заметно облегчит понимание и запоминание идиом. Более того, в случае фразеологических сращений автор дает этимологические справки, тем самым способствуя правильному восприятию фраземы.

Отобранные идиомы закрепляются с помощью ряда упражнений, в том числе на перевод. Это выгодно отличает данное пособие от аналогичных учебников западных авторов, к которым учителя вынуждены сами придумывать задания на перевод с русского на английский. Кроме того, данный вид упражнений особенно важен при обучении студентов, для которых и русский, и английский языки не являются

родными. Также в пособии предлагаются задания, в которых требуется уметь заменять дефиниции выражениями из данного урока, вставлять предлоги, заканчивать предложения, давать синонимы и выполнять тесты множественного выбора.

Пособие содержит 36 уроков (units), каждый из которых можно проработать со студентами непосредственно на занятии за 15–20 минут. Небольшой объем урока позволит легко встроить материал в учебный план и сочетать его с работой над другими аспектами языка.

Актуальность данного пособия не вызывает сомнений. Оно может применяться при работе как со старшеклассниками, так и студентами гуманитарных вузов. Отдельно необходимо отметить ценность его использования в рамках преподавания английского языка на отделениях РКИ (обучение русскому как иностранному).

Сведения об авторе:

Юлия Игоревна Щербинина,
канд. филол. наук
преподаватель
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Yulia I. Shcherbinina,
PhD in Philology
Lecturer
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University

In Memoriam

In Memoriam

Татьяна Протогеновна Попова
(20.01.1924–12.03.2018)

Tatiana Popova (20.01.1924–12.03.2018)

12 марта 2018 года на 95-м году ушла из жизни старейший преподаватель сербохорватского языка кафедры славянской филологии филологического факультета МГУ Татьяна Протогеновна Попова. Она много лет преподавала на филфаке МГУ, вырастив не одно поколение сербохорватистов, не только дав в руки многим профессию, но и привив им на всю жизнь любовь к языку, культуре, литературе народа, который сама искренне любила... Преподавание не было единственным родом деятельности Татьяны Протогеновны. Она была одним из лучших литературных переводчи-

ков самых известных писателей бывшей Югославии: Иво Андрича, Мирослава Крлежи, Милоша Црнянского, Бранко Чопича, Добрицы Чосича и многих других. Со многими авторами она была знакома лично, с некоторыми из них по-настоящему дружила и переписывалась до конца жизни. Она сделала очень много для переводной литературы на русском языке, обогатив ее именами, о которых здешний читатель до этого не слышал.

Т.П. Попова родилась в 1924 г. в г. Великий Устюг, куда семья ее матери переехала из Ярославля. Любовь к русскому Северу Татьяна Протогеновна сохранила до конца жизни. «Это моя Родина», – говорила она). Семья была многодетная (шестеро детей), и дедушка, действительный статский советник, на содержании которого было 12–13 человек, палат каменных не нажил, да и не стремился к этому. Впрочем, библиотека и пианино в семье были всегда. Они и были тем самым богатством, которое как воздух требовалось всем членам семейства. Смело можно сказать, что литературные и музыкальные способности Таня унаследовала от своих родных. Любовь к поэзии, музыке, интерес к родному языку были ее радостью на протяжении всей жизни, буквально ее хлебом насущным. Очень интересно она описала свои детские годы, жизнь семьи в книге воспоминаний, которую написала уже в преклонном возрасте, символично назвав ее «Начала и концы», где перед читателем живо встают картины жизни интеллигентной семьи в русской провинции, – провинции, понимаемой исключительно как географическое понятие: понятие «духовной провинции» совсем не вязалось с атмосферой дома. Дедушка и мама сыграли огромную роль в жизни маленькой Татьяны. Мама, которая знала наизусть сотни стихов, писала их и сама, хорошо играла на фортепиано обожаемого ею Шопена, знакомила маленькую Таню с операми, которые прекрасно знала... Все это рано сформировало тонкую поэтическую натуру девочки. Поэзия стала ее другом на всю жизнь. Отец Тани был из среды потомственного духовенства (отсюда и ее необычное, редкое отчество), но в послереволюционные годы примкнул к активным сторонникам Октября, считал себя «строителем нового общества», что не очень вписывалось в атмосферу дома. Но и здесь спа-

сала литература – в семье читали все. Сама Таня очень рано научилась читать, и именно книги стали началом ее новой жизни.

В 1932 г. семья переехала в Вологду, куда «с повышением» перевели отца. Пианино поехало вслед. Но в советской административной карьере отца Татьяны не все складывалось благополучно, и спустя какое-то время его, уже «с понижением», перебрали секретарем сельсовета в небольшое село под Вологдой. Пианино последовало и сюда... Жизнь семьи заметно переменилась, жить на зарплату отца стало невозможно, и Наталия Петровна, мама Тани, устроилась на работу. Не год и не два преподавала она русский язык и литературу, в том числе в Высшей школе профдвижения. Здесь же организовала и литературный кружок. Уже будучи преподавателем университета, Татьяна Протогеновна часто вспоминала маму, которая совершенно беззаветно отдавалась своему делу.

Тридцатые годы стали тяжелейшим испытанием для семьи. В 1934 г. в Устюге умер горячо любимый дедушка Татьяны Петр Ефимович Болотов. У отца не всё ладилось на работе. Поначалу его исключили из партии, а в 1935 г. арестовали (встретились отец и дочь лишь в самый канун Отечественной войны – в 1941 г.) Мама Тани делала всё, чтобы детская жизнь шла своим чередом. Девочка продолжала заниматься не только в общеобразовательной, но и в музыкальной школе. Школьные годы благодаря учителям оставили в памяти Тани очень светлые воспоминания. Тогда же появились и первые друзья. Их в долгой жизни Татьяны Протогеновны будет не так много, но зато они будут настоящие – на всю жизнь.

В 1942 г. Таня закончила школу круглой отличницей. Еще до войны она твердо решила – будет учиться в Москве. Без сожалений она покинула Вологду, с которой было связано много печальных событий: арест отца – и в итоге распад семьи, начало войны.

И вот Москва! Московский университет... Студенческие годы Татьяны совпали с преобразованием в конце 1941 г. историко-филологического факультета (ИФЛИ) в филологический факультет, а открывшееся в 1943 г. славянское отделение на всю жизнь связало ее с сербохорватистикой. Сейчас мы с грустью осознаем, что ушел едва ли не последний из первых выпускников нашего славянского отделения. А тогда юной Татьяне открылся целый мир науки о языке, в который она погрузилась с головой. Лекции академика Н.С. Державина, С.Б. Бернштейна, Н.С. Гудзия, Н.И. Либана, В.Д. Дувакина, Д.Д. Благого, А.А. Белкина, С.И. Радцига, Л.Е. Пинского и многих других преподавателей увлекали, очаровывали, приоткрывали дверь в необъятный мир науки. А практические знания по сербохорватскому языку, по воспоминаниям Татьяны Протогеновны, приобретались по крупицам. Не было ни учебников, ни словарей, ни подготовленных преподавателей. Собственно, сама Татьяна Протогеновна и стала одним из первых преподавателей сербохорватского языка, которому долгие годы учила на факультете многие поколения студентов. Учила она и русскому языку: в течение нескольких лет Т.П. Попова была лектором в университетах Югославии, где работала с интересом, с выдумкой, творчески. Она была требовательным преподавателем, строгим, но при этом умеющим увидеть в учениках незаметные, на первый взгляд, способности, а порой и таланты в освоении иностранного языка, в художественном переводе, которому обучала занимающихся в ее семинаре. Искусством перевода сама она владела виртуозно и параллельно с преподаванием всегда что-то переводила, причем не только с сербохорватского, но и с македонского языка. Читателям Татьяна Протогеновна оставила литературные переводы, а тем, кто интересуется

языком, изучает или преподает его, – учебник «Сербскохорватский язык», вышедший в 1986 г.

Татьяна Протогеновна прожила долгую, глубоко осмысленную жизнь, содержание которой составляла не только работа. Не один десяток лет она прожила в счастливом браке с Виталием Иванович Злыдневым – известным специалистом в области русско-болгарских литературных связей. Вместе они воспитали талантливую дочь, которую Татьяна Протогеновна небезосновательно считала лучшим своим произведением. Искусствовед, литературовед, культуролог, доктор искусствоведения, Наталия Витальевна Злыднева, безусловно, является достойным продолжателем жизни и дела своих родителей.

Последние годы жизни Т.П. Попова не преподавала. Но творческое начало, жившее в ней, требовало выхода. Именно тогда появились две книги воспоминаний – одна, уже упомянутая, «Начала и концы» и вторая, которая касалась еще одной сильной привязанности, – привязанности к городку Хаапсалу в Эстонии, где у семьи был небольшой дом, служивший волшебным прибежищем от московской суетной жизни. Книга «Моя Эстония» рассказывает о стране, которую она полюбила, ее прекрасной природе и людях, которые были ей интересны.

Она прожила жизнь так, как хотела. Своим многочисленным ученикам примером собственной жизни она показала, как важно жить так, как считаешь правильным, любить и уважать свое ремесло, делая его честно и всегда «на пятерку», не идти на компромиссы, не сгибаться перед сильными мира сего. И мы запомним ее именно такой – прямой, честной, независимой и при этом тонкой, умеющей любить... и очень трогательной. Светлая память...

Светлана Жук

ISSN 2309-9917
DOI 10.24249/2309-9917-2018-28-2-1-342

STEPHANOS
2018
№2 (28)

Номер подготовлен
на филологическом факультете
МГУ имени М.В. Ломоносова

Issue prepared
at the Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University

Москва — Moscow
2018
Март — March